

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

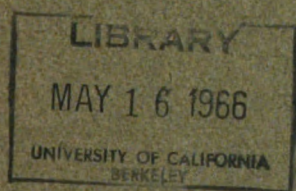

Книга VII.

1903 г.

Nauchnoe slovo

Научное Слово.

*465
1903-7-8
(book set)
(new)*

Москва.

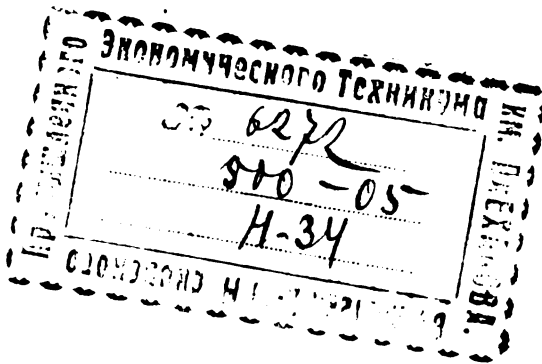

Книга VII.

1903 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 20 августа 1903 года.

ТРОИЦКАЯ ТИПОГРАФИЯ И. И. КУШНЕРСКОГО ВЪ МОСКВѢ

Q 4
N 372
1903:7-8

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ЭТЮДЫ О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА. (<i>Продолженіе.</i>) Проф. И. И. Мечникова	5
II. ПРОЦЕССЫ ЖИЗНИ ВЪ МЕРТВОЙ ПРИРОДѢ (<i>съ 13-ю черт.</i>). (<i>Продолженіе.</i>) Проф. Д. А. Гольдгаммера	18
III. АГРАРНЫЙ СТРОЙ ГЕРМАНИИ ВЪ XVI ВѢКѢ. Прив.-доп. А. Н. Савина	56
IV. ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКАГО БЮДЖЕТА И СОВРЕМЕННАЯ ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ. (<i>Продолженіе.</i>) П. П. Гензеля	71
V. КЪ ИСТОРИИ „ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА“ ТУРГЕНЕВА. А. Е. Грузинскаго	85
VI. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Новости иностранной литературы и журналистики“. Ю. А. Веселовскаго. — „Исторія и историческій методъ“. В. М. Хвостова. — „Гёте, какъ мыслитель“. Ю. А.)	111
VII. БИБЛИОГРАФІЯ (Великій князь Николай Михайловичъ: „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ“. Ю. В. Готье. — Проф. В. Бузескуль: „Введеніе въ исторію Греціи“. М. О. Гершензона. — Н. А. Огарева-Тучкова: „Воспоминанія“. — А. К. Бороздинъ: „Литературныя характеристики“. П. Н. Сакулина. — Анна Столповская: „Проявленія упадка въ современной Франціи“. Ю. А. Веселовскаго. — Александръ Нечаевъ: „Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей“. — Эдуардъ фонъ-Гартманнъ: „Современная психологія“. Д. В. Викторова)	125
VIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—2

Этюды о природѣ человѣка *).

ГЛАВА IV.

Дисгармонія въ устройствѣ пищеварительныхъ органовъ человѣка.

Совершенство человѣческаго образа.—Волоса, покрывающіе кожу.—Зубы вообще и зубы мудрости въ частности.—Придатокъ слѣпой кишки.—Аппендицитъ и его значеніе.—Безполезность слѣпой кишки и толстыхъ кишекъ.—Примѣръ женщины, живущей безъ толстой кишки.—Генеалогія этой части кишечника.—Вредное вліяніе микробовъ толстыхъ кишекъ.—Ракъ часто развивается въ толстыхъ кишкахъ и въ желудкѣ.—Умѣренная польза желудка.—Истинникъ въ выборѣ пищи.—Его недостаточность у человѣка.

Несмотря на свое позднее появленіе на землѣ, человѣкъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ сравнительно со своими антропоморфными предками. Даже при сравненіи низшихъ человѣческихъ расъ, какъ готтентоты или австралійцы, съ наиболѣе совершенными европейскими или сѣверо-африканскими народами замѣчается очень сильное восходящее развитіе.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человѣческое искусство превзошло природу. Ни одна изъ естественныхъ мелодій не сравнима съ лучшей музыкой. Даже въ пластическомъ искусствѣ человѣкъ оказался выше природы. Любители цвѣтовъ или птицъ часто стремятся получить новыя разновидности. Съ этой цѣлью они сообща точно опредѣляютъ желанный идеалъ и намѣчаютъ родъ программы для его достиженія. Они изготовляютъ изображенія для руководства при выработкѣ желаемыхъ разновидностей.

Благодаря строго выполняемому искусственному подбору, имъ часто удается добиться желаннаго результата и обогатить свою коллекцію новой, особенно замѣчательной разновидностью. Садоводы и птицеводы создали этимъ способомъ болѣе красивыя породы, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ дикомъ состояніи.

*) „Научное Слово“ 1903 г., кн. VI.

Относительно человѣческаго тѣла также стремились превзойти природу, изображая его соответственно данному художественному идеалу. Изыскивая высшую красоту, чѣмъ людская, изображали человѣческія существа окрыленными, какъ птицы, или снабженными атрибутами другихъ животныхъ. Но попытки эти показали только, что естественный образъ человѣка не поддается большому усовершенствованію.

Итакъ, античное воззрѣніе на человѣческое тѣло, какъ на идеаль красоты, вполнѣ подтверждается. Наоборотъ, приходится отвергнуть мнѣніе фанатиковъ нѣкоторыхъ религій, презиравшихъ тѣло и изображавшихъ его въ болѣе или менѣе противоестественномъ видѣ.

Однако, невозможно обобщить этотъ результатъ относительно воззрѣнія на человѣческую природу вообще. Красивыя формы тѣла наблюдаются только въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ старости мужчина и женщина болѣе или менѣе некрасивы; даже настоящія красавицы, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, становятся неузнаваемыми.

Нельзя, однако, распространять на человѣческій организмъ вообще то, что приложимо къ формамъ тѣла и къ чертамъ лица. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пересмотрѣть устройство нѣкоторыхъ органовъ человѣка.

Его кожа усыпана мелкими волосками, эволюція которыхъ очень замѣчательна. Уже у человѣческаго зародыша ими покрыто почти все тѣло. Они составляютъ *lanugo*, развивающееся въ видѣ длинныхъ полосъ волосковъ, очень правильно распределенныхъ по всей поверхности тѣла, исключая носа, рукъ и ногъ. Очевидно, что волоски эти не выполняютъ никакой полезной функціи и являются только остатками, унаслѣдованными отъ человѣкообразныхъ предковъ.

Они спадаютъ вполслѣдствіи, но замѣняются вторичными волосками, остающимися въ теченіе всей жизни. У взрослою мужчины, и особенно въ старости, волоски эти изобильно развиваются и образуютъ родъ частичнаго покрова, некрасиваго и во всѣхъ отношеніяхъ бесполезнаго. Вотъ, слѣдовательно, первый примѣръ дисгармоніи въ человѣческой природѣ. Волоски, неспособные защитить кожу отъ холода, остаются какъ рудименты покрововъ предковъ и часто становятся даже вредными для здоровья.

Человѣческая кожа постоянно подвергается соприкосновенію съ микробами, находящимися въ пыли, а мѣшечки, образующіе родъ футляра, окружающаго волоски, служатъ очень удобнымъ мѣстомъ для развитія микробовъ. Въ каналахъ этихъ мѣшечковъ обильно развиваются нѣкоторые микроорганизмы, особенно стафилококки. Они часто вызываютъ образованіе прыщей и чирьевъ. Въ резуль-

татѣ получается иногда хроническая накожная болѣзнь. Она тѣмъ не пріятнѣе, что можетъ осложняться болѣе или менѣе серьезнымъ нагноеніемъ.

Родъ людской обладаетъ разумомъ, т.-е. мозговой функціей, замѣняющей много другихъ отправления; благодаря этому, человѣку удалось гораздо лучше защитить себя отъ внѣшнихъ вліяній, чѣмъ его предкамъ, снабженнымъ войлокомъ сильно развитой шерсти. Онъ изобрѣлъ для этого одежду, которую можетъ мѣнять сообразно внѣшней температурѣ. Но законъ упорной наслѣдственности заставляетъ его сносить зачаточные волоски и невзгоды, причиняемыя ими.

Хотя, въ крайнемъ случаѣ, человѣкъ способенъ обойтись безъ зубовъ, но мы не имѣемъ, однако, права считать ихъ такими же бесполезными или вредными, какъ волоски. И все-таки изученіе человѣческихъ зубовъ достаточно показываетъ, до какой степени ихъ устройство находится въ дисгармоніи съ основными нашими потребностями.

Несмотря на свою очень рѣзкую животность, уже обезьяны Старога Свѣта (узконосыя) обнаруживаютъ наклонность къ уменьшенію числа зубовъ. Въмѣсто 36, какъ у ихъ американскихъ родичей (плосконосыхъ обезьянъ), у нихъ въ обѣихъ челюстяхъ имѣется обыкновенно всего 32 зуба.

Правда, что у гориллы и орангъ-утанга не рѣдки особи, снабженныя придаточными коренными зубами (4-я пара), что доводитъ число зубовъ до 36.

Зеленка *), изслѣдовавшій 194 черепа взрослыхъ орангъ-утанговъ, нашелъ такіе коренные зубы у 20%. Съ другой стороны, у шимпанзе и гиббона 3-я пара коренныхъ зубовъ отличается малыми размѣрами, а иногда и вовсе отсутствуетъ. Это есть результатъ укороченія челюстей, связаннаго, очевидно, съ менѣе сильной жевательной способностью названныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ.

У человѣка придаточные коренные зубы встрѣчаются только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Примѣры, гдѣ число ихъ равнялось числу зубовъ обезьянъ Новаго Свѣта, наблюдаются особенно у низшихъ расъ: у негровъ, австралійцевъ, у жителей Новой Каледоніи **). Гораздо распространеннѣе, наоборотъ, отсутствіе 3-й пары коренныхъ зубовъ или зубовъ мудрости, особенно у бѣлой расы. Приблизительно 10% европейцевъ въ теченіе всей жизни имѣютъ только

*) „Studien über Entwicklungsgesch. d. Thiere“, p. 89.

***) „Dictionnaire Encyclopédique des sciences médicales“. Article Dent, de Magitot 1882, p. 194.

28 зубовъ; у нихъ, слѣдовательно, недостаетъ 4-хъ зубовъ мудрости. Въ большинствѣ случаевъ эта 3-я пара коренныхъ зубовъ отсутствуетъ въ верхней челюсти; это наблюдается у 18—19% людей *). Такой недочетъ въ зубахъ мудрости является достоинствомъ. Дѣйствительно, съ физиологической точки зрѣнія зубы мудрости играютъ очень второстепенную роль. Ихъ жевательная способность очень слаба. Потеря ихъ еле замѣтна при жеваніи.

Опытъ показываетъ, что даже отсутствіе всѣхъ 4-хъ зубовъ мудрости не отзывается на этомъ процессѣ (*Schmid*, l. c., стр. 147). Вотъ почему зубы эти развиваются очень поздно, нерѣдко только послѣ 30 лѣтъ, а иногда даже въ весьма преклонномъ возрастѣ, напримѣръ, послѣ 60 и 70 лѣтъ.

Если бы зубы мудрости были только бесполезны, то и тогда они служили бы примѣромъ дисгармоніи въ человѣческомъ организмѣ. Но часто они становятся источникомъ болѣзней. Въ большинствѣ случаевъ послѣднія не опасны, но иногда онѣ могутъ вызывать и очень серьезныя, даже смертельныя послѣдствія.

Изъ всѣхъ коренныхъ зубовъ именно зубы мудрости всего чаще обуславливаютъ заболѣванія. Причина этого заключается въ ихъ несравненно болѣе медленномъ развитіи и въ трудности, съ которой они прорѣзываютъ окружающую ихъ слизистую оболочку **). Порча этихъ зубовъ наблюдается гораздо чаще, чѣмъ порча другихъ коренныхъ. Слизистая оболочка, покрывающая зубы мудрости, подвержена различнымъ мелкимъ поврежденіямъ, которыя вызываютъ зараженіе сосѣднихъ частей. Поэтому отъ зубовъ этихъ часто развивается флюсъ. При болѣзни зубовъ мудрости наблюдаются даже такія осложненія, какъ флегмоны, нагноеніе въ челюстяхъ и даже обобщенное и смертельное зараженіе крови. *Галлупъ* ***) подробно описалъ случай, когда, вслѣдствіе препятствія нормальному развитію, зубъ мудрости прорѣзался въ щеку. Въ результатъ получилось гнойное воспаленіе послѣдней съ многочисленными фистулами, а также и воспаленіе жевательнаго мускула, препятствовавшее раскрытію рта. Несмотря на удаленіе причины, т.-е. зуба мудрости, больной умеръ отъ воспаленія мозга, обусловленнаго нагноеніемъ этого зуба.

Были описаны и другіе случаи, въ которыхъ трудное прорѣзываніе зубовъ мудрости вызывало образованіе нарыва въ челюстяхъ, а затѣмъ и въ мозгу, что влекло за собой смерть.

*) *Schmid*. „Vierteljahrsschrift für Zahnheilkunde“, 1896, p. 141.

***) *Redier*. „Revue mensuelle de Stomatologie“ 1895, p. 164.

***) „Comptes rendus de la Société de Stomatologie de Paris“, I, 1890, p. 98.

Зубы мудрости могутъ служить исходной точкой опухолей, даже раковаго характера. «Что же касается челюстныхъ новообразованій,—говоритъ *Мажито* (1. с., стр. 204),—то несомнѣнно, что многія изъ нихъ возникаютъ въ области фолликулъ зубовъ мудрости».

Всѣ эти неудобства не возмѣщены ровно никакими полезными отправлениями зубовъ мудрости. Послѣдніе были дѣйствительно полезны только нашимъ очень отдаленнымъ предкамъ, когда всѣ коренные зубы служили имъ для разжевыванія грубой пищи.

У человѣка зубы мудрости остаются въ зачаточномъ состояніи. Это служитъ новымъ примѣромъ дисгармоніи въ его природѣ.

Нашего вниманія, съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія, заслуживаетъ и другой зачаточный органъ—придатокъ слѣпой кишки или червеобразный отростокъ. Въ предыдущей главѣ мы уже упоминали о его значеніи, какъ генеалогическаго документа животнаго происхожденія человѣка, вслѣдствіе поистинѣ замѣчательнаго сходства съ соотвѣствующимъ органомъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Этотъ органъ состоитъ изъ утолщенныхъ стѣнокъ, содержащихъ железы, мускульный слой и лимфатическія образованія; у человѣка онъ не выполняетъ никакой полезной функціи. Это вполне подтверждается тѣмъ, что многіе люди, у которыхъ онъ былъ удаленъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остаются здоровыми. Благодаря усовершенствованію современныхъ хирургическихъ приѣмовъ, червеобразный отростокъ удаляютъ часто даже въ такихъ случаяхъ, когда его измѣненіе весьма сомнительно. Въ большинствѣ случаевъ вырѣзываніе этого отростка вполне удается, и оперированные отъ этого не страдаютъ. Ихъ пищевареніе и кишечныя отправления остаются нормальными.

Съ другой стороны, у человѣка червеобразный отростокъ часто зарастаетъ. Его каналъ отчасти или совершенно исчезаетъ, такъ что онъ оказывается отдѣленнымъ отъ остальнаго кишечника. По *Рибберту* *) червеобразный отростокъ зарастаетъ у $\frac{1}{4}$ людей; особенно часто это наблюдается въ пожиломъ возрастѣ (отъ 50—80 л.). У молодыхъ же людей и у дѣтей каналъ червеобразнаго отростка остается неизмѣненнымъ. Однако, и въ случаяхъ отсутствія сообщенія между нимъ и кишками пищевареніе совершается попрежнему и не хуже, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. Приходится, слѣдовательно, заключить, что отправление человѣческаго червеобразнаго отростка ничтожно или сводится къ нулю.

Голландскій врачъ *Кольбруге* **) высказалъ предположеніе, что

*) „Virchow's Archiv für Pathologische Anatomie“, 1893, т. СХХХІІ, стр. 76.

**) „Centralbl. f. Bakteriologie“, 1901, т. ХХІХ, стр. 573.

червеобразный отростокъ быть можетъ полезенъ тѣмъ, что служить мѣстомъ для развитія кишечной бактеріи (*Bacillus coli*), которая, быть можетъ, предохраняетъ человѣка отъ нѣкоторыхъ болѣзней пищеварительныхъ органовъ и, между прочимъ, отъ холеры. Гипотезу эту ея авторъ не подкрѣпляетъ никакими доводами. Прочно же установленные факты не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея ложности. Во-первыхъ, кишечная палочка не предохраняетъ отъ холеры, какъ это доказано моими прямыми опытами; она не предохраняетъ организма и отъ другихъ кишечныхъ заболѣваній, какъ это доказывается ея ролью въ брюшномъ тифѣ, дизентеріи и проч. Во-вторыхъ, кишечная палочка вовсе не развивается преимущественно или исключительно въ червеобразномъ отросткѣ; она встрѣчается во всемъ кишечномъ каналѣ и очень распространена и у животныхъ, лишенныхъ червеобразнаго отростка. Безполезность послѣдняго и вредъ, причиняемый имъ, настолько доказываются массой фактовъ, бѣгло перечисленныхъ выше, что въ дальнѣйшемъ развитіи этого положенія не представляется ни малѣйшей надобности.

Даже у антропоморфныхъ обезьянъ червеобразный отростокъ является зачаточнымъ органомъ, способнымъ развѣ выполнять какое-нибудь второстепенное отправление лимфатической железы.

У низшихъ обезьянъ Стараго Свѣта червеобразнаго придатка не существуетъ, и только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (какъ у самки *Cercopithecus Sabaeus*) онъ встрѣчается въ видѣ зачаточнаго утолщенія.

Итакъ, надо спуститься ниже по лѣстницѣ животныхъ, для того чтобы убѣдиться въ пользѣ этого органа. У нѣкоторыхъ травоядныхъ слѣпая кишка очень развита; она заканчивается областью, богатой лимфатическою тканью и сходной съ червеобразнымъ отросткомъ. Въ примѣръ можно привести кролика и нѣкоторыхъ сумчатыхъ. Несомнѣнно, что у этихъ животныхъ органъ, соответствующій червеобразному придатку, выполняетъ значительную роль въ перевариваніи растительныхъ веществъ. Пустивъ глубокіе корни въ животномъ организмѣ, органъ этотъ сохранился и пересталъ быть полезнымъ; вотъ почему онъ постоянно входитъ въ составъ человѣческихъ кишекъ.

Рудиментарные органы вообще отличаются своей врожденной слабостью; очевидно, это и служить причиной тому, что они такъ легко заболѣваютъ; это замѣчено еще *Дарвиномъ*. Человѣческій червеобразный отростокъ вполне подтверждаетъ это правило. Въ тѣ времена, когда Дарвинъ писалъ свою книгу о происхожденіи человѣка, т.-е. приблизительно треть вѣка тому назадъ, еще не наблюдали частыхъ воспаленій червеобразнаго отростка со смертель-

нымъ исходомъ. Самъ онъ приводитъ всего два такихъ извѣстныхъ ему случая.

Съ тѣхъ поръ аппендицитъ (такъ обозначили впервые американскіе хирурги острое и хроническое воспаленіе червеобразнаго отростка) сталъ болѣзнию столь же частой въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ; она заняла одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ патологіи кишечника.

Чтобы дать понятіе о распространенности аппендицита, стоитъ указать, что въ одномъ только Парижскомъ госпиталѣ (Труссо) въ теченіе пяти лѣтъ (1895 — 1899) лѣчили 443 случая этой болѣзни *). Слѣдуетъ прибавить, что въ это число входятъ, главнымъ образомъ, дѣти, вообще гораздо болѣе подверженныя такому заболѣванію, чѣмъ взрослые. По мнѣнію очень извѣстнаго англійскаго хирурга *Тревса*, 36% случаевъ наблюдается у лицъ моложе 20 лѣтъ **). У стариковъ аппендицитъ встрѣчается скорѣе въ видѣ исключенія. Это, вѣроятно, зависитъ отъ того, что въ преклонномъ возрастѣ червеобразный отростокъ очень часто зарастаетъ; а чѣмъ легче общеніе его съ остальнымъ кишечникомъ, тѣмъ больше шансовъ для его воспаленія. Снабженный мускульнымъ слоемъ, этотъ органъ можетъ сокращаться, удаляя этимъ самымъ свое содержимое. Шотландскій хирургъ *Паркеръ Симс* ***) наблюдалъ, какъ вырѣзанный имъ червеобразный отростокъ сокращался въ теченіе нѣкотораго времени на подобіе дождевого червя. Движенія эти привели къ выдѣленію изъ него жидкихъ испражнений.

Но большей частью движенія червеобразнаго отростка слабы, вслѣдствіе чего постороннія тѣла легко въ немъ застаиваются. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ аппендицита находятъ фруктовыя и другія сѣмена (напримѣръ, псилліумъ и т. д., волосы, усики колосьевъ и даже, хотя очень рѣдко, булавки и металлическіе гвозди). Всѣ эти постороннія тѣла могутъ поранить стѣнку червеобразнаго отростка и привить микробы, кишащія въ кишечникѣ. Это вызываетъ микробную инфекцію и воспаленіе отростка. Часто въ червеобразный отростокъ проникаютъ внутренностные черви и прививаютъ ему болѣзнетворныя бактеріи, что вызываетъ болѣе или менѣе опасное заболѣваніе.

Аппендицитъ болѣею частью очень серьезная болѣзнь и даже въ 8, 10% случаевъ смертельная ****). Трудно найти въ человѣческомъ организмѣ болѣе рѣзкій примѣръ естественной дисгармоніи.

*) *Ланселетъ*. „Bulletin médical“. 1902, стр. 621.

**) „The surgical treatment of Perityphlitis“. London, 1895.

***) „Edinburgh medical Journal“, 1893. August.

****) *Ewald*. „Klinik der Verdauungskrankheiten“, т. III, 1902, стр. 224, 225.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ органъ, отсутствіе котораго не замѣтно, за-
растаніе или атрофія котораго безвредна для организма и, наобо-
ротъ, нормальное развитіе котораго вызываетъ серьезныя заболѣва-
нія. Но червеобразный отростокъ не единственная часть нашихъ
пищеварительныхъ органовъ, находящаяся въ разладѣ съ жизнью и
здоровьемъ. У человѣка сама слѣпая кишка, придаткомъ которой
служитъ червеобразный отростокъ, стоитъ на пути обратнаго раз-
витія, какъ это было упомянуто въ предыдущей главѣ. Дѣйстви-
тельно, человѣческая слѣпая кишка очень мало развита сравнительно
съ тѣмъ, что мы видимъ у многихъ травоядныхъ. У нихъ она
играетъ роль настоящаго пищеварительнаго органа. Даже у чело-
вѣческаго зародыша слѣпая кишка со своимъ придаткомъ сравни-
тельно болѣе развиты, чѣмъ во взросломъ состояніи.

Но не одни только рудиментарные органы нашего пищева-
рительнаго аппарата, каковы зубы мудрости, червеобразный отростокъ,
или регрессивныя части, какъ слѣпая кишка, указываютъ на дис-
гармонію въ нашей внутренней организаціи. Даже нѣкоторыя вполне
развитыя части кишечнаго канала являются бесполезнымъ наслѣ-
діемъ, завѣщаннымъ намъ животными предками.

Теперь уже нѣтъ ничего дерзновеннаго въ утвержденіи, что не
только слѣпая кишка со своимъ придаткомъ, но даже всѣ толстыя
кишки человѣка излишни въ нашемъ организмѣ и что удаленіе
ихъ привело бы къ очень желательнымъ результатамъ. Съ точки
зрѣнія пищеварительнаго отправления, эта часть кишечника не
играетъ никакой сколько-нибудь значительной роли. Даже съ точки
зрѣнія всасыванія продуктовъ пищеваренія она имѣетъ только со-
вершенно второстепенное значеніе. Поэтому совсѣмъ не удивительно,
что вырѣзаніе или почти полное устраненіе толстой кишки очень
хорошо выносятся человѣкомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ хирургія сдѣлала такіе удивительные успѣхи,
довольно часто отваживаются удалять нѣкоторыя части кишекъ,
особенно толстую кишку. Такъ, въ одномъ случаѣ *Керте* *) вмѣстѣ
съ частью тонкихъ кишекъ удалилъ большую часть толстой кишки,
отъ которой оставилъ одинъ конечный сегментъ. Больной, пере-
несшій 8 послѣдовательныхъ кишечныхъ операцій, совершенно вы-
здоровѣлъ. У другого больного, оперированнаго *Визингеромъ* **),
двѣ трети изъязвленныхъ толстыхъ кишекъ (поперечная и нисхо-
дящая кишка) были отдѣлены отъ остальныхъ и совершенно изо-
лированы, между тѣмъ какъ верхняя часть толстыхъ кишекъ (слѣ-

*) „Archiv für klinische Chirurgie“, т. XLVIII, 1894, стр. 715.

**) „Münchener med. Wochenschrift“, 1898.

пая и восходящая кишки) была спаяна съ прямой. Несмотря на столь серьезную операцію, кишечныя отравленія вполнѣ возстановились и больной много выигралъ отъ удаленія своей толстой кишки. Я привелъ всего два примѣра изъ цѣлаго ряда имѣ подобныхъ. Но, даже помимо данныхъ, доставленныхъ хирургіей, нѣтъ недостатка въ фактахъ, доказывающихъ бесполезность для человѣка его толстыхъ кишекъ. Лучшимъ доводомъ *) въ пользу этого служить примѣръ старухи, у которой въ теченіе 37 лѣтъ имѣлась кишечная фистула, черезъ которую выходили испражненія. Фистула открылась внезапно вслѣдствіе нарыва съ правой стороны живота. Это не помѣшало, однако, женщинѣ выйти замужъ, имѣть троихъ дѣтей и добывать средства къ существованію тяжелой работой. Черезъ 35 лѣтъ послѣ образованія фистулы эту варшавскую работницу осмотрѣлъ хирургъ *Цехомскій* и предложилъ ей сдѣлать операцію, чтобы вернуть къ нормальному состоянію. Женщина согласилась. Но послѣ вскрытія живота оказалось, что толстая кишка атрофирована по всей длинѣ, отъ слѣпой кишки и до своего окончанія; отверстіе фистулы находилось надъ слѣпой кишкой и вело непосредственно въ тонкую. При этихъ условіяхъ невозможно было закрыть фистулу, такъ что хирургу пришлось зашить животъ и предоставить пациентку ея участи. Женщина быстро оправилась и продолжала жить, какъ и до операціи. Черезъ два года ее вновь осмотрѣли, но затѣмъ потеряли изъ виду. Тотъ фактъ, что человѣческое существо могло преисправно прожить болѣе 30 лѣтъ безъ толстой кишки, вполнѣ доказываетъ, что органъ этотъ бесполезенъ для человѣка, хотя и не обратился въ рудиментарный органъ. Здѣсь мы также имѣемъ дѣло съ органомъ, пользу котораго слѣдуетъ искать у нашихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ.

Толстая кишка вообще гораздо болѣе развита у травоядныхъ млекопитающихъ, чѣмъ у хищниковъ. Она бесполезна для перевариванія пищи животнаго происхожденія, но услуги ея несомнѣнны при перевариваніи растительной пищи. Толстая кишка очень объемиста у травоядныхъ и заключаетъ огромное количество микробовъ; между ними есть такіе, которые способны переваривать клѣтчатку. Такъ какъ вещество это вообще очень неудобоваримо, то легко понять пользу подобныхъ микробовъ, живущихъ въ толстой кишкѣ. Поэтому весьма возможно, что для лошади, кролика и многихъ другихъ млекопитающихъ, пища которыхъ состоитъ исключительно изъ травы и зеренъ, толстая кишка необходима для нормальной жизни.

*) „Archiv für klinische Chirurgie“, т. XLVIII, 1894, стр. 137.

Съ другой стороны, толстая кишка играет аналогичную роль съ мочевымъ пузыремъ. Моча постоянно отбрасывается почками и скопляется въ объемистомъ вмѣстилищѣ, именно въ мочевомъ пузырьѣ. Точно такъ же остатки пищеваженія скопляются въ толстыхъ кишкахъ и остаются въ нихъ болѣе или менѣе продолжительное время.

При изученіи естественной исторіи толстыхъ кишекъ насъ поражаетъ тотъ фактъ, что органъ этотъ вполнѣ развитъ у однихъ только млекопитающихъ. Послѣднія* большей частью ведутъ наземный образъ жизни и весьма подвижны. Большинство ихъ должны бѣгать очень быстро или для ловли добычи (хищники), или спасаясь отъ враговъ. При этихъ условіяхъ остановка, необходимая для опорожненія кишекъ, является очень большимъ неудобствомъ. Наоборотъ, возможность удерживать экскременты въ объемистомъ резервуарѣ, представляетъ неоспоримое преимущество въ борьбѣ за существованіе *).

Вотъ по этой-то причинѣ и развились толстыя кишки у млекопитающихъ. Птицамъ, живущимъ, такъ сказать, въ воздухѣ, нѣтъ надобности останавливаться для выбрасыванія своихъ экскрементовъ, и у нихъ нѣтъ толстой кишки. Пресмыкающіяся и амфибіи, хотя часто и ведутъ наземный образъ жизни, но также не нуждаются въ толстыхъ кишкахъ. Поэтому онѣ у нихъ вполнѣ отсутствуютъ. У животныхъ этихъ нѣтъ собственной температуры; они — такъ - называемыя «холоднокровныя», и поэтому ѣдятъ очень мало. Большой частью они неподвижны и не перемѣщаются постоянно, какъ большинство млекопитающихъ.

Итакъ, въ наслѣдство, переданное животными роду людскому, входятъ не только бесполезные или вредные рудиментарные органы, но даже и вполнѣ развитые и также бесполезные.

Даже приходится отнести толстыя кишки къ разряду органовъ, вредныхъ для здоровья и жизни человѣка. Онѣ служатъ вмѣстилищемъ остатковъ нашего пищеваженія; послѣдніе удерживаются тамъ столь долго, что подвергаются разложенію. Продукты же этого гненія часто очень вредны для здоровья. Когда экскременты продолжительно остаются въ толстыхъ кишкахъ (какъ при столь распространенныхъ запорахъ), то нѣкоторыя вещества, входящія въ составъ ихъ, могутъ всосаться въ организмъ и вызвать иногда очень опасное отравленіе. Всѣмъ извѣстно, что у роженицъ или у не-

*) Положеніе это подробнѣе развито въ моей рѣчи, напечатанной въ „Memoirs and Proceedings of the Manchester literary and philosophical Society“ 1901, vol. XLV, № 5, и переведенной въ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1901 г.

давно оперированныхъ больныхъ запоръ очень часто вызываетъ повышеніе температуры и другіе лихорадочные симптомы. Это происходитъ отъ всасыванія вредныхъ веществъ, выработанныхъ микробами толстыхъ кишекъ. Эти же продукты могутъ вызывать также образование прыщей или другихъ кожныхъ болѣзней. Однимъ словомъ, толстая кишка вызываетъ у человѣка цѣлый рядъ неудобствъ. Онѣ могутъ быть очагомъ опаснѣйшихъ болѣзней; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ дизентерія, очень губительная въ нѣкоторыхъ тропическихъ странахъ. «Дизентерія, — говоритъ Рей *), — представляетъ одну изъ главнѣйшихъ опасностей, которымъ подвергается европеецъ въ Тонкинѣ. Она одна обуславливаетъ болѣе 30% смертности по внутреннимъ болѣзнямъ». Европейскія войска во французскихъ и англійскихъ колоніяхъ ежегодно платятъ ей обильную дань.

Толстая кишка служитъ также излюбленнымъ мѣстомъ злокачественныхъ опухолей. Такъ, на 1.148 случаевъ кишечнаго рака, наблюдавшихся въ прусскихъ больницахъ за 1895 и 1896 годы, 1.022 случая, т.-е. 89%, относились къ толстымъ кишкамъ вмѣстѣ съ прямой и слѣпой кишками **). Тонкая кишка, единственная часть нашего пищеварительнаго канала, необходимая для жизни, поражалась только въ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ: доставляла всего 11% кишечныхъ раковъ. Фактъ этотъ, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что содержимое кишекъ гораздо дольше остается въ толстыхъ кишкахъ, чѣмъ въ тонкихъ. Какъ извѣстно, застои очень благоприятствуютъ всѣмъ болѣзнямъ и также служатъ, вѣроятно, одной изъ причинъ частаго рака желудка. Изъ 10.537 случаевъ рака всѣхъ частей органовъ пищеваренія, — случаевъ, наблюдавшихся въ прусскихъ больницахъ за одинъ и тотъ же періодъ времени, 4.288, т.-е. болѣе 40%, касались желудка. Органъ же этотъ — одинъ изъ тѣхъ, безъ которыхъ человѣкъ могъ бы обойтись. Онъ далеко менѣе бесполезенъ, чѣмъ толстая кишка, такъ какъ служитъ, главнымъ образомъ, для перевариванія бѣлковыхъ веществъ, но легко можетъ быть замѣненъ тонкими кишками. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ хирурги совершенно вырѣзывали желудокъ людямъ, у которыхъ былъ ракъ. Результатъ такой операціи оказался благоприятнымъ въ томъ смыслѣ, что больные выживали и могли удовлетворительно питаться. Имъ приходилась ѣсть гораздо чаще обыкновеннаго; они переваривали пищу исключительно при помощи тонкихъ кишекъ и поджелудочной железы.

Неудивительно, что пищеварительные органы представляютъ намъ

*) Bhey. „Archives de médecine navale“ 1887.

**) Ewald. „Klinik der Verdauungskrankheiten“, т. III, 1902, стр. 267.

столько примѣровъ частей, бесполезныхъ или вредныхъ для внутренней организаціи. Животныя, наши предки, могли употреблять только сырую, грубую пищу, какъ дикорастущія растенія или сырое мясо. Человѣкъ выучился разводить удобоваримыя растенія и такъ готовить пищу, чтобы она очень легко всасывалась организмомъ. Поэтому органы, приспособленные къ условіямъ жизни животнаго до человѣка, становятся большей частью лишними для послѣдняго. Многіе животные виды, которымъ удалось добывать легко усвояемую пищу, въ концѣ-концовъ, болѣе или менѣе потеряли свои пищеварительные органы. Таковы паразитическія животныя; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, на примѣръ, солитеръ, погружены въ кишечникъ человѣка въ совершенно готовую для ихъ питанія жидкость, вслѣдствіе чего окончательно утратили собственный кишечный каналъ.

У человѣка не совершилось этой эволюціи, и онъ сохранилъ исключительно вредныя ему толстыя кишки. Это мѣшаетъ людямъ усовершенствовать свою пищу насколько было бы возможно. Человѣкъ не долженъ питаться слишкомъ легко и безостаточно усваиваемыми веществами, потому что при этомъ толстыя кишки опорожняются съ трудомъ, что можетъ вызвать серьезную болѣзнь. Поэтому разумная гигиена должна принимать во вниманіе устройство нашего кишечнаго канала и вводить въ нашу пищу растительныя вещества, дающія достаточное количество остатковъ.

Здѣсь мы касаемся вопроса, представляющаго значительный общій интересъ. При выборѣ пищи для себя самихъ или для своего потомства животныя исключительно руководствуются своими слѣпыми и врожденными инстинктами.

Такъ, во 2-й главѣ мы видѣли, что роющія осы охотятся за опредѣленными видами насѣкомыхъ или пауковъ. Инстинктъ указывалъ имъ родъ пищи, наиболѣе пригодный для ихъ личинокъ. Сладкія выдѣленія цвѣтовъ привлекаютъ пчелъ; шелковичный червь инстинктивно грызетъ листья шелковичнаго дерева и отвергаетъ большинство другихъ растеній. У высшихъ животныхъ при выборѣ пищи инстинктъ также играетъ главную роль. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно уничтожить крысъ отравленной пищей. Инстинктъ тотчасъ выдаетъ имъ опасность предлагаемаго вещества. Точно такъ же и собаки отлично умѣютъ избѣгать пищи, смѣшанной съ ядомъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ тщательно обезьяны изслѣдуютъ пищу, прежде чѣмъ приступить къ ея поѣданію. Онѣ обнюхиваютъ ее, осматриваютъ со всѣхъ сторонъ, обчищаютъ, и начинаютъ ѣсть только послѣ такого строгаго испытанія. Часто онѣ отбрасываютъ пищу, не вкусивши ея. И тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ столь

развитой инстинктъ, обезьяны нерѣдко отравляются разными ядовитыми веществами, даже такими, которыя отличаются рѣзкимъ запахомъ. Такъ, мнѣ извѣстны случаи отравленія обезьянъ похищенными ими фосфорными спичками и іодоформомъ.

Извращенія инстинкта при выборѣ пищи особенно распространены у человѣка. Какъ только дѣти начинаютъ ходить, они тотчасъ поднимаютъ съ пола разные предметы и кладутъ ихъ въ ротъ. Клочки бумаги, кусочки сургуча, носовая слизь,—все кажется имъ пригодной пищей. Бываетъ очень трудно помѣшать имъ проглатывать всѣ эти, часто вредныя, вещи. Разные фрукты и ягоды неизмѣнно соблазняютъ дѣтей, и нерѣдки случаи болѣе или менѣе серьезнаго отравленія ими. Такъ какъ эти примѣры всѣмъ извѣстны, то я ограничусь приведеніемъ лишь одного изъ нихъ. «Господа *Бидль* и сыновья, фабриканты растительнаго масла въ Бостонѣ, выбросили передъ дверьми своей фабрики негодныя, испорченныя клецевинныя зерна. Нѣсколько дѣтей, игравшихъ на улицѣ, приняли ихъ за фисташки и распредѣлили между собой и своими друзьями. Всѣ ихъ поѣли, вслѣдствіе чего у 70 дѣтей обнаружился сильнѣйшіе признаки отравленія» *).

Поглощеніе ржанной головки, испорченной кукурузы и нѣкоторыхъ бобовыхъ растений (*Латируса*) часто вызываетъ эпидемическія отравленія, причемъ инстинктъ не предостерегаетъ отъ этой непригодной пищи.

Въ то время, какъ, съ одной стороны, толстыя кишки, служащія пріютомъ вреднымъ микробамъ, становятся источникомъ внутренняго отравленія, съ другой—извращенный инстинктъ человѣка заставляеть его отравлять себя спиртомъ, эфиромъ, опиумомъ и морфіемъ, вводимыми извнѣ. Громадная и столь пагубная роль алкоголизма представляетъ намъ самый наглядный и постоянный примѣръ дисгармоніи между инстинктомъ при выборѣ пищи и инстинктомъ самосохраненія.

Итакъ, пищеварительный аппаратъ является однимъ изъ наилучшихъ доказательствъ несовершенства и дисгармоніи въ нашей природѣ.

Примѣръ этотъ, однако, далеко не единственный, что мы и попытаемся доказать въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Мечниковъ.

*) *Stillmarck* „Arbeiten des pharmacologischen Intsitutes zu Dorpat“, т. III, 1889, стр. 110.

Процессы жизни въ мертвой природѣ *).

III.

Хемотропизмъ и ферменты въ мертвой природѣ.

Мы видѣли выше, какимъ образомъ физика даетъ возможность не только понять и объяснить, но даже воспроизвести цѣлый рядъ явленій жизни *Protozoa* на неорганизованныхъ и завѣдомо неживыхъ, поэтому, жидкостяхъ. «Химіи» жизни мы пока не касались. Какъ ни сложна она, все же изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ привели къ открытію въ мертвой природѣ цѣлаго ряда явленій, — явленій химическихъ, которыя проливаютъ не мало свѣта и на явленія жизни.

Однимъ изъ самыхъ поразительныхъ такихъ явленій считается справедливо ростъ клѣтокъ и ихъ размноженіе, обуславливающіе собой для организмовъ возможность регенерации — возрожденія. Намъ представляются особенно удивительными такія, напримѣръ, явленія, что морскую звѣзду можно разрѣзать въ серединѣ пополамъ и каждая половина вырастетъ въ новую звѣзду; можно взять двѣ половинки двухъ разныхъ экземпляровъ — онѣ срастутся (Helen Dean King); можно у червя (*Planaria maculata*) отрѣзать голову и хвостъ — они вырастутъ; можно взять просто не слишкомъ маленькій кусокъ червя — и онъ станетъ полнымъ животнымъ; можно отрѣзать кусокъ головы — изъ него вырастетъ цѣлый червь (Morgan, 1898). Въ одномъ опытѣ Morgan'a кусокъ червя получилъ даже по головѣ на каждомъ концѣ! Безспорно, это все удивительныя вещи, но чѣмъ же по существу дѣла менѣе удивительно, когда вырѣзанный изъ кристалла калиевыхъ квасцовъ конусъ, будучи помещенъ въ пересыщенный растворъ этихъ квасцовъ, недѣли въ двѣ снова принялъ форму кристалла, со всѣми его гранями (Rauberg, 1898)? Вѣдь разница въ этихъ двухъ явленіяхъ лишь въ томъ, что животное чер-

*) „Научное Слово“ 1903 г., кн. VI.

паетъ матеріалъ для регенераціи изъ себя, такъ сказать, а кристаллъ—изъ окружающей среды, изъ раствора. Но вѣдь и животное создаетъ матеріалъ не изъ ничего: матеріалъ вырабатывается химическимъ процессомъ *питанія*. Представимъ себѣ, что у насъ растворъ квасцовъ не пересыщенный; нашъ конусъ въ немъ бы растворился; но пусть въ растворѣ идетъ особый химическій процессъ такого рода, что изъ имѣющихся въ растворѣ веществъ образуются новые калиевые квасцы; тогда растворъ станетъ пересыщеннымъ и нашъ конусъ будетъ регенерировать. Не будетъ ли это моделью роста живого организма? Вѣдь теперь разница процессовъ неорганическаго и органическаго лишь въ томъ, что «пища», матеріалъ для роста, въ одномъ случаѣ положена нами въ растворъ, въ другомъ находится внѣ животнога и имъ поглощается. Или же *мѣсто* химическаго процесса мы будемъ считать признакомъ жизни?

Но пойдѣмъ далѣе. Какъ извѣстно, въ протоплазмѣ клѣтокъ есть такъ-называемое *ядро*, играющее чрезвычайно важную роль въ жизни клѣтки. Именно, чтобы послѣдняя могла «жить» въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. сохраняла способность размножаться и такимъ образомъ возрождаться, необходима наличность кусочка ядра извѣстной массы (Labbé, 1898). При дѣленіи клѣтокъ дѣлится и ядро. При такъ-называемомъ непосредственномъ дѣленіи ядра оно просто вытягивается, сѣуживается въ серединѣ и въ этомъ мѣстѣ разрывается—явленіе, не представляющее для своего объясненія какихъ-либо принципиальныхъ затрудненій. Но когда было открыто, что гораздо чаще ядра дѣлятся особымъ, чрезвычайно сложнымъ путемъ (явленіе каріокинеза), витализмъ восторжествовалъ: былъ, казалось, найденъ центръ жизни клѣтки, это именно—ядро и находящіяся въ немъ такъ-называемыя *хроматиновыя* нити. При каріокинезѣ въ клѣткѣ наблюдаются своеобразныя «лучистости» и «веретенообразныя» фигуры изъ нитей, и, слѣдя за измѣненіемъ этихъ фигуръ, можно слѣдить за самымъ процессомъ дѣленія ядра. Но, во-первыхъ, наблюденія этого рода возможны подъ микроскопомъ лишь на неживыхъ, искусственно окрашенныхъ клѣткахъ, такъ какъ иначе нити не видны (В. И. Бѣляевъ, 1902); между тѣмъ тѣ же красящія вещества показываютъ образованіе фигуръ и нитей и на «мертвыхъ» коллоидахъ. Такъ, Bütschli удалось воспроизвести эти лучистости и веретенообразныя фигуры каріокинеза на искусственно приготовленныхъ эмульсіяхъ. Фигуры оказались проявленіемъ процесса раздѣленія смѣшанныхъ между собой полужидкихъ, вязкихъ коллоидовъ; при этомъ фигуры были воспроизведены въ тѣхъ же микроскопическихъ размѣрахъ, въ какихъ эти явленія наблюдаются въ природѣ. Мы видимъ, что и въ таинственномъ явленіи каріо-

кинеза, какъ и въ эмульсионной структурѣ плазмы, мы не имѣемъ вовсе такихъ явленій, подобныхъ которымъ не было бы въ неорганизованной природѣ. Во-вторыхъ, если признакъ жизни въ томъ, что клѣтка происходитъ изъ клѣтки, ядро изъ ядра, и мы не наблюдаемъ процессовъ образованія клѣтки изъ углерода, водорода, азота, кислорода и т. п., то вѣдь съ такимъ же правомъ мы могли бы сказать, что, напримѣръ, магнитный желѣзнякъ не образуется изъ желѣза, кислорода и магнія, а встрѣчается въ природѣ уже въ готовомъ видѣ, или что гранаты получаются только изъ гранатовъ и т. д.

Какую важную роль играетъ *химія* въ процессахъ размноженія организмовъ, видно изъ цѣлага ряда совершенно поразительныхъ опытовъ, которые можно было бы назвать «химическимъ оплодотвореніемъ».

Еще въ 1886 г. А. А. Тихомировъ наблюдалъ, что неоплодотворенныя яйца шелковичнаго червя дѣлились, если ихъ помѣстить въ извѣстную среду, напримѣръ, въ растворъ сѣрной кислоты, а въ 1900 г. J. Loeb заставилъ дѣлиться неоплодотворенныя яйца морского ежа, переноса ихъ изъ морской воды въ извѣстные соляные растворы.

Такимъ образомъ, для размноженія организмовъ живчикъ нуженъ лишь какъ агентъ, вызывающій извѣстный физико-химическій процессъ, который не можетъ произойти самъ собой въ морской водѣ. Замѣняя же послѣднюю подходящей средой, такъ чтобы она создавала нужныя для дѣленія яйца физико-химическія условія, мы имѣемъ искусственное физико-химическое оплодотвореніе. И Loeb'у удалось довести развитіе такого яйца до стадіи личинки (pluteus). Подобныя же опыты дѣлались и другими учеными.

Но что заставляетъ сближаться яйцо и живчикъ, что заставляетъ вообще въ иныхъ случаяхъ сливаться двѣ клѣтки въ одну (копуляція) и т. п.? Біологи отвѣчаютъ на это: получивъ раздраженіе отъ извѣстнаго внѣшняго агента, каковы, напримѣръ, токъ воды, влажность, свѣтъ, теплота, химическія вещества, тяготѣніе, другой организмъ и т. п., организмы, въ частности простѣйшіе, напр., амѣбы, плазмодіи миксомицетовъ, бактеріи, живчики водорослей, папоротниковъ и т. п., *имѣютъ свойство* передвигаться по направленію къ источнику раздраженія или *отъ* него. Это—*таксисъ*, положительный или отрицательный; такимъ образомъ, у плазмодіевъ миксомицетовъ мы имѣемъ *реотаксисъ*, *идротаксисъ*, *фототаксисъ*, *термотаксисъ*, *хемотаксисъ*; у зооспоръ водорослей—*геотаксисъ*; вызываемое таксисомъ движеніе есть *тропизмъ*, напримѣръ, *цитотропизмъ*—положительный, когда клѣтки сближаются (яйцо и живчикъ), и отрицательный, когда клѣтки отталкиваются и т. д.

Очевидно, что эти таксисы и тропизмы явленій не объяс-

няютъ, относя причину ихъ внутрь организованнаго тѣла, которое реагируетъ на «раздраженіе». Но вѣдь съ такимъ же правомъ мы могли бы говорить о тропизмахъ и тактизмахъ масляныхъ и иныхъ капель, намагниченныхъ, наэлектризованныхъ тѣлъ и химическихъ веществъ. Однако, въ физикѣ и химіи стараются искать причину притяженій и отталкиваній, причину «химическаго сродства» внѣ сближающихся и расходящихся тѣлъ, и эти поиски, какъ извѣстно, увѣнчиваются успѣхомъ. Уже Ньютонъ пытался протестовать противъ внутреннихъ, «скрытыхъ качествъ», одно изъ каковыхъ въ его время видѣли во всемірномъ тяготѣніи. Почему же въ вопросахъ о клѣткахъ и организмахъ мы все еще держимся за эти «*qualitates occultae*»? Между тѣмъ многіе, и самые интересные, самые важные для біологіи тропизмы можно отлично наблюдать и въ неорганизованномъ мірѣ.

Такъ сливаются другъ съ другомъ, копулируютъ, двѣ капли смѣси хлороформа съ миндальнымъ масломъ въ водѣ, если между ними ввести немного раствора соды (Quinke); болѣе того, W. Roux (1889) вводилъ капли хлороформа въ насыщенный растворъ карболовой кислоты; капли копулировали, образуя при этомъ лучистости, напоминающія собой тѣ, какія наблюдаются при слияніи яйца и живчика. Подобныя же явленія наблюдалъ O. Lehmann на капляхъ такъ-называемыхъ жидкихъ кристалловъ и т. д.

Особенно замѣчательны *хемотропическія* свойства у бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ млекопитающихъ, такъ-называемыхъ *лейкоцитовъ*. Эти амѣбодидныя клѣтки скучиваются тамъ, гдѣ бактеріи выдѣляютъ вредные для организма продукты своей жизнедѣятельности, *токсины*, и пожираютъ бактерій (И. И. Мечниковъ). При этомъ хемотропически дѣйствуютъ не самыя бактеріи, а именно ихъ токсины, что и доказано многочисленными опытами надъ разными болѣзнетворными бактеріями. Правда, хемотропически дѣйствуютъ не одни токсины, но и иныя вещества; такъ, напримѣръ, нѣкоторые одноклѣточные организмы хемотропически привлекаются къ веществамъ, для нихъ ядовитымъ, смертельнымъ, какъ, напримѣръ, къ салициловому натру, азотнокислому стрихнину, къ морфію и др. Клѣтки стойко и мужественно идутъ навстрѣчу смертельному врагу и гибнуть. Уже это совсѣмъ не цѣлесообразное для этихъ клѣтокъ дѣйствіе ихъ наводитъ на мысль, что причина явленія не въ клѣткахъ, а въ нѣкоторой извнѣ дѣйствующей, непреодолимой для клѣтокъ силѣ, обусловливаемой средой, которая раздѣляетъ клѣтки и притягивающее ихъ вещество, — иначе говоря, снова въ томъ же поверхностномъ натяженіи. И дѣйствительно, недавно L. Rhumbler (1899) доказалъ это прямыми опытами.

Massart клалъ подъ кожу собаки запаянную съ одного конца капиллярную трубочку съ культурой *Staphylococcus pyogenes albus*, вызывающей нагноеніе; черезъ 10—12 часовъ трубочка оказывалась закупоренной левкоцитами, какъ бѣлой пробкой. Rhumbler беретъ слой алкоголя (80%, 5—8 мм.) и бросаетъ въ него мелкія (0,06—0,09 мм. діаметромъ) капли кастороваго масла, подкрашенныя сажей; къ алкоголю подмѣшивается чрезвычайно мелко истертый карминъ и въ алкоголь погружается капиллярная, запаянная съ одного конца трубочка съ подкрашеннымъ при помощи индиго гвоздичнымъ масломъ; можно вмѣсто масла взять хлороформъ или 5% растворъ йодкаго кали.

Вслѣдствіе «хемотропизма» капельки масла начинали стремиться къ веществу, находившемуся въ трубочкѣ: всѣ движенія во всѣхъ трехъ жидкостяхъ можно было легко наблюдать, благодаря различной окраскѣ жидкостей.

Обычно въ алкогольѣ получались струйки жидкости, вытекавшей изъ трубочки; въ эти синія струйки попадали черныя капельки и долго не могли преодолѣть силы теченія настолько, чтобы войти въ трубочку. Съ теченіемъ времени токъ синей жидкости ослабѣ и капли устремились въ трубочку, набивъ ее, подобно левкоцитамъ въ опытѣ Massart'a. Капли шли такимъ образомъ «противъ теченія» и приходили въ движеніе на разстояніи (0,5—0,7 мм.) отъ трубочки, которое разъ въ 10 превышало размѣры капель. «Было трудно,—говоритъ авторъ,—иногда не забыть, что передъ глазами находятся «безжизненныя» существа».

Этотъ опытъ Rhumbler'a очень эффектенъ своимъ полнымъ параллелизмомъ съ опытомъ Massart'a, хотя это, въ сущности, то же явленіе, какое мы наблюдаемъ, когда капля ртути на гладкой поверхности и окруженная слабымъ растворомъ азотной кислоты, «хемотропически» ползетъ по этой гладкой поверхности къ кусочку двухромокислаго калия, выполняя при этомъ амѣбондныя движенія.

Но по поводу этихъ опытовъ можно сдѣлать серьезное возраженіе: дѣло въ томъ, что хемотропическія явленія у организованныхъ тѣлъ вызываются часто ничтожнѣйшими количествами веществъ: такъ, на примѣръ, на *Bacterium termo* дѣйствуетъ хемотропически всего 1% растворъ мясного экстракта,—и это еще крупная доза, тогда какъ въ опытахъ Rhumbler'a мы имѣемъ дѣло съ большимъ количествомъ веществъ. Однако, и это возраженіе легко устранимо.

Мы обращали вниманіе исключительно пока на физическую сторону явленій, но есть, или можетъ быть, и химическая. Ничтожнѣйшія количества веществъ, какъ таковыя, могутъ вызвать только и ничтожнѣйшее дѣйствіе; если же дѣйствіе не ничтожно, то это

значитъ, что вещество не само, не непосредственно вступаетъ въ реакцію, а лишь производитъ толчокъ къ ней, играетъ роль «освобождающей причины». Такой толчокъ вызываетъ уже существенныя измѣненія въ поверхностномъ натяженіи клѣтки, заставляющія ее двигаться въ опредѣленномъ направленіи; и такія измѣненія могутъ быть вызваны тѣмъ легче, чѣмъ сложнѣе химическій составъ и физическое строеніе клѣтокъ, чѣмъ, стало быть, легче она поддается внѣшнимъ вліяніямъ, чѣмъ ея состояніе болѣе неустойчиво, — а вѣдь въ этой неустойчивости и находится одинъ изъ главныхъ и характерныхъ признаковъ того, что мы называемъ жизнью.

Но и независимо отъ этого, въ явленіяхъ жизни, какъ извѣстно, играютъ громадную роль химическіе процессы особаго рода: мы говоримъ именно про такъ-называемыя явленія *контактнаго* дѣйствія, явленія *катализа*, про которыя С. Ludwig сказалъ, что «современемъ вся физическая химія будетъ каталитической».

Что же такое это контактное дѣйствіе, что такое катализъ?

Когда энергія (тепловая) искры, упавшей на порошокъ, взрываетъ весь пороховой погребъ, или когда однимъ поворотомъ рукоятки мы пускаемъ въ ходъ какую-нибудь машину, намъ рѣзко бросается въ глаза несоотвѣтствіе *видимой* причины и произведеннаго ею слѣдствія и мы правильно заключаемъ, что искра и наша рука дѣйствовали здѣсь лишь своимъ соприкосновеніемъ, контактомъ, давая только толчокъ къ совершенію нѣкотораго процесса, настоящія причины котораго были уже готовы заранѣе. Аналогичныхъ явленій извѣстно весьма много: такъ, достаточно ввести «пылинку» какой-нибудь соли въ ея пересыщенный растворъ и весь растворъ закристаллизуется, хотя вѣсь введенной пылинки можетъ быть всего *одна билліонная грамма* (W. Ostwald, 1901); можно ввести даже «пылинку» не той соли, которая въ растворѣ, а иной, съ ней «изоморфной», даже пузырекъ газа: напримѣръ, можно закристаллизовать растворъ соды пылинкой глауберовой соли или даже, введя пузырекъ углекислоты.

Точно также, охлаждая чистую воду въ безвоздушномъ пространствѣ, можно довести ее до температуры— 15° , 20° С. и вода будетъ жидкой, а простымъ затѣмъ встряхиваніемъ сосуда можно сразу всю воду превратить въ ледъ, причѣмъ она нагрѣется до 0° С.; здѣсь, повидимому, процессъ замерзанія тоже вызывается пылинками твердаго льда, получившимися ранѣе на стѣнкахъ сосуда изъ водяного пара. Все это — дѣйствія контакта, все это — явленія *катализа*, какъ ихъ назвалъ Berzelius (1835), и они распространены въ природѣ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ это предполагали прежде.

Нѣтъ такой химической реакціи, на которую было бы нельзя

дѣйствовать каталитически, и нѣтъ такого вещества, которое само не могло бы быть катализаторомъ (Ostwald).

Если опустить кусокъ мѣди въ азотную кислоту, то раствореніе мѣди идетъ сначала очень медленно, затѣмъ реакція ускоряется, наконецъ, идетъ уже прямо бурно. «Азотная кислота,—говоритъ Ostwald, — какъ будто не умѣетъ сначала обращаться съ мѣдью и только понемногу этому научается и, наконецъ, привыкаетъ дѣлать это, какъ нужно».

Поэтому, если взять чистую азотную кислоту и такую, которая уже ранѣе немного растворяла мѣдь, реакція въ послѣдней идетъ замѣтно быстрѣе. Мы бы сказали, что азотная кислота *помнитъ*, какъ надо растворять. Явленіе это каталитическое; при раствореніи мѣди получается въ небольшихъ количествахъ азотистая кислота, которая и *ускоряетъ* реакцію.

Дѣйствіе свѣта на смѣсь хлора и водорода тоже, повидимому, связано съ катализомъ, потому что реакція идетъ ускореннымъ темпомъ и продолжается само собою и послѣ прекращенія освѣщенія десятки минутъ (Bunsen).

Особенно замѣчательны процессы окисленія и раскисленія, вызываемые катализомъ, потому что именно эти процессы играютъ чрезвычайно важную роль въ химіи живого организма.

Физико-химическое опредѣленіе жизни по Ostwald'у: «eine selbst-stätige geregelte Beschaffung und Verwendung der chemischen Energie für die Betätigung der Erhaltung und Vermehrung des Lebewesens», т.-е., иначе говоря, живое существо можно сравнить съ лампой, которая не только горитъ, но и сама добываетъ себѣ горючій матеріалъ.

Такимъ образомъ, живой организмъ долженъ самъ добывать себѣ химическую энергію при помощи сгорания на счетъ кислорода воздуха; «но кислородъ слишкомъ инертенъ при обычной температурѣ живого тѣла, реакція шла бы черезчуръ медленно. Можно бы было ускорить реакцію окисленія повышеніемъ температуры, но этотъ способъ, очевидно, не пригоденъ для организмовъ, тѣмъ болѣе, что высшія животныя сами поддерживаютъ свою температуру постоянной. Можно бы было также ускорить реакцію усиленіемъ концентрации растворовъ, но и здѣсь есть, какъ извѣстно, предѣлъ растворимости. Такимъ образомъ, повидимому, единственнымъ способомъ побѣдить инертность кислорода является примѣненіе *каталитическаго дѣйствія*» (Ostwald).

Дѣйствительно, платина, напримѣръ, дѣйствуетъ каталитически на горючіе газы, вызывая сгораніе двуокиси сѣры въ трехокись, медленно окисляя водородъ гремучаго газа въ воду, разлагая перекись водорода на кислородъ и воду; подобнымъ же образомъ катализато-

рами являются кислоты при восстановленіи сахара изъ крахмала и т. п.

И вотъ мы знаемъ, что въ живыхъ организамахъ вырабатываются особыя вещества, называемыя *органическими ферментами*, или *энзимами*; они дѣйствуютъ контактно, каталитически. Это — катализаторы особенно дѣятельные, они дѣйствуютъ въ минимальныхъ дозахъ, прямого, непосредственнаго участія въ химическихъ реакціяхъ жизни не принимаютъ, а только ихъ вызываютъ или ускоряютъ. Такъ, *пепсинъ* дѣйствуетъ каталитически на бѣлковыя вещества при перевариваніи пищи; такъ, энзимъ *диастаза*, встрѣчающійся обильно въ прорастающихъ сѣменахъ растеній, вызываетъ быстрое раствореніе крахмала; такъ, энзимъ слюны — *птиалинъ* — тоже вызываетъ въ крахмалѣ рядъ послѣдовательныхъ химическихъ реакцій, въ результатѣ которыхъ получаютъ уже растворимыя въ водѣ вещества, такъ-наз. *декстринъ* и сахаръ, и т. д.

Загадка химіи жизни такимъ образомъ можетъ быть перенесена на эти таинственные для насъ энзимы. Съ другой стороны, мы видѣли, что тайна катализа встрѣчается и въ неорганической природѣ: стало быть, дѣйствіе ферментовъ въ живомъ организмѣ не есть явленіе, стоящее въ природѣ особнякомъ и созданное *по преимуществу* для жизни.

Но сходство въ свойствахъ ферментовъ органическихъ и неорганическихъ гораздо болѣе глубоко, чѣмъ это можно было думать по первымъ изслѣдованіямъ неорганическаго катализа.

Еще Берцеліусъ обратилъ вниманіе на аналогію между дѣйствіемъ платины на перекись водорода и дѣйствіемъ энзимовъ, напримѣръ, при алкогольномъ броженіи сахара. Вскорѣ затѣмъ Schönbein указалъ, что многіе органическіе ферменты суть, какъ и платина, именно катализаторы для перекиси водорода; теперь извѣстно, что именно такими свойствами обладаютъ, напримѣръ, сокъ *панкреатической* железы, извѣстные токсины дифтерита и самая важная для насъ энзимо-содержащая жидкость — *кровь*.

Но всѣ растворы органическихъ ферментовъ суть растворы *коллоидальныя*; въ нихъ вещество взвѣшено въ видѣ мельчайшихъ «ультрамикроскопическихъ» (H. Siedentopf и R. Zsigmondy, 1902) частичекъ, не осаждаемыхъ обычнымъ фильтрованіемъ. Поэтому въ живомъ организмѣ ферменты являются въ коллоидальномъ растворѣ, тогда какъ платина или кислота, ферменты неорганическіе, являются или нерастворимыми, или въ видѣ однородной жидкости. Эта разница можетъ сильно отражаться на свойствахъ ферментовъ; было поэтому желательнo получить и неорганическіе ферменты въ видѣ коллоидальныхъ растворовъ. Это и удалось (Bredig, 1898) для раз-

ныхъ металловъ. Именно, Bredig производитъ вольтову дугу между двумя проволоками, напримѣръ, платины подъ водой; металлъ при этомъ «распыляется» и въ видѣ мельчайшихъ частичекъ остается взвѣшеннымъ въ водѣ, окрашивая ее въ тотъ или другой цвѣтъ: явилась возможность «разжижать» дѣйствіе неорганическихъ ферментовъ, какъ это давно было возможно по отношенію къ органическимъ.

Результаты, добытые Bredig'омъ и его ученикомъ въ области сравненія каталитическихъ дѣйствій обоихъ сортовъ ферментовъ, поразительны.

Прежде всего оказалось, что въ обоихъ случаяхъ катализъ вызывается совершенно минимальными дозами веществъ: такъ, Ernst нашель, что 2,5 cb. см. жидкости, гдѣ было всего 0,17 mgт. платины, обратили въ двѣ недѣли въ воду 10 литровъ гремячаго газа, не только не потерявъ, но даже какъ бы усиливъ свои каталитическія свойства.

Далѣе Müller von Berneck нашель, что 1 гт. платины, растворенный въ 300 милліонахъ граммовъ воды, еще замѣтно ускоряетъ разложеніе перекиси водорода. «Невольно вспоминается,—замѣчаетъ по этому поводу Bredig (1900),—подобное же свойство энзимовъ, особенно токсиновъ, напримѣръ, токсина столбняка и змѣиныхъ ядовъ».

Энзимы, какъ коллоиды, осаждаются изъ растворовъ электролитами; то же свойство принадлежитъ и платинѣ. При повышеніи температуры каталитическое дѣйствіе энзимовъ растетъ до извѣстнаго предѣла, а затѣмъ убываетъ; то же имѣетъ мѣсто и при катализѣ перекиси водорода платиной, по опытамъ Ernst'a.

Между тѣмъ до сихъ поръ это свойство органическихъ ферментовъ считалось ихъ отличительнымъ свойствомъ по сравненію съ другими катализаторами.

Большинство энзимовъ и кровь окрашиваютъ *уаякъ* въ синій, а *алоинъ* въ красный цвѣтъ; то же дѣлаютъ коллоидальные растворы платины у Bredig'a.

И тамъ, и тутъ прибавка извѣстныхъ количествъ синильной кислоты или сѣрнистаго водорода уничтожаетъ это свойство. Окисленіе алкоголя въ уксусную кислоту производится каталитически не только ферментомъ *Mycoderma aceti*, но и губчатой платиной; извѣстныя бактеріи могутъ окислять сѣру въ сѣрную кислоту — подобнымъ же образомъ теперь добываютъ ее при помощи каталитическаго дѣйствія платины (способъ Winkler'a); содержащіе марганецъ органическіе ферменты—*лакказы*—ускоряютъ окисленіе пирогаллола; то же наблюдалъ Ikeda у коллоидальной платины.

Переносъ кислорода съ перекиси водорода на индиго-сѣрную кислоту ускоряется кровью, энзимами, губчатой и коллоидальной платиной; и тамъ, и здѣсь прибавленіе щелочи сначала усиливаетъ катализъ, доводитъ его до шахіш'а и затѣмъ ослабляетъ.

Но самыя чудесныя дѣйствія — это явленія *отравленія* крови и энзимовъ, прекращающія ихъ каталитическія дѣйствія; *и такія же отравленія* наблюдаются и на растворахъ платины.

Яды для крови—синильная кислота, іодистый цианъ, сѣрководородъ, окись углерода, мышьяковистый водородъ, органическія вещества, какъ, на примѣръ, амилнитритъ, гидросиламинъ и др.,—«яды» и для платины, и притомъ для всѣхъ этихъ ферментовъ по отношенію къ одному процессу: именно катализу перекиси водорода. Одна сорокамилліонная нормальнаго раствора синильной кислоты сильно ослабляетъ каталитическія дѣйствія какъ энзимовъ, такъ и платины; и тамъ, и здѣсь, однако, отравленіе это современемъ проходитъ.

Кровь теряетъ способность переносить кислородъ въ тѣлѣ при дѣйствіи на нее окиси углерода; такъ же *страдаетъ отъ угара* и металлическая, и коллоидальная платина, выздоравливая современемъ. Фосфоръ—сильный ядъ какъ для платины, такъ и для энзимовъ, но мышьяковистая кислота, которая не отравляетъ нѣкоторые энзимы и низшихъ животныхъ, не отравляетъ и коллоидальной платины. Изъ 22 ядовъ для платины 16 — сильные яды и для крови.

«Конечно,—говоритъ Bredig,—между металлами и энзимами нѣтъ таинственнаго тождества, но мы имѣемъ въ нихъ *анорганическія модели* органическихъ энзимовъ». Но и наличность такихъ моделей дѣло первостепенной важности. «Живое дѣйствуетъ, какъ сказалъ еще Аристотель, цѣлесообразно и эта цѣль, какъ вѣрнѣе указалъ Кантъ, есть внутренняя цѣль; живое служить само себѣ цѣлью. Кристаллъ можетъ расти безгранично, если онъ находитъ условія и матеріалы для своего роста. Но устроено такъ, чтобы деревья не росли до неба»,—такъ говорилъ въ 1859 году одинъ изъ знаменитѣйшихъ біологовъ XIX вѣка—R. Virchow. Это «устройство» живой клѣтки, какъ теперь считаютъ,—въ ея ядрѣ, въ тѣхъ энзимахъ, которые въ ядрѣ заключаются. Искусственная *Diffugia*, о которой была выше рѣчь, потому и была лишь «моделью» живой клѣтки, что въ ней не было ядра. Что же такое ядро?

Въ 1899 году Лоеб высказалъ предположеніе, что ядро есть окислительный аппаратъ живой клѣтки, химическій анализъ веществъ, входящихъ въ составъ ядра, обнаружилъ въ послѣднемъ присутствіе желѣза. Желѣзо и его соли—катализаторы, способствуютъ окислительнымъ процессамъ.

Сопоставимъ теперь эти соображенія съ опытами Bredig'a, и невольно приходитъ въ голову мысль, что Bredig'овская модель органическихъ энзимовъ не такъ уже груба, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, и что таинственные энзимы крови, можетъ быть, не такъ уже далеки отъ «искусственныхъ» неорганическихъ ферментовъ Bredig'a... Не даромъ уже теперь въ практической медицинѣ стали пользоваться коллоидальными растворами металловъ и, повидимому, не безъ успѣха.

Жизнь есть тайна. Это вѣрно; но вѣдь и эфиръ физики есть тайна, и электричество есть тайна, и катализъ есть тайна. Но мы должны стремиться разгадать эти тайны, уменьшить ихъ число. Наука не заключается только въ знаніи фактовъ: «наука возникаетъ лишь тогда, когда раскрываются законъ и причины этихъ фактовъ» (v. Helmholtz). «Логическая обработка фактическаго матеріала, — продолжаетъ знаменитый натуралистъ, — состоитъ прежде всего въ томъ, что мы соединяемъ вмѣстѣ сходное и вырабатываемъ общее понятіе, которое бы все охватывало».

Когда было открыто, что электричество въ извѣстномъ движеніи производитъ магнитныя дѣйствія, когда спираль изъ проволоки въ опытахъ Ампера явилась прекрасной «моделью» магнита, это былъ торжественный моментъ сліянія двухъ тайнъ — электричества и магнетизма — въ одну. Стало очевидно, что когда мы узнаемъ, что такое электричество, мы тѣмъ самымъ узнаемъ, и что такое магнетизмъ. Когда Н. Hertz (1888) впервые получилъ электромагнитныя волны и лучи, предсказанные Максвеллемъ (Maxwell), это былъ снова моментъ сліянія двухъ тайнъ въ одну — свѣта и электричества: и когда мы узнаемъ, что такое свѣтъ въ механическомъ смыслѣ, мы будемъ въ состояніи понять, и что такое электричество. Вотъ почему мы можемъ утверждать, что въ механическомъ смыслѣ въ физикѣ нашего времени тайна электричества связана съ тайной эфиря; разгадаемъ мы одну, спадетъ покровъ и съ другой.

Вотъ почему и тайну жизни наука должна пытаться слить съ одной изъ прочихъ тайнъ: все же одной тайной будетъ меньше, и въ этомъ будетъ законная гордость истиннаго знанія.

IV.

Измѣняемость и приспособляемость „жертвой“ матеріи.

До сихъ поръ мы разсматривали наиболѣе элементарный организмъ — клѣтку, и притомъ клѣтку свободно живущую, по преимуществу. Мы видѣли, какъ у неорганической матеріи, индивидуали-

зованной въ формѣ капли, возможно обнаружить разнаго рода свойства, считающіяся у живыхъ клѣтокъ признакомъ жизни. Перейдемъ теперь къ колоніямъ клѣтокъ, къ организмамъ болѣе сложнаго типа.

Здѣсь всѣ процессы жизни неизмѣримо и несравненно сложнѣе; уже поэтому невозможно для этихъ организмовъ такъ просто подбирать всякому ихъ проявленію жизни аналогичное явленіе въ мертвой природѣ, какъ это могъ дѣлать Rhumbler по отношенію къ амѣбамъ. Къ тому же и интересующее насъ направленіе біологіи есть направленіе совсѣмъ новое. А если какая-либо наука, какое-либо ученіе не все пока можетъ дать, именно благодаря своей юности, то надо помнить, «dass es kein Vorwurf ist, noch ein Kind zu sein», какъ сказалъ когда-то Fesner по поводу ученія объ атомахъ и молекулахъ.

Мы можемъ поэтому останавливаться лишь на нѣкоторыхъ общихъ, болѣе или менѣе разрозненныхъ фактахъ, въ которыхъ обнаруживаются и въ мертвой матеріи такія свойства, какія мы привыкли считать болѣе или менѣе характерными признаками жизни.

Я уже указывалъ вскользь на то, что очень и очень многіе процессы мы считаемъ проявленіемъ жизни отчасти потому, что мы смотримъ на нихъ съ предвзятой идеей, иначе, чѣмъ мы привыкли смотрѣть на явленія болѣе «простыя». Какъ сложилась такая манера, разбирать было бы долго, хотя, можетъ быть, и интересно; возможно, что это отголосокъ того направленія въ естествознаніи, которое подъ авторитетнымъ вліяніемъ G. Cuvier ставило натуралисту три задачи: описывать, называть и классифицировать.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что физики и «чистые» біологи смотрятъ на одинъ и тотъ же фактъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. На предшествовавшихъ страницахъ мы старались, согласно идеямъ новой біомеханической школы, смотрѣть на явленія въ живыхъ клѣткахъ «глазами физика и химика»; попробуемъ теперь стать на противоположную точку зрѣнія и взглянемъ на нѣкоторыя явленія въ «мертвой» природѣ «глазами біолога».

«Мысль о приспособленіи частей или цѣлаго къ условіямъ существованія преслѣдуетъ біолога, или, выражаясь точнѣе, руководить имъ на каждомъ шагѣ».

«Коренная, основная черта организмовъ—ихъ цѣлесообразность». «Дарвинизмъ есть теорія происхожденія организмовъ, т.-е. всего того, что дѣлаетъ живыя формы тѣлами, исполняющими въ цѣломъ и частностяхъ извѣстныя отправления. Дарвинизмъ стремится прежде всего и главнымъ образомъ объяснить ту именно черту, которая отличаетъ живыя формы отъ неживыхъ, ту черту, которая заста-

вляеть ихъ назватъ организмами» — вотъ какія опредѣленія мы встрѣчаемъ у біологовъ (К. А. Тимирязевъ).

Не найдемъ ли мы и въ мірѣ неорганизованномъ этихъ явленій цѣлесообразности, приспособленія къ окружающимъ условіямъ, не встрѣтимъ ли мы и въ этомъ мірѣ почвы для примѣненія идей дарвинизма?

Въ виду вышеприведенныхъ опредѣленій организмовъ, говоритъ объ организамахъ въ неорганизованномъ мірѣ есть парадоксъ. Не будемъ пугаться такихъ парадоксовъ, — мы ихъ уже встрѣчали не мало въ XIX вѣкѣ. Развѣ не парадоксъ лучи невидимаго свѣта, на-примѣръ? Или развѣ не парадоксъ говорить о «теченіи твердыхъ тѣлъ» или о «крѣпости» (ригидности) жидкостей?!

Расчленяя встрѣчающіяся въ природѣ вещества на ихъ составныя части, мы получаемъ такъ-называемыя простыя тѣла, или *элементы*, группирующіеся въ «виды», какъ сказалъ бы натуралистъ. Далѣе, матерія едина, говорили алхимики. Позже превращеніе одного элемента въ другой стали считать невозможнымъ; была провозглашена своего рода «неизмѣняемость видовъ». Теперь мы ждемъ появленія новаго Дарвина, который бы установилъ *окончательно* «измѣнчивость видовъ» матеріи: я говорю «окончательно» потому, что все заставляетъ насъ думать, что эти неорганическіе виды измѣнчивы, что они произошли отъ общаго родоначальника, — не даромъ они тождественны между собой по отношенію къ всемірному тяготѣнію.

«Строй элементовъ невольно напоминаетъ намъ объ общей картинѣ органическаго міра, — говорилъ W. Crookes (1886). — Тамъ и здѣсь мы видимъ группы, хорошо — даже тѣсно — наполненныя формами, имѣющими лишь мало видовыхъ различій. Съ другой стороны, тамъ и здѣсь есть формы, которыя стоятъ совсѣмъ особнякомъ. Тамъ и здѣсь находимъ виды общеизвѣстные и виды рѣдкіе; группы, широко распространенныя, такъ сказать, космополитическія, и группы, ограниченныя тѣсными предѣлами. Изъ числа животныхъ укажу въ видѣ примѣра на Monotremata Австраліи и Новой Гвинеи, изъ числа элементовъ — на металлы такъ-называемыхъ рѣдкихъ земель».

Круксъ указываетъ далѣе, что «въ такихъ фактахъ распредѣленія органическихъ формъ специалисты-біологи видятъ самыя вѣскія свидѣтельства въ пользу происхожденія видовъ путемъ эволюціи», но, добавляетъ знаменитый химикъ, — «я вовсе не думалъ сказать, что наши настоящіе элементы, какъ бы рѣдки они ни были, уподобляются рѣдкимъ животнымъ или растеніямъ вымирающихъ типовъ, или что какой-либо новый элементъ находится въ стадіи

образованія, или что свойства существующихъ элементовъ подвергаются постепенному измѣненію».

Эпоха эволюціи элементовъ окончилась давнымъ-давно, но цѣлый рядъ фактовъ, самое число этихъ элементовъ, все говоритъ въ пользу того, что эволюція когда-то была и здѣсь, какъ она была для небесныхъ тѣлъ, «какъ произошли растенія и животныя нашей планеты по Ламарку, Дарвину, Уоллесу».

Элементы родились, по Круксу, въ «жестокомъ жару» изъ *протила*; но если это вѣрно, должны найтись у элементовъ и еще какія-нибудь общія свойства, кромѣ всемірнаго тяготѣнія: и теперь, 16 лѣтъ послѣ бирмингамской рѣчи Крукса, мы знаемъ, что, кромѣ атомовъ и молекулъ, есть еще «частицы, меньшія атома», іоны или электроны, которыя, повидимому, одинаковы у всѣхъ тѣлъ. Не электронъ ли, наконецъ, та неорганическая своего рода «клетка», которой колоніи составляютъ «неорганическіе организмы» мертвой матеріи, происшедшей путемъ эволюціи, борющейся когда-то за существованіе и уцѣлѣвшей лишь потому, что она приспособилась къ окружавшимъ ее условіямъ?

Эти біологическіе термины, можетъ быть уже смутившіе читателя, Круксъ примѣнилъ къ элементамъ, формамъ, которыхъ эволюція кончилась. Но если мы будемъ вообще на обычную матерію, на сложныя по химическому составу вещества смотрѣть съ точки зрѣнія біолога, мы должны сказать про нихъ то, чего Круксъ не могъ сказать про элементы.

Эта матерія живетъ, она подвержена эволюціи, она борется за свое существованіе.

Всѣми признано, что измѣнчивость есть характерный признакъ жизни, что организмъ можетъ существовать безъ измѣненія только при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ; измѣняются условія медленно и постепенно—къ нимъ приспособляется и организмъ до извѣстной степени; измѣняются условія черезчуръ сильно или быстро—организмъ гибнетъ въ борьбѣ за существованіе. Что значить гибнетъ, что гибнетъ? Гибнетъ измѣнчивая *форма*, а не матерія, не атомъ. Неизмѣнность, стойкость — это смерть. Живой организмъ съ теченіемъ времени теряетъ свою неустойчивую форму, мы говоримъ: онъ умираетъ. Но вѣдь и «мертвая» матерія въ этомъ смыслѣ «жива»: камень вывѣтривается, стекло распадается на пленки, металлы становятся хрупкими, распадаются даже въ порошокъ, и все это совершается медленно, постепенно, въ обычныхъ условіяхъ, при обычной обстановкѣ.

Идея о томъ, что и помимо организованныхъ тѣлъ въ природѣ есть жизнь, эта идея очень стара. Но въ этихъ случаяхъ употре-

бляли слово «жизнь» совершенно въ особомъ переносномъ смыслѣ. Такъ понималъ это и Virchow, который сказалъ, что природу нельзя считать мертвой, «потому что мертво лишь то, что когда-то жило».

Но я употребляю слово «жизнь» здѣсь не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Мы привыкли всегда связывать представленіе о раздраженіи съ представленіемъ о нашемъ его ощущеніи; представленіе о жизни—съ представленіемъ о нашемъ сознаниіи и волѣ. Это своего рода антропоморфизмъ. Мы не видимъ въ неорганическомъ мірѣ явленій сознания, воли, ощущенія; не видимъ—при обычномъ взглядѣ на вещи—даже явленій раздраженія, и мы говоримъ, здѣсь нѣтъ жизни. Когда люди не знали, что такое свѣтъ, они думали, что свѣтъ исходитъ изъ глазъ: выходило что-то вродѣ щупальцевъ, которыми глаза ощупывали предметы. Для слѣплого нѣтъ свѣта, для глухого нѣтъ звука, какъ ощущенія, но волны въ эфирѣ, волны въ воздухѣ существуютъ реально и независимо отъ насъ и не исключительно для нашихъ нуждъ. Почему же *жизнь* должна быть только въ томъ, что намъ нужно, прямо или косвенно?

Когда-то было три «царства природы»; теперь мы знаемъ, что два изъ нихъ—царство животныхъ и царство растений—такъ слиты между собой, что нельзя найти границы между ними: та амёба, о которой была рѣчь выше, и есть одинъ изъ такихъ простѣйшихъ организмовъ, стоящихъ на рубежѣ животнаго и растительнаго царствъ. Не найдемъ ли мы когда-нибудь и въ мірѣ неорганическомъ вещество, которое будетъ стоять на рубежѣ «живого» и «неживого»? Мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ; но мы можемъ найти въ неорганизованномъ мірѣ цѣлый рядъ явленій, которыя, если смотрѣть на нихъ безъ предвзятой идеи, нельзя не причислить къ явленіямъ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на нѣкоторые такіе факты, вообще малоизвѣстные.

Весьма многія тѣла при обычныхъ и неизмѣнныхъ внѣшнихъ условіяхъ понемногу переходятъ изъ одного состоянія, изъ одной формы, въ другое состояніе, въ другую форму, и переходятъ *самопроизвольно*: такъ, (W. Spring) въ одномъ опытѣ сѣрнистый висмутъ *въ теченіе одиннадцати лѣтъ* переходилъ изъ одного состоянія въ другое. Въ теченіе такого громаднаго періода внѣшнія условія были несомнѣнно въ среднемъ одни и тѣ же; были колебанія этихъ условій въ ту или иную сторону, но колебанія въ противоположныя стороны не могли вызвать процесса, идущаго всегда въ одномъ направленіи. Процессъ въ висмутѣ этомъ шелъ,

стало быть, благодаря внутреннимъ причинамъ; онъ принадлежитъ къ числу такихъ процессовъ, которые слѣдуетъ назвать жизненными.

Такихъ явленій въ природѣ очень много; если мы рѣдко ихъ замѣчаемъ, то это, съ одной стороны, потому, что фактами этого рода стали очень недавно интересоваться; съ другой стороны, эти процессы идутъ очень медленно и часто могутъ быть обнаружены лишь микроскопическимъ изслѣдованіемъ структуры; подобно висмуту и нѣкоторые аморфные порошки сѣрнистыхъ металловъ постепенно переходятъ въ микроскопическіе кристаллики. Но мы можемъ ускорить процессъ, повысивъ температуру до 250° С. При температурѣ 265° С. сѣрнистый висмутъ выполняетъ свое превращеніе и переходитъ изъ неустойчивой въ устойчивую форму всего въ теченіе 90 часовъ.

Spring бралъ цилиндры металловъ въ 2 см. діаметромъ и 3—5 см. высоты; чистыя и плоскія ихъ основанія накладывались другъ на друга и цилиндры предоставлялись самимъ себѣ: въ концѣ-концовъ, они срастались; молекулы металловъ выполняли работу починки, совсѣмъ какъ молекулы иныхъ тѣлъ выполняютъ работу починки разорванной живой ткани, сломанной живой кости: если въ послѣднемъ случаѣ молекулы группируются въ клѣтку, въ первомъ онѣ могутъ группироваться въ кристаллы. Но мы видѣли, что строеніе плазмы и кристалловъ вполнѣ сходно: формы и явленія въ поляризованномъ свѣтѣ, которыя показываютъ пѣны органической и неорганической природы, переходятъ непрерывно однѣ въ другія. Клѣтки органической природы и кристаллы отличаются лишь величиной ячеекъ, видимыхъ у первыхъ и невидимыхъ у вторыхъ (Quincke, 1903).

Процессъ срастанія металловъ при обычной температурѣ идетъ медленно, но и для сращенія сломанной кости нужно не мало времени, много недѣль. Подогрѣвая металлы слегка, поддерживая въ нихъ температуру на много сотенъ градусовъ ниже ихъ температуры плавленія, можно было сократить это время до нѣсколькихъ часовъ (3—12); Sir W. Roberts-Austen срастилъ свинецъ и золото при 100° С. въ 41 день! Металлы срастаются такъ хорошо, что спая не видно; цинкъ съ мѣдью дали слой латуни въ $\frac{1}{4}$ мм., свинецъ и олово дали сплавъ на протяженіи *шести* мм.

Почему это не жизнь!

Но пойдѣмъ далѣе. Мы знаемъ, что извѣстнымъ внѣшнимъ условіямъ—температурѣ, давленію, освѣщенію и т. п.—соотвѣтствуютъ опредѣленные состоянія, опредѣленные формы матеріи: такъ, сѣра имѣетъ призматическую кристаллическую форму при температурѣ ниже $95,6^{\circ}$ С. и октаэдрическую при болѣе высокой темпе-

ратурѣ; такъ, аморфный мышьякъ при большомъ давленіи медленно превращается въ кристаллическій и мѣняетъ свою плотность съ 4,7 на 5,7. Стекловидный іодистый или бромистый калий при 10.000 атмосферъ становится кристаллическимъ; уголь при подходящей температурѣ и давленіи превратился въ опытахъ Moissan'a въ алмазь; желтый фосфоръ на свѣту превращается въ иную модификацію—красную. Особый сортъ венеціанскаго стекла (авентуриновое—Salviati) содержитъ въ себѣ микроскопическіе кристаллы мѣди; если стекло *старое*, долго лежавшее на дневномъ свѣту, не надолго ярко освѣтить, въ прозрачной массѣ стекла вдругъ вырастаютъ новые кристаллы мѣди, доходящіе размѣромъ до 0,06 мм. (Quinke, 1903).

Но довольно этихъ примѣровъ; ими можно бы было наполнить много страницъ. Что же они показываютъ намъ съ біологической точки зрѣнія? Очевидно, это—измѣняемость и приспособляемость неорганическихъ формъ къ окружающимъ условіямъ, т.-е. явленія, какія мы считаемъ признаками организациі, признаками жизни.

Ботаники могутъ и умѣютъ вліять на внѣшнія формы растений: можно превратить вьющійся стебель въ прямой; можно превратить гладкіе листья растенія въ листья волосатые, регулируя извѣстнымъ образомъ испареніе; можно измѣнить форму и расположеніе листьевъ, лепестковъ цвѣтка. Чѣмъ же отличается эта искусственная лѣпка формъ организованной матеріи отъ такихъ же явленій въ неорганическомъ мірѣ? Почему мы не смѣемъ сближать между собой эти явленія, почему мы должны считать ихъ принципиально, качественно разнородными, когда такое сближеніе во многихъ случаяхъ можетъ оказаться и поучительнымъ, и плодотворнымъ?

Когда мы подвергаемъ данное вещество сильному равностороннему сжатію, мы предписываемъ данной массѣ вещества умѣститься въ извѣстномъ объемѣ; вещество сопротивляется намъ въ этомъ, оно, въ концѣ-концовъ, подчиняется нашей волѣ: молекулы собираются въ группы иного рода, мѣняется форма тѣла; если у насъ смѣсь разныхъ веществъ, мы наблюдаемъ химическую реакцію: вещества вступаютъ въ химическое соединеніе, когда это послѣднее плотнѣе смѣси; обратно: сложное соединеніе распадается, если смѣсь плотнѣе. «Матерія старается принять такое расположеніе, — говоритъ Spring (1900), — которое обязывало бы ее къ наименьшему усилію, къ наименьшей борьбѣ за существованіе; иными словами: матерія приспособляется къ условіямъ, въ которыхъ она находится». Физическія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ обнаружили въ этой области совѣмъ неожиданныя, замѣчательныя явленія.

Если растягивать стальной пруть, то онъ въ какомъ - нибудь мѣстѣ суживается; если послѣ этого стержень обточить до цилиндрической формы, то при новомъ растяженіи суженіе появляется уже въ новомъ мѣстѣ. Тамъ, гдѣ пруть сужился, металлъ сталь тверже, борясь за свое существованіе, за сохраненіе своей формы (Ch. E. Guillaume).

Но особенно замѣчательны своими проявленіями жизни сплавы никкеля со сталью, такъ-называемыя никкелистыя стали, изслѣдованныя недавно Guillaume'омъ. Эти сплавы характеризуются именно неустойчивостью ихъ химическаго (вѣроятно, и физическаго) строенія, т.-е. именно тѣмъ свойствомъ, о которомъ постоянно приходится говорить по поводу живой матеріи, по поводу плазмы.

Бруски нѣкоторыхъ сортовъ такой стали мѣняють иногда свою длину въ теченіе года и больше. Измѣненіе внѣшнихъ условій не сопровождается сейчасъ же полнымъ измѣненіемъ состоянія тѣла; тѣло лишь постепенно и медленно принимаетъ состояніе покоя, соответствующее новымъ условіямъ. Такъ, тянутый, затѣмъ отоженный при 100° С. пруть (36% Ni), будучи предоставленъ самому себѣ, медленно удлиняется въ теченіе многихъ часовъ (до 100!), а потомъ начинаетъ укорачиваться.

Стекло подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ силъ изгибается; составляющія его химическія соединенія приспособляются къ условіямъ давленія; если давленіе не велико, стекло послѣ устраненія давленія медленно возвращается въ свое первоначальное состояніе, постепенно возстановляя прежнія химическія соединенія. Такихъ явленій въ области упругости мы знаемъ очень много.

Вытягиваемая грузомъ проволока постепенно твердѣетъ, суживается, удлиняется,—словомъ, испытываетъ всѣ имѣющіяся въ ея распоряженіи средства, чтобы свергнуть иго врага—груза; снимаемъ грузъ—проволока медленно возвращается въ прежнее состояніе. Она, точно организмъ, потрясенный болѣзною, медленно выздоравливаетъ. Но пусть мы не сняли грузъ, а онъ великъ и проволока не можетъ приспособиться къ его вліянію: тогда она рвется, она сбрасываетъ съ себя этотъ мучающій ее грузъ, жертвуя даже частью своего тѣла, какъ это дѣлають нѣкоторыя животныя въ аналогичныхъ случаяхъ.

Въ обычныхъ явленіяхъ жизни насъ поражаетъ вездѣ и всюду *цѣлесообразность, разумность* поступковъ живыхъ существъ. Во многихъ случаяхъ, однако, эта цѣлесообразность и разумность болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя; такъ, на примѣръ, по наблюденіямъ В. А. Вагнера (1902) даже такія сравнительно высокоорганизованныя животныя, какъ шмели, «если у нихъ отнять самку,

дѣлаютъ восковыя покрывки надъ краями бумажной коробочки, которая, за отсутствіемъ ячеекъ, служить имъ суррогатомъ въ смыслѣ внѣшняго стимула къ функціи инстинкта», а покрывъ бумагу предварительно такимъ образомъ воскомъ, шмели затѣмъ и насиживаютъ ее.

Мы говоримъ: если животному данное раздраженіе неприятно, оно старается всѣми средствами отъ него избавиться; допустимъ на мгновеніе, что проволоку грузъ «раздражаетъ», что это ей «неприятно», — развѣ не цѣлесообразно, развѣ не разумно она при этомъ поступаетъ?

Мы уже употребили терминъ «раздраженіе» по отношенію къ неорганизованнымъ тѣламъ и мы видимъ, какъ одинъ этотъ терминъ освѣтилъ намъ явленіе совсѣмъ съ другой стороны. Еще труднѣе обойтись безъ слова «раздраженіе» при обзорѣ явленій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ. Я говорю о вліяніи на тѣла волнъ свѣта, видимаго или невидимаго. Это вліяніе замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно очень широко распространено въ живой природѣ, но, благодаря сложности послѣдней, намъ трудно тамъ слѣдить за измѣненіями, вызываемыми свѣтомъ; мы видѣли, какъ плазма измѣняется на свѣту, но что въ ней происходитъ при этомъ, мы не знаемъ. Правда, вносимыя свѣтомъ измѣненія и «неживыхъ» тѣлъ намъ мало извѣстны, но все же эти явленія легче доступны изслѣдованію.

Мы знаемъ, что на свѣту фосфоръ мѣняетъ свои свойства, что хлоръ и водородъ соединяются въ соляную кислоту; подобнымъ же образомъ сѣра переходитъ изъ нерастворимой формы въ растворимую и т. д. Недавно J. Margskwald (1899) изслѣдовалъ желтые кристаллы органическаго вещества хлорида хино хинолина. Эти кристаллы на свѣту становятся зелеными, принимая въ потьмахъ прежній желтый цвѣтъ. Солнечный свѣтъ дѣйствуетъ здѣсь въ нѣсколько секундъ, разсѣянный дневной—въ нѣсколько минутъ. Возвращеніе къ желтому цвѣту совершается при 90° С. моментально, лѣтомъ—черезъ день, на льду—черезъ много дней. Еще любопытнѣе вещество, называемое β -тетрахлоръ- α кэтонафталиномъ, представляющее собой безцвѣтные кристаллы. При освѣщеніи они становятся красно-фіолетовыми по *одному* направленію, оставаясь безцвѣтными по другимъ. Въ темнотѣ окраска пропадаетъ.

Повидимому, здѣсь главнымъ образомъ хлоръ играетъ роль, сообщая веществу свѣточувствительность, которой обладаетъ самъ; свойства хлора аналогичны отчасти свойствамъ іода и брома и на свѣточувствительности галоидныхъ соединеній серебра основана, какъ извѣстно, фотографія, какъ обыкновенная, такъ и т.-н. въ натуральныхъ цвѣтахъ. Намъ особенно интересна послѣдняя.

Порошокъ хлористаго серебра освѣщаютъ бѣлымъ свѣтомъ, пока онъ не получитъ не слишкомъ темной фіолетовой окраски (Seebeck, 1810); или готовятъ особымъ способомъ хлоросеребряную бумагу, тоже темнаго цвѣта (Poitevin, 1865). Соединенія хлора съ серебромъ въ обоихъ случаяхъ оказываются чувствительными не просто къ свѣту, но и къ *цвѣтамъ*. Если на эти свѣточувствительные слои проецировать солнечный спектръ, то его снимокъ остается нѣкоторое время и послѣ прекращенія освѣщенія, а потомъ исчезаетъ. Проявлять снимки не надо; слабую фиксацію допускаетъ лишь способъ Poitevin'a, при которомъ выходятъ всѣ цвѣта, хотя съ нѣсколько желтоватой окраской, а желтый цвѣтъ имѣетъ оранжевый оттѣнокъ. По способу Seebeck'a хорошо выходятъ лишь фіолетовый, синій и красный цвѣта (последній съ розоватымъ оттѣнкомъ, а второй съ сѣроватымъ) (O. Wiener, 1895).

Какъ объяснить эти явленія?

Дѣло въ томъ, что опыты Carey Lea (1887) и Н. Кроне (1891) обнаружили, что можно химическимъ путемъ приготовить цѣлый рядъ соединений серебра съ хлоромъ (также съ іодомъ и бромомъ) *цвѣтными* и притомъ почти для любого цвѣта спектра. Такія соединения съ хлоромъ называются *фотохлоридами*. Они обладаютъ удивительнымъ свойствомъ: если, напримѣръ, красный фотохлоридъ освѣтитъ красными лучами, онъ остается безъ измѣненія, но если освѣтитъ лучами другого цвѣта, напримѣръ, зелеными, то фотохлоридъ понемногу, болѣе или менѣе скоро, мѣняетъ свой цвѣтъ, становясь приблизительно зеленымъ, и т. д. Очевидно, красный фотохлоридъ, какъ и всякое непрозрачное тѣло, имѣющее красный цвѣтъ, способенъ отражать только красные лучи, поглощая всѣ остальные. Поэтому при освѣщеніи краснаго фотохлорида краснымъ же цвѣтомъ лучи отражаются и внутрь вещества не проникаютъ. Но при освѣщеніи краснаго фотохлорида зелеными лучами они не отражаются, а поглощаются, проникаютъ внутрь тѣла и вызываютъ разрушеніе его структуры; какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, молекулы и атомы группируются при этомъ на новый ладъ и притомъ такъ, чтобы дѣйствіе свѣта ихъ равновѣсія не нарушало: это и будетъ достигнуто, когда тѣло пріобрѣтетъ способность отражать зеленые лучи, т.-е. когда фотохлоридъ изъ краснаго станетъ зеленымъ. Здѣсь мы имѣемъ только перегруппировку молекулъ и атомовъ, при которой химическій составъ фотохлорида, можетъ быть, и не мѣняется.

Такимъ образомъ, и свѣточувствительные слои Seebeck'a и Poitevin'a состоятъ изъ такихъ фотохлоридовъ: и дѣйствительно, Wiener прямыми опытами показалъ, что цвѣтная фотографія спектра, по-

лученная на такомъ слоѣ при освѣщеніи, напр., красными лучами вся дѣлается красной, т.-е. всѣ цвѣта, кромѣ краснаго, разрушаются.

Взглянемъ теперь на эти явленія съ біологической точки зрѣнія. Мы имѣемъ въ фотохлоридахъ рядъ тѣлъ, для которыхъ свѣтъ—врагъ, ихъ раздражающій, ихъ убивающій, разрушающій ихъ форму. Тѣла борются за существованіе, принимая такой цвѣтъ, при которомъ свѣточувствительность, раздражимость пропадаетъ, т.-е. тѣла принимаютъ *защитительную окраску*. Тогда получается болѣе устойчивая форма соотвѣтственно новымъ условіямъ; свѣтъ оказывается однимъ изъ факторовъ эволюціи въ направленіи вполнѣ опредѣленномъ, въ направленіи сохраненія жизни. Но вѣдь это же все процессы борьбы за существованіе, перенесенные въ міръ молекулъ и атомовъ. Между тѣмъ вѣдь и всякія измѣненія въ живой клѣткѣ сводятся, въ концѣ-концовъ, тоже къ группировкѣ атомовъ и молекулъ. Гдѣ принципиальная разница?

Животныя, живущія въ темнотѣ, по большей части не окрашены; животныя, живущія на свѣту, имѣютъ обыкновенно окраску, подходящую къ общему фону окружающей ихъ среды. Этими цвѣтами организмы приспособляются къ обстановкѣ, становятся менѣе замѣтными для враговъ и тѣмъ удачнѣе борются за свое существованіе. Но то же дѣлаютъ и неорганизованныя тѣла. Сходство обоихъ процессовъ не случайное: его обстоятельно разобралъ Wiener. Уже въ 1867 г. T. W. Wood открылъ вліяніе свѣта на окраску куколокъ и гусеницъ бабочекъ: именно, если окружить цвѣтными предметами окукливающуюся гусеницу, она принимаетъ окраску, сходную съ окраской обстановки. Въ темнотѣ образуются куколки темныя, на свѣту—свѣтлыя, и притомъ не только тѣхъ цвѣтовъ, какіе преобладаютъ обычно въ природѣ (напримѣръ, зеленый), но и иныхъ, т.-е. неестественныхъ. Такъ, куколки *Danais Chrysippus* встрѣчаются въ природѣ лишь зелеными или розовыми; можно искусственнымъ освѣщеніемъ сдѣлать ихъ бѣлыми, красными, цвѣта шапоп, черными, синими. E. B. Poulton даже нашелъ въ кожѣ *Amphidasis betularia* красящій пигментъ, чувствительный къ свѣту; если развитіе гусеницы не перешло извѣстныхъ предѣловъ, можно заставить ее перемѣнить окраску. Даже есть основаніе думать, что, освѣщая различно разныя мѣста животнаго, мы получимъ и разную окраску въ этихъ мѣстахъ. Правда, убѣдительныхъ опытовъ въ этомъ направленіи мало; тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что обычно верхъ и низъ куколокъ разнаго цвѣта, заставляетъ Wiener'a склоняться въ пользу такого предположенія.

Есть, однако, и болѣе сложные случаи цвѣтового приспособленія въ животномъ мірѣ: такъ, рыбы и лягушки теряютъ способность

принимать защитительную окраску, будучи ослѣплены, чего нѣтъ у куколокъ и гусеницъ; здѣсь глазъ, такъ сказать, пускаетъ въ ходъ способность приспособленія къ цвѣту. Wiener предполагаетъ даже, что возможно построить модель такого явленія. Важно не это осложненіе, а основной фактъ, что покрытая извѣстнымъ химическимъ веществомъ куколка или гусеница изъ бумаги будетъ столь же хорошо пріобрѣтаетъ защитительную окраску, какъ и живыя животныя.

Фотографіи въ естественныхъ цвѣтахъ при помощи фотохлоридовъ мы не умѣемъ фиксировать, но куколки и гусеницы фиксируютъ свои цвѣта. Отсюда мы должны заключить, что когда-нибудь и намъ удастся такое фиксированіе и что соединенія серебра съ галоидами—не единственные вещества съ такими странными свойствами.

И дѣйствительно, мы, въ сущности, не имѣемъ ни одного красящаго вещества, которое бы хоть немного не «линяло» на свѣту, иначе говоря, всѣ они чувствительны къ свѣту, разрушаются имъ.

Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что явленія цвѣтового приспособленія къ окружающей средѣ не менѣе распространены въ мірѣ неорганизованномъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ мірѣ живыхъ существъ.

Мы ввели терминъ «раздраженіе» въ неживую природу. Можно возразить на это, что примѣненіе такого термина, можетъ быть, и даетъ явленіямъ извѣстное освѣщеніе, но что все это болѣе или менѣе условно, что сходство явленій міра организованнаго и неорганизованнаго въ этомъ отношеніи лишь поверхностное и т. п.

Всѣ эти возраженія падаютъ, однако, благодаря совѣмъ недавнимъ изслѣдованіямъ (1900) Jagadis Chunder Bose, посвященнымъ исключительно вопросу о раздражимости въ мертвой природѣ.

V.

Раздражимость въ мертвой природѣ.

Какъ извѣстно, Branly (1890—1891) открылъ замѣчательное свойство металлическихъ опилокъ: опилки, наполняющія стеклянную трубочку, значительно уменьшаютъ свое сопротивленіе электрическому току, если вблизи опилокъ появляется электрическая искра. Трубочка, не проводившая вовсе сначала тока, начинаетъ его проводить подъ влияніемъ искры. Если затѣмъ привести опилки въ сотрясеніе, проводимость снова пропадаетъ. Электрическая искра здѣсь является источникомъ электрическихъ волнъ, и измѣненіе сопротивления порошковъ обуславливается именно этими волнами. O. Lodge объяснилъ это явленіе тѣмъ, что волны вызываютъ между опилка-

ми появленіе очень мелкихъ искръ, спаивающихъ частички между собой; тогда сотрясеніе, разрушая эти «мостики», снова прекращаетъ соприкосновеніе частицъ между собой и токъ перестаетъ идти. И дѣйствительно, эти искорки наблюдались. Такая трубочка съ опилками получила въ Англіи имя *coherer* и нашла себѣ большое практическое примѣненіе въ качествѣ приѣмника депешъ въ телеграфѣ безъ проводовъ, который тоже, какъ извѣстно, есть не что иное, какъ электрическія волны, исходящія изъ искръ такъ-называемой индуктивной катушки Румкорфа.

Современемъ были открыты у опилокъ новыя свойства: именно оказалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ опилки, уменьшивъ свое сопротивленіе при «освѣщеніи» электрическими волнами, *сами* возвращаются къ начальной величинѣ сопротивленія, разъ волны прекратились.

Эту самовозстановляемость свойствъ опилокъ уже не такъ просто объяснить при помощи искорокъ и мостиковъ; здѣсь уже волны какъ будто не спаиваютъ частички, а только сближаютъ ихъ, располагаютъ извѣстнымъ образомъ и только притомъ во время самаго дѣйствія волнъ. Волны какъ будто нарушаютъ устойчивое равновѣсіе частичекъ, которыя затѣмъ и возвращаются въ свое начальное расположеніе.

Но вопросъ этотъ получилъ совсѣмъ иное значеніе, когда J. C. Bose (1900) нашелъ вещества, опилки которыхъ не уменьшаютъ, а *увеличиваютъ* свое сопротивленіе подъ вліяніемъ электрическихъ волнъ. Затѣмъ обнаружилось, что одно и то же вещество въ зависимости отъ силы волнъ можетъ давать то увеличеніе, то уменьшеніе сопротивленія, причемъ эти измѣненія свойствъ будутъ сохраняться и по прекращеніи волнъ, если энергія волнъ велика, и могутъ не сохраняться въ противномъ случаѣ.

Вотъ эти-то явленія, на первый взглядъ совсѣмъ мелкія и мало интересныя,—явленія, имѣющія развѣ практическое значеніе въ телеграфіи безъ проводовъ, и началъ изучать J. C. Bose, подвергая опилки разныхъ тѣлъ (особенно чувствительны желѣзо, никкель, кобальтъ, магній, калий, серебро и др.) дѣйствию отдѣльныхъ электрическихъ искръ на разныхъ разстояніяхъ.

Оказалось, что порошокъ серебра, полученный дѣйствіемъ цинка на растворъ ляписа, даетъ уменьшеніе сопротивленія, а серебро, выдѣленное цинковыми опилками изъ раствора ляписа, на который прежде дѣйствовала соляная кислота, увеличиваетъ сопротивленіе. Мы получаемъ здѣсь такимъ образомъ двѣ разновидности серебра съ разными свойствами, съ разными группировками молекулъ и атомовъ. Отсюда приходится заключить, что если мы имѣемъ веще-

ство A и оно подъ дѣйствиємъ волнъ мѣняетъ свое сопротивленіе, то это значитъ, что часть A переходитъ въ иную модификацію B , съ другимъ расположеніемъ молекулъ.

Это явленіе, такимъ образомъ, оказывается аналогичнымъ дѣйствию тѣхъ же электрическихъ волнъ, только болѣе короткихъ, такъ-называемыхъ свѣтовыхъ, на фосфоръ, сѣру и т. п., переводящихъ эти тѣла въ новую модификацію. Но фосфоръ и сѣра не проводники; есть, однако, и проводящее электричество вещество—это красная іодистая ртуть: она подъ вліяніемъ лучей тоже электрическихъ, но длина волны которыхъ велика сравнительно съ волнами видимыхъ лучей и мала сравнительно съ волнами, исходящими изъ электрическихъ искръ,—лучей, называемыхъ иногда «тепловыми», переходитъ въ желтую модификацію и при этомъ уменьшаетъ свое сопротивленіе.

Теперь намъ ясно, что, смотря по тому, какая модификація вещества, A или B , болѣе устойчива, мы и будемъ имѣть въ однихъ случаяхъ увеличеніе сопротивленія (примѣръ—калій), въ другихъ—уменьшеніе (примѣръ—жельзо).

Вещество, образовавшееся подъ вліяніемъ радіаціи, Bose называетъ *продуктомъ радіаціи*. Если этого продукта получилось мало, опилки сами возвращаются въ первоначальное состояніе, если много—не возвращаются, или возвращаются въ теченіе долгаго времени; совсѣмъ какъ въ опытѣ съ іодистой ртутью: дѣйствовали на послѣднюю лучи слабо, она слегка пожелтѣетъ и затѣмъ быстро снова покраснѣетъ; дѣйствовали лучи сильно, пожелтѣніе сохранится на долго.

Поэтому понятно, что, смотря по количественному отношенію веществъ A и B , результатъ повторнаго дѣйствія искръ можетъ быть очень сложенъ: здѣсь происходитъ наложеніе двухъ процессовъ, взаимно противоположныхъ: и A переходитъ въ B , и B переходитъ въ A . Такимъ образомъ, оказывается, на примѣръ, что первая искра увеличиваетъ сопротивленіе, вторая новое сопротивленіе слегка уменьшаетъ, третья снова увеличиваетъ и т. д., причемъ эти чередующіяся измѣненія таковы, что въ общемъ все же сопротивленіе или растеть, или убываетъ.

Когда продукта радіаціи накопилось слишкомъ много, опилки перестаютъ «отвѣчать» на волны; они обнаруживаютъ явленіе, которое нельзя лучше характеризовать иначе, какъ словомъ «усталость»: тогда легкое подогрѣваніе или сотрясеніе возвращаетъ опилкамъ начальную чувствительность.

Мы видимъ, что опять въ явленіяхъ неорганической природы мы встрѣчаемся съ необходимостью прибѣгать къ біологическимъ терминамъ.

Позднѣйшіе опыты (1901) Восо обнаружили, что свѣже-взятая опилка часто нечувствительны къ волнамъ; надо тѣмъ или инымъ способомъ (нагрѣваніе, индуктивные токи, сотрясеніе, повторное дѣйствіе радіаціи) сдѣлать молекулы подвижными, «приучить» ихъ реагировать на «раздраженіе» и послѣ этого не «раздражать» слишкомъ сильно: тогда всѣ свойства оказываются замѣчательно постоянными и вещества начинаютъ совершенно правильно возвращаться въ начальное состояніе по прекращеніи искры; такъ, напримѣръ, магнитный желѣзнякъ давалъ сначала постоянное уменьшеніе сопротивленія; послѣ легкаго подогрѣванія «упругость» увеличилась: искра стала вызывать уменьшеніе сопротивленія, исчезавшее затѣмъ въ теченіе 30 секундъ. Уменьшеніе совершается въ незамѣтный промежутокъ времени, но начало уменьшенія не совпадаетъ съ моментомъ появленія искры, а запаздываетъ на нѣсколько секундъ; мы имѣемъ такъ-называемый *скрытый періодъ раздраженія* биологовъ.

Бромистые олово или свинецъ, особенно послѣдній, при высокой температурѣ Индіи (авторъ работалъ въ Калькуттѣ) уже послѣ немногихъ первыхъ искръ начинаютъ правильно возвращаться къ начальному состоянію черезъ 3—4 секунды.

Одна изъ разновидностей серебра была взята въ видѣ слоя порошка въ 3 мм.; этотъ слой имѣлъ въ началѣ 20 омовъ сопротивленія. Искра на разстояніи 15 см. сдѣлала это сопротивленіе равнымъ 1.000 омовъ, послѣ чего въ 30 секундъ времени сопротивленіе упало на 30 омовъ и, вѣроятно, ему потребовалось бы еще около минуты, чтобы дойти до 20 омовъ. Это вещество реагировало совершенно правильно на всякую искру въ теченіе *трехъ часовъ*.

Если не дожидаться возврата порошка къ начальному состоянію, т.-е. заставить его реагировать на слишкомъ часто слѣдующія одна за другою искры, то измѣненія сопротивленія *не суммируются*, а просто скоро получается нѣкоторый максимумъ сопротивленія, остающійся неизмѣннымъ, несмотря на новыя искры,—явленіе, совсѣмъ аналогичное тому, что въ ученіи о раздражимости живыхъ организмовъ носитъ названіе *столбняка* (tetanus).

Если, наконецъ, раздражать серебряныя опилки не слишкомъ часто, но очень долго—3 часа подъ рядъ, серебро начинаетъ давать меньшія измѣненія сопротивленія, чѣмъ давало рапѣе, а время, нужное для возвращенія къ начальному состоянію, возрастаетъ: мы имѣемъ явленіе, аналогичное фізіологическому явленію *усталости*.

Но электрическія волны измѣняютъ не одно сопротивленіе

тѣль. Воге взялъ два слоя порошка магнія со слоемъ спирта между ними; если получается электрическая искра со стороны одного слоя магнія, этотъ слой становится отличнымъ отъ другого, мы имѣемъ какъ бы два разнородныхъ металла въ жидкости, т.-е. гальваническій элементъ, въ которомъ токъ электрическій появляется лишь подъ дѣйствіемъ искры. Это—своеобразный *фотоэлементъ*. Электродвижущая сила такого элемента появляется отъ дѣйствія искры и затѣмъ черезъ нѣкоторое время пропадаетъ. Законы измѣненія этой силы совсѣмъ аналогичны законамъ измѣненія сопротивленія порошковъ.

Давно было извѣстно, что селенъ при освѣщеніи обыкновеннымъ свѣтомъ мѣняетъ свое сопротивленіе, а комбинація освѣщеннаго селена и неосвѣщеннаго образуетъ гальваническій элементъ, котораго электродвижущая сила обусловлена освѣщеніемъ, т.-е. мы имѣемъ здѣсь тоже фотоэлементъ. Такіе фотоэлементы можно дѣлать и изъ другихъ веществъ. Воге взялъ два слоя бромистаго серебра съ водой между ними и одинъ изъ слоевъ освѣщаль на мгновеніе: оказалось, что и здѣсь законы измѣненія электродвижущей силы тѣ же, что и законы измѣненія сопротивленія порошковъ. И здѣсь послѣ мгновеннаго освѣщенія мы имѣемъ скрытый періодъ, нарастаніе эффекта и его постепенное исчезновеніе; и здѣсь наблюдается и явленіе утомленія, и явленіе столбняка и др.

Сравнимъ теперь эти результаты опытовъ Воге съ тѣми фیزیологическими явленіями, на которыя они похожи.

Пусть мы имѣемъ живую мышцу лягушки, этой «давней мученицы науки», по выраженію v. Helmholtz'a.

Мышца соединена съ грузомъ однимъ своимъ концомъ, на другомъ ея концѣ нервъ. Черезъ двѣ любыхъ точки нерва пускаютъ индуктивный токъ; нервъ раздражается, мышца сокращается и поднимаетъ грузъ вверхъ. Соединимъ грузъ съ тоненькимъ стерженькомъ, касающимся закопченнаго цилиндра, и будемъ вращать послѣдній. Пока мышца и грузъ въ покоѣ, нашъ стерженецъ-перо пишетъ на вращающемся цилиндрѣ линію на одной и той же высотѣ; сокращается мышца, поднимается грузъ, поднимается и перо; прекращается сокращеніе, грузъ опускается, опускается и перо.

Очевидно, перо пишетъ на вращающемся цилиндрѣ законъ измѣненія положенія груза современемъ, т.-е. *кривую сокращенія мышцы*.

Но нѣтъ необходимости раздражать нервъ, приводя къ нему электрическій токъ непосредственно: нервъ раздражается и отъ электрической искры вблизи него, а мышца своимъ сокращеніемъ отвѣчаетъ на это раздраженіе. Разъ здѣсь есть электрическая искра,

есть и электрическія волны. Такимъ образомъ, мышца отвѣчаетъ на электрическія волны своимъ сокращеніемъ, порошки Bose—измѣненіемъ сопротивленія, появленіемъ электродвижущей силы. И тамъ, и тутъ мы наблюдаемъ нѣкоторый внѣшній эффектъ нѣкотораго невидимаго молекулярнаго процесса; будетъ ли послѣдній чисто-физическимъ, или чисто-химическимъ, или физико-химическимъ—это вопросъ второстепенный, тѣмъ болѣе, что явленія молекулярныхъ перегруппировокъ именно какъ разъ стоятъ на границѣ физики и химіи: желтый и красный фосфоръ одно и то же тѣло, тотъ же химическій элементъ, но свойства этихъ тѣлъ разныя и въ физическомъ, и въ химическомъ отношеніи (одинъ ядовитъ, другой нѣтъ).

Можно получить кривыя линіи и какъ записи измѣненія сопротивленія, электродвижущей силы въ разныхъ веществахъ подѣ дѣйствіемъ ли искры, или подѣ дѣйствіемъ свѣта. Для этого стоитъ только отразить отъ зеркальца гальванометра, указывающаго электрической токъ, лучъ свѣта на движущуюся фотографическую пластинку. Такія кривыя линіи и получилъ Bose.

И, сравнивая эти кривыя между собой и съ кривыми, записанными сокращеніемъ мышцы, авторъ находитъ, что онѣ удивительно всѣ сходны между собой: и мышцы, и опилки не сразу отвѣчаютъ на раздраженіе—и тамъ, и тутъ есть скрытый періодъ; послѣ начала отвѣта реакція растетъ до maximum'a и затѣмъ падаетъ до нуля; и тамъ, и тутъ небольшое повышеніе температуры вліяетъ сходно, ускоряя подъемъ кривой, увеличивая максимальный эффектъ и сокращая время возвращенія къ покою. Наоборотъ, сильное повышеніе или пониженіе температуры ослабляетъ возбудимость, такъ что и тамъ, и тутъ есть нѣкоторый optimum температуры. И въ мышцахъ, и въ порошкахъ металловъ время возвращенія къ покою можно удлинить химическимъ дѣйствіемъ: напримѣръ, дѣйствуя на порошокъ калія ртутью, на мышцу солями стронція, барія, калія и др. И тамъ, и тутъ эффектъ растетъ съ силой раздраженія, но лишь до извѣстнаго предѣла, и разъ онъ достигнутъ, новое раздраженіе остается безъ результата. Эффекты умѣренныхъ раздраженій слагаются, такъ что при медленной ихъ послѣдовательности виденъ эффектъ всякаго отдѣльнаго раздраженія, но если послѣдовательность чрезчуръ часта, эффекты всѣ сливаются въ одинъ длительный, называемый столбнякомъ, и т. д.

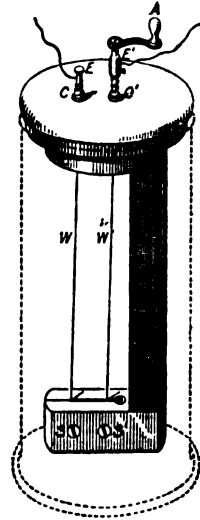
Мы не приводимъ относящихся сюда кривыхъ Bose и не входимъ въ дальнѣйшее разсмотрѣніе деталей явленія, отчасти въ виду сдѣланнаго Bose возраженія (Voruttau, 1901), что кривыя относятся къ *разнымъ* внѣшнимъ эффектамъ—сокращеніе мышцы и электри-

ческие процессы въ порошкахъ, отчасти же потому, что позднѣйшіе опыты нашего индусскаго автора еще болѣе замѣчательны.

Пусть мы имѣемъ двѣ одинаковыя проволоки W, W' (черт. 17), зажатая внизу въ кускѣ каучука S, S' . Эти проволоки слегка натянуты и прикрѣплены къ винтамъ $EC, E'O'$, соединеннымъ съ гальванометромъ. Винты эти вдѣланы въ крышку (изолирующую) сосуда, наполненнаго профильтрованной обыкновенной или дистиллированной водой. Мы получаемъ гальваническій элементъ, въ которомъ не должно быть электродвижущей силы и электрическаго тока, если только проволоки совершенно тождественны.

Обычно проволоки слегка различны, слабый токъ есть, но его можно уничтожить, «компенсировать» постороннимъ токомъ, ему равнымъ, но противоположно направленнымъ, или же и не компенсировать, но принимать въ расчетъ. При помощи рукоятки A можно теперь одну изъ проволокъ закрутить на нѣкоторый уголъ, на примѣръ, вправо, и *оставить такъ*: въ элементъ получается электродвижущая сила, растущая отъ 0 до нѣкотораго максимум'a и затѣмъ падающая до нуля. Весь процессъ протекаетъ въ нѣсколько секундъ; а такъ какъ проволока остается все время закрученной, а электрическое явленіе черезъ нѣсколько секундъ прекращается, то, очевидно, его причина лежитъ въ томъ, что проволока *перешла* отъ одной формы къ другой. И дѣйствительно, все равно, въ какую сторону закручивать проволоку, — электрическое явленіе своего направленія не мѣняетъ. Поэтому Воге закручивалъ проволоку, на примѣръ, на 90° вправо, раскручивалъ, закручивалъ настолько же влѣво и снова раскручивалъ, т.-е. сообщалъ проволоку одно полное *крутильное* колебаніе съ амплитудой въ $90, 180$ или 360° . Этотъ процессъ выполнялся очень быстро, въ полсекунды.

Оказалось, что электродвижущая сила является не сейчасъ за крученіемъ: есть скрытый періодъ; затѣмъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ доходитъ до максимум'a и медленно падаетъ на нуль. Металлъ проволокъ въ смыслѣ качества безразличенъ; очень сильный отвѣтъ даютъ свинцовыя проволоки отъ «предохранителей», употребляемыхъ при устройствѣ электрическаго освѣщенія (сплавъ олова со свинцомъ, 1 мм. діаметра, 9 см. длины). Явленія усталости наблюдаются лишь въ слабой степени; отвѣтъ удивительно правиленъ; авторъ получалъ до 500 послѣдовательныхъ отвѣтовъ.

Черт. 17.

Если раздражать проволоку слишком часто, опять и здѣсь наступаетъ явленіе столбняка. Словомъ, теченіе современемъ электродвижущей силы, появляющейся вслѣдствіе раздраженія проволоки крутильнымъ колебаніемъ, до мельчайшихъ подробностей сходно съ теченіемъ кривыхъ, наблюдаемыхъ на опилкахъ, какъ результатъ измѣненія сопротивленія, напримѣръ, отъ электрическихъ волнъ. Чер. 18 тремя верхними кривыми (A) представляетъ собой:

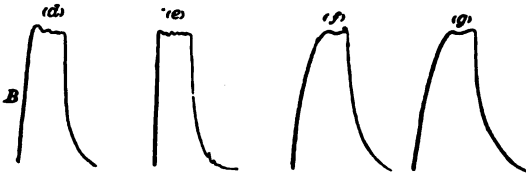
а) измѣненіе сопротивленія серебрянаго порошка послѣ одной электрической искры;

б) измѣненіе электродвижущей силы у бромистой ртути послѣ моментальнаго (почти) освѣщенія;

в) измѣненіе электродвижущей силы у оловянной проволоки послѣ одного крутильнаго колебанія.

Кривыя нижняго ряда (B) дають явленія столбняка, записанныя:

д) измѣненіемъ сопротивленія серебра послѣ электрическихъ искръ;

е) измѣненіемъ электродвижущей силы у олова послѣ крутильныхъ колебаній;

ф) измѣненіемъ электродвижущей силы у бромистаго серебра при освѣщеніи;

г) измѣненіемъ электродвижущей силы никкеля при крутильныхъ колебаніяхъ.

Сходство всѣхъ кривыхъ ряда A, какъ и всѣхъ кривыхъ ряда B, замѣчательно: не зная, что это записи совсѣмъ разныхъ процессовъ, мы бы сочли эти кривыя за записи одного и того же явленія въ слегка измѣненныхъ условіяхъ опыта. Да это вѣдь такъ и есть на самомъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ эти кривыя суть записи извѣстнаго молекулярнаго процесса, протекающаго вполнѣ закономернымъ образомъ, независимо отъ того, чѣмъ онъ вызванъ и по какому его внѣшнему проявленію мы за нимъ слѣдимъ. И тожество записей указываетъ на то, что молекулярный процессъ во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же и что, стало быть, мы всюду наблюдаемъ одно и то же явленіе.

Любопытно далѣе, что вліяніе крутильныхъ колебаній и элек-

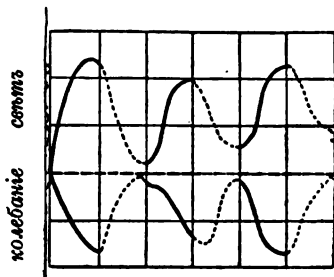
трических или световых волн на одно и то же вещество *прямо противоположно* по знаку (+ и —) и может быть сделано равно по величинѣ. Чер. 19 дает своей нижней кривой изменение электродвижущей силы оловянной проволоки от крутильных колебаній, а верхняя кривая дает изменение той же силы и той же проволоки при освѣщеніи. Сплошныя кривыя записываютъ нарастаніе эффекта, пунктирныя — возвратъ къ покою.

Такимъ образомъ, намъ становится понятнымъ, почему сотрясеніе возвращаетъ порошки въ начальное состояніе, если оно было нарушено дѣйствіемъ волнъ.

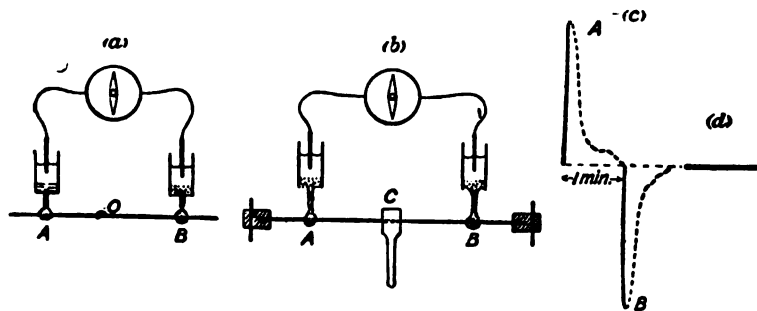
Но замѣчательныя изслѣдованія Bose на этомъ не кончились.

Представимъ себѣ именно, что наши двѣ проволоки замѣнены одной, зажатой въ серединѣ *C* [черт. 20, (b)] неподвижно*).

Тогда обѣимъ половинамъ проволоки можно сообщить независимыя крутильныя колебанія. Соединимъ далѣе гальванометръ съ двумя кусочками цинка, опущенными въ растворъ цинковаго купороса (такъ наз. неполяризующіеся электроды) и соединимъ затѣмъ точки *A* и *B* нашей проволоки съ растворомъ купороса при помощи намочен-

Черт. 19.

Черт. 20.

ныхъ тѣмъ же растворомъ тряпочекъ. Въ гальванометрѣ тока не будетъ или будетъ очень слабый, который наблюденіямъ не мѣшаетъ. Поэтому можно замѣнить растворъ цинковаго купороса просто дистиллированной водой, слабымъ растворомъ поваренной соли, двуххромоксида калия и т. п. Возбудимость проволоки будетъ

*) Для наглядности мы излагаемъ послѣдовательность измѣненій *формы* опытовъ Bose съ *проводами* въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ это было у автора.

нормальная. Крутильное колебаніе половины A вызоветъ «мгновенный» токъ электричества *отъ A къ гальванометру*, крутильное колебаніе (той же амплитуды) половины B вызоветъ совершенно такой же токъ, но *отъ B къ гальванометру*: эти токи—проявленіе электродвижущей силы и чер. 20 (с) показываетъ (A) нарастаніе послѣдней и паденіе до нуля въ теченіе одной минуты, а (B) подобное же явленіе при крученіи конца B . Если оба крученія одновременны, понятно, гальванометръ никакого отклоненія не даетъ [черт. 20, (d)] и свѣтовой лучъ начертитъ на движущейся фотографической бумагѣ прямую линію.

Опыты показали, что нѣтъ необходимости непременно закручивать проволоку, чтобы получить отъ нея электрической эффектъ и отклоненіе гальванометра; совершенно тѣ же результаты мы получимъ, если просто дадимъ проволоку сотрясеніе, *ударимъ* ее. Только трудность давать точно измѣримые и одинаковые удары дѣлаетъ предпочтительнымъ пользоваться крученіемъ, гдѣ амплитуда крученія легко измѣрима.

Но, если такъ, мы можемъ устранить крутильныя приспособленія [чер. 20, (b)], на концахъ проволоки AB , равно какъ и центральный зажимъ O . Мы получимъ тогда расположеніе приборовъ, указываемое черт. 20 (a).

Ударяя проволоку въ серединѣ ея O , мы не можемъ получить отклоненія гальванометра: волна сотрясенія изъ O одновременно дойдетъ до A и до B , вызоветъ и здѣсь, и тамъ одинаковыя молекулярныя измѣненія, а стало быть и появленіе двухъ одинаковыхъ, но противоположно направленныхъ, одновременныхъ электрическихъ токовъ, которые уничтожатъ другъ друга.

Но ударяя проволоку въ A напр., мы получимъ эффектъ, потому что деформация въ B наступитъ позже и будетъ слабѣе, чѣмъ въ A . Поэтому электрической токъ сначала будетъ расти до maximum'a, потомъ падеть до нуля, переимѣнитъ знакъ, достигнетъ до minimum'a и вернется къ нулю. Если ударимъ въ B , теченіе тока будетъ такое же, но онъ все время будетъ имѣть направленіе обратное тому, какое онъ имѣлъ въ опытѣ съ концомъ A .

Если мы назовемъ нашу проволоку «препаратомъ», мѣсто удара—«мѣстомъ раздраженія», мы можемъ сказать: «въ препаратѣ всегда токъ идетъ отъ нераздраженного къ раздраженному мѣсту».

Но всѣ тѣ свойства, какія сейчасъ изложены, какъ разъ обнаруживаетъ кусокъ неповрежденного нерва или мышцы, если этотъ кусокъ помѣстить на мѣсто проволоки AB и если контакты A и B будутъ въ точкахъ *неповрежденной* ткани. Тогда, точно такъ же раздражая тканьъ въ серединѣ, мы не получимъ отклоненія галь-

ванометра; раздражая на концѣ, получимъ наложеніе двухъ эффектовъ и т. д. И тамъ и тутъ, и въ проволоцѣ, и въ нервѣ или мышцѣ одна и та же причина—ударъ—вызываетъ появленіе электрическаго тока, протекающаго по совершенно сходнымъ законамъ! Такіе токи въ живой ткани, соответствующіе отдѣльному раздраженію, носятъ въ физиологіи названіе *фазовыхъ* токовъ, перваго—раздраженіе въ *A*, и второго, когда раздраженіе волной дошло до *B* (*Actionsströme*, Негманн), и эти токи тоже всегда идутъ въ нервѣ или мышцѣ отъ нераздраженнаго мѣста къ раздраженному. Каждый изъ этихъ токовъ въ отдѣльности носить также названіе «отрицательнаго колебанія» (*negative Schwankung*, E. du Bois-Reymond).

«Въ вырѣзанныхъ изъ тѣла мышцахъ способность давать отрицательное колебаніе сохраняется все время, пока мышца не утратитъ окончательно своей способности сокращаться; въ нервахъ эта способность особенно интересна, потому что только она даетъ возможность изучать ходъ процессовъ возбужденія въ самомъ нервномъ волокнѣ; иныхъ измѣненій въ нервѣ при раздраженіи мы не замѣчаемъ» *). «Раздражительность, составляя основное свойство живого вещества, въ мышечной и нервной ткани высшихъ животныхъ достигаетъ наивысшей степени своего проявленія», читаемъ мы у физиологовъ (А. А. Кулябко). Далѣе, когда мышцы или нервъ *умираютъ*, они перестаютъ давать отвѣтъ на раздраженіе, токовъ дѣйствія не получается. Потому-то всѣ эксперименты этого рода и удобно дѣлать на лягушкахъ и т. п. животныхъ, что ихъ ткани сравнительно долго сохраняютъ свои жизненные свойства, будучи вырѣзаны изъ животнаго. И что же? Простая проволока изъ предохранителя даетъ такой же электрическій отвѣтъ на ударъ, какъ и живая ткань: И это въ совершенно тождественныхъ условіяхъ опыта. Развѣ же мы не *обязаны* сказать, что проволока *раздражается*, какъ и живая ткань; развѣ мы не обязаны называть одно и то же явленіе всегда однимъ именемъ?!

Было время, и это сравнительно недавно, менѣе полвѣка тому назадъ, когда раздраженіе слухового нерва волнами звука и зрительнаго волнами свѣта было для всѣхъ великой тайной. Теперь мы знаемъ, съ одной стороны, что всякіе нервы одинаково и чѣмъ угодно раздражимы; свѣтъ, теплота, раздражая слуховой нервъ, дадутъ намъ всегда ощущеніе только звука; сильныя звуковыя и инныя сотрясенія зрительнаго нерва дадутъ намъ всегда ощущеніе

*) Въ послѣднее время и физиологи начинаютъ замѣчать, что электрическій отвѣтъ не такой уже вѣрный признакъ жизни, какъ это думали раньше (А. А. Геркенъ, 1901).

лишь свѣта. Но мы знаемъ и больше: мы знаемъ, съ другой стороны, что звукъ и свѣтъ не прямо дѣйствуютъ на соотвѣтственные нервы. Волны звука встрѣчаютъ въ ухѣ своеобразное микроскопическое фортепьяно, число струнъ которыхъ около 3.000 (волокна маркиза Corti, v. Helmholtz); и какъ струны нашихъ арфъ, скрипокъ и роялей резонируютъ на разные звуки и сами приходятъ при этомъ въ колебанія, такъ и въ нашемъ органѣ слуха эта 3000-струнная арфа приводится въ дрожаніе волнами звука, и уже эти дрожанія возбуждаютъ волокна слухового нерва. Точно также и въ глазу волны свѣта даютъ дѣйствительныя изображенія внѣшнихъ предметовъ, но ретина здѣсь не играетъ роли матовой стеклянной пластинки фотографической камеры; нѣтъ, чтобы раздражить зрительный нервъ, нуженъ еще особый процессъ и наша сѣтчатая оболочка можетъ быть здѣсь уподоблена фотографической свѣточувствительной пластинкѣ. Изображеніе, полученное въ глазу, *отпечатывается*, такъ сказать, при помощи особаго вещества краснаго цвѣта — зрительнаго пурпура, который при этомъ блѣднѣетъ, возстановляя затѣмъ свои свойства. Люди ранѣе изобрѣли свои арфы и рояли, свои фотографическіе аппараты, чѣмъ узнали, что въ природѣ они давнымъ-давно существовали въ нашемъ ухѣ, въ нашемъ глазу.

Теперь въ началѣ XX вѣка опыты Boscе раскрываютъ намъ еще одну изъ тайнъ жизни — раздражимость. «Необъяснимое понятіе раздражимости стало точкой отправленія витализма» (Vergwon); самый общій и самый тонкій признакъ жизни есть электрическій отвѣтъ (нерва или мышцы) на раздраженіе (Waller). Раздражительность живой субстанціи клѣтокъ относится «къ категоріи явленій высшаго порядка, свойственной живому міру» (В. И. Бѣляевъ); такъ говорятъ біологи. И вотъ мы видимъ, что этотъ таинственный признакъ жизни есть не болѣе, какъ нѣкоторый молекулярный процессъ, который такъ же легко наблюдать и въ проволокаѣ, какъ и въ колоніи *живыхъ* клѣтокъ.

Такимъ образомъ, какое явленіе ни выдвигалось біологами, какъ признакъ жизни, рано или поздно находились такія же явленія и въ мірѣ неорганическомъ, и это исканіе признаковъ жизни невольно намъ напоминаетъ непрекратившееся даже и до сего времени исканіе *perpetuum mobile*...

Но пойдѣмъ далѣе. Нервъ и мышца даютъ электрическій отвѣтъ, только пока живы; *умираютъ* они, отвѣта нѣтъ. Между тѣмъ у проволоки нѣтъ смерти. Что же, она болѣе *жива*, чѣмъ нервъ?

Разъясненіе этого интереснаго и чрезвычайно важнаго обстоятельства мы находимъ въ дальнѣйшихъ опытахъ Boscе.

Замѣнимъ въ А [черт. 20 (а)] контактъ платиновой проволоки

съ водою контактомъ съ растворомъ соды. Теперь въ нашей цѣпи долженъ получиться и получается нѣкоторый *постоянный* токъ, потому что мы устроили нѣчто въ родѣ гальваническаго элемента и гальванометръ даетъ нѣкоторое постоянное отклоненіе. Раздражаемъ *A* (ударомъ или закручиваніемъ); на постоянный токъ налагается другой «мгновенный», скоро проходящій, какъ слѣдствіе раздраженія, какъ электрическій отвѣтъ. Но теперь этотъ отвѣтъ *сильнѣе*, чѣмъ раньше, когда соды не было; говоря языкомъ физиологовъ, мы должны сказать: сода дѣйствуетъ на проволоку, какъ *возбудитель*.

Но замѣнимъ соду щавелевой кислотой. Оказывается, что теперь электрическій отвѣтъ слабѣе не только того отвѣта, который былъ при содѣ, но и того, какой наблюдался, когда контактъ былъ водяной. Щавелевая кислота дѣйствуетъ, значить, на проволоку *унижающимъ* образомъ, ослабляя нормальную ея раздражимость, *анестезируя* ее.

Растворъ ѣдкаго кали въ слабой дозѣ (3 на 1.000) дѣйствуетъ подобно содѣ, т.-е. возбуждающимъ образомъ, въ сильной дозѣ (3 на 100), какъ *смертельный ядъ*; т.-е. *возбудимость проволоки пропадаетъ вовсе*, она не даетъ больше отвѣта на раздраженіе со стороны *A*; мы *убили* этотъ конецъ проволоки, тогда какъ другой остался невредимъ и живъ: и раздражая этотъ другой конецъ, мы получимъ чистый фазовый токъ, соответствующій тому, что du Bois Reymond назвалъ отрицательнымъ колебаніемъ.

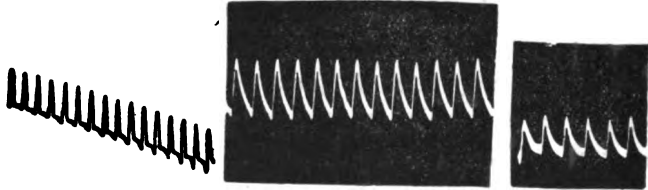
Это дѣйствіе химическихъ средствъ удивительно еще и тѣмъ, что его можно замѣтить по электрическому отвѣту и тогда, когда никакимъ инымъ способомъ этого сдѣлать нельзя. Достаточно смочить проволоку въ данномъ мѣстѣ растворомъ соды или щавелевой кислоты, а затѣмъ все смыть: и все же неоднородность проволоки скажется сейчасъ въ электрическихъ отвѣтахъ на раздраженіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣды измѣненія остаются даже послѣ того, какъ проволока не только вымыта, но и вычищена наждачной бумагой.

Для всякаго металла есть свои яды (напр., для платины яды—бромистый калий, щавелевая кислота, ѣдкій кали) и свои возбудители (для платины—сода, слабый растворъ ѣдкаго кали и др.).

Причина отвѣта проволокъ не въ ихъ химическомъ дѣйствіи съ контактомъ, потому что вообще величина отвѣта не стоитъ параллельно химической дѣятельности веществъ: такъ, химически менѣе дѣятельное, чѣмъ цинкъ, олово даетъ лучшіе отвѣты, а платина даетъ отвѣты и при контактѣ съ дистиллированной водою.

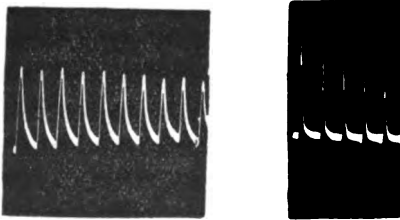
Такимъ образомъ мы видимъ, что чѣмъ далѣе мы изучаемъ

электрическій отвѣтъ металловъ, тѣмъ болѣе мы встрѣчаемъ сходства въ этихъ явленіяхъ съ явленіями въ живыхъ раздражимыхъ тканяхъ. Послѣдніе опыты съ химическими веществами показываютъ, что и проволока можетъ быть *мертва*, какъ и нервъ, какъ и мышца. Мы имѣемъ и тамъ и тутъ смерть, когда молекулы пришли въ извѣстное устойчивое расположеніе, при которомъ онѣ уже не поддаются перегруппировкамъ отъ внѣшняго воздѣйствія.

Черт. 21.

Около года тому назадъ (5 апрѣля н. ст. 1902 г.) Воге демонстрировалъ свои кривыя во французскомъ физическомъ обществѣ. Чтобы доказать полное сходство явленій электрическаго отвѣта въ матеріи живой и неживой, авторъ сопоставляетъ рядомъ кривыя электрическаго отвѣта на послѣдовательныя раздраженія у нерва, растенія, металлической проволоки. Я позволю себѣ привести фотографіи этихъ кривыхъ, потому что онѣ говорятъ несравненно болѣе краснорѣчиво, чѣмъ всякія описанія.

Черт. 22.

Черт. 21 даетъ фотографическую запись ряда послѣдовательныхъ электрическихъ отвѣтовъ на послѣдовательныя отдѣльныя раздраженія. (а) относится къ нерву (наблюденія Waller'a), (b) — къ растенію (рѣдиска), (с) — къ металлической проволоки (олово). Это

отвѣты въ «нормальныхъ» условіяхъ. Если же раздраженія повторяются слишкомъ долго, подъемы кривыхъ линий становятся слабѣе, раздражительность притупляется, мы имѣемъ явленіе утомленія, усталости. Черт. 22 и даетъ такую кривую *утомленія*: (а) — для сельдерея, (b) — для платиновой проволоки.

Далѣе, слишкомъ часто слѣдующія другъ за другомъ раздраженія даютъ явленія столбняка — тетануса: такой тетанусъ показываетъ черт. 23 кривая (а) для растенія, (b) — для металла.

Черт. 24 даетъ кривую нормальнаго отвѣта платиновой прово-

локи; затѣмъ проволока «получила слабую дозу» ѣдкаго кали — средство возбуждающее: чертежъ показываетъ, что амплитуда отвѣта стала гораздо больше, во много разъ сильнѣе, но что это возбужденіе понемногу ослабѣваетъ, наступаютъ явленія утомленія.

Если смотрѣть на тотъ же черт. 24 не прямо, а въ *зеркало*, мы

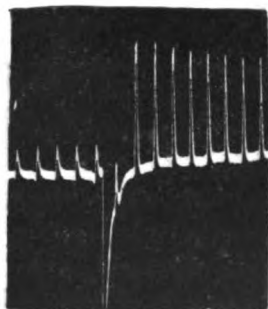

(a)

(b)

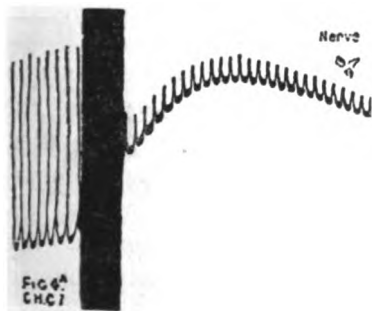
Черт. 23.

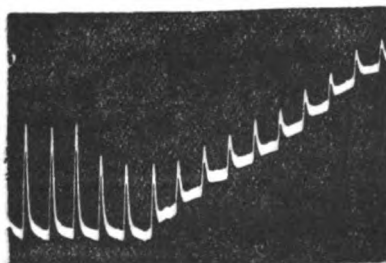
Черт. 24.

получимъ запись отвѣтовъ проволоки подѣ влияніемъ успокаивающихъ средствъ (напр., бромистаго кали). Въ параллель этому чертежу черт. 25 даетъ кривую для нерва, «усыпленнаго» хлороформомъ (Waller), а черт. 26 — подобную же кривую для растенія (J. C. Bose).

Вещества родѣ сулемы, ѣдкаго кали и т. п., суть яды для

Черт. 25.

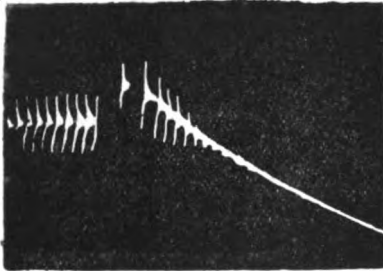

Черт. 26.

живыхъ тканей; они ихъ убиваютъ, а со смертію исчезаетъ и способность отвѣчать на раздраженіе при помощи электрическаго тока. Черт. 27 даетъ запись такого отравленія нерва ѣдкимъ кали по Waller'у. «До» — значитъ отвѣтъ нормаленъ, «послѣ» — это отвѣтъ нерва послѣ отравленія. Мы видимъ, какъ колебанія скоро оконча-

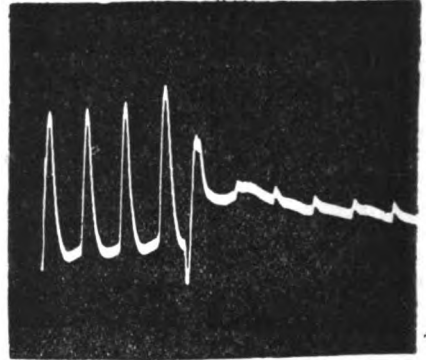
тельно прекратились, наступила смерть нерва. Но, оказывается, ёдкій кали точно также ядь и для растеній. И черт. 28 даёт запись отравленія и у растеній. Обозначенія «до» и «послѣ» имѣють тотъ же смыслъ, какъ и на черт. 27; и у растенія отвѣты сильно ослабли по отравленіи, но полной смерти, на чертежѣ по крайней мѣрѣ,

До.

Послѣ.

Черт. 27.

До.

Послѣ.

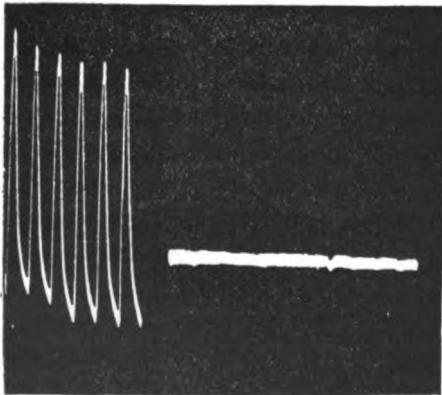
Черт. 28.

не видно. Но вотъ черт. 29 даёт картину смерти проволоки отъ предохранителя: и здѣсь смерть почти такъ же полна, какъ и у нерва. Ядь—тотъ же, ёдкій кали.

Итакъ, чѣмъ болѣе мы изучаемъ явленія молекулярной физики,

тѣмъ чаще мы встрѣчаемся все съ новыми и новыми фактами въ неорганическомъ мірѣ,—фактами, совершенно неожиданными для насъ и пока необъяснимыми, потому что конечно слово «молекулярная перегруппировка» не лучше «тропизмовъ» и «тактизовъ».

А сколько новыхъ тайнъ откроетъ намъ молекулярная физика въ будущемъ? Развѣ можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что если бы всѣ тѣ явленія, которыя описаны въ предыду-

До.

Послѣ.

Черт. 29.

щихъ главахъ этой статьи, были хорошо извѣстны хоть четверть вѣка тому назадъ, такъ что мы совершенно освоились бы съ ними,—развѣ можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что мы не говорили бы уже такъ увѣренно о клѣточной структурѣ плазмы, какъ при-

знакъ жизни, объ автономныхъ движеніяхъ амёбы, о раздражимости, свойственной лишь живому веществу, и т. д., и т. д.?

Пока не было извѣстно постоянства кристаллическихъ формъ, возможность такого постоянства не признавалась. Писаль же Цезальпинъ (1602), что «нѣтъ никакого основанія приписывать неодушевленнымъ тѣламъ опредѣленную форму, потому что только дѣло организациі производить опредѣленныя формы» (Whewell); даже 180 лѣтъ позже Buffon считалъ, что «форма кристаллизаціи не есть постоянный признакъ».

Не то же ли мы дѣлаемъ теперь, когда говоримъ о разныхъ признакахъ жизни, о разныхъ свойствахъ, присущихъ *только* живымъ организмамъ? А между тѣмъ какое опредѣленіе мы ни дадимъ жизненнымъ процессамъ, рано или поздно и въ мертвой природѣ мы встрѣчаемся съ явленіями, подходящими подъ это опредѣленіе. Вспомнимъ только, что въ началѣ вѣка наука знала много непроходимыхъ перегородокъ между явленіями, а потомъ эти перегородки пришлось ломать. Были когда-то въ физикѣ проводники и непроводники, было 3 состоянія тѣлъ, были магниты и немагниты и т. д., и т. д. Что же осталось теперь отъ всей этой классификаціи? Осталось удобство разсматривать приближенно нѣкоторыя явленія, забывая при этомъ о другихъ, и больше ничего. Но какъ только мы касаемся процессовъ болѣе сложныхъ, болѣе запутанныхъ, мы должны считаться сейчасъ же съ тѣмъ, что нѣтъ абсолютныхъ проводниковъ, какъ нѣтъ тѣлъ, которыя бы не намагничивались, что три состоянія тѣлъ непрерывно переходятъ одно въ другое, да вдобавокъ мы практически не можемъ имѣть ни твердаго, ни жидкаго тѣла безъ ихъ пара и т. д., и т. д.

И все это вмѣстѣ взятое убѣждаетъ насъ, что и перегородка между живымъ и неживымъ создана только несовершенствомъ нашего знанія, что на самомъ дѣлѣ ея, можетъ быть, и нѣтъ. И мы должны стремиться уяснить себѣ этотъ вопросъ; не даромъ же про человечество можно сказать, что

Ihm hat das Schicksal einen Geist gegeben,
Der ungebändigt immer vorwärts dringt!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д. Гольдгамеръ.

Аграрный строй Германіи въ XVI вѣкѣ.

Въ настоящее время въ Германіи земледѣльческое населеніе находится въ меньшинствѣ, которое притомъ еще не перестало убывать. Въ хозяйственной жизни страны интересы торговли, ремесла и особенно фабрично-заводской промышленности, правда, не безъ колебаній, берутъ верхъ надъ притязаніями сельскихъ хозяевъ и постепенно подрываютъ господство земельного дворянства и бюрократіи, въ значительной мѣрѣ выходящей изъ рядовъ этого дворянства. Но эти явленія сложились въ очень недавнее время. Достаточно пойти назадъ всего только къ началу XIX вѣка, даже къ половинѣ его, и горожане составляютъ меньшинство населенія, аграрный вопросъ занимаетъ очень видное положеніе въ правительственной политикѣ и классовой борьбѣ, земледѣлію принадлежитъ господствующее мѣсто въ народномъ хозяйствѣ. Отсюда вытекаетъ практическій интересъ къ нѣмецкой аграрной исторіи. Знакомство съ нею необходимо для пониманія недавняго прошлаго Германіи, которое тѣсно связано со многими важнѣйшими вопросами настоящаго дня. Но эта исторія привлекаетъ къ себѣ и своимъ теоретическимъ интересомъ. Условія земледѣльской жизни, особенно въ прежнее время, складывались много проще условій городского развитія. Въ деревнѣ однообразіе была техника производства и не такъ многочисленны были его разныя отрасли; проще и понятнѣе складывались отношенія между различными классами; медленнѣе создавались привычки и воззрѣнія и медленнѣе уступали мѣсто новымъ чувствамъ и вѣрованіямъ. При одинаковомъ качествѣ и количествѣ источниковъ, историку легче возсоздать главныя черты жизни деревенскаго люда, нежели основныя явленія въ судьбѣ горожанъ, легче отличить явленія существенныя и основныя отъ второстепенныхъ и случайныхъ, установить черты сходства и различія между порядками разныхъ мѣстностей, найти главныя ступени и формы аграрной эволюціи; больше основаній надѣяться на установленіе, по крайней мѣрѣ, эмпирическихъ обобщеній.

Едва ли не самой важной эпохой въ нѣмецкой аграрной исторіи является XVI вѣкъ. Преимущественно въ XVI вѣкѣ сложились тѣ черты германскаго аграрнаго строя, которыя оставались въ силѣ до освободительныхъ реформъ конца XVIII и первой половины XIX вѣка и наложили глубокой отпечатокъ на Германію настоящаго времени. Интересъ эпохи возрастаетъ еще потому, что съ нею связаны религіозная реформація и крестьянская война. Любопытно выяснитъ на конкретномъ примѣрѣ, какъ религіозный переворотъ отражается на хозяйственной жизни общества; любопытно видѣть, въ какой мѣрѣ революціонный порывъ народнаго недовольства можетъ видоизмѣнить общія тенденціи историческаго процесса.

Систематическая разработка нѣмецкой аграрной исторіи новаго времени составляетъ, главнымъ образомъ, заслугу нынѣ здравствующаго страсбургскаго профессора G. F. Кнарр и его школы. Появленіе въ 1888 г. его классической работы объ «Освобожденіи крестьянъ въ древнѣйшихъ частяхъ Пруссіи» открыло собой рядъ цѣнныхъ монографій по различнымъ территориямъ Германіи, среди которыхъ выдается по своей важности книга проф. Виттиха «Grundherrschaft in Nordwestdeutschland» (1896). Благодаря этой литературѣ, выяснились тѣ условія, при которыхъ изъ сходныхъ первоначально деревенскихъ порядковъ Германіи развились очень далекіе другъ отъ друга уклады, были опредѣлены главныя черты этихъ укладовъ и районы ихъ распространенія. Основной является противоположность между старой Германіей (Mutterland) и отбитой у славянъ страной, между West- и Ostelbien.

Новые ислѣдователи, Böhlau, Когн, Кнарр, Grossmann, Fuchs, Brünnick, сходятся въ признаніи того, что въ первые вѣка послѣ колонизаціи, въ XIII, XIV, даже XV в., аграрный строй сѣверо-восточной Германіи не представлялъ существенныхъ отличій отъ запада и юго-запада, что положеніе крестьянъ на сѣверо-востокѣ было даже благоприятнѣе, чѣмъ въ старой Германіи. Такимъ образомъ, едва ли правильно говорить о вторичномъ закрѣпощеніи восточно-нѣмецкихъ крестьянъ. Нѣмецкіе переселенцы-крестьяне сажались за Эльбой свободные, а онѣмеченные славяне скоро заняли одинаковое съ ними положеніе; наступившее съ XVI в. ухудшеніе судьбы сельскаго населенія было первымъ, а не вторымъ закрѣпощеніемъ. Въ то время, какъ въ Mutterland въ XIV в. отношенія личной зависимости были еще очень сильны, въ мекленбургскихъ, померанскихъ, бранденбургскихъ источникахъ крестьяне выступаютъ лично свободными людьми, по большей части съ наследственнымъ цензуальнымъ держаніемъ; они подчинены государственному суду и

государственной администраціи. При рѣдкости населенія они лучше обезпечены землей; малоземельные коссеты и безземельные Häusler или Kätner встрѣчаются рѣже, чѣмъ на западѣ. Наконецъ, бранденбургская перепись 1375 года показываетъ, что рыцарскія земли не представляютъ собой замкнутого цѣлаго: нерѣдко въ одной деревнѣ по нѣскольку рыцарей. Но то обстоятельство, что на востокѣ является новое пришлое населеніе, повлекло и рядъ неблагоприятныхъ крестьянамъ послѣдствій и во многомъ объясняетъ успѣхи позднѣйшаго закрѣпощенія. На новомъ мѣстѣ, у людей, сошедшихся нерѣдко изъ разныхъ мѣстъ, нерѣдко разноязычныхъ, не было и не могло быть прочной и жизнеспособной общинной традиціи и вѣкового обычая; на колониальномъ востокѣ отсутствуютъ Weistümer, которыя дошли до насъ въ такомъ изобиліи отъ многихъ мѣстностей запада. Молодая, плохо сплоченная община легко поддавалась внѣшнему воздѣйствію, оказывала слабое сопротивленіе крѣпостническимъ тенденціямъ дворянства. Руководителями колонизаціи были государи и крупные вассалы. Когда населеніе садилось на землю, оно уже заставляло тамъ государя и земельного собственника. Земельныя права населенія съ самаго начала являются производными (abgeleitetes Besitzrecht). Изъ особенностей колонизаціи вытекало и то важное обстоятельство, что съ самаго начала рыцарская пашня во многихъ мѣстахъ занимаетъ довольно значительную площадь. Правда, точныя данныя имѣются лишь для XIV в. (Landbuch 1375) и лишь для разныхъ частей бранденбургской марки; онѣ установлены Гросманомъ и Фуксомъ. Въ Mittelmark рыцарская пашня составляла $\frac{1}{8}$ крестьянской, въ Neumark— $\frac{1}{6}$, въ Uckermark даже $\frac{1}{5}$. Съ самаго начала существовало значительное ядро, вокругъ котораго сложились крупныя рыцарскія имѣнія и хозяйства позднѣйшаго времени. Почву для аграрнаго переворота XVI в. подготовили кромѣ того медленныя перемѣны XIV и XV вв. Въ XV в. рыцари приобрѣли себѣ низшую юрисдикцію и полицейскую власть надъ мѣстнымъ населеніемъ, Gerichtsherrschaft, съ которой было связано право на разнообразныя доходы и службы. Въ то же время постепенно Grundherrschaft изъ череполосной становится замкнутой. Въ податныхъ спискахъ (Schossregister) второй половины XV в. въ маркѣ уже почти нѣтъ деревень, гдѣ бы сидѣлъ не одинъ рыцарь, а нѣсколько. Такимъ образомъ, еще до XVI в. и медленнымъ процессомъ создаются на востокѣ нѣкоторые важные элементы позднѣйшаго аграрнаго порядка: страна распадается на рядъ округовъ, въ которыхъ юрисдикція и собственность на землю (Grundherrschaft) принадлежатъ владѣльцу рыцарскаго имѣнія. Но крестьяне все еще не знаютъ личной крѣпости, пользуются свободой занятій и пере-

движенія. Собственное полевое хозяйство рыцаря все еще не особенно значительно и не нуждается въ большомъ количествѣ труда.

Съ XVI вѣкомъ связана рѣшительная перемѣна. Рыцари обнаруживаютъ упорное стремленіе расширить свою пашню насчетъ крестьянской, поставить мѣстное населеніе въ личную зависимость отъ себя и заставить его работать на господской землѣ. Успѣхъ этихъ стремленій и создаетъ Gutsherrschaft. Въ XVI в. рыцари получаютъ возможность законными путями присоединять крестьянскую пашню къ своей. Особенно важно было право принудительной покупки крестьянскихъ дворовъ для устройства рыцарской усадьбы. Въ Кир- и Neumark оно установлено по LA 1540 и 1572. Въ Mittelmark въ 1578 — 1620 такъ скуплены были 1560 крестьянскихъ гуфъ, больше 10% крестьянскаго землевладѣнія.

Конечно, право отбирать крестьянскія земли получило для дворянъ большую цѣнность лишь потому, что они одновременно присвоили себѣ право распоряжаться крестьянской рабочей силою, постепенно прикрѣпили ее къ землѣ и лицу. Первоначально стѣсняется свобода бросать землю. Въ Бранденбургѣ уже по LA 1518 г. крестьянинъ можетъ уйти, лишь поставивъ за себя замѣстителя (Gewehrsmann). Совершенно такое же постановленіе встрѣчается въ Wendisch-Rüginisches Recht для Помераніи. Слѣдующій шагъ состоялъ въ томъ, что крестьянинъ могъ передвигаться лишь съ выданнымъ отъ господина паспортомъ, безъ котораго его не могли принять въ городѣ и въ чужой деревнѣ. Въ Бранденбургѣ состоялся рядъ постановленій ландтага въ этомъ смыслѣ (1536, 1538, 1539, 1572, 1602), въ Hinterpommern соотвѣтствующее распоряженіе введено въ Baueordnung 1616 г. Однако, рыцарю недостаточно прикрѣпить крестьянина къ мѣсту: нужно еще въ должной мѣрѣ использовать его рабочую силу. Съ ростомъ своего хозяйства рыцари все больше и больше нуждаются въ рабочихъ. Въ Бранденбургѣ крестьяне нерѣдко жалуются, что съ нихъ требуютъ большей противъ прежняго барщины (Grosberegn 1550 г., Mantschenow 1567 г.). Kantzw уже въ 30-хъ годахъ XVI в. сообщаетъ, что въ Hinterpommern преобладаетъ безсрочная барщина. Но рыцари не довольствуются фактическими притѣсненіями: они хотятъ обезпечить *закономъ* широкое право на крестьянскій трудъ. Крестьянскій уставъ 1616 года налагаетъ на всѣхъ крестьянъ въ Hinterpommern *allerhand ungemessene Dienste*. Въ 1572 г. въ Neumark на всѣхъ крестьянъ наложена барщина въ 2 дня въ недѣлю, а во время жатвы, въ августѣ, они должны работать безъ срока.

Барщина дѣлилась на Spann- и Handdienste. Отъ крупнаго двора является одна или двѣ подводы съ однимъ или двумя работниками,

отъ мелкаго — одинъ работникъ только со своими руками. Но бывали большія семьи со многими работниками, особенно со многими подростками. И вотъ рыцарю хочется воспользоваться ихъ силой для расширенія своего хозяйства и своего дохода. Съ этимъ нужно спѣшить, потому что парень можетъ жениться и завести свой дворъ, которому онъ станетъ отдавать гораздо больше вниманія, чѣмъ барскому полю. Рыцарю хочется посадить крестьянскихъ дѣтей на нѣсколько лѣтъ къ себѣ въ усадьбу, чтобы они все свое время удѣляли господскому хозяйству; это и есть *Gesindezwangsdienst*. Много разъ чины марки въ XVI в. подтверждаютъ принудительный характеръ этой службы (L. Recesse 1527, 1534, 1536, 1538, 1572). И только въ Altmark, гдѣ вообще положеніе крестьянъ было благопріятнѣе, чины въ 1592 г. жалуются на *Gesindezwangsdienst* какъ на дурное нововведеніе. Но въ LA 1602 и 1612 г. *Gesindedienst* признается существующимъ.

А въ Neu-Ucker- и Mittelmark опредѣленъ закономъ въ LA 1620 г. и срокъ службы: она должна длиться три года.

Стѣсненіе свободы занятій и свободы передвиженія, обязанность отдавать своихъ подрастающихъ сыновей на господскую усадьбу, обязанность удѣлять все возрастающую долю своего времени господской работѣ, конечно, наносили сильный ущербъ личнымъ правамъ крестьянина и естественно приводили къ взгляду, будто рыцарь имѣетъ права не только на трудъ, но и на самую личность крестьянина. Сложившійся въ старой Германіи терминъ *Leibeigenschaft* въ 1616 г. переносится въ чуждую сѣверо-восточную обстановку, все чаще и чаще попадаетъ на страницахъ судебныхъ процессовъ, юридическихъ трактатовъ и законодательныхъ актовъ. Мекленбургскій судья *Cothmann* въ своихъ рѣшеніяхъ 1601 года прилагаетъ ко всѣмъ крестьянамъ своей территоріи терминъ *homines proprii*. Въ 1616 г. *Bauerordnung* въ *Hinterpommern* особенно настойчиво выдвигаетъ впередъ личную крѣпость крестьянъ: «Крестьяне въ нашей странѣ не эмфитевты, не наслѣдственные чиншевики или арендаторы, а крѣпостные, *Leibeigene, homines proprii et coloni glebae adscripti*». Съ теченіемъ времени, особенно въ XVIII в., во многихъ территоріяхъ появляется даже торговля крѣпостными, продажа людей безъ земли. Въ *Ostpreussen* въ XVIII в. иногда рыцарь забираетъ себѣ все имущество своего умершаго крѣпостного.

Изображая процессъ сѣверо-восточнаго закрѣпощенія, нѣмецкіе изслѣдователи испытывали понятное чувство конфуза за эту печальную полосу своей исторіи, и у нихъ естественно являлось стремленіе сложить вину этого соціальнаго грѣха на какія-нибудь постороннія вліянія. *Riedel, Böhlaus, Kogn, Knapp* искали причину

закрѣпленія въ рецепціи и въ понижающемъ вліяніи славянской расы. Въ настоящее время даже такіе умѣренные и патристическіе историки, какъ Lenz и Below, не считаютъ болѣе возможнымъ удовлетворяться такими не только тенденціозными, но и невѣрными объясненіями. Рѣзкое ухудшеніе крестьянской доли наступаетъ много позже остраго періода расовой борьбы и въ числѣ мѣстностей, гдѣ крестьяне почти сметены съ лица земли, есть и такія, гдѣ германизация сдѣлала наиболѣе быстрые и полныя успѣхи, напримѣръ, Vogrosmegn. Grossmann первый показалъ неосновательность очень распространеннаго прежде мнѣнія объ огромномъ значеніи рецепціи и ученыхъ юристовъ въ дѣлѣ закрѣпленія, и въ настоящее время его взглядъ пользуется почти общимъ признаніемъ (Fuchs, Brünneck, Below). Позднему римскому праву извѣстно нѣсколько формъ зависимаго держанія, и если нѣкоторые юристы считаютъ возможнымъ примѣнять къ сѣверно-нѣмецкимъ крестьянамъ нормы римскаго рабскаго права, то только потому, что они сознательно выбираютъ эти рабскія нормы изъ ряда другихъ. Всего болѣе враждебенъ крестьянамъ былъ мекленбургскій юристъ Husanus (Tractatus de servis seu hominibus proptiis). Но и онъ говоритъ, что черты древняго рабства приложимы къ Мекленбургу XVI в. лишь въ томъ случаѣ si foro nostro moribusque convenient. Таковы manumissio и restitutio servorum. Онъ приписываетъ господину право умѣренно наказывать крестьянина, отнимать дворъ, перемѣщать со двора на дворъ. Но онъ же считаетъ, что крестьянинъ долженъ нести *опредѣленныя* службы и платежи, между тѣмъ какъ рыцари обычно добивались безсрочной барщины. Husanus не говоритъ, чтобы крестьяне должны были платить Vesthaupt или спрашивать согласія при вступленіи въ бракъ. Husanus самъ указываетъ, что въ разныхъ территоріяхъ господствуютъ разныя системы правъ для крестьянъ. Такъ, на Рейнѣ, въ Тюрингіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ крестьяне почти эмфитевты. Его взгляды на крестьянъ вовсе не вылились въ какія-нибудь рѣзкія, законченныя формы, и онъ оказывается не впереди, а позади рыцарскихъ крѣпостническихъ притязаній. Въ Бранденбургѣ чины не разъ жалуются, что камергерихтъ слишкомъ мягко относится къ крестьянамъ, а камергерихтъ былъ главнымъ проводникомъ тенденцій римскаго права. И самое слово homines proptii есть переводъ нѣмецкаго термина leibeigen; не римское рабство, а Leibeigenschaft старой Германіи есть прообразъ для крѣпостнаго права на сѣверо-востокѣ.

Объясненіе аграрныхъ перемѣнъ XVI в. приходится искать во *внутреннихъ* условіяхъ жизни сѣверо-восточнаго населенія. Возможно ли выводить ихъ изъ чисто-хозяйственныхъ причинъ? Въ Англіи

сокращеніе площади крестьянскихъ хозяйствъ было связано съ переходомъ къ пастбищному и пастбищно-полевому хозяйству. Но въ Германіи успѣхи закрѣпощенія и ростъ рыцарской земли на счетъ крестьянской не были соединены съ переходомъ къ высшимъ или хотя бы только другимъ хозяйственнымъ порядкамъ. На отнятыхъ или купленныхъ у крестьянъ земляхъ остается то же трехполье; рыцарскія нивы попрежнему лежатъ вперемежку съ крестьянскими, и только число ихъ увеличилось. Рыцари не прилагаютъ къ землѣ ни большого труда, ни большого капитала. Пашня воздѣлывается попрежнему мужицкими руками, лошадьми и плугами. Даже въ самыхъ большихъ хозяйствахъ почти не держатъ своего инвентаря и почти не имѣютъ наемныхъ рабочихъ. Курфюрстъ Августъ саксонскій считался примѣрнымъ хозяиномъ во второй половинѣ XVI в. Въ 1569 г. въ его доманіальномъ имѣніи Штольпенъ было 759 моргеновъ (Acker) пашни. Вся земля обрабатывалась барщиной, и 567 человекъ были обязаны работать на господскомъ полѣ и возить господскую поклажу. Въ усадьбѣ было только 3 лошади и одинъ управляющій, ни одного наемнаго рабочаго для полевого хозяйства. Перемены XVI вѣка коснулись несравненно больше *распределенія*, нежели производства сельско-хозяйственныхъ благъ: рыцарь получилъ въ свое распоряженіе большую площадь крестьянской пашни и большую долю крестьянскаго труда. Но неподвижность агрономической техники не помѣшала рыцарскому имѣнію превратиться въ капиталистическое предпріятіе, работающее на значительный рынокъ и рассчитанное на извлеченіе денежнаго дохода. Несмотря на неподвижность техники, нерѣдко требовался капиталъ для самаго образованія рыцарскаго имѣнія: крестьянскія земли очень часто не отбирались, а покупались у владѣльцевъ, средства нужны были для пріобрѣтенія скота, иногда и для возведенія необходимыхъ построекъ. И сила капитала даже на сѣверо-востокѣ Германіи сыграла извѣстную роль въ процессѣ закрѣпощенія. Важнѣе была наличность значительнаго хлѣбнаго рынка. Уже въ XV вѣкѣ по Балтійскому морю шла живая хлѣбная торговля и нѣмецкій орденъ держалъ въ своихъ магазинахъ сотни тысячъ шеффелей зерна. Въ XVI в. размѣры этой торговли увеличиваются, а близость моря и обиліе рѣчныхъ путей облегчили сбытъ очень многимъ рыцарямъ.

Признавая важность чисто-экономическихъ условій, невозможно въ нихъ искать основной причины переменъ. Въ старой Германіи было гораздо больше свободнаго капитала, который, конечно, устремился бы въ деревню, если бы только могъ найти себѣ тамъ выгодное помѣщеніе. На сѣверо-западѣ условія сбыта были по мень-

шей мѣрѣ такъ же благоприятны, какъ и къ востоку отъ Эльбы. Но тамъ нѣтъ ни крупныхъ рыцарскихъ хозяйствъ, ни тяжелой крестьянской крѣпости *). Если мекленбургскіе или бранденбургскіе рыцари заняли господствующее положеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, если они подчинили себѣ почти все трудовое населеніе деревни, то это произошло *прежде всего* потому, что они были самымъ сильнымъ классомъ въ странѣ, не встрѣчавшимъ рѣшительныхъ преградъ въ стремленіи къ экономическому и социальному преобладанію. Крестьяне ведутъ въ XVI в. цѣлый рядъ процессовъ противъ своихъ господъ, государи неоднократно пытаются умѣрить крѣпостническія притязанія своихъ чиновъ, но въ общемъ эти противодѣйствующія попытки терпятъ неудачу. На многочисленныхъ ландтагахъ XVI вѣка чины успѣли дать законодательную санкцію своимъ интересамъ и благодаря этому присоединили къ своей социальной силѣ всю тяжесть государственной охраны. Правительственное вмѣшательство начинаетъ дѣйствовать въ обратномъ направленіи не ранѣе XVIII в., и охрана крестьянъ (Bauernschutz) въ значительной мѣрѣ замедляетъ распространеніе рыцарскаго хозяйства и землевладѣнія и ускоряетъ паденіе крѣпостного права. Но если наличность и важность социального преобладанія рыцарей безспорны, то самое это преобладаніе, конечно, нуждается въ объясненіи. Корни исключительнаго положенія рыцарей уходятъ далеко за границы XVI вѣка и связаны въ значительной мѣрѣ съ особенностями нѣмецкой колонизаціи.

Въ иномъ направленіи шло аграрное развитіе въ старой Германіи. Этнографическій составъ населенія былъ здѣсь проще, расовая борьба отсутствовала, люди успѣлись на своихъ мѣстахъ много раньше, чѣмъ за Эльбой, мѣстныя связи и общинныя традиціи сохраняли большую силу. Обстановка была неблагоприятна для глубокихъ переменъ и чрезмѣрнаго преобладанія какого-нибудь одного общественнаго класса. Крестьянскій дворъ и въ новое время остается господствующей хозяйственной единицей. Рыцари и вообще привилегированные земельные собственники не успѣваютъ завести большого собственнаго хозяйства (Eigenwirtschaft), крестьяне не тратятъ большой доли своего времени на барщину, ихъ обязанности по от-

---

*) Большое значеніе имѣли переменъ въ военномъ строѣ. Когн и Кларр склонны придавать имъ даже преувеличенную важность. Въ XVI в. рыцарская конница рѣшительно отступаетъ назадъ передъ наемными отрядами. Рыцари освобождаются отъ военной службы и получаютъ возможность сѣсть на землю. Der Kriegsmann wird Landwirt. Но военные переменъ распространялись на всю Германію, а въ сельскихъ хозяевъ дворяне превращаются только на сѣверо-востокѣ. Тамъ существовали, очевидно, спеціальныя условія для этого превращенія.

ношенію къ властямъ и собственникамъ состоятъ главнымъ образомъ въ разнообразныхъ и нерѣдко тяжелыхъ платежахъ, не отрицающихъ однако у земледѣльца его хозяйственной самостоятельности. Идущая изъ глубины вѣковъ личная зависимость (*Leibeigenschaft*) склонна принимать все болѣе и болѣе мягкія формы.

Эти общія всей старой Германіи черты не исключаютъ довольно значительныхъ особенностей по территоріямъ. Поучительная работа Виттиха выяснила, что аграрный строй сѣверо-запада, Нижней Саксоніи и отчасти Вестфалии существенно отличался отъ порядковъ, установившихся въ мелкихъ территоріяхъ юго-запада. Важнѣйшія изъ этихъ особенностей сложились много раньше XVI вѣка. Въ XIII и XIV вѣкахъ въ Нижней Саксоніи большая часть крестьянъ получила личную свободу, и съ тѣхъ поръ отношенія къ нимъ высшихъ классовъ опирались только на юрисдикцію и на земельную собственность. Въ то же время сложились тѣ крупные дворы въ двѣ, три, четыре гухы (*Meierhöfe*), которымъ доселѣ принадлежитъ главная масса крестьянской земли въ Ганноверѣ, и вслѣдствіе этого значительная часть крестьянъ перешла въ разрядъ малоземельныхъ или безземельныхъ, образовалось дѣленіе крестьянства на классы. Рыцарямъ, въ отличіе отъ сѣверо-востока, не удается въ XIV и XV в. объединить въ своихъ рукахъ судебной власти и земельного верховенства надъ замкнутой округой. И въ XVI в. въ одной деревнѣ часто по нѣскольку рыцарей, и есть рыцарскіе дворы, не связанные ни съ какой юрисдикціей и ни съ какимъ земельнымъ верховенствомъ. Можно имѣть *Grundherrschaft* и не имѣть рыцарской земли. Государственная власть остается все время настолько сильной, что не позволяетъ отстранить себя отъ населенія; представитель ея, амтманъ, стоитъ не на ряду съ рыцаремъ, какъ на востокѣ, а надъ нимъ; не рыцарь собираетъ налоги съ подвластнаго ему населенія, а сама община, которая сохраняетъ рядъ административныхъ функцій, является низшей инстанціей правительственного механизма.

Очень любопытно, что и въ Нижней Саксоніи рыцари хотѣли направить деревенскую жизнь въ то русло, по которому она потекла на востокѣ. Тѣ немногіе рыцари, которые стянули судебную власть надъ замкнутой округой (*geschlossenes Gericht*), въ XVI в. не разъ пытались наложить тяжелую барщину на подсудныхъ, но крестьяне возставали, начинали процессъ и правительство принимало ихъ сторону. Въ Каленбергѣ въ 1526 г. рыцари добились разрѣшенія обращать въ рыцарское имѣніе тотъ крестьянскій дворъ, который они выберутъ для житья, но даже эта привилегія распространялась только на одинъ дворъ. Въ Люнебургѣ въ 1527 г. ры-

царямъ герцогъ разрѣшилъ смѣщать мейеровъ. Однако, сила государственной власти и сельской общины сказывается въ томъ, что уже въ XVI в. въ Нижней Саксоніи законы не закрѣпощаютъ крестьянъ рыцарю, а строго ограничиваютъ его права на крестьянскіе дворы и платежи. Наиболѣе важная форма крестьянскаго землевладѣнія, *Meierrecht*, опредѣлялась договоромъ и первоначально была пожизненной или только срочной арендой съ подвижными платежами. Въ LA 1542 г. въ Каленбергѣ точно установлены случаи, по которымъ *Grundherr* можетъ удалить мейера, и введены неподвижные платежи. Въ LA 1597 и 1601 гг. въ *Braunschweig-Wolfenbüttel* постановлено, что и по окончаніи срока крестьянской аренды *Grundherr* не можетъ посадить на землю новаго мейера, а коли *Grundherr* захочетъ завести на ней собственное хозяйство, то долженъ вознаградить уходящаго мейера за постройки, инвентарь, посѣвы и впредь нести всѣ государственныя и общинныя тягости; фактически эти законы установили наследственность для *Meierrecht*, ибо удаление мейера стало для рыцаря дѣломъ убыточнымъ. Въ *Lüneburg* законодательная охрана крестьянъ развивается позднѣе, зато LA 1618 г. прямо устанавливаетъ наследственность и недѣлимость крестьянскихъ дворовъ (*Meiergüter*). Благодаря законодательной охранѣ, крестьянское землевладѣніе не сокращалось, и даже въ XVII в. рыцарское имѣніе въ Нижней Саксоніи рѣдко бывало больше крестьянскаго двора.

Ограждая земельныя права мейера и точно устанавливая его платежи рыцарю, законодатель руководится не соображеніями человѣколюбія, а казеннымъ интересомъ. И чтобы поддержать у крестьянъ способность платить налоги, государственная власть ограждаетъ ихъ не только противъ рыцаря, но и противъ ихъ собственныхъ дѣйствій, способныхъ подорвать правильное теченіе хозяйства. вмѣстѣ съ наследственностью владѣнія мейеръ не получилъ права свободнаго распоряженія землей: онъ вовсе не можетъ дробить ее, не можетъ отчуждать ее и обременять долгами безъ согласія *Grundherr*'а и амтмана. Въ 1593 г. въ *Wolfenbüttel* и *Kalenberg* крестьянамъ запрещены сдѣлки съ *Meiergut*. Для крестьянскихъ дворовъ устанавливается порядокъ единого наследія (*Anerbenrecht*), и все большій процентъ крестьянъ переходитъ въ ряды малоземельныхъ и безземельныхъ. Рѣзкая грань между разными слоями крестьянъ составляетъ отличительную черту Нижней Саксоніи. Въ то время, какъ мейеры владѣютъ очень значительнымъ участкомъ земли, у *Kötter* часто всего 5—6 моргеновъ и нѣтъ лошади, такъ что они вынуждены искать дополнительнаго заработка. Но кѣтеры находятся еще сравнительно въ благопріятномъ положеніи: какъ и мейеры, они

считаются полноправными членами общины (Reihelente) и пользуются общинными угодьями. Въ XVI в. появляются болѣе бѣдные люди, Brinksitzer: у нихъ всего лачуга да клокъ земли вокругъ нея, ихъ не пускаютъ не только въ общину, но и на деревню, они ютятся на общинномъ лугу, *передъ* деревней. Еще позже нарождаются совершенно бездомные бѣдняки (Abbauerg, Häusler), которымъ отводятъ уголь или сарай на чужомъ дворѣ; они живутъ уже исключительно ремесломъ или батрачествомъ; ихъ тяжелая доля, вѣроятно, очень немного облегчалась отъ того, что они работали на своего брата-крестьянина чаще, чѣмъ на рыцаря или духовную корпорацію.

Такимъ образомъ не большое рыцарское имѣніе съ работающей на него и подвластной ему округой есть основная хозяйственная единица сѣверо-запада, а крупный крестьянскій дворъ, входящій въ крѣпко сплоченную общину. Свободный отъ всякой личной зависимости, наслѣдственный держатель этого двора, мейеръ, въ хозяйственномъ отношеніи находится въ двойной, иногда въ тройной зависимости: на его платежи и службы имѣютъ право Grundherr, Gerichtsherr и правительство. Нѣкоторыя дѣйствія прямо воспрещены ему, напримѣръ, дробленіе двора; другія, напримѣръ, продажу или залогъ, онъ можетъ совершить лишь съ согласія тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ находится въ зависимости, потому что послѣднія близко заинтересованы въ хозяйственномъ благополучіи двора, имѣютъ право на полученіе доли его доходовъ. Зависимость перелagалась здѣсь съ лица на землю, и потому слово Grundherrschaft хорошо выражаетъ важную сторону этого порядка. Порядокъ хорошо обезпечивалъ цѣлость площади крестьянскаго землевладѣнія и ревниво охранялъ платежеспособность большого крестьянскаго двора; но онъ же искусственно закрѣплялъ землю за меньшинствомъ деревенскаго люда и умножалъ ряды деревенскаго пролетаріата, хозяйственное положеніе котораго стало болѣе устойчивымъ лишь съ развитіемъ крупной фабрично-заводской промышленности.

Если на сѣверѣ старой Германіи утвердилась въ деревнѣ личная свобода въ соединеніи съ крупнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, то на югѣ уцѣлѣли живые слѣды личной крѣпости, а крестьянскіе дворы подвергаются крайнему дробленію. Никакіе законы не охраняютъ здѣсь крестьянскаго землевладѣнія. И все-таки площадь крестьянскаго землевладѣнія именно здѣсь достигаетъ наибольшей величины. Собственныя хозяйства князей, рыцарей, духовныхъ корпорацій еще меньше, чѣмъ на сѣверо-западѣ; барщина лишь въ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ одного дня въ недѣлю, но иногда состоитъ больше въ повозной повинности, чѣмъ въ обработкѣ господскаго поля. Несомнѣнно, очень важное вліяніе здѣсь имѣли и имѣ-

ють гипсографическія и почвенныя особенности страны. Въ этой гористой либо холмистой мѣстности рельефъ мѣняется слишкомъ часто, почвенныя и климатическія условія слишкомъ разнообразны для того, чтобы крупныя хозяйства получили большое распространеніе. Въ 1895 г. въ Германіи было 1694 паровыхъ плуга, на долю Вюртемберга не приходилось ни одного. Но, быть можетъ, еще существеннѣе было то, что судебная, личная и земельная власть надъ крестьянами до поздняго времени находилась въ разныхъ рукахъ. Примѣромъ можетъ служить швабская деревня Haunsheim около 1550: 1) Gerichtsherr—Rchsfhrh v. Horkheim; 2) Grundherren—v. Horkheim и два монастыря, причемъ есть и пожизненныя, и наследственныя держанія; 3) на одномъ монастырскомъ дворѣ сидитъ крѣпостной, но его Leibherr—епископъ аугсбургскій. Въ деревнѣ Böckingen было 12 Grundherren, и у семерыхъ было только по одному двору.

Не только въ странѣ отсутствуютъ крупныя господскія хозяйства, но и крестьянскіе дворы въ большинствѣ территорій подвергаются сильному дробленію. Попытки князей и рыцарей установить недѣлимость дворовъ по большей части терпятъ неудачу. Земля дробится по наследству, отчуждается очень мелкими участками. Въ 1514 г. въ деревнѣ Böckingen у Klarakloster былъ большой дворъ въ 138 моргеновъ, и монахи позволили раздѣлить его пополамъ. Въ 1559 оказалось, что дворъ безъ вѣдома монаховъ разбился на 16 частей; въ 1613 г. онъ былъ разбитъ на 30 частей; къ 1662 г. онъ совершенно расплылся, такъ что было много клочковъ по $\frac{1}{16}$ моргена. Баденская деревня Bahlingen платила 14 fl. цента. Въ 1702 г. надо было обойти 168 домовъ, чтобы набрать эту сумму мѣдяками, причемъ на сборъ уходила чуть не недѣля. Нерѣдко Grund-и Gerichtsherrn не могутъ воспользоваться и той барщиною, на которую имѣютъ право: эти карликовые хозяева держатъ только молочный скотъ, у нихъ нѣтъ ненужныхъ и непосильныхъ имъ лошадей, а потому они не могутъ отбывать подводную повинность. Гдѣ причина этого явленія? Ее, конечно, можно видѣть въ очень густомъ населеніи страны (въ Баденѣ въ XVIII в. по 3.500 на кв. милю), хотя трудно сказать, въ какой мѣрѣ густота населенія была причиной и въ какой слѣдствіемъ земельной раздробленности. Нужно указать на наличность разнообразныхъ и отчасти интенсивныхъ культуръ (винодѣліе, марена, плодоводство) и особенно на широкое развитіе ремесла и домашней промышленности, допускавшей соединеніе земледѣлія съ подсобнымъ промысломъ.

Въ XVI вѣкѣ лишь меньшинству этого мелкаго люда удалось сбросить съ себя бремя личной крѣпости. Но старая крѣпость юго-

запада сильно отличалась от новой крѣпости сѣверо-востока. Она есть живучій осколокъ сѣдой старины, а не средство разрѣшить текущій вопросъ о сельскихъ рабочихъ въ рыцарскомъ хозяйствѣ. Leibhergen держатся за нее потому, что она открываетъ имъ возможность воспользоваться долей имущества крѣпостного: послѣ смерти крѣпостного они отбираютъ его лучшее платье или лучшую голову скота, за манумиссію берутъ долю (нерѣдко 10%) всего его имущества. Потому они стараются не упустить изъ виду своего человѣка: такъ, гейльброннскіе крѣпостные должны были разъ въ годъ, въ день св. Стефана, являться въ ратушу, платить 6 крейцеровъ крѣпостного пенза (Leibzins) и внести въ списокъ свое имя (Weisung); потомъ Ratshergen шли со своими крѣпостными въ гостиницу и тамъ на крѣпостные мѣдяки устраивалась пирушка (Weismahl); конечно, скромной суммы не хватало, и по счету приходилось доплачивать изъ городского кармана. Одновременно со смягченіемъ старой личной крѣпости на юго-западѣ обнаруживается стремленіе расширить кругъ крѣпостныхъ, и личная крѣпость сближается съ политическимъ подданствомъ. Въ мелкихъ территоріяхъ князья стремятся сосредоточить въ своихъ рукахъ и Gerichts-и Leibherrschaft, такъ чтобы въ ихъ территоріи не было чужихъ крѣпостныхъ и людей, подсудныхъ чужому суду. Въ Baden-Durlach маркграфъ запретилъ принимать въ общину чужихъ крѣпостныхъ и вступать съ ними въ бракъ. Уже въ баденскомъ земскомъ уставѣ 1495 года маркграфъ зоветъ своими крѣпостными всѣхъ крестьянъ вообще (Bürger и Untersassen). Уже въ XVI в. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Baden, Heilbronn) складывается правило: die Luft macht leibeigen. Когда баденскій маркграфъ заявляетъ, что простое пребываніе въ данной мѣстности создаетъ личную крѣпость, это кажется очень похожимъ на роковое закрѣпощеніе сѣверо-восточныхъ крестьянъ. Между тѣмъ эта «новая» крѣпость юго-запада выражается лишь въ рѣдкихъ денежныхъ платежахъ и создаетъ зависимость лишь по отношенію къ мѣстному государю. Во всякомъ случаѣ въ этой личной крѣпости не замѣчается стремленія къ отягченію участи крѣпостныхъ. Крѣпостное право было отмѣнено на юго-западѣ раньше, чѣмъ на сѣверо-востокѣ. Но въ послѣдніе дни крѣпостного права на юго-западѣ не въ немъ лежалъ источникъ тяжелаго положенія крестьянъ. По выраженію баварскаго юриста Kreittmaug, въ XVIII в. южно-нѣмецкій крѣпостной какъ двѣ капли воды былъ похожъ на свободнаго. Этого никакъ нельзя сказать про закрѣпощенныхъ крестьянъ Восточной Пруссіи или Мекленбурга, къ которымъ другой авторитетный юристъ XVIII вѣка не считалъ возможнымъ примѣнять въ качествѣ уголовного наказанія высылку

изъ страны, потому что она была бы для нихъ не карой, а *благодѣяніемъ*.

Въ отличіе отъ Нижней Саксоніи въ деревнѣ не было классовъ, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга достаткомъ и правами; гораздо больше было число самостоятельныхъ хозяевъ. И вслѣдствіе незначительности рыцарскихъ хозяйствъ, въ отличіе отъ сѣверо-востока, крестьяне не были вынуждены отдавать большую долю своего времени чужому лугу и полю. И тѣмъ не менѣе общая оцѣнка крестьянскаго благосостоянія на юго-западѣ связана съ большими затрудненіями. Уже то обстоятельство, что именно въ этой части Германіи происходили частыя волненія, завершившіяся крестьянскою войною 1525 года, заставляеть воздерживаться отъ оптимистическихъ сужденій. Правда, никакъ нельзя говорить о значительномъ ухудшеніи участи крестьянъ послѣ войны и, вопреки старому мнѣнію, движеніе 1525 года не внесло сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ деревенскую жизнь. Но и безъ крутыхъ перемѣнъ многіе могли чувствовать себя тяжело. Бюргеръ юго-западной деревни нерѣдко находился въ зависимости отъ трехъ лицъ: *Gerichts-, Grund-, Leibherr*. И если въ огражденіе своихъ интересовъ эти господа иногда стремились умѣрить чужія притязанія, то еще чаще они наперерывъ возвышали свои собственныя. Отдѣльныя службы и платежи рѣдко бывали значительны, но ихъ было очень много, и вслѣдствіе живучести личной крѣпости нѣкоторыя повинности бывали унижительны, *socialdrückend*, по выраженію Фукса. А свободная мобилизація земли вмѣстѣ съ хорошими имѣла и дурныя стороны: равенство между крестьянами слишкомъ часто оказывалось равенствомъ въ бѣдности. Тѣ многочисленные крестьяне, которые владѣли парой моргеновъ или даже меньшимъ клочкомъ, конечно, должны были искать дополнительнаго заработка и не всегда находили его.

Я старался изобразить три основные типа въ аграрномъ строѣ Германіи XVI в. Конечно, на ряду съ этими чистыми и наиболѣе важными типами существовали смѣшанные и переходные, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ существовали и совершенно своеобразные порядки. Нѣкоторые историки (виднымъ представителемъ ихъ является Беловъ) ссылаются на эту пестроту нѣмецкихъ аграрныхъ порядковъ, чтобы утверждать, что даже въ этой, казалось бы наиболѣе безличной сторонѣ историческаго процесса каждое явленіе имѣеть свою индивидуальную фізіономію, и нелѣпо говорить о какой-нибудь закономерной эволюціи. Я былъ бы разочарованъ, если бы мое изложеніе оставило по себѣ такое же впечатлѣніе хаоса и случайности. Вовсе не нужно отрицать индивидуальный характеръ отдѣльныхъ историческихъ явленій или «творческія силы личности», чтобы ос-

таться при убѣжденіи, что основное русло общественнаго, въ данномъ частномъ случаѣ аграрнаго развитія направляется нѣкоторыми общими факторами и силами. Какъ ни были пестры аграрные порядки XVI в. въ разныхъ частяхъ Германіи, все же въ основаніи самыхъ различій лежатъ въ разнородныхъ сочетаніяхъ одни и тѣ же коренные элементы: условія географической обстановки (почва, климатъ, рельефъ и т. д.), этнографическій составъ, социальныя дѣленія и классовая борьба, политическія учрежденія, агрономическія знанія, техническіе навыки. Правда, отдѣльные факторы въ разныхъ мѣстностяхъ представляютъ значительныя количественныя и качественныя различія; потому и число возможныхъ здѣсь сочетаній очень велико. Историческая литература прежде всего должна изучать особенности важнѣйшихъ аграрныхъ укладовъ въ ихъ *своеобразіи*, но она же должна вслѣдъ затѣмъ установить ихъ взаимоотношенія, общія условія ихъ расхожденія и сближенія. Это отчасти и сдѣлано въ специальной литературѣ и результаты ея *соціологическаго* изученія, которые имѣютъ значеніе не только для объясненія нѣмецкой исторіи, я старался представить въ этомъ краткомъ очеркѣ.

А. Савинъ.

Исторія англійскаго бюджета и современная его организація *).

Разсматривая въ исторической перспективѣ развитіе англійскаго бюджета, мы видимъ, что государственные доходы имѣютъ въ Англии два основанія: 1) *наслѣдственные доходы юсударя* (ordinary revenue), не зависящіе отъ согласія парламента; таковы доходы отъ доменовъ, регалій, наслѣдственныхъ акцизовъ, старыхъ пошлинъ (*customa antiqua*) и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ; 2) *періодическія субсидіи* (extraordinary revenue) **), даруемыя королю народнымъ представительствомъ; сюда входятъ всѣ вотируемые парламентомъ доходы съ прямыхъ налоговъ, пошлинъ и акцизовъ ***). Какъ мы увидимъ ниже, это дѣленіе на наслѣдственные доходы короля и періодическія субсидіи сохранило значеніе и до нашихъ дней.

Вильгельму Оранскому парламентъ уже не предоставилъ тѣхъ крупныхъ средствъ, какія ежегодно получалъ въ свое непосредственное распоряженіе его предшественникъ. Партія виговъ, которой принадлежала въ то время власть, считала столь огромный доходъ въ рукахъ короля (2 милл. ф. ст.) слишкомъ опаснымъ для народной свободы. Поэтому Вильгельму была дарована для мирнаго времени сумма въ 1.200.000 ф. ст., причемъ лишь половина этой суммы (а съ 1698 г. — 700.000 ф. ст.) фигурировала въ качествѣ цивиллиста, то-есть въ качествѣ средствъ, предназначенныхъ на содержаніе двора и гражданское управленіе; остальные же 600.000 ф. ст. назначены были на содержаніе флота и войска и находились подъ особымъ контролемъ парламента. Послѣдній установилъ

*) „Научное Слово“ 1903 г., кн. VI.

***) Это названіе довольно характерно. Всѣ вотируемые въ пользу короля налоги имѣли первоначально лишь временный характеръ: обычно для опредѣленной цѣли, съ минованіемъ которой налоги прекращались. Вотъ почему періодическія субсидіи и назывались „чрезвычайнымъ доходомъ“ короля.

***) См. *Gneist*: „Verwaltungsrecht“, II, 612 сл. и *Gneist*, ук. соч., стр. 748 сл.

въ данномъ случаѣ весьма важный принципъ, что суммы, вотиرو-
ванные имъ, должны быть употребляемы только на опредѣленные
заранѣ статьи расходовъ, а не иначе *). Лордамъ государствен-
наго казначейства (Lords of treasury) особымъ постановленіемъ, еже-
годно повторяемымъ въ актѣ каждой сессіи, было запрещено, подъ
страхомъ строгой отвѣтственности, давать ордера (приказы) на вы-
дачу изъ казначейства суммъ не для той цѣли, для которой суммы
назначены, а чиновники казначейства обязаны *не* повиноваться та-
кимъ незаконнымъ ордерамъ лордовъ. Благодаря этому правилу, па-
лата общинъ получила дѣйствительный контроль надъ исполнитель-
ною властью, и сдѣлалось невозможно, какъ бывало нерѣдко прежде,
распущеніе парламента на цѣлый годъ, — иначе войско и флотъ оста-
лись бы безъ содержанія **). Важность этой реформы хорошо иллю-
стрируется словами историка Грина ***): «По внѣшнему виду ре-
волюція 1688 года перенесла, — говоритъ онъ, — верховную власть съ
Іакова на Вильгельма и Марію. Въ дѣйствительности она сообщила
сильный и рѣшительный толчокъ конституціонному движенію, пе-
реносившему верховенство съ короля на палату общинъ. Съ той
поры, какъ билль о правахъ установилъ, что она одна имѣетъ право
облагать народъ, а своимъ рѣшеніемъ она ввела въ обычай раз-
рѣшать коронѣ субсидіи только на одинъ годъ, палата общинъ стала
высшей властью въ государствѣ. Невозможно было надолго отсро-
чивать ея засѣданія или долго противиться ея волѣ, такъ какъ и
то, и другое оставляло правительство безъ средствъ, разстраивало
войско и флотъ, нарушало ходъ управленія».

Между тѣмъ въ царствованіе Вильгельма и Маріи происходитъ
рядъ войнъ, такъ что нельзя было ограничиться суммами, назна-
ченными для мирнаго времени. Парламентъ разрѣшаетъ новые на-
логи и возвышаетъ старые, но все же эти налоги не даютъ сразу
всѣхъ необходимыхъ средствъ. Пришлось прибѣгнуть къ иному спо-
собу *быстро* полученія денегъ, именно занимать подъ залогъ бу-
дущихъ поступленій отъ этихъ налоговъ, и такая форма кредита
получила со времени Вильгельма Оранскаго большое развитіе ****).
Такимъ образомъ, благодаря необходимости создать прочные источ-
ники для обезпеченія займовъ, были введены весьма многочислен-
ные акцизы, и изъ нихъ нѣкоторые сдѣланы постоянными. Впро-
чемъ, вслѣдствіе войнъ акцизы и таможенные пошлины подверга-

*) Этотъ принципъ носитъ въ наукѣ названіе начала „спеціализаціи“ бюджета
(см. Лебедевъ: „Фин. право“ I, 593).

***) Янжулъ: „Акцизы“, стр. 40 сл.

****) Гринъ, ук. соч., вып. III, стр. 194; ср. тамъ же, стр. 183.

****) Янжулъ: „Акцизы“, 42.

лись большому колебанію и приносили гораздо менѣе предполагаемаго. Это вынудило прибѣгнуть къ системѣ прямого обложенія, несмотря на все нерасположеніе землевладѣльческаго большинства парламента къ такого рода налогамъ. Былъ введенъ так.-наз. land tax (земская подать), взимаемый по мысли составителей проекта съ движимаго и недвижимаго имущества и вотируемый ежегодно. Однако, въ виду отсутствія надлежащихъ контрольныхъ мѣръ, различныхъ извѣтій и вліянія представителей движимаго капитала *), land tax очень скоро превратился въ простой поземельный налогъ, крайне неуравнительный, но имѣвшій для аграріевъ ту выгоду, что оцѣнки земель были весьма низки.

Новыя войны, продолжавшіяся и въ царствованіе Анны (1702—1714), лишь увеличивали число акцизовъ и привели къ необычайному росту государственной задолженности. Условія заключенія государственныхъ обязательствъ были весьма неблагоприятны, нерѣдко на условіяхъ платежа 12% на капиталъ. Оно и понятно: цѣнность обязательствъ казны основывалась на будущихъ доходахъ, то-есть на томъ, 1) вотируетъ ли парламентъ эти доходы и 2) не потребуются ли эти вотированные доходы на новыя нужды государства **). Парламентъ прибѣгъ поэтому въ 1697 г. къ чрезвычайной мѣрѣ для поддержанія публичнаго кредита, именно учредилъ «общій фондъ» (a general fund) изъ особо вотированныхъ на нѣсколько лѣтъ (до 1706 г.) налоговъ на сумму свыше 5 милл. ф. ст. для оплаты обязательствъ казначейства, выпущенныхъ подъ обезпеченіе опредѣленныхъ налоговъ. Подобная мѣра, конечно, содѣйствовала упроченію государственнаго кредита. Одновременно вновь учрежденный Англійскій банкъ, Остъ-Индская компанія и Южно-Океанійская компанія ссудили казначейству громадныя суммы (болѣе 16 милл. ф. ст.) за предоставленіе имъ особыхъ торговыхъ привилегій ***).

Къ 1716 году государственный долгъ Англій достигъ огромныхъ размѣровъ—50.000.000 ф. стерл. Министръ Георга I сэръ Робертъ Вальполь рѣшилъ подвергнуть пересмотру и переустройству порядокъ, въ которомъ ассигнуемыя парламентомъ суммы отъ различныхъ налоговъ служили для платежей по государственнымъ долгамъ. Оказалось, что закладъ подъ тотъ или иной налогъ далеко не всегда обезпечивалъ удовлетвореніе кредиторовъ, которые, въ случаѣ недоимокъ, должны были ждать новыхъ ассигнованій. Вотъ

*) Выясненіе этихъ причинъ сдѣлано въ книгѣ проф. *Озерова*: „Подходный налогъ въ Англій“. М., 1898 г., стр. 27 сл.

***) *Кауфманъ И.*: „Госуд. долгъ Англій съ 1688 г. по 1890 г.“. Спб., 1893 г. стр. 27.

****) Подробности у *Кауфмана*, ук. соч.

почему Вальполъ, предпринявшій существенныя реформы въ дѣлѣ публичнаго кредита Англіи, учредилъ четыре большіе фонда: составной (the aggregate fund), южно-океанійскій (the South sea fund), общій (the general fund) и погасительный фондъ (для цѣлей постепеннаго погашенія долговъ — the sinking fund) *). Вотированные для всѣхъ этихъ фондовъ налоги признаны вѣчными, то-есть такими, которые не нуждались въ ежегодномъ утвержденіи парламента (скуда входили таможенные сборы, акцизы, налогъ на дома и окна, поземельный налогъ, почтовые доходы и нѣкоторыя другія поступления) **).

Указанная реформа имѣла серьезное принципиальное значеніе: этимъ вводилась система *постоянныхъ* налоговъ. Легко понять, къ какимъ опаснымъ послѣдствіямъ могло привести подобное нововведеніе. Не даромъ экономисты XVIII вѣка отнеслись очень недовѣрчиво къ сказанной перемѣнѣ. Гордонъ, напримѣръ, прямо указывалъ, что новая система не безопасна для англійской конституціи: «прежде налогъ прекращался самъ собою, когда долгъ уплачивался и народъ не обязанъ былъ по закону далѣе платить его; но теперь народъ считается обязаннымъ продолжать уплачивать, и законъ остается въ силѣ, пока корона не вздумаетъ новымъ актомъ уничтожить старый, коимъ налогъ установленъ» ***).

Тѣмъ не менѣе весьма знаменателенъ тотъ фактъ, что съ развитіемъ государственной задолженности появляется потребность упрочить или упорядочить въ томъ или иномъ видѣ финансовую систему государства. Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ въ цѣломъ рядѣ странъ. Извѣстно, напримѣръ, какое важное значеніе имѣло въ дѣлѣ поднятія публичнаго кредита столь сравнительно скромная мѣра, какъ установленіе гласности въ веденіи государственнаго хозяйства (т.-е. опубликованіе государственныхъ смѣтъ) ****), а тѣмъ болѣе контроля за способами расходованія общественныхъ средствъ. Вспомнимъ, какое важное значеніе для поддержанія публичнаго кредита придавало оглашенію государственныхъ смѣтъ правительству абсолютной монархіи Пруссіи. Эдиктъ 17 янв. 1820 г. опубликовалъ правительственный бюджетъ и сумму столь возросшаго тогда національнаго долга, «дабы каждый могъ подробно знать объ истинномъ состояніи финансовъ и убѣждаться, что налоговъ взимается не свыше крайне необходимаго количества, для обезпе-

*) *Кауфманъ*, стр. 50. Улучшеніе условій государственнаго кредита дало возможность осуществить довольно выгодныя для казначейства конверсіи.

***) См. *Бунге*, 54.

****) Цитировано по *Янжулу*: „Акцизы“, 53.

*****) Ср. *Heckel*: „Budget“, 7.

ченія внутренней и внѣшней безопасности и для исполненія обязательствъ, принятыхъ государствомъ на себя, ради своихъ истинныхъ выгодъ и сохранности, и дабы каждый могъ съ полнымъ довѣріемъ покупать прусскія государственныя бумаги» *). Припомнимъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ министровъ финансовъ «старога порядка» во Франціи, Неккеръ, нуждавшійся въ новыхъ государственныхъ займахъ, «прибѣгъ (говоря словами И. Зедерштедта) ** крѣпительному средству возстановленія кредита—къ публикаціи росписи расходовъ и доходовъ на 1781 годъ». Укажемъ, наконецъ, и на тотъ фактъ, что въ эпоху наиболѣе критическаго состоянія русскаго государственнаго кредита, именно послѣ крымской кампаніи, наше правительство считало существеннымъ шагомъ къ упроченію публичнаго кредита обнародованіе государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1862 г., несмотря на дефицитъ въ 15 мил. руб. ***).

И реформы Вальполя были въ значительной степени проникнуты той же идеей—создать болѣе благоприятныя условія функционированія англійскаго бюджета и внести большія гарантіи для кредиторовъ государства. Уже самый фактъ крупнаго роста постоянныхъ потребностей страны въ XVIII вѣкѣ и возникновеніе государственнаго долга не дозволяли болѣе, замѣчаетъ Гнейстъ ****), ставить хозяйство государства въ зависимость отъ субсидій, периодически утверждаемыхъ парламентомъ; въ эту эпоху нижняя палата уже не нуждалась больше въ правѣ такого утвержденія субсидій, какъ въ средствѣ для обезпеченія за собой вліянія. Поэтому въ теченіе XVIII столѣтія всѣ виды субсидій, бывшіе до сихъ поръ въ ходу, мало-по-малу перешли въ постоянные налоги; тѣ подати и пошлины, которыя подлежатъ взиманію на этомъ основаніи, уже не «разрѣшаются» парламентомъ, а прямо поступаютъ въ государственное казначейство *въ силу закона* *****). Какъ указывалось выше,

*) Лебедевъ, проф.: „Финансовое право“, изд. 2-е, т. I, вып. III, стр. 670, и Зоблоцкий-Десятовскій: „Финансовое управленіе и финансы Пруссіи“. Спб., 1871 г., т. I, стр. XXXV сл.

**) „Бюджетъ Франціи“. Казань, 1884 г., стр. 24.

***) Слѣдуетъ, конечно, оговориться, что не простое опубликованіе росписи дѣйствуетъ въ пользу упроченія государственнаго кредита. Здѣсь оказываетъ вліяніе, главнымъ образомъ, увѣренность, что государственное хозяйство будетъ вестись строго сообразно обнародованному плану. Вотъ почему многіе авторы отмѣчаютъ, что кредитъ конституціоннаго государства, по общему правилу, поставленъ *ceteris paribus* въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ кредитъ какой-либо абсолютной монархіи (см., впрочемъ, Исаяевъ: „Госуд. кредитъ“, стр. 24).

****) „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи“, стр. 749.

*****) Тамъ же.

въ пореволюціонное время въ англійскомъ бюджетѣ строго упростилось начало «спеціализаціи»; а при этомъ условіи, въ связи съ колоссальнымъ и непрерывнымъ ростомъ государственныхъ потребностей, вліяніе парламента было вполнѣ обезпечено. Можно даже сказать, что, благодаря рѣшительному и неотразимому вліянію парламента, финансовая система Англій получила въ XVIII вѣкѣ совершенно одностороннее направленіе, ибо парламентъ, при тогдашнихъ избирательныхъ условіяхъ, включалъ въ себѣ представителей почти только богатаго землевладѣльческаго класса. Дѣло въ томъ, что сотни мелкихъ мѣстечекъ, имѣвшихъ важное значеніе въ XIV вѣкѣ, но черезъ четыре столѣтія утратившихъ всякое значеніе (такъ-называемыя «гнилыя мѣстечки»), попрежнему посылали депутатовъ, хотя тамъ нерѣдко было всего 5—10 избирателей; между тѣмъ вновь возникшіе крупнѣйшіе промышленные центры (напримѣръ, Манчестеръ, Ливерпуль и много друг.) были лишены права представительства. Отсюда вопіющія злоупотребленія и подкупы избирателей, ибо классъ землевладѣльцевъ, не довольствуясь преобладаніемъ въ графствахъ, проводилъ въ обширныхъ размѣрахъ свое вліяніе черезъ «гнилыя мѣстечки». Въ результатъ получался крупный ростъ налоговъ на потребление и таможенныхъ пошлинъ, тогда какъ падающіе на классъ аграріевъ налоги (напримѣръ, *land tax*) начинали все менѣе питать государственный бюджетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе XVIII вѣка доходъ отъ коронныхъ доменъ, которымъ, какъ мы уже знаемъ, король могъ пользоваться независимо отъ разрѣшенія парламента*), постоянно падалъ вслѣдствіе нерасчетливаго хозяйничанья. Коронныя имущества оказались обремененными столь значительными долгами, что Георгъ III, при своемъ восшествіи на престолъ (1760 г.), предпочелъ формальнымъ договоромъ предоставить управленіе этими имуществами парламенту и взаимѣ ихъ выговорить себѣ опредѣленную сумму изъ государственныхъ доходовъ**). На ряду съ этимъ государственному казначейству приходилось нести все возрастающее въ ужасающихъ размѣрахъ бремя публичнаго долга и платимыхъ процентовъ***).

*) Впрочемъ, при назначеніи цивиллиста королевѣ Аннѣ (1701 г.) актомъ парламента воспрещено отчужденіе (въ какой бы то ни было формѣ) коронныхъ земель. *Dowell*, ук. соч., II, 68 сл.

***) Эта сдѣлка должна была остаться въ силѣ лишь при жизни Георга III, но была потомъ возобновлена на видоизмѣненныхъ условіяхъ съ правомъ для короны, при каждой переимѣнѣ царствованія, снова взять въ свои руки управленіе наследственными доходами короля. *Гнейстъ*: „Исторія государственныхъ учрежденій Англій“, 748 сл.

***) Пять большихъ войнъ съ 1702 по 1785 годъ стояли, по вычисленіямъ Сниклера, баснословной суммы: 287 милл. фунт. стерл.!

Удвоение государственной задолженности вследствие войны за независимость Соединенных Штатов произвело самое гнетущее впечатление на весь английский народ: все были уверены, что страну ожидает неминуемая катастрофа, если дальнейшее нарастание государственных долгов не будет приостановлено *). Поэтому в 1786 г. министр финансов Питт учредил, по мысли известного в то время финансиста Ричарда Прейса **), новый погасительный фонд, причем ежегодно полагалось отпускать 1 милл. ф. ст. Вслед за тем Питт предпринял дальнейшее упорядочение системы, по которой ассигновались суммы на платеж процентов по публичному долгу. Он слил («консолидировал») прежние три фонда (aggregate fund, general fund, South sea fund), образовав из них один «консолидированный фонд» (Consolidated fund). В этот фонд стали поступать и наследственные доходы короля (упомянутые доходы от коронных имуществ ***), а корона взамен этого получила постоянный цивиллист, который, вместе с определенными выплатами содержания, пенсий и административных издержек, остался независимым от ежегодных парламентских разрешений. В 1816 г. к английскому консолидированному фонду прибавлен ирландский консолидированный фонд, а позднее в этот консолидированный фонд включены остальные наследственные доходы короны. Означенный фонд был урегулирован законами 1854 и 1856 г., причем ряд обязательных по цивиллисту расходов исключен и подвергнут ежегодному парламентскому разрешению.

Отсюда получились следующие практические результаты. Доходы, поступающие в консолидированный фонд, взимаются правительством по раз установленному порядку и не пуждаются в ежегодном утверждении со стороны парламента. Так как сюда вошли почти все косвенные налоги, то этим достигнута та выгода, что ежегодный пересмотр бюджета не вносит постоянных изменений в систему косвенного обложения, благодаря чему не про-

*) Кауфманъ, ук. соч., 132 сл.

**) Прейсъ доказывалъ, что путемъ ежегодныхъ отчислений, нарастающихъ сложными процентами, можно скоро погасить любой долгъ, ибо сложные проценты нарастаютъ чрезвычайно быстро. По плану Питта, весь государственный долгъ въ 238 милл. фунт. стерл. былъ бы погашенъ (считая по курсу $4\frac{1}{2}$ —3%) въ 40—70 лѣтъ, если бы ежегодно отчислялся 1 милл. фунт. стерл. Это математически вѣрное положеніе на практикѣ оказалось неосуществимымъ. См. Кауфманъ, ук. соч.

***) Такимъ образомъ, въ консолидированный фондъ поступали теперь все многочисленные таможенные пошлины и акцизы, многие специально указанные прямые налоги и все впредь вводимые сборы, если противное не предусматрѣно въ устанавливающимъ ихъ законѣ. *Dowell*, II, 190.

исходить замѣшательствѣ въ торговлѣ и производствѣ облагаемыхъ продуктовъ. Затѣмъ, консолидированный фондъ создалъ дальнѣйшее упроченіе государственнаго кредита, ибо платежъ процентовъ по государственнымъ займамъ производится безостановочно, независимо отъ постановленій парламента. Наконецъ, положеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ является твердо обезпеченнымъ и независимымъ отъ партійныхъ вмѣшательствъ: содержаніе спикера (предсѣдателя) нижней палаты, генераль-контролера (о немъ ниже), членовъ главной счетной палаты (т.-е. государственнаго контроля), судебного персонала, посольствъ и друг. выплачивается изъ консолидированнаго фонда *). Не нужно, конечно, думать, что консолидированный фондъ представляетъ собой безусловно неизмѣняемую величину. Измѣненія въ этомъ фондѣ не проводятся только путемъ ежегодныхъ бюджетныхъ биллей, такъ какъ консолидированная часть бюджета (т.-е. та часть, которая предопредѣлена статутомъ о консолидированномъ фондѣ) вовсе не подлежитъ разсмотрѣнію парламента, а только доводится до его свѣдѣнія; для измѣненій въ системѣ консолидированнаго фонда осуществляется въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ отмѣна того закона, на которомъ основывается система этого фонда. Укажемъ, что упомянутые выше платежи изъ консолидированнаго фонда составляютъ приблизительно одну треть всѣхъ расходовъ государства. Однако, доходы самаго фонда значительно превосходятъ навсегда установленные платежи, такъ что получается крупный остатокъ свободныхъ суммъ. Тѣмъ не менѣе правительство отнюдь не имѣетъ права самовольно распорядиться этими остатками консолидированнаго фонда, которые, надо сказать, составляютъ около половины всего бюджета. Такимъ образомъ, только немного болѣе одной пятой части всего расходнаго бюджета приходится покрывать путемъ ежегодныхъ парламентскихъ субсидій, а стало быть, почти четыре пятыхъ всѣхъ расходовъ питаются доходами изъ консолидированнаго фонда. Мы теперь и остановимся на изложеніи того, какіе доходы государства взимаются на основаніи ежегодныхъ разрѣшеній парламента.

Въ концѣ XVIII вѣка разразилась война съ Франціей, обоед-

*) Размѣръ суммъ, предоставленныхъ на содержаніе королевскаго двора, различнымъ административнымъ лицамъ и по другимъ обезпеченнымъ платежамъ (пенсіямъ и т. д.), точно нормированъ закономъ. Подчеркнемъ, что жалованье, уплачиваемое войскамъ, принципиально не отнесено на консолидированный фондъ, ибо, по мнѣнію англичанъ, ихъ страна не нуждается въ постоянной арміи; такое воззрѣніе выработалось исторически: постоянное войско всегда представлялось въ умѣ англичанъ угрозой конституціонному режиму, почему право держать армію (а равно и всѣ расходы на этотъ предметъ) разрѣшаются парламентомъ ежегодно.

шаяся Англіи въ 831 милліонъ фунт. стерл. (т.-е. 7.861 милліоновъ рублей)! Это естественно вызвало громадное возрастаніе налогового бремени *). Извѣстный намъ land tax былъ доведенъ до 4 шилл. съ фунта стерл., что хотя и не было чрезмѣрно высокимъ обложеніемъ, но для землевладѣльческаго большинства въ парламентѣ представлялось въ высшей степени обременительнымъ и неспособнымъ къ дальнѣйшему возвышенію. Поэтому въ 1798 году Питтъ воспользовался высказывавшейся уже и ранѣе мыслью — разрѣшить плательщикамъ выкупъ land tax'a. Послѣдній былъ объявленъ вѣчнымъ и подлежащимъ выкупу. Вслѣдъ затѣмъ Питтъ провелъ подъ именемъ «утроенныхъ налоговъ на роскошь» общеподоходный налогъ въ размѣрѣ 10% съ чистаго дохода, такъ какъ всѣ испробованные раньше пути косвеннаго обложенія оказались исчерпанными **). Новый налогъ имѣлъ, такимъ образомъ, лишь временное значеніе, ибо появленіе его въ англійскомъ бюджетѣ диктовалось только военными потребностями ***). Неудивительно, если вслѣдъ за заключеніемъ Аміенскаго мира (1802 г.) подоходный налогъ былъ отмѣненъ и замѣненъ добавочнымъ налогомъ на пиво. Съ возобновленіемъ войны подоходный налогъ былъ введенъ снова, но опять-таки временно—до 1816 года. Заинтересованные классы общества могли легко добиться этого, такъ какъ они не встрѣчали достаточно сильнаго сопротивленія ****): при первой возможности налоговое бремя переносилось съ плечъ вліятельныхъ классовъ на бѣднѣйшіе слои населенія, и дѣйствительно, ростъ косвеннаго обложенія принимаетъ въ началѣ XIX вѣка ужасающіе размѣры... Между тѣмъ вслѣдствіе промышленнаго переворота XVIII вѣка Англія все болѣе принимала характеръ промышленной и торговой страны, съ новыми потребностями, стремленіями и задачами. Въ обществѣ начинаютъ преобладать торгово-промышленные классы, тогда какъ политическая власть попрежнему сосредоточивается въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Избирательная реформа 1832 года доставила преобладаніе въ парламентѣ среднимъ классамъ, и государственная политика начинаетъ склоняться въ пользу буржуазіи. вмѣстѣ съ тѣмъ парла-

*) См. *Озеровъ*, ук. соч., стр. 71 сл.

**) За время съ 1793—98 гг. введено около 70 налоговъ, почти исключительно косвенныхъ.

***) Мы не можемъ входить въ подробности. Читатель найдетъ всестороннее выясненіе вопроса объ англійскомъ подоходномъ обложеніи въ указанномъ сочиненіи проф. *Озерова*.

****) Какъ интересную и существенную подробность, укажемъ, что ненависть къ подоходному налогу была столь значительна, что всѣ документы и списки о подоходномъ обложеніи были сожжены по предписанію парламента, который съ равностыимъ вниманіемъ слѣдилъ за выполненіемъ этого предписанія. См. *Озеровъ*, стр. 124 сл.

ментъ не могъ не считаться съ агитаціей миллионной массы рабочаго класса, хотя и не представленной до 1867 г. въ нижней палатѣ, но все же рѣшительно вліявшей силой общественнаго мнѣнія *). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ экономическихъ и соціальныхъ перемѣнъ, которыхъ мы коснулись, за недостаткомъ мѣста, лишь вскользь, — и финансовая политика государства мало-по-малу приняла новое направленіе. Первоначально замѣчается стремленіе провести отмѣну многочисленныхъ таможенныхъ пошлинъ, оказавшихся чрезвычайно стѣснительными для развивающейся промышленности и торговли. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ понижаются пошлины на шелкъ, шерсть, пеньку, уголь и другіе сырые матеріалы **). Послѣ парламентской реформы 1832 года отмѣняется цѣлый рядъ стѣснительныхъ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ, но это были палліативы. Уже въ 1830 году сэръ Генри Парнелль доказывалъ въ своемъ трактатѣ явную необходимость отмѣны всѣхъ налоговъ на сырые матеріалы, какъ стѣснительныхъ для промышленности, а также и налоговъ на нѣкоторыя важнѣйшія отрасли производства (стекло, бумагу и многіе др.), затормаженныхъ высокимъ обложеніемъ; онъ предлагалъ значительно понизить даже налоги на спиртные напитки и табакъ въ видахъ предупрежденія контрабанды. Парнелль доказывалъ, что для осуществленія этихъ спасительныхъ реформъ требуется введеніе возможно равномернаго поимущественнаго и подоходнаго обложенія. Дѣйствительно, финансовыя реформы и пониженіе налогового бремени сдѣлались въ ту эпоху вопросами первостепенной важности ***). Въ 1842 г. Пиль внесъ бюджетъ на предстоящій годъ. Онъ проектировалъ существенныя реформы, имѣвшія, по его словамъ, цѣлью «оживить (въ тѣ времена серьезнаго промышленнаго кризиса) торговлю и произвести такое улучшеніе въ мануфактурномъ обмѣнѣ, которое должно было благотворно повліять на всѣ остальные стороны жизни націи». Такой реформой министръ финансовъ считалъ реформу таможенныхъ тарифовъ и косвеннаго обложенія. Для осуществленія своихъ предположеній Пиль просилъ только *на время*, именно всего на 4 года, разрѣшить ему установить подоходный налогъ, въ 3% съ чистаго дохода, по образцу налога, отмѣненнаго въ 1816 году (съ различ-

*) Реформами 1867 г. и 1884 г. сильно пониженъ имущественный цѣвъ (не мѣнѣе 10 ф. ст. въ годъ за занимаемое избирателемъ помѣщеніе или квартиру), благодаря чему избирательное право досталось широкимъ слоямъ рабочаго населенія. Тѣмъ не менѣе полной демократизаціи политическаго строя (т.-е. всеобщаго прямого избирательнаго права) въ Англіи, какъ извѣстно, нѣтъ и до сего времени.

***) См. *Dowell*, ук. соч., II, 263 сл., и IV, *passim*.

****) *Dowell*, II, 276.

ными, впрочемъ, модификаціями, преимущественно въ интересахъ землевладѣльческаго класса). Этотъ проектъ былъ принятъ *) и вмѣстѣ съ тѣмъ начался пересмотръ таможенныхъ тарифовъ: въ прежнемъ тарифѣ, гдѣ подлежали обложенію около 1.200 предметовъ, понижено или отмѣнено 750 ставокъ, причемъ для многихъ сырыхъ матеріаловъ пошлина удержана лишь номинально. Нѣсколько позднѣе отмѣнены (частію понижены) многіе косвенные налоги: на уксусъ, кофе, стекло и др. Реформы Пиль имѣли крупный успѣхъ, ибо бюджетныя поступления все увеличивались, а государственныя облигаціи (консоли) быстро поднялись съ 89% почти до 100%. Довѣріе, которое внушалъ къ себѣ Пиль, позволило ему произвести второй пересмотръ тарифа, отмѣнившій не менѣе 450 ставокъ, и уничтожить многіе косвенные налоги; при этомъ подоходный налогъ былъ продолженъ еще на три года. Однако, Пиль, опиравшійся на партію тори, былъ вскорѣ свергнутъ, такъ какъ проведенная имъ въ 1846 году отмѣна налоговъ на зерновые хлѣба лишила его поддержки консервативной партіи. Въ 1848 году подоходный налогъ опять возобновленъ и съ тѣхъ поръ регулярно появлялся въ государственной смѣтѣ, хотя принципиально онъ постоянно рассматривался лишь какъ временный налогъ, подлежащій возобновленію каждый годъ **). Появленіе этого вида обложенія въ англійской финансовой системѣ придало послѣдней значительную эластичность: въ случаѣ возникновенія какихъ-либо финансовыхъ затрудненій простое повышеніе ставки налога на одинъ пенсъ даетъ доходъ въ 2¼ мил. фунт. стерл. или 21 мил. рублей ***), и такой доходъ достается казначейству безъ внесенія какихъ-либо пертурбацій въ налоговую систему и безъ внезапныхъ потрясеній для народнаго хозяйства. Благодаря такому свойству, подоходный налогъ неоднократно оказывалъ серьезнѣйшую услугу англійскому финансовому вѣдомству, особенно въ эпоху войнъ. Конечно, надлежащее функционированіе подоходнаго обложенія оказалось возможнымъ лишь при высокомъ экономическомъ и политическомъ развитіи на-

*) Всѣ подробности введенія подоходнаго налога и отношеніе къ этому вопросу различныхъ классовъ изложены у *Озерова*: „Подоходный налогъ въ Англіи“. Намъ здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ интересномъ вопросѣ.

***) Уничтоженіе подоходнаго налога предполагалось въ 1853, 1860 и 1874 гт., но различныя внѣшнія условія не позволяли осуществить это намѣреніе. Послѣ 1874 г. не было никакихъ проектовъ отмѣны подоходнаго налога; все дѣло ограничивалось частными измѣненіями въ его конструкціи.

****) При этомъ, вслѣдствіе роста богатства англичанъ, съ теченіемъ времени каждый пенсъ подоходнаго налога отбрасываетъ все большій доходъ, именно: въ 1879 г. каждый пенсъ подоходнаго налога давалъ 1.867.365 ф. ст.; въ 1889 году—2.045.587 ф. ст., въ 1899 году—2.358.417 ф. ст.

селенія *), такъ какъ увеличеніе или уменьшеніе ставокъ налога вызываетъ тамъ внимательную и продуманную критику общества и не становится источникомъ смутнаго и недовѣрчиваго безпокойства...

Краткое изложеніе исторіи подоходнаго обложенія имѣетъ для нашей темы то значеніе, что передъ нами выясняется положеніе подоходнаго налога въ англійскомъ бюджетѣ, какъ источника, подлежащаго ежегодному вотированію парламента. Это, какъ мы видѣли, объясняется исторіей происхожденія подоходнаго налога въ англійскихъ финансахъ. Не нужно, однако, забывать, что введеніемъ этого налога торгово-промышленный классъ купилъ себѣ освобожденіе мануфактуры и торговли отъ тяжелыхъ стѣсненій и узъ, наложенныхъ фискомъ въ видѣ многочисленныхъ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ **). Мы не будемъ излагать подробностей постепенной отмѣны различныхъ косвенныхъ налоговъ, а укажемъ лишь на общіе результаты многолѣтней и послѣдовательной реформы, не завершенной, правда, и до нашихъ дней. По замѣчанію Доуэля ***), реформы, направленные на освобожденіе торговли отъ стѣсненій косвеннаго обложенія, обнаруживали съ каждымъ шагомъ неизмѣнный финансовый успѣхъ: если въ 1835 году при существованіи безчисленныхъ таможенныхъ пошлинъ валовой доходъ отъ нихъ равнялся 23.149.000 фунт. ст., то въ 1855 году (когда было отмѣнено болѣе тысячи ставокъ, дававшихъ въ свое время доходъ въ $9\frac{1}{4}$ мил. фунт.), общій доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ даже превысилъ доходъ отъ 1835 года на цѣлыхъ 333.000 фунт. стерлинговъ! ****). Такимъ образомъ, въ 1855 году осталось только 48 ставокъ ввозныхъ пошлинъ, въ томъ числѣ на сахаръ, табакъ, спиртъ, вино, чай, кофе, цикорій, перецъ, рисъ и другіе; многія изъ этихъ ставокъ удержаны лишь по причинѣ существованія внутренняго акциза и по аналогичнымъ основаніямъ. Позднѣе отмѣнены и сбавлены многія изъ этихъ ставокъ, такъ что тарифъ 1876 года облагалъ только 25 предметовъ. Между прочимъ, постепенное пониженіе испытала таможенная пошлина на чай, вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1863 году, когда названная пошлина была удержана лишь временно, установилось правило, что налогъ на чай подлежитъ ежегодному вотированію парламента. Благодаря этому, пошлина

*) Ср. *Озеровъ*, ук. соч., стр. 409.

**) *Янжулъ*: „Акцизы“, стр. 166.

***) *Dowell*, II, 337 сл.

****) Чистый доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ обнаруживаетъ, естественно, еще болѣйшій прогрессъ, именно за 1835 г. доходъ = 21.986.857, а за 1855 г. = 23.241.062 ф. ст. (Return on Public Income & Expenditure, vol. II, p. par. 336—I. 1869).

на чай фигурируетъ нынѣ въ англійскомъ бюджетѣ въ качествѣ ежегодно возобновляемаго налога (granted annually *). Не менѣе удачны финансовыя результаты, достигнутыя отмѣной внутреннихъ акцизовъ. Съ 1816 года по 1869 годъ всего понижено и уменьшено акцизныхъ налоговъ на сумму немного болѣе десяти милл. фунт. стерл. (вычтя соотвѣтствующія увеличенія **), а доходъ остался почти на прежнемъ уровнѣ, именно 29.502.370 ф. ст. за 1815 годъ и 27.254.132 ф. ст. за 1874 годъ; несмотря на то, что къ 1874 году были понижены и отмѣнены многіе акцизы, такъ что они удержались почти только для однихъ спиртныхъ напитковъ и пива, доходъ отъ нихъ возросъ болѣе чѣмъ въ два съ половиной раза сравнительно съ 1792 годомъ, когда существовало 23 различныхъ акциза.

Описанные финансовыя результаты представляются, конечно, весьма выдающимися. Нельзя, впрочемъ, упускать изъ виду и обратную сторону медали: хотя торгово-промышленная дѣятельность страны освободилась отъ многочисленныхъ косвенныхъ налоговъ, но податное бремя лишь въ очень слабой степени перемѣстилось съ бѣдныхъ слоевъ населенія на богатые, ибо изъ представленныхъ выше финансовыхъ результатовъ видно, что косвенное обложеніе, тяжело обрушивающееся именно на низшіе слои общества, въ абсолютной суммѣ лишь возрасло... На самомъ дѣлѣ, подоходный налогъ, затрогивающій имущіе классы, попрежнему сравнительно слабо питаетъ англійскій бюджетъ: за 1898/9 ***) годъ подоходный налогъ далъ 18 мил. ф. стерл., что составляетъ всего 16,6% къ общей суммѣ бюджета, тогда какъ таможенныя пошлины дали 20.850.000 ф. ст., а акцизы даже 29.200.000 ф. ст. Вообще, сосчитывая за тотъ же годъ (дѣйствительныя поступления) сумму прямыхъ налоговъ (подоходный налогъ, land tax, подомовый и наслѣдственный налоги), находимъ 31.770.000 фунт. ст., тогда какъ акцизы, таможенныя пошлины и гербовыя пошлины дали 57.680.000 фунт. стерл.; слѣдовательно, косвенное обложеніе все еще значительно преобладаетъ надъ прямымъ ****). Несомнѣнно,

*) *Dowell*, II, 347, и IV, 250. За 1898/9 годъ доходъ отъ таможенной пошлины на чай равнялся 4.023.504 ф. ст.

**) *Report of the Commissioners on Inland revenue. 1870* (parl. p. C. 82—I). Vol. II, стр. 219.

***) Беремъ этотъ годъ, а не новѣйшія свѣдѣнія, ибо годы южно-африканской войны не могутъ считаться нормальными.

****) Для оцѣнки указаннаго явленія полезно отмѣтить, что косвенные налоги превышаютъ прямые: въ Пруссіи—менѣе, чѣмъ вдвое, во Франціи—въ три раза и, наконецъ, въ Россіи—въ шесть разъ. Изъ „Энци. словаря“ Брокгауза и Эфрона, полут. 54, стр. 198.

однако, что съ дальнѣйшей демократизаціей англійскаго управленія, которая составляетъ лишь вопросъ времени, произойдутъ усиленіе прямого обложенія и ослабленіе налоговъ на предметы потребленія...

На этомъ мы и закончимъ нашъ историческій очеркъ и перейдемъ къ изложенію современнаго порядка вотированія англійскаго бюджета.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Гензель.

Нъ исторіи „Записокъ Охотника“ Тургенева.

I.

Кончилось двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Тургеневъ, а для историко-литературной разработки его произведеній почти еще ничего не сдѣлано. Мы имѣемъ множество критическихъ разборовъ, матеріаловъ для біографіи, характеристикъ его творчества, но строгихъ фактическихъ изслѣдованій, научнаго раскрытія путей, которыми шло это творчество, еще нѣтъ, и подъ процессъ развитія его таланта еще не подведено прочнаго историческаго фундамента.

Особенно слабо разработаны въ этомъ отношеніи первый періодъ творчества Тургенева, естественно привлекавшій къ себѣ меньше вниманія по своей меньшей цѣнности. Извѣстны и вполнѣ установлены факты этого періода: Тургеневъ, начавшій литературную дѣятельность свою въ 1843 г. поэмой «Параша», въ первые четыре года написалъ довольно много лирическихъ стихотвореній, нѣсколько поэмъ и четыре разсказа. Общепризнано, что почти всѣ эти вещи отмѣчены чертами романтизма и подражательности—болѣе всего Лермонтову и Гоголю. Всѣ, наконецъ, согласны въ томъ, что Тургеневъ вышелъ на свою истинную дорогу лишь въ «Зап. Охотника», созданныхъ въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ (1847—1851 гг.), что въ нихъ онъ впервые подошелъ близко къ дѣйствительной жизни и къ основнымъ запросамъ своего времени по содержанію, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ первые яркіе образцы художественнаго реализма по исполненію. Но еще не выяснено, какъ совершался этотъ переходъ и насколько былъ онъ внезапнымъ и полнымъ; роль «Записокъ Охотника» въ развитіи Тургеневскаго творчества еще не опредѣлена точно и обстоятельно, и только полная исторія ихъ созданія и ихъ внимательный анализъ могутъ двинуть этотъ вопросъ.

Предлагаемая работа имѣетъ цѣлью сообщить нѣсколько данныхъ изъ этой исторіи, главнымъ образомъ, на основаніи изученія текста «Записокъ Охотника» въ томъ видѣ, какъ появлялись онѣ постепенно на страницахъ «Современника». Подобной работы, насколько мы знаемъ, еще не было произведено до сихъ поръ; она даетъ рядъ свѣдѣній о развитіи Тургеневскаго творчества и, кромѣ того, рисуесть тѣ нелегкія условія, въ которыхъ должна была дѣйствовать тогдашняя литература: эти условія въ общемъ извѣстны, но «Записки Охотника» еще ни разу не были вставлены въ эту раму.

Сперва скажемъ два слова о внѣшней исторіи книги. Двадцать пять очерковъ, изъ которыхъ она состоитъ въ настоящее время, появились на свѣтъ въ такой послѣдовательности: восемь изъ нихъ напечатано въ теченіе 1847 года, шесть — въ 1848 г., три—въ 1849 г.; по два—въ 1850 и 1851 гг. и, наконецъ, остальные—черезъ 20 слишкомъ лѣтъ (между 1872—1875 гг. *).

Всѣ эти рассказы (въ количествѣ 22) впервые были собраны авторомъ въ двѣ книжки небольшого формата, вышедшія въ 1852 г. Изученіе текста тотчасъ же обнаружило, что журнальный текстъ отличается большимъ количествомъ цензурныхъ пропусковъ и передѣлокъ, въ изданіи же 1852 года авторъ возстановилъ свой первоначальный текстъ и, кромѣ того, подвергъ всѣ рассказы внимательному пересмотру и исправленію. При всѣхъ послѣдующихъ

*) Порядокъ ихъ появленія въ „Современникѣ“ былъ слѣдующій: 1847 г. „Хоръ и Калинычъ“ (№ 1), „Каратаевъ“ (№ 2), „Ермолай и мельничиха“, „Мой сосѣдъ (Радиловъ“, „Одиодворецъ Овсянниковъ“ и „Льговъ“ (№ 5), „Бурмистръ“ и „Контора“ № 10). 1848 г.: „Малиновая вода“, „Увѣдныи лѣкарь“, „Бирюкъ“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна“, „Смерть“ (№ 2). 1849 г.: „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, „Чертопхановъ и Недопоскинь“, „Лѣсъ и Степь“ (№ 2); 1850 г.: „Пѣвцы“, „Свиданіе“ (№ 11); 1851 г.: „Бѣжинъ лугъ“ и „Касьянъ съ Красивой Мечи“ (№№ 2 и 3). „Конецъ Чертопханова“, „Живыя мощи“ и „Стучить“ вошли впервые въ серію лишь съ 1880 года.

Что касается очерка „Два помѣщика“, то онъ, повидимому, впервые появился въ отдѣльномъ изданіи „Записокъ“ 1852 г.: мы не нашли его ни въ „Современникѣ“, ни въ приложенномъ къ нему въ 1849 г. „Литературномъ Сборникѣ“, ни даже въ злополучномъ „Литературномъ Альманахѣ“ 1848 г., который первоначально долженъ былъ служить приложеніемъ къ „Современнику“, но былъ задержанъ передъ выходомъ въ свѣтъ и теперь извѣстенъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ лишь благодаря предпримчивости петербургскихъ буканистовъ и Некрасовскаго лакея (какъ рассказываетъ г-жа Панаева-Головачева). Встрѣчающееся иногда указаніе, что „Два помѣщика“ помѣщены въ этомъ „Альманахѣ“, основано на недоразумѣніи: въ нѣкоторыхъ экземплярахъ „Альманаха“ подъ этимъ заглавіемъ встрѣчается рисунокъ г. Ф., изображающій два типа; если признавать въ нихъ Хвалынцевъ и Стегунова, это будетъ значить, что Тургеневскій рассказъ назначался для „Альманаха“, но не могъ быть помѣщенъ.

изданіяхъ Тургеневъ вносилъ въ «Записки Охотника» лишь очень немногія, мелкія поправки отдѣльныхъ словъ *).

Такимъ образомъ устанавливается, что подлинный, очень близкій къ современному текстъ «Зап. Охотника» былъ данъ впервые въ изд. 1852 г., журнальную же ихъ редакцію слѣдуетъ считать, съ одной стороны, сильно пострадавшей отъ цензуры, а съ другой — не вполне обработанной авторомъ.

Изъ данныхъ внѣшней исторіи «Зап. Ох.» видно прежде всего, что Тургеневъ совершенно не опредѣлялъ заранѣе состава и объема этой «поэмы изъ крѣпостного быта», какъ иногда называютъ «Записки»; еще въ началѣ 1849 года онъ, повидимому, не думалъ продолжать серію далѣе, такъ какъ напечаталъ въ февралѣ этого года очеркъ «Лѣсъ и Степь», начинавшійся словами: «Читателю, можетъ быть, уже наскучили мои записки; спѣшу успокоить его обѣщаніемъ ограничиться напечатанными отрывками». Авторъ черезъ годъ нарушилъ это обѣщаніе прибавленіемъ еще четырехъ рассказовъ; наконецъ, собирая всю серію въ двѣ книжки 1852 г., онъ снова какъ бы далъ зарокъ остановиться и помѣстилъ «Лѣсъ и Степь» въ концѣ книги, какъ эпилогъ. Это не помѣшало ему въ декабрѣ 1856 года писать Дружинину: «Прежде всего долженъ сообщить вамъ, что сильно подвинулъ рассказъ, назначенный мной въ «Библ. для Чтенія» и которому заглавіе будетъ: «Поѣздка въ Полѣсье», неизданный отрывокъ изъ «Записокъ Охотника» **).

Намѣреніе включить «Поѣздку» въ серію было оставлено, но все же «Записки Охотника» были вполне закончены лишь 25 лѣтъ спустя.

II.

Если съ внѣшней стороны «Записки Охотника» писались, какъ оно и естественно, вовсе не по обдуманному плану и, создавая очеркъ за очеркомъ, Тургеневъ не представлялъ себѣ, гдѣ онъ остановится, то и внутреннее значеніе этихъ рассказовъ, ихъ общественная роль и даже художественная цѣна должны были лишь мало-по-малу выясняться для начинающаго автора.

Извѣстно, что въ концѣ 40-хъ годовъ Тургеневъ еще искалъ своей настоящей дороги. Припомнимъ, какъ скромно говоритъ онъ

*) Только въ оч. „Два помѣщика“ появились послѣ 1852 г. два мѣста, не пропущенныя даже снисходительной цензурой кн. Львова или, быть можетъ, прибавленныя авторомъ позднѣе: въ одномъ рассказывается, какъ Хвалынецъ парилъ своего начальника въ банѣ, одѣтый въ полную парадную форму, а другое сообщаетъ, что онъ „и подъ благословеніе подходит мастеръ“.

***) „Письма“, стр. 30.

о тогдашней своей литературной дѣятельности въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ; по его словамъ, онъ въ 1847 году, совершенно неудовлетворенный своими первыми опытами въ прозѣ и стихахъ, принялъ твердое рѣшеніе вовсе оставить литературу и, уважая за границу, оставилъ Панаеву своего «Хоря и Калиныча» по усиленной его просьбѣ для наполненія «Смѣси» въ первой книжкѣ «Современника». Успѣхъ этого очерка былъ неожиданностью и для автора, и для его друзей (Бѣлинскій прямо писалъ объ этомъ въ своемъ обзорѣ литературы за 1847 годъ); по признанію Тургенева, этотъ успѣхъ побудилъ его продолжать «Записки Охотника», и онъ вернулся къ литературѣ.

Автора «Хоря и Калиныча» и славянофилы, и западники поздравляли съ выходомъ на новую, настоящую дорогу; но Бѣлинскій видѣлъ главный успѣхъ въ томъ, что Тургеневъ отказался отъ попытокъ творить при помощи фантазіи и создавать законченныя художественныя произведенія (къ чему у него, по мнѣнію критика, было мало данныхъ) и мудро занялся передачей отдѣльныхъ явленій жизни, перейдя къ «физиологическимъ» очеркамъ, взятымъ изъ дѣйствительности (мы бы сказали теперь, «бытовымъ»); К. Аксаковъ съ своей стороны видѣлъ новую дорогу въ сочувственномъ обращеніи автора къ народной жизни и въ изображеніи свѣтлыхъ ея сторонъ. Онъ писалъ въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 г.: «Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ — и посмотрите, какъ хорошъ его рассказъ! Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ!» Бѣлинскій тоже закончилъ свой отзывъ словами: «нельзя не пожелать, чтобы г. Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ рассказовъ».

Тургеневъ, конечно, не могъ счесть своимъ призваніемъ такое изображеніе народной жизни, какое могъ рекомендовать ему горячій энтузіастъ-славянофилъ. «Хорь и Калинычъ» появился въ періодъ очень большой близости Тургенева съ Бѣлинскимъ и какъ разъ въ пору самыхъ жаркихъ схватокъ петербургскихъ западниковъ съ московскими славянофилами; въ самомъ рассказѣ, который привѣтствовалъ К. Аксаковъ, находилась выходка противъ него лично (о ней см. ниже), выходка мелкая и внѣшняя, послѣ выброшенная авторомъ, но указывавшая на недружелюбное и насмѣшливое отношеніе Тургенева къ славянофиламъ въ то время. Едва ли допустимо поэтому, чтобы отзывъ Аксакова могъ сильно повліять на

Тургенева въ этотъ моментъ, при выборѣ имъ новыхъ путей творчества. Не въ 1847 г., а пять-шесть лѣтъ спустя, въ пору наибольшей близости съ семьей Аксаковыхъ, могло имѣть для Тургенева извѣстный вѣсъ ихъ мнѣніе, когда онъ спокойно и терпимо относился къ славянофильству и въ живомъ общеніи съ Аксаковыми изучалъ, отчасти по ихъ совѣту, русскую исторію и народную поэзію *).

Мнѣніе Бѣлинскаго—другое дѣло. Бѣлинскому Тургеневъ крѣпко вѣрилъ, и, несомнѣнно, его печатный отзывъ, повторенный потомъ и въ перепискѣ, сыгралъ свою роль въ томъ обстоятельствѣ, что послѣ «Хоря и Калиныча», пока писались «Записки Охотника», Тургеневъ почти отказался отъ повѣстей съ законченной фабулой: до 1852 года, кромѣ нѣсколькихъ драматическихъ попытокъ, появились лишь «Дневникъ лишняго человѣка» и «Три встрѣчи». Мало того, есть нѣкоторыя указанія на то, что Тургеневъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, повѣрилъ Бѣлинскому и въ томъ, что его талантъ однороденъ съ талантомъ Даля, писавшаго тогда этнографически-бытовые очерки, главную суть которыхъ составляли мѣстные особенности разныхъ сферъ народной жизни, переданныя характернымъ языкомъ. Намъ теперь можетъ удивить это сближеніе, но тогда рассказы Даля цѣнились очень высоко: Бѣлинскій отводилъ ему почетное мѣсто въ литературѣ чуть ли не вслѣдъ за Гоголемъ. Наша художественная литература, продолжая дѣло Пушкина и Гоголя, которые свой таборъ музъ съ классическихъ вершинокъ уже переносили на толкучій рынокъ, къ началу 40-хъ годовъ стала явственно отражать выроставшій и крѣпнувшій въ обществѣ интересъ къ жизни широкихъ слоевъ. Но она не вдругъ стала на высоту своей задачи: надъ ней тяготѣли еще не пережитые вполнѣ приемы романтизма и даже сентиментализма и высоко-художественныя формы Пушкинской школы, не легко прилагавшіяся къ новому содержанию. Среди порядочнаго количества второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, которые стали наперерывъ писать *физиологическіе* очерки изъ жизни низшаго класса городского населенія и даже деревенскаго люда, Даль выдѣлялся своимъ широкимъ личнымъ знакомствомъ съ бытомъ народа, мѣткой передачей своеобразныхъ чертъ русскаго человѣка и свѣжестью живой народной рѣчи; его рассказы впервые вводили въ литературу огромный, совсѣмъ новый матеріалъ и давали яркую и широкую картину чисто-русскаго быта и нравовъ. Тогда еще не пришло время разсмотрѣть,

*) См. цитируемую ниже переписку его съ Аксаковыми въ „В. Евр.“ и въ „Русск. Обзорніи“.

что народная жизнь схвачена у Даля бойко и мѣтко, но внѣшнимъ образомъ и анекдотично, что его фигуры очень часто случайны, а не типичны, и даже самый языкъ при всей подлинной народности его элементовъ въ цѣломъ вычуренъ и подобранъ искусственно. А главное, за новой и любопытной картиной національныхъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа, впервые такъ широко развернувшейся въ разсказахъ Даля, не вдругъ было замѣчено ихъ полное безучастіе къ общественному положенію крѣпостной массы, т.-е. къ тому вопросу, который составлялъ основной смыслъ тогдашняго влеченія къ народности. Въ связи съ этимъ стоялъ и недостатокъ во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ того, что можно назвать высшей человѣчностью; низшіе классы изучались болѣе всего въ ихъ отличіяхъ отъ образованнаго общества, какъ своеобразный объектъ, къ изображенію котораго непримѣнимы формы и приемы высшей художественной литературы; отсюда и описательный характеръ многихъ физиологическихъ очерковъ и усиленно-народная окраска языка.

Всѣ эти недостатки должны были исчезнуть съ появленіемъ крупнаго таланта, который могъ бы проложить здѣсь новый путь. Извѣстно, что первый поворотъ на этотъ путь связывается съ именемъ Григоровича; честь почина дѣйствительно принадлежитъ его «Деревнѣ» и «Антону Горемыкѣ», но нѣкоторая слабость таланта и несвобода отъ сантиментальности помѣшали ему закрѣпить за собой главное мѣсто въ новомъ движеніи, и оно выпало на долю Тургеневскихъ «Записокъ Охотника».

Но при первомъ вступленіи на новую дорогу Тургеневъ еще находился подъ извѣстнымъ вліяніемъ господствовавшихъ взглядовъ на очерки изъ народной жизни. Очень незадолго до появленія «Хоря и Калиныча» онъ, разбирая въ «Отеч. Запискахъ» сочиненія Даля, называетъ его замѣчательнымъ, самобытнымъ дарованіемъ, отводитъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Самый разсказъ его «Хорь и Калинычъ» замѣтно отличается отъ всѣхъ позднѣйшихъ по манерѣ: вся суть очерка въ характеристикахъ, которыя ведутся почти исключительно путемъ авторскихъ описаній, включены бытовые особенности края (продажа кося и скупка тряпья «орлами») безъ всякой связи съ содержаніемъ разсказа; всѣ эти особенности ставятъ первую попытку Тургенева въ близкую связь съ *физиологическими* очерками того времени.

Такимъ образомъ, есть основанія думать, что, взявшись за свои «Зап. Охотн.», Тургеневъ, по крайнѣ мѣрѣ, на первыхъ порахъ, не отличалъ ихъ рѣзко отъ этнографически-бытовыхъ очерковъ Даля. Подтверждается это и тѣмъ, что онъ охотно придаетъ характерную окраску языку, вставляя нерѣдко орловскія словечки въ рѣчь сво-

ихъ крестьянъ, разъясняя въ примѣчаніяхъ мѣстные названія различныхъ предметовъ и дѣлая отдѣльныя замѣчанія касательно особенностей природы и быта края. Авторъ однажды выразилъ прямой интересъ къ чисто-этнографическимъ наблюденіямъ.

Одно изъ его примѣчаній къ «Пѣвцамъ» на страницахъ «Современника» читается такъ: «Полѣсьемъ называется длинная полоса земли, почти вся покрытая лѣсомъ, которая начинается на границѣ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, тянется черезъ Калужскую, Тульскую и Московскую губерніи и оканчивается Марьиной рощей подъ Москвой. Жители Полѣсья отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ. Особенно замѣчательны обитатели южнаго Полѣсья около Плохина и Сухинича, двухъ богатыхъ и промышленныхъ селъ, средоточій тамошней торговли. Мы когда-нибудь поговоримъ о нихъ подробнѣе». Въ первомъ отдѣльномъ изданіи, черезъ два года, примѣчаніе это сокращено на половину — изъ него выкинуть конецъ о жителяхъ Плохина и Сухиничъ и обѣщаніе поговорить подробнѣе о ихъ особенностяхъ. Въ написанномъ еще черезъ годъ разсказѣ изъ жизни этого самаго Полѣсья весь интересъ сосредоточивается уже вовсе не на мѣстныхъ особенностяхъ жизни, а на природѣ и на міросозерцаніи автора *).

Такъ постепенно изсякала этнографическая струйка.

Наконецъ, не пропали для Тургенева и замѣчанія Бѣлинскаго относительно языка «Зап. Охотника». Бѣлинскій за три мѣсяца до смерти писалъ Анненкову про послѣдніе шесть разсказовъ, напечатанныхъ при немъ, и, между прочимъ, говорилъ: «Да воздержите вы этого милаго младенца отъ звукоподражательной поэзіи «Рра-капюонъ! Че-о-экъ!»! Пока это ничего, но я боюсь, чтобы онъ не пересолилъ, какъ онъ пересаливаетъ въ употребленіи словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово: зелена» **).

Тургеневъ въ письмѣ къ Аксаковымъ 1853 г. присоединяетъ еще другое указаніе: «Что касается провинціальныхъ выраженій, то, къ несчастью, я самъ ихъ незамѣтно употребляю въ разговорѣ — и покойный критикъ В. Г. Б. всегда называлъ меня «орловцемъ, не умѣющимъ говорить по-русски» ***).

*) Интересно, что „Поѣздка въ Полѣсье“ была первоначально задумана какъ этнографически-охотничья статья „О стрѣльбѣ мужиками медвѣдей на овсахъ въ Полѣсьѣ“ и назначалась авторомъ вмѣстѣ съ статьёй „О соловьяхъ“ для предпріятого С. Аксаковымъ „Охотничьяго Сборника“; но потомъ чисто-художественный замыселъ взялъ верхъ и о медвѣдяхъ осталось всего два упоминанія. О первомъ намереніи см. „Вѣст. Евр.“ 1894 г., № 2. Письма Тургенева, стр. 477 и 488.

***) Соч. Бѣлинскаго, изд. Павленкова, 1900 г., т. IV, стр. 1393.

***) „Изъ переписки Тургенева съ Аксаковыми“. „Вѣсти. Европы“ 1894 г., № 2, стр. 470.

Всѣ эти указанія Бѣлинскаго — и о «звукподражательной» поэзіи, и объ излишкѣ «орловскихъ» словъ для колорита, и о собственныхъ «незамѣтныхъ» провинциализмахъ—припомнилъ Тургеневъ, когда исправлялъ текстъ «Зап. Охотника» для отдѣльнаго изданія 1852 г. Мы насчитали до 50 такихъ исправленій, которыя имѣли цѣлью ослабить этнографичность языка; приведемъ для примѣра лишь тѣ слова, въ которыхъ сказывалось бессознательное вліяніе мѣстнаго говора на рѣчь самого Тургенева въ концѣ 40-хъ годовъ.

Въ текстѣ «Современника» авторомъ отъ своего лица были употреблены такія выраженія: *аржаной* хлѣбъ («Лебедянь»); *титоргъ*—киторгъ («Мал. вода»); *пестюлга*—пустельга, *зеленя*, *фершелъ* и даже *фершелева* комната («Смерть»); *арпельникъ* («Чертопх.»); Николай *Иванычина* жена, *заплаканный* мужикъ («Пѣвцы»); *обдуманый* человекъ, *наминался*, *крехтанье*—кряхтѣнье («Касьянь»). Всѣ эти слова теперь измѣнены, кромѣ сохранившася *зеленя*. (Прибавимъ кстати, что точно такъ же уцѣлѣло до нашихъ дней незамѣченное авторомъ названіе сестры жены *золовкой*, вмѣсто свояченицы, въ рассказѣ «Мой сосѣдъ Радилловъ»).

Еще обширнѣе была работа надъ стилемъ и художественной стороною, которую предпринялъ Тургеневъ, приготовляя къ печати «Записки Охотника» въ 1852 году. Почти каждый рассказъ носить на себѣ слѣды тщательной, часто мелкой и тонкой отдѣлки; тамъ внесенъ новый образъ или прежній обогащенъ живыми деталями, здѣсь сглажено угловатое выраженіе, смягчена рѣзкость или устранена неумѣстность; тутъ измѣнено самое отношеніе къ предмету.

Приведемъ рядъ примѣровъ, показывающихъ, какъ Тургеневъ очищалъ свой вкусъ и художественное пониманіе отъ крайностей и излишествъ, отъ присущаго ему смолоду увлеченія бойкостью и эффектностью «словечекъ», стремясь по примѣру своего великаго учителя Пушкина къ трезвой ясности, къ простотѣ и сдержанности красокъ и къ устраненію всего мелкаго, случайнаго, подсказаннаго минутой.

Какъ извѣстно, въ «Зап. Охотника» и сейчасъ осталось довольно много бойкихъ выраженій, часто неожиданныхъ и остроумныхъ, но нерѣдко вычурныхъ, лишь претендующихъ на остроуміе и балагурныхъ безъ нужды. Стоитъ вспомнить, на примѣръ, серьезный и трогательный рассказъ «Смерть», гдѣ въ началѣ царитъ нѣсколько неумѣстный тонъ: авторъ, говоря мимоходомъ о своемъ сосѣдѣ, былъ не въ силахъ удержаться отъ сообщенія, что этотъ сосѣдъ получилъ свою собаку въ подарокъ отъ кухни, «старой

дѣвицы съ отличнымъ сердцемъ, но безъ волосъ», а имѣніе унаслѣдовалъ отъ тетки, «статской совѣтницы Кардонъ-Катаевой, необыкновенно толстой женщины, которая, даже лежа въ постели, продолжительно и жалобно кряхтѣла». Подобныхъ мѣстъ въ «Современникѣ» было еще больше, и рядъ ихъ былъ выброшенъ при обработкѣ журнальнаго текста. Напримѣръ, въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда» находилась избитѣйшая шутка съ вывѣски о портномъ «иностранцѣ Ойрскѣ Клюхинѣ» (теперь «иностранецъ» отсутствуетъ). Въ разсказѣ «Контора» описаніе безобразной картины, изображающей женщину «съ красными колѣнками и очень толстыми пятками», кончалось прежде довольно дешевой остроотой: «что, какъ извѣстно, въ глазахъ русскаго человѣка достоинство не послѣднее». Наконецъ, въ очеркѣ «Татьяна Борисовна» Тургеневъ, описывая непризванныхъ любителей искусства вродѣ Беневоленскаго, прибѣгалъ къ «звукоподражательной поэзіи»: по его мнѣнію, такіе любители говорятъ всегда въ носъ, и онъ, имитируя ихъ, во всей этой характеристикѣ писалъ не иначе, какъ «художники, художество», что было очень надобливо, нисколько не помогая характеристикѣ. Кое-гдѣ еще была сглажена эта звукоподражательность; напримѣръ, въ «Лебедяни», правда, остались указанные Бѣлинскимъ «рракаліонъ» и «чеоэкъ», но тамъ же были исправлены два подобныхъ мѣста.

Перейдемъ къ болѣе важнымъ поправкамъ. Изъ разсказа «Хорь и Калинычъ» была выкинута довольно неожиданная параллель: «словомъ, Хорь походилъ болѣе на Гёте, Калинычъ—болѣе на Шиллера» *). Кромѣ того была выброшена та выходка противъ славянофиловъ (т.-е., въ сущности, противъ К. С. Аксакова), о которой мы упоминали. Вотъ исчезнувшія строки: «Въ десяти верстахъ отъ усадьбы находилось дотла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владѣлецъ этого села ходилъ, вѣроятно потѣхи ради, въ мурмолкѣ и рубашку носилъ съ косымъ воротникомъ. Думаете ли вы, что Хорь промолчалъ объ этой мурмолкѣ, что эта мурмолка его ослѣпила? Какъ бы не такъ!...» Пропускъ этого мѣста, повидимому, слѣдуетъ объяснить не перемѣной во взглядахъ Тургенева, а художественными соображеніями: въ очеркѣ «Однодворецъ Овсянниковъ» имѣлась та же сатирическая вылазка въ болѣе развитомъ видѣ, и авторъ выкинулъ ея первоначальный бѣглый набросокъ, удержавъ законченную картинку, хотя какъ разъ въ это время онъ все ближе сходилъ съ

*) Анненковъ въ статьѣ „Молодость Тургенева“ („Вѣстн. Евр.“ 1884 г., № 2) даетъ понять, что это мѣсто было устранено по его совѣту.

семьей Аксаковыхъ и питаль искреннее уваженіе къ благородной личности К. С. *).

Въ разсказѣ «Бирюкъ» общій серьезный и объективный тонъ неприятно нарушался въ одномъ мѣстѣ плохо идущей и дешевой ироніей; послѣ горькихъ и мрачныхъ отзыовъ крестьянъ о Бирюкѣ—«вязанки хворосту не дасть утащить... и ничѣмъ его взять нельзя—ни на какую приманку не идетъ... ужъ не разъ со свѣту сжить его собирались, да нѣтъ, не дается»...—въ «Современникѣ» стояло: «Вотъ какъ отзывались *добрые мужички* о Бирюкѣ» (теперь просто: «сосѣдніе мужики»).

Въ «Пѣвцахъ» характеристика цѣловальника Николая Иваныча и его семьи кончается фразой объ его маленькихъ дѣтяхъ, имѣющей три редакціи. Примѣръ этотъ интересенъ по глубинѣ тонкаго отгѣнка. Въ «Современникѣ» напечатано: «весело смотрѣть на умныя, *вороватыя* личики этихъ здоровыхъ дѣтей»; подчеркнутый эпитетъ въ связи съ общей характеристикой цѣловальника, какъ умнаго и осторожнаго эгоиста, даже чужія дѣла улаживающаго ради собственнаго спокойствія, можно толковать не какъ случайное впечатлѣніе, а какъ что-то вродѣ прогноза будущей судьбы дѣтей. На такое толкованіе наводитъ и дошедшая до насъ рукописная редакція фразы, гдѣ дѣти названы «молодыми, здоровыми *лисятами*»; это сравненіе сразу вводитъ читателя въ кругъ прочныхъ зоологическихъ ассоціацій: на благосостояніе семьи накинута отгѣнокъ процвѣтанія звѣриной норы ловкаго добычника—Ліса. Авторская ассоціація тонка и, можетъ быть, не безосновательна, но въ ней мало гуманности, и кромѣ того она не совсѣмъ гармонируетъ съ началомъ фразы: «весело смотрѣть...» Быть можетъ, все это и почувствовалъ авторъ, измѣнившій въ 1852 г. эту фразу такъ, какъ мы читаемъ ее теперь: «весело смотрѣть на умныя личики этихъ здоровыхъ ребятъ».

Въ этомъ же разсказѣ смирный мужикъ-полѣха въ изорванной свитѣ первоначально все время звался нѣсколько сантиментально «мужичкомъ». Наконецъ, Яшка-Турокъ пѣлъ сперва пѣсню «При долинушкѣ стояла, калину ломала»; съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ авторъ замѣнилъ ее послѣ «Дороженькой», которая по напѣву и по содержанію шире, значительнѣе, да и лучше контрастируетъ съ пѣсней рядчика.

*) Онъ вытерпѣлъ по этому поводу цѣлую головомойку отъ И. С. Аксакова, который со свойственной ему прямоотой называлъ Любовзюнова каррикатурой на брата и стыдилъ Тургенева, что онъ не выбросилъ въ 1852 г. того, что по недоразумѣнію и непониманію могло быть написано въ 1847 г. Но Тургеневъ, очевидно, видѣлъ въ Любовзюновѣ нѣчто большее, чѣмъ личный намекъ, и, разумѣется, былъ правъ.

Подобныхъ тонкихъ исправленій очень много; не останавливаясь на нихъ болѣе, укажемъ на два примѣра внесенія новаго художественнаго матеріала. Въ концѣ эпилога «Лѣсъ и степь» есть бѣглая дорожная встрѣча: «Грузная карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ лошадей, плыветъ вамъ навстрѣчу». Такъ изложено это мѣсто въ «Современникѣ». Въ изданіи 1852 г. образъ этотъ, обогащенный рядомъ деталей, превратился въ типичную, живую картинку: про карету прибавлено — *помощицья*, про лошадей — *разбитыхъ*, а въ концѣ приписано: «Изъ окна торчатъ уголь подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей». Здѣсь прибавленіе трехъ строкъ открыло передъ нами цѣлый уголокъ быта и нравовъ, подобно тому, какъ это умѣлъ дѣлать въ своихъ поправкахъ Гоголь. Наконецъ, большое описаніе лѣтняготуманнаго дня въ этомъ же эпилогѣ, кончающееся чудной картиной постепеннаго таянія тумана отъ лучей солнца, все было написано для отдѣльнаго изданія, — въ «Современникѣ» его нѣтъ.

III.

Но самымъ крупнымъ и важнымъ отличіемъ журнальнаго текста «Записокъ Охотника» являются многочисленныя цензурныя измѣненія и сокращенія.

Интересно слѣдить за тѣмъ, какъ мѣнялось отношеніе цензуры къ отдѣльнымъ рассказамъ по мѣрѣ того, какъ они появлялись. Не только «Хоръ и Калинычъ», но и слѣдующіе четыре рассказа въ майской книжкѣ «Современника» 1847 г. не подверглись никакимъ измѣненіямъ, хотя въ числѣ ихъ были «Ермолай и мельничиха» и «Одноворецъ Овсянниковъ», въ которыхъ темныя стороны крѣпостнаго права были выставлены ярче, чѣмъ во многихъ другихъ очеркахъ. «Овсянникова», вѣроятно, спасъ оптимизмъ героя: все темное онъ рассказываетъ какъ старину: «теперь лучше живется, а нашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ», хотя рассказы Мити и его хлопоты о невинно пострадавшихъ легко могли бы ввести цензора въ сомнѣніе. Но въ это время, съ одной стороны, и Никитенко еще не порвалъ своихъ связей съ журналомъ, а съ другой стороны, книжка журнала была еще майская и Булгаринъ, видно, еще не успѣлъ разсмотрѣть «вредоносности» «Современника» и направить на конкурента бдительность подлежащихъ вѣдомствъ (онъ обыкновенно берегъ свою энергію къ концу года, т. е. къ началу подписки).

Слѣдующіе очерки «Бурмистръ» и «Контора» (октябрь) уже

попали подъ красный карандашъ: Аркадію Павловичу Пѣночкину воспрещено было именоваться *гардейскимъ* офицеромъ въ отставкѣ, а также была сокращена игра его остроумія: онъ выразился про введенный имъ въ одной деревнѣ оброчный порядокъ: «конституція— что будешь дѣлать!» Въ «Конторѣ» путемъ пропуска нѣсколькихъ маленькихъ словечекъ былъ накинута легкій флеръ на сцену мошенническаго уговора Николая Еремѣича съ купцомъ насчетъ покупки хлѣба у барыни, такъ что самый смыслъ сцены утратилъ ясность. Но въ общемъ и здѣсь свободно прошли всѣ сильныя мѣста—и наказаніе лакея за ненагрѣтое вино, и тяжелая сцена съ двумя мужиками, и взятка становому за мертвое тѣло, тайно перенесенное на чужую землю, и сдача безъ очереди въ солдаты.

Но вотъ наступилъ 1848 годъ. Перемѣна атмосферы сразу сказалась на «Малиновой водѣ» и «Лебедяни». Въ первомъ разсказѣ упоминаніе, что племяннику Тумана *забрили лобъ* за шоколадъ, пролитый на платьѣ Акулины, уже имѣетъ такой видъ: «племянника моего шибко тормошила»; цѣликомъ выпущено то мѣсто, гдѣ на испытующее замѣчаніе автора, что теперь ужъ этого не дѣлается, Туманъ «посмотрѣлъ сбоку и пробормоталъ: теперь, вѣстимо, лучше». Затѣмъ мѣстами сильно смягченъ разсказъ Власа о своемъ неудачномъ путешествіи въ Москву къ барину; жена Власа не «свиститъ съ голоду въ кулакъ», а «ждетъ, не дождется» мужа. Наконецъ, выпущены всѣ цифры и подробности о положеніи крестьянъ графа.

Про разсказъ «Лебедянь» Бѣлинскій писалъ Анненкову, что цензура не вымарала изъ него ни одного слова *); но это не точно: текстъ «Современника» отличается отъ позднѣйшаго какъ разъ нѣсколькими характерными для того времени пропусками. Напримѣръ, въ описаніи ярмарочной толпы нелестныя черты наружности помѣщиковъ («широколобые», «съ крашеными усами») выпущены, въ то время какъ купцамъ оставлена ихъ «пузатость»; пропущено, что ремонтеръ князь Н. «гонялся съ ямщикомъ Баклагой и проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи»; обманувшій автора степной заводчикъ Чернобай не назывался «тамбовскимъ помѣщикомъ», наконецъ, «бѣлокурый офицерикъ», ставшій прихлебателемъ князя послѣ Хлопакова, замѣненъ «какимъ-то бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ». Всѣ эти измѣненія слишкомъ характерны въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы ихъ можно было приписать доброй волѣ автора.

Послѣ февраля 1848 года въ теченіе цѣлаго года изъ-за границы не было прислано въ журналъ ни одного очерка «Записокъ Охотника». На это было много причинъ. Въ Европѣ тогда происходили

*) „Анненковъ и его друзья“, стр. 609.

интересовавшія Тургенева и всѣхъ его друзей событія, дома же, въ Россіи, дѣла шли не веселыя: умеръ Бѣлинскій и съ нимъ оборвалась самая прочная связь Тургенева съ «Современникомъ», въ общественной и литературной сферѣ стало дышаться еще тяжелѣе—строгости всякаго рода и вида, появился Бутурлинскій комитетъ, даже уступчиваго Никитенко заставившій выйти изъ цензуры, и т. д. Тургеневъ, проведеншій почти весь годъ въ Парижѣ, писалъ «Нахлѣбника», «Холостяка», «Завтракъ у предводителя» и не двигалъ впередъ «Записокъ Охотника», которымъ очень мало было шансовъ пройти черезъ литературный слагбаумъ.

Наконецъ, онъ написалъ два, какъ онъ думалъ, «последнихъ» очерка, присоединивъ къ нимъ эпилогъ, гдѣ прощался съ читателемъ; это были: «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», «Чертопхановъ и Недопюскинъ» и «Лѣсъ и Степь», появившіеся въ февральской книжкѣ 1849 года. Можетъ быть, именно о нихъ говорить онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Нѣкоторые рассказы были писаны мною въ тяжеломъ раздумьи о томъ, вернуться мнѣ на родину или нѣтъ». Ни одинъ изъ этихъ очерковъ не содержитъ въ себѣ нападокъ на крѣпостное право, сколько-нибудь подобныхъ тѣмъ, которые были въ «Бурмистрѣ», «Малиновой водѣ» и др., но это не помѣшало имъ пострадать больше всѣхъ. «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» и «Чертопхановъ» вмѣстѣ съ напечатанными въ концѣ 1850 года «Пѣвцами» попали въ самый разгаръ цензурныхъ строгостей и явились передъ читателями «Современника» въ сильно укороченномъ видѣ. Нѣкоторые пропуски здѣсь интересны по своимъ мотивамъ.

Въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда» съ самаго начала заботливо вытравлены всѣ слова вродѣ: «дворянинъ», «помѣщикъ», такъ что изображается съѣздъ просто какихъ-то «гостей»; затѣмъ улучшена наружность двухъ военныхъ (авторъ писалъ: «съ благородными, но нѣсколько изношенными лицами», послѣ цензурнаго туалета осталось: «съ весьма благородными лицами»). Послѣ первой же страницы безслѣдно исчезла цѣлая половина печатнаго листа; пропали встрѣча съ Войницынымъ и рассказъ о его курьезныхъ экзаменахъ въ университетѣ, исчезъ острякъ Лупихинъ съ своими злыми характеристиками мѣстныхъ дворянъ, пропали и церемонія встрѣчи сановника, и обѣдъ съ сановной бесѣдой. Въ этихъ пропускахъ все понятно сразу, даже «туалетъ» военныхъ: цензора въ это время такъ были напуганы Бутурлинскимъ комитетомъ, что ежеминутно дрожали за себя и вымарывали, что называется, очертя голову. Никитенко подъ 12 марта записалъ въ своемъ дневникѣ: «Заходилъ въ цензурный комитетъ. Черныя дѣла дѣлаются тамъ. Напримѣръ, цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена

всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканскаго образа мыслей въ республикахъ Греціи и Рима. Вымарываются не разсужденія, а просто имена и факты». Гдѣ ужъ тутъ было пропускать желчныя характеристики дворянъ или подобострастную встрѣчу сановника.

Но страннымъ кажется, почему нельзя было разсказать о томъ, какъ одинъ глупый студентъ получилъ ноль на экзаменѣ. Тутъ была особая причина. Есть основанія полагать, что мѣсто объ экзаменѣ Войницына было зачеркнуто «изъ любви къ просвѣщенію».

Дѣло въ томъ, что въ январѣ 1849 г. въ чиновныхъ кругахъ Петербурга ходилъ упорный слухъ, что предстоитъ закрытіе университетовъ, а вмѣсто нихъ проектируются въ Петербургѣ и Москвѣ два большихъ корпуса, гдѣ науки будутъ преподаваться только людямъ высшаго сословія, готовящимся къ службѣ; авторомъ проекта называли Ростовцева. Какъ ни кажется невѣроятнымъ такой слухъ, но онъ былъ тогда настолько правдоподобенъ, что всѣ, дорожившіе хоть сколько-нибудь университетомъ и образованіемъ, сочли необходимымъ серьезно считаться съ грозившей опасностью и принимали мѣры, какія могли.

8 февраля на университетскомъ актѣ ректоръ Плетневъ въ своей рѣчи «старался, сколь возможно, выставить пользу и безопасность университетскаго образованія». А въ мартовской книжкѣ «Современника» появилась статья въ защиту университетовъ, писанная по заказу министра народнаго просвѣщенія Уварова и имъ лично редактированная. Министръ, получившій запросъ, на какомъ основаніи позволилъ онъ напечатать ее, пытался указать на ея важность для успокоенія общества, взволнованнаго слухами, но въ итогѣ за статью, пишетъ Никитенко, «изъявлено неудовольствіе и велѣно отнынѣ ничего не печатать объ учебныхъ заведеніяхъ безъ особеннаго разрѣшенія высшаго начальства». Въ виду всего этого, представляется довольно вѣроятнымъ, что комическая сцена экзамена въ университетѣ, попавшая въ такой горячій моментъ, могла быть не пропущена друзьями науки изъ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы не давать въ руки враговъ лишняго оружія противъ университетовъ. Быть можетъ, эти же «друзья просвѣщенія» оставили неприкосновенной отрицательную характеристику московскихъ кружковъ молодежи, гдѣ, по мнѣнію Гамлета, вмѣсто работы и серьезнаго дѣла, занимаются болтовней, но лишили ее, собственно, всякаго смысла, подмѣнивъ студентовъ школьниками: героя заставили постушить не въ университетъ, какъ хотѣлъ авторъ, а въ «пансіонъ». Мѣстами чьи-то руки неудачно пытались стереть указанія на то, что рѣчь идетъ про Москву (въ фразѣ: *das ist ein* «Кру-

жокъ» in der Stadt Moscau»—последнія слова выброшены, но на другихъ страницахъ мѣсто дѣйствія прямо названо). Мы говоримъ «чьи-то руки», потому что трудно сказать съ увѣренностью, кому именно могли понадобиться иные пропуски и смягченія, которые встрѣчаются въ этой желчной характеристикѣ кружковъ. Напримѣръ, герой у Тургенева говоритъ: «что общаго между энциклопедіей Гегеля и русской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе—науку?» Последнія слова о наукѣ не попали въ журналъ—не ясно, по чѣму усмотрѣнію: защитника русской жизни или сторонника науки. Точно также, нѣсколькими строками ниже, пропущены слова героя, что онъ радъ бы брать уроки у русской жизни, «да молчить она, моя голубушка: пойми меня, дескать, такъ; а мнѣ это не подь силу», и затѣмъ его разсужденіе о томъ, что истолкованіе этой жизни московскими умниками невразумительно: «послушай-ка нашихъ московскихъ—не соловьи, что ли? Да въ томъ-то и бѣда, что они курскими соловьями свищутъ, да не по людскому говорятъ». Кѣмъ могли быть вычеркнуты эти слова, ясно намекающія на увлеченіе Гегелевской философіей въ кружкѣ Станкевича и Бѣлинскаго? Былъ ли настолько проницателенъ цензоръ, разгадавшій, что самымъ сладкозвучнымъ «соловьемъ» по части истолкованія русской жизни нѣмецкими отвлеченостями былъ, конечно, М. Бакунинъ, въ 1849 г. уже эмигрантъ и политическій агитаторъ, или, что вѣроятнѣе, совѣты друзей убѣдили Тургенева тогда отказаться отъ явныхъ, личныхъ намековъ? Въ разсказѣ есть еще одинъ примѣръ желанія устранить даже косвенный намекъ на Бакунина: герой разсказываетъ, что за границей «снохивался съ *отставными поручиками*»; эти поручики превратились на страницахъ журнала въ «нѣкоторыхъ господъ». И здѣсь неясно, Бакунина или російскихъ поручиковъ бралъ подъ свою защиту неизвѣстный карандашъ. Вся рѣзкая характеристика московскихъ кружковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ которыхъ вращался самъ Тургеневъ и которые состояли изъ лицъ, близко ему извѣстныхъ, или даже друзей, должна была, конечно, вызвать со стороны этихъ друзей не совсѣмъ пріятныя ощущенія; въ 1848 году Тургеневъ провелъ много времени въ Парижѣ и съ постояннымъ своимъ совѣтникомъ Анненковымъ, и съ семьей Герценовъ—трудно представить себѣ, чтобы онъ передъ отсылкой «Гамлета» въ журналъ не пользовался ихъ совѣтами, онъ, который такъ охотно прибѣгалъ къ чужой оцѣнкѣ своихъ вещей до печати. Друзей, конечно, ни на минуту не могъ ввести въ заблужденіе литературный приѣмъ автора, вложившаго характеристику кружковъ въ уста чудака-неудачника,

которому собесѣдникъ замѣчаетъ: «ну, это вы преувеличиваете»; они понимали, что здѣсь устами Гамлета говорить Тургеневъ: Анненковъ позднѣе прямо пишетъ, что Тургеневъ имѣлъ особенный зубъ противъ кружковъ и выразилъ даже въ печати свое осужденіе ихъ нетерпимости и узкости *).

Друзья, конечно, не могли, если бы и захотѣли, побудить автора пожертвовать основными чертами своей характеристики, но имъ легко могла придти мысль устранить въ ней нѣкоторыя подробности.

Но кто бы ни хлопоталъ о подобныхъ измѣненіяхъ, несомнѣнно, цензурѣ принадлежитъ пропускъ еще цѣлаго ряда мѣстъ разсказа; въ журналѣ не появились подробности объ отцѣ героя, мимо портрета котораго «въ красномъ мундирѣ» мальчика водили съчъ; не было описанія сельской церкви, гдѣ хоронили жену нашего Гамлета: тутъ стерты всѣ упоминанія о бѣдности церкви, о причтѣ и даже о чириканинѣ воробьевъ за окнами и о дерзкой ласточкѣ, влетѣвшей подъ куполь во время отпѣванія. Придирчивость дошла до того, что тецѣ героя оказалось невозможнымъ остаться полковницей, вѣроятно, потому, что авторъ аттестовалъ ее «злой бабой съ постоянной хрипотой въ горлѣ».

Очеркъ «Чертопхановъ и Недопюскинъ» подвергся столь же многочисленнымъ и мелкимъ, и крупнымъ урѣзыватьямъ. Изъ него были тщательнѣйшимъ образомъ вырѣзаны всѣ такія слова, какъ «дворянинъ», «помѣщикъ», такъ что было какъ будто совершенно неизвѣстно, къ какому сословію принадлежитъ Чертопхановъ, хотя разсказъ на каждомъ шагу, разумѣется, изобличалъ въ немъ стариннаго дворянина; Недопюскина же цензура прямо лишила дворянства, заработаннаго его отцемъ сорокалѣтней службой.

Изъ хозяйственныхъ предпріятій отца Чертопханова два самыхъ любопытныхъ были выпущены: приказъ крестьянамъ выучить статью «Москов. Вѣдомостей» о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту и попытка барина перенумеровать своихъ подданныхъ. Пропали и подробности того, въ чемъ состояли забавы помѣщи-

*) „Молодость Т—ва“, „Вѣст. Евр.“ 1884 г. № 2, стр. 457. Анненковъ ставитъ отношеніе Т—ва къ кружкамъ въ связь съ общими чертами его характера въ молодости, съ его сильной жадной оригинальностью и нежеланіемъ считаться съ какими бы то ни было условіями, посягающими на его независимость. Т—въ, по его словамъ, доходилъ въ этомъ настроеніи до причудливости и своеправія, создавшихъ ему не безъ основанія довольно нелестную репутацію даже въ кругу, къ нему расположенномъ. Отъ этихъ особенностей Т—въ освободился, по свидѣтельству Анненкова, лишь постепенно и путемъ упорной работы надъ собой. Въ частности по поводу кружковъ его богѣе спокойное и справедливое отношеніе, какъ извѣстно, нашло себѣ мѣсто въ „Рудинѣ“.

ковъ надъ Недопускинымъ. Интересно, наконецъ, что цензора смутили слова автора о томъ, какъ несоотвѣтственно одарила Недопускина «равнодушная, а можетъ быть и насмѣшливая» природа.

Появившіеся въ слѣдующемъ году «Пѣвцы» испытали такіа измѣненія, которыя вторгались уже иногда въ самый художественный замыселъ автора. Такъ, выброшена была тяжелая сцена разгула въ кабацѣ вечеромъ послѣ состязанія, хотя она, несомнѣнно, входила въ намѣренія художника и углубляла мысль разсказа; кромѣ того, путемъ мелкихъ сокращеній ослаблено было многое въ загадочной фигурѣ Дикаго Барина: смягчено его вліяніе на окружающихъ, совсѣмъ нѣтъ о громадныхъ силахъ, угрюмо покоившихся въ немъ, и о какомъ-то взрывѣ ихъ въ его прошломъ, уничтожены догадки о его происхожденіи, и самому ему пришлось назваться «Дикаремъ», вмѣсто Дикаго Барина. Наконецъ, сильно смягчены или выброшены всѣ черты бѣдности и разоренія деревушки Колотовки. Заботясь объ уменьшеніи грубости, попечительная рука лишила во многихъ мѣстахъ характерности авторскіе описанія и разговоры дѣйствующихъ лицъ, исчезли всѣ энергическія восклицанія и «крылатая» словечки Моргача, Оболдуя и Дикаго Барина. Нечего уже говорить о томъ, что устранены всѣ упоминанія о дворянахъ и становомъ.

Упомянемъ, въ концѣ-концовъ, что изъ разсказа «Свиданіе», помѣщеннаго въ одной книжкѣ съ «Пѣвцами», съ замѣчательнымъ искусствомъ и терпѣніемъ вытравлены всѣ и безъ того очень осторожные намеки на то, что Акулинѣ приходится оплакивать не только разлуку съ Викторомъ; даже его поза во время свиданія цѣломудренно измѣнена: цензоръ ни за что не хотѣлъ оставить его лежащимъ, развалившисьъ, на землѣ, и вотъ у него Викторъ не то сидитъ, не то стоитъ—не поймешь; вѣрнѣе, и сидитъ, и стоитъ въ одно и то же время.

Полагаемъ, что характеръ цензорскихъ измѣненій достаточно обрисовался въ приведенныхъ примѣрахъ: отъ нихъ несвободенъ почти ни одинъ разсказъ. Кромѣ разсмотрѣнныхъ, особенно пострадали «Каратаевъ» и «Бѣжинъ лугъ»; изъ послѣдняго изъято, напри- мѣръ, все преданіе о Тришкѣ-антихристѣ. Выше мы упоминали, что разсказъ «Два помѣщика» совсѣмъ не видѣлъ свѣта до 1852 года. Въ такомъ, можно сказать, обглоданномъ видѣ являлись впервые передъ публикой «Записки Охотника».

IV.

Въ нашей литературѣ не разъ высказывалось мнѣніе, что суровая цензура конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ пропустила «За-

писки Охотника» по недоразумѣнію, не разгадавъ въ нихъ сильнаго оружія противъ крѣпостнаго права. Это можетъ быть признано справедливымъ развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что никакая, самая строгая цензура была тогда не въ силахъ задержать рѣшительно всѣ нападки на крѣпостное право, ибо ими была насквозь пропитана литература. Конечно, въ «Запискахъ Охотника» прошло много такого, что подрывало основы крѣпостнаго строя, и этимъ «Современникъ» былъ, вѣроятно, въ значительной степени обязанъ практичности и уму своего редактора, Некрасова; но до сихъ поръ совершенно упускалось изъ виду, что цензура, какъ мы видѣли, очень многое и урѣзывала въ Тургеневскихъ очеркахъ, такъ что читатели «Современника» въ цѣломъ рядѣ рассказовъ мѣстами читали то, чего не писалъ Тургеневъ, а мѣстами не читали того, что было имъ написано. Когда же въ изданіи 1852 г. авторъ возстановилъ свой подлинный текстъ и книга была напечатана благодаря широкому и просвѣщенному взгляду московскаго цензора, кн. В. В. Львова, цензурное вѣдомство не оставило дѣла безъ вниманія: кн. Львовъ былъ уволенъ, судя по имѣющимся даннымъ, если не прямо за пропускъ «Записокъ Охотника», то и не безъ связи съ этимъ поступкомъ. Мало того: о выпускѣ отдѣльнаго изданія 1852 года было особое разсужденіе въ цензурномъ вѣдомствѣ, и одинъ изъ цензоровъ писалъ о нихъ въ своемъ докладѣ слѣдующее: «Вникнувъ внимательно въ содержаніе этихъ записокъ и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, невольно придешь къ заключенію, что при изданіи оныхъ г. Тургеневъ, человѣкъ, какъ извѣстно, богатый, конечно, не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія, но, вѣроятно, имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой и напечаталъ помянутую книгу... Мнѣ кажется, что книга Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ добра... Полезно ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу, что крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опозтезировалъ, что видятъ въ нихъ администраторовъ, раціоналистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ, гдѣ онъ нашелъ такихъ!), что крестьяне эти находятся въ угнетеніи, что помѣщики ведутъ себя неприлично и противозаконно, что исправники и другія власти берутъ взятки или, наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольнѣе, лучше»... *).

*) М. Сухомяиновъ. Некрологъ Тургенева въ „Отчетѣ II отдѣленія Академіи Наукъ“ за 1883 годъ, стр. 28—29. Къ сожалѣнію, г. Сухомяиновъ, выбирая этотъ цѣнный фактъ изъ цензурнаго архива, не сообщаетъ, когда именно производилось въ 1852 г. слѣдствіе о „Запискахъ Охотника“ и почему докладъ цензора не повелъ за собой остановки книги или изытія ея изъ продажи. Цензурное разрѣшеніе на „Зап. Охотника“ подписано Львовымъ 5 и 6 марта 1852 г.; книга была готова и билетъ въ

Хотя Тургеневъ уже былъ тогда на замѣчаніи и какъ разъ въ это время отбывалъ наказаніе за статью о Гоголѣ, но докладъ не повлекъ за собой конфискаціи книги, можетъ быть, именно благодаря обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его опалу. Извѣстно, что арестъ вызвалъ къ Т—ву общее сочувствіе и вниманіе, восходившее до очень высокихъ сферъ. Анненковъ прямо утверждаетъ, что Тургеневъ отбывалъ арестъ не въ сѣзжей, а въ квартирѣ частнаго пристава «по личному распоряженію наследника Престола, будущаго Освободителя крестьянъ» *); ему же обязанъ былъ нашъ авторъ и снятіемъ опалы въ ноябрѣ 1853 года. Вѣроятно, благодаря такому высокому покровительству, въ цензурѣ не рѣшились наложить руку на «Записки Охотника».

Но вынужденная пропустить книгу, цензура продолжала не терять ея изъ виду и давала это чувствовать. Слѣдующее изданіе книги появилось только въ 1859 году, хотя въ 1856 г. Анненковымъ были выпущены «Повѣсти и рассказы» Тургенева въ трехъ томахъ. Почему не вошли сюда «Зап. Охотника»? Предисловіе къ посмертному изданію сочиненій Тургенева 1883 г. говоритъ, что въ 1856 г. изданіе 1852 года еще не разошлось, и прибавляетъ: «такъ медленно раскупались въ первые четыре года «Зап. Охотника»! Это объясненіе трудно согласить съ много разъ подтвержденнымъ быстрымъ успѣхомъ книги, вызвавшей при своемъ появленіи большіе толки въ связи съ арестомъ и высылкой автора въ деревню и скоро оцѣненной по достоинству печатью и обществомъ; нѣчто иное, гораздо болѣе правдоподобное, явствуетъ изъ документальныхъ данныхъ, опубликованныхъ академикомъ Сухомлиновымъ въ упомянутой статьѣ. Оказывается, что второе изданіе «Зап. Охотника» нѣкоторое время было запрещено выпускать, и ихъ появленіе въ 1859 г. состоялось не безъ особыхъ переговоровъ. Мы не имѣемъ свѣдѣній, пытался ли Анненковъ въ 1856 г. включить ихъ въ «Повѣсти и рассказы» и потерпѣлъ неудачу, но вотъ что писалъ по начальству цензоръ И. А. Гончаровъ въ 1858 г., когда начались хлопоты о новомъ изданіи всѣхъ сочиненій Турге-

---

выпускъ имѣлся у Кетчера (которому подарилъ это изданіе Тургеневъ) къ началу іюня, но Тургеневъ съ Кетчеромъ «рѣшились подождать» (см. письма Т-ва Аксаковымъ 6 іюня 1852 г. „Вѣстн. Евр.“ 1894 г. январь, стр. 334). 1-го сентября Хомяковъ уже пишетъ Ю. Самарину объ отставкѣ Львова (соч. Хомякова, т. V III, 283). Повидному, цензурное дѣло возникло до выхода книги, такъ какъ Анненковъ въ статьѣ „Молодость Тургенева“ сообщаетъ, что Кетчеру изданіе „досталось не безъ труда, потому что сопровождалось увольненіемъ цензора, пропустившаго книгу, и *вопросомъ о ея конфискаціи*“.

*) Воспомин. Анненкова, т. III, стр. 194.

нова *): «Эта книга обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней мѣстами какъ бы выражалось желаніе улучшенія быта крестьянъ, и второе ея изданіе до времени было приостановлено. Такъ какъ великое дѣло улучшенія быта крестьянъ, по высочайшей волѣ, приводится нынѣ въ исполненіе, то книга Тургенева не только потеряла всякое сомнительное значеніе, но она можетъ скорѣе подтвердить необходимость принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. «Записки Охотника» вовсе не имѣютъ жестокости въ изображеніяхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами: въ этомъ отношеніи книга эта далеко уступаетъ всему, что появлялось въ одно съ нею время и позже ея. Авторъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго озлобленія и раздраженія двухъ классовъ между собой; напротивъ, мягкостью и художественностью изображеній придаетъ имъ характеръ комизма и легкой, едва уловимой ироніи. Притомъ въ «Зап. Охотника» нѣтъ преднамѣренныхъ желчныхъ описаній отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ: авторъ говоритъ о нихъ мимоходомъ, когда они попадаютъ случайно подъ руку. Вообще же и болѣе всего онъ рисуетъ типическія лица изъ разныхъ классовъ народонаселенія и имѣетъ въ виду только поэтически вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей, пейзажей, безъ всякихъ натянутыхъ стремленій выставить одни въ дурномъ, другіе въ выгодномъ свѣтѣ. Книга его прочтена всѣми и на всѣхъ производитъ благородное, художественное впечатлѣніе. Поэтому второе изданіе ея было бы справедливымъ возвращеніемъ ей права вновь появиться въ кругу изящной отечественной литературы и стать на ряду съ лучшими ея произведеніями» **).

Итакъ, оказывается, что цензуру никакъ нельзя обвинять, будто она пропустила «Зап. Охотника», не разглядѣвъ ихъ значенія: она поняла духъ книги и пыталась съ ней бороться, но обстоятельства сложились благопріятно для автора и для общества. Да и странно было бы думать, что цензура одна не замѣтила общественнаго смысла Тургеневскихъ разсказовъ, когда онъ былъ ясенъ для всѣхъ, и кругомъ въ обществѣ громко говорили объ этой сторонѣ книги, даже преувеличивая ея «разрушительность». И. С. Аксаковъ, прочитавъ вышедшія въ 1852 г. «Записки Охотника», пишетъ Тургеневу: «... не понимаю, какимъ образомъ Львовъ рѣшился пропустить ихъ. Это стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь

*) Приводимъ цѣликомъ этотъ отзывъ, интересный и самъ по себѣ, какъ выраженіе взгляда Гончарова на „Зап. Охотника“.

***) Отчетъ II Отдѣл. Академіи Наукъ за 1883 г., стр. 29—30. Запрещеніе новаго изданія было не тайной въ 50-хъ годахъ, о чемъ недавно свидѣтельствовалъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Л. Ф. Пантелѣевъ („Русскія Вѣдомости“ 1908 г., мартъ).

противъ помѣщичьяго быта. Все это даетъ книгѣ огромное значеніе, независимо отъ ея литературнаго достоинства» *).

Анненковъ рассказываетъ, что графиня Ростопчина, получивъ книгу, замѣтила Чаадаеву: «voilà un livre incendiaire». — «Потрудитесь перевести фразу по-русски, — отвѣчалъ Чаадаевъ, — такъ какъ мы говоримъ о русской книгѣ». Оказалось, что въ переводѣ фразы — зажигающая книга — получится нестерпимое преувеличеніе. Анненковъ прибавляетъ: «Мы знали вельможу, очень образованнаго и гуманнаго, немало способствовавшаго и облегченію узъ нашей печати, который до конца своей жизни думалъ, что успѣхомъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ возбужденія одного сословія противъ другого» **).

Послѣ всего изложеннаго понятно, почему Анненковъ считалъ причиной ареста Тургенева столько же статью о Гоголѣ, сколько изданіе «Записокъ Охотника». Самъ Тургеневъ держался того же мнѣнія: въ письмѣ къ Случевскому онъ, давая о себѣ краткія біографическія свѣдѣнія, говоритъ: «Въ 1852 г. за напечатаніе статьи о Гоголѣ (въ сущности, за «Зап. Охотника») отправленъ на жительство въ деревню»... ***).

V.

Такимъ образомъ крупное общественное значеніе этой «поэмы изъ крѣпостнаго быта» было уже при самомъ ея появленіи признано и друзьями, и врагами обновленія русской жизни. Хотя позднѣе были попытки ослабить протестующую роль книги (г. Буренинъ) и указывалось, что огромное большинство рассказовъ якобы не касается крѣпостнаго права, а въ немногихъ остальныхъ протестъ слабъ и мало выдвинуть, но говорить такъ значить слишкомъ узко понимать, что такое крѣпостное право и крѣпостныя отношенія: мы думаемъ, что почти ни одинъ очеркъ изъ «Зап. Ох.» не свободенъ отъ той или иной связи съ крѣпостными порядками; что же касается формы протеста, то общее свидѣтельство и прежнихъ поколѣній, и нашего времени говоритъ, что мягкость Тургеневскаго протеста и составила главную его силу. Тургеневъ безъ преувеличенія могъ написать въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что «Зап. Охотника» были исполненіемъ его Аннибаловской клятвы.

Но если общественная ихъ роль установлена была быстро, полно и непоколебимо, можно ли сказать то же о художественной

*) «Русское Обозрѣніе» 1894 г., августъ, стр. 476.

***) «Вѣсти. Евр.» 1884 г., февр., стр. 465.

***) «Письма», стр. 155—156.

сторонѣ этихъ разсказовъ и о мѣстѣ ихъ въ развитіи таланта Тургенева?

Прелесть и тонкость пейзажа, живость и нерѣдко глубина сжатыхъ характеристикъ, широта захваченной картины нравовъ и быта, наконецъ, общій поэтический колоритъ и глубокое гуманное чувство автора, — всѣ эти достоинства «Зап. Охот.» были скоро оцѣнены публикой и критикой, но на этомъ пока и остановилось дѣло. Общія похвалы въ общихъ выраженіяхъ отличаютъ съ давнихъ поръ всѣ мнѣнія о нихъ въ литературѣ. Одинъ изъ самыхъ послѣднихъ по времени отзывовъ, особенно важный потому, что данъ въ статьѣ «Энциклопедическаго Словаря» въ видѣ какъ бы итога всѣхъ работъ о Тургеневѣ, говоритъ: «Въ чисто-художественномъ отношеніи «Записки Охотника» вполне соотвѣтствуютъ великой идеѣ, положенной въ ихъ основаніе, и въ этой гармоніи замысла и формы—главная причина ихъ успѣха. Всѣ лучшія качества Тургеневскаго таланта получили здѣсь яркое выраженіе... Въ общемъ Тургеневъ «Записками Охотника» по технику занялъ первое мѣсто въ ряду русскихъ прозаиковъ» *).

Здѣсь очень многое вѣрно и безспорно, но можно ли этимъ удовлетвориться? Слѣдуетъ признать, что по художественной технику и тону «Записки Охотника» иногда уступаютъ «Муму» и «Постоялому двору», если брать повѣсти изъ народной жизни; и можно ли согласиться, что въ «Зап. Охотника» ярко выразились «всѣ лучшія стороны Тургеневскаго таланта» и мы не встрѣчаемъ новыхъ его сторонъ въ позднѣйшихъ повѣстяхъ и романахъ? Неужели этотъ талантъ не имѣлъ періодовъ своего развитія и вполне сложился уже къ 1852 году?

Современники Тургенева и самъ онъ были иного мнѣнія, и мы теперь едва ли не пошли назадъ отъ ихъ оцѣнки. Тогда тонкіе цѣнители находили, что Тургеневъ, выходя въ «Зап. Охотника» на новую для себя и для русской литературы дорогу, далеко еще не вполне освободился отъ прежнихъ пріемовъ творчества, что «Зап. Охотника» во многомъ есть завершеніе его первой, «старой манеры». Интересно, что въ этомъ мнѣніи близко подошли другъ къ другу представители весьма несхожихъ взглядовъ и направленій—семья Аксаковыхъ съ одной стороны и П. В. Анненковъ—съ другой.

Перечитавъ «Зап. Охотника» въ 1852 г., Ив. Аксаковъ писалъ автору: «Въ «Зап. Ох.» встрѣчаются очень часто такія натянутыя сравненія, такія претенціозныя остроты, такая изысканная

*) „Энциклоп. Словарь Брокгауза и Эфрона“. 67-й полутомъ. Статья С. Венгерова.

наблюдательность, какъ будто любующаяся собой и всѣмъ говорящая: какова наблюдательность, а?—что я удивляюсь, какъ вашъ строгій и разборчивый вкусъ допустилъ все это. Къ чему всѣ эти шуточки и остроты, часто ни къ селу, ни къ городу, насчетъ старыхъ дѣвокъ, кислыхъ фортепянь (слово «кислый» у васъ въ большомъ ходу), рыхлыхъ купчихъ и пр., и пр.».

Еще обстоятельнѣе и опредѣлительнѣе мнѣніе К. Аксакова. Онъ пишетъ: «Лѣтъ шесть тому назадъ, послѣ разныхъ стихотвореній вашихъ à la Legmontoff, послѣ вашихъ стихотворныхъ разсказовъ и поэмъ, послѣ разныхъ выдумокъ и небылицъ (не въ фактическомъ, случайномъ, а въ существенномъ, нравственномъ отношеніи) меня поразилъ изящной правдой разсказъ вашъ «Хорь и Калинычъ». Тогда же, въ той же самой критикѣ, гдѣ я нападалъ на васъ, я отдалъ ему съ радостью должную справедливость. Вы продолжали «Зап. Ох.», достоинство которыхъ было признано всѣми. Любопытно было мнѣ теперь повторить свое впечатлѣніе и перечестъ «Хоря и Калиныча» и другіе разсказы. Я перечелъ. «Хорь и Калинычъ»—тотъ же и тѣ же въ немъ достоинства, но, видно, требованія выросли, видно — выросло время: только далеко не такъ понравился мнѣ этотъ разсказъ, какъ прежде. Да и въ самомъ дѣлѣ: первая минута разсвѣта послѣ ночи свѣтла, но передъ настоящимъ днемъ она только полусвѣтъ, и плохо, если день не свѣтлѣе разсвѣта. Ваши «Зап. Ох.» вообще—только одно мерцаніе какого-то свѣта, не больше. Сверхъ того, кромѣ общаго неяснаго достоинства, есть общіе же, ясные недостатки. Первый недостатокъ—это постоянное *усиліе*, которое сопровождаетъ всякое описаніе, всякій разговоръ, всякое изображеніе, однимъ словомъ, все сочиненіе ваше «Записокъ Охотника». Видно, что авторъ неспокоенъ, несвободенъ и хочетъ все сказать повывразительнѣе... Вы принадлежите къ такимъ писателямъ, которымъ хочется сказать: впередъ!... Слѣдующее ваше произведеніе («Муму») есть рѣшительно шагъ впередъ. Вы здѣсь гораздо болѣе серьезны; мелочные эффекты словъ и изображеній оставили васъ почти вовсе... До сихъ поръ у васъ въ вашихъ произведеніяхъ была какая-то авторская мелочная придирчивость къ жизни и ея явленіямъ; здѣсь ея почти нѣтъ» *).

Анненковъ съ своей стороны писалъ Тургеневу въ томъ же 1852 году: «Вообще книга ваша, по моему мнѣнію, останется въ литературѣ, какъ и имя ваше, съ почетной строкой... Но теперь, кажется, нужно бы дописать книгу и додѣлать свое имя. Нужно

*) „Русское Обозр.“ 1894 г., августъ, 476 и 481—482.

бы, кажется, убить въ себѣ сочинительство, которое въ послѣднее время какъ будто, наоборотъ, сильнѣе въ васъ становится («Пѣвцы», «Сцена на дорогѣ», «Три встрѣчи»)... Я рѣшительно жду отъ васъ романа съ полной властью надъ всѣми лицами и событіями и безъ наслажденія самимъ собой (т.-е. своимъ авторствомъ), безъ внезапнаго появленія оригиналовъ, которыхъ вы ужъ черезчуръ любите, — потому что и оригиналы родятся и живутъ безъ особенныхъ знаковъ на себѣ и волненія на землѣ, и, наконецъ, чтобы мизеріи, противорѣчія и нелѣпости жизненныя не выставляли себя на показъ и не кокетничали своимъ безобразіемъ, какъ это у васъ иногда выходитъ, а ложились удивительно обыкновенно, не подозрѣвая, чтобы на нихъ можно было смотрѣть... И съ такимъ романомъ «Зап. Охотника» дѣлаются вдвойнѣ замѣчательными: это — книга, и это — ступень, а безъ романа онѣ все-таки останутся канатомъ, на которомъ когда-то умный и ловкій танцоръ плясалъ до поту лица. Такіе канатики въ меньшихъ размѣрахъ были у Бенитцкихъ, Нарѣжныхъ и проч.; ихъ стащили съ нихъ замертво. Да и на что смотрѣть, когда нѣтъ развитія?» *).

Тургеневъ въ главномъ соглашался съ друзьями и мечталъ о романѣ, писанномъ «по-новому». 16 октября 1852 г. онъ отвѣчалъ К. Аксакову на его письмо: «Скажу вамъ прямо, что я во многомъ раздѣляю ваше мнѣніе о моихъ «Запискахъ» — и говорю это вовсе не изъ желанія пощеголять своей скромностью, — а потому, что чувствую это самъ — и уже давно. Зачѣмъ же я издалъ ихъ? — спросите вы... А зачѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, отъ этой *старой манеры*. Теперь эта обуза сброшена съ плечъ долой. Но достанетъ ли у меня силъ идти впередъ, — какъ вы говорите, — не знаю. Простота, спокойствіе, ясность линий, добросовѣстность работы, та добросовѣстность, которая дается увѣренностью, — все это еще пока идеалы, которые только мелькаютъ передо мной» **).

Этому роману, о которомъ Тургеневъ не только мечталъ въ 1853 году, но который уже начиналъ писать, не суждено было завершиться; друзья читали его первую часть (пять главъ) и разбирали ее подробно и не очень благосклонно. Ихъ замѣчанія и собственное недовольство охладили Тургенева, и романъ былъ отодвинутъ въ сторону, а черезъ два года совсѣмъ оставленъ авторомъ, уже взявшимся за своего «Рудина». Изъ начатаго романа уцѣлѣла одна глава, напечатанная позднѣе. Это — «Собственная господская контора». Сюжетъ его неизвѣстенъ въ подробностяхъ, но изъ пи-

*) „Русское Обозр.“ 1894 г., октябрь, стр. 488—9.

**) „Вѣстн. Евр.“ 1894 г., январь, 335.

семь Аксаковыхъ, Анненкова и Боткина видно, что главными лицами въ немъ были: деспотичная помѣщица, взятая, очевидно, съ матери автора, молодой сынъ ея, нерѣшительный и безхарактерный, запуганный и нѣсколько огрубѣлый, и, наконецъ, чтица-барыня, молодая дѣвушка съ твердымъ характеромъ, держащаяся насторожѣ въ этомъ домѣ.

Неясную, но видную роль долженъ былъ играть нѣкто Чермакъ. Картины помѣщичьяго гнета служили основнымъ фономъ, и авторъ сомнѣвался, будетъ ли изъ-за нихъ пропущенъ романъ. Изъ замѣчаній друзей и по напечатанной главѣ видно, что Тургеневъ, оставаясь въ томъ же кругу явленій, что и въ «Зап. Охотника», стремился писать «по-новому»: серьезный, ровный тонъ рассказчика, отсутствіе авторскихъ подчеркиваній и игривостей отличаютъ извѣстную намъ главу и отмѣчены друзьями въ остальныхъ, но друзья нашли новую манеру прѣсной и обвиняли романъ въ незамысловатости, растянутости и неясности плана. Между прочимъ, тутъ былъ, по ихъ словамъ, «скучный» авторскій приѣмъ вводить новыя лица, пересказывая ихъ прошлую біографію. Этотъ приѣмъ съ успѣхомъ примѣненъ былъ Тургеневымъ позже въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», но въ 1853 году онъ, очевидно, еще не владѣлъ новою манерой легко и свободно, по крайней мѣрѣ, въ области романа. Найдя для крѣпостной деревни послѣ «Зап. Охотника» болѣе широкую и серьезную манеру еще въ «Муму» и «Постояломъ дворѣ», онъ для «дворянскаго» романа, повидимому, нуждался въ подготовительныхъ этюдахъ; вотъ почему первые два романа его окружены нѣсколькими повѣстями. «Рудинъ» былъ первой вещью, гдѣ Тургеневскій талантъ впервые вышелъ изъ переходной эпохи и непринужденно вступилъ въ область романа; вокругъ «Рудина» и «Дворянскаго гнѣзда» вѣнкомъ расположился рядъ лучшихъ повѣстей: «Затишье», «Яковъ Пасынковъ», «Фаустъ», «Ася».

Отмѣченныя друзьями и признанныя самимъ авторомъ особенности «старой манеры» могутъ быть безъ труда прослѣжены на «Зап. Охотника», какъ это отчасти и указано выше. Эта работа должна быть сдѣлана обстоятельно и спокойно; она ничего не отнимаетъ изъ признаннаго ихъ достоинства, но послѣ нея станетъ вполне ясно, что «Записки Охотника» лежатъ на рубежѣ первой, нѣсколько изысканной манеры Тургеневской, съ чертами романтической причудливости и оригинальничанья, не вполне свободны отъ недостатковъ. Установлено будетъ также, что на этомъ произведеніи сознанъ былъ авторомъ поворотъ къ простотѣ зрѣлаго творчества, подготовленный, конечно, и ростомъ таланта, и самой жизненной важностью содержанія «Записокъ Охотника».

«Записки Охотника», помимо прямой и крупной их общественной роли, какая рѣдко выпадала въ исторіи на долю книги, имѣють огромное значеніе въ развитіи нашей литературы. Въ свое время онѣ были первымъ художественнымъ произведеніемъ, въ которомъ пробудившійся интересъ къ народу поднялся до степени сознательнаго общественнаго движенія; въ нихъ Тургеневъ подошелъ къ народу не какъ къ этнографической единицѣ, а заглянулъ вглубь народной души, освѣтивъ ее истинно-человѣческой симпатіей. Самая художественная отдѣлка ихъ, казавшаяся иногда изысканностью его друзьямъ, была шагомъ впередъ въ литературѣ; здѣсь впервые было показано, что простонародная жизнь, въ которой тогда многіе видѣли только безобразіе, а другіе, въ лучшемъ случаѣ, лишь своеобразіе, можетъ быть облечена въ изящныя формы, не утрачивая своей реальности, и давать матеріалъ для сложныхъ и тонкихъ движеній души и поэтическихъ настроеній.

Тургеневъ въ одну изъ невеселыхъ минутъ раздумья надъ судьбой писателя сказалъ: «Ужъ и на томъ спасибо, если въ свое время и въ свой часъ ты принесъ посильную лепту. Лишь одни избранники въ состояніи передать потомству не только содержаніе, но и *форму* своихъ мыслей и воззрѣній, свою личность».

Потомство единодушно причислило Тургенева къ тѣмъ самымъ избранникамъ, изъ числа которыхъ онъ скромно себя исключалъ; намъ всѣмъ должно быть дорого не только содержаніе его творчества, но и облекающая его художественная форма, то-есть дорога его писательская личность и ходъ развитія его гармоническаго таланта.

А. Е. Грузинскій.

Хроника науки, искусства и литературы.

Новости иностранной литературы и журналистики. Открытіе памятника бельгійскому поэту Жоржу Роденбаху въ Гентѣ, состоявшееся 6 (19) іюля, содѣйствовало оживленію интереса и сочувствія французскихъ и бельгійскихъ литературныхъ круговъ къ творчеству автора „Le Carillonneur“, „Le règne du Silence“ и „Bruges-la-morte“. Въ десяткахъ органовъ печати появились статьи, замѣтки, личные воспоминанія, критическія оцѣнки, приуроченныя къ гентскому торжеству, поздравы — болѣе или менѣе обстоятельныя описанія этого торжества и связанныхъ съ нимъ эпизодовъ. Отдѣльные представители парижскаго литературнаго міра, имѣвшие случай лично узнать и оцѣнить даровитаго выходца изъ Бельгіи, съ годами освоившагося на берегахъ Сены и сближавшагося со своими французскими собратьями по перу, подѣлились съ читающей публикой своими личными впечатлѣніями и отрывками изъ воспоминаній о другѣ Гонкуровъ, Альфонса Додэ, Стефана Маллармэ. Благодаря этому, обнаружались многія детали, способствующія выясненію личности, характера и міросозерцанія Роденбаха. Сравнительно меньше данныхъ прибавилось за это время къ прежнему матеріалу для изученія творчества поэта и постепенной эволюціи его таланта; можно было бы ожидать появленія хорошаго, разносторонняго критическаго этюда, посвященнаго его дѣятельности. Во многихъ юбилейныхъ статьяхъ и замѣткахъ, правда, характеризовались отдѣльныя его вещи, опредѣлялись отличительныя свойства его дарованія, но, по сравненію съ критическими этюдами, появившимися раньше, все это почти-что не заключало въ себѣ ничего новаго, прежде неизвѣстнаго, вполне оригинальнаго. Важенъ и отраденъ былъ самый фактъ единодушнаго выраженія сочувствія и уваженія къ поэту со стороны разнородныхъ по направленію и общему духу органовъ, отъ болѣе умѣренныхъ, консервативныхъ, даже клерикальныхъ, до такихъ газетъ, какъ „Aurore“ или „Petite république socialiste“. Въ этомъ выразилось признаніе непосредственнаго и самобытнаго таланта, который способны оцѣнить представители диаметрально противоположныхъ политическихъ убѣжденій и партійныхъ программъ, потому что въ немъ есть что-то близкое и доступное для всѣхъ людей съ художественнымъ вкусомъ и поэтическимъ чутьемъ, къ какому бы отгѣнку они ни принадлежали.

Этотъ характерный фактъ нашель себѣ подтвержденіе и въ томъ торжествѣ, которымъ сопровождалось открытіе памятника Роденбаху; въ

немъ приняли участіе сторонники совершенно различныхъ взглядовъ и партій,—клерикалы наравнѣ съ либералами. Одинъ за другимъ, говорили рѣчи такія лица, какъ, напримѣръ, Фирманъ Ванъ-денъ-Бошъ и Эмиль Вергеренъ, принадлежащіе къ двумъ противоположнымъ лагерямъ. На ряду съ рѣчами на французскомъ языкѣ, было и привѣтственное слово Гондта по-фламандски, отмѣчавшее заслуги Роденбаха, какъ поэта родной природы и старины, никогда не забывавшаго о своемъ краѣ и прославившаго Фландрію въ своей поэзіи. Рѣчь автора „Les moines“ заслуживаетъ быть отмѣченной здѣсь, хотя она могла бы быть еще интереснѣе, содержательнѣе, богаче фактами. Полный текстъ ея былъ затѣмъ напечатанъ въ брюссельскомъ журналѣ „L'art moderne“. Самой интересной ея частью были воспоминанія о школьныхъ годахъ, которые Вергеренъ провелъ вмѣстѣ съ Роденбахомъ въ стѣнахъ сумрачнаго гентскаго Collège S - te Barbe, художественно описаннаго Роденбахомъ въ разсказѣ „Коллѣжъ“. Вергеренъ вспоминаетъ, какъ будущій авторъ „Les vies encloses“ еще на школьной скамьѣ увлекался писаніемъ стиховъ, покрывая ими бѣлыя страницы въ ученическихъ тетрадкахъ или даже поля въ тѣхъ или другихъ учебникахъ. Онъ подтверждаетъ тотъ фактъ, —отмѣченный и въ „Коллѣжѣ“,—что, несмотря на всякаго рода запреты и преслѣдованія, тѣсная группа учениковъ, любителей литературы, тайно зачитывалась Ламартиномъ, восторгалась его поэтическими образами, старалась ему подражать, истинностремясь противодѣйствовать тому мрачному, далекому отъ жизни, чисто-монастырскому духу, который царилъ въ школѣ. Еще въ эту раннюю пору Роденбахъ, омазывается, любилъ уединеніе, особенно охотно посѣщалъ дышащіе старинной, укромные, безлюдные уголки Гента, невольно подготовляясь такимъ образомъ къ своей будущей роли пѣвца „Мертваго Брюгге“. Впослѣдствіи, какъ вспоминаетъ Вергеренъ, онъ очень любилъ посѣщать то самое мѣсто, гдѣ теперь возвышается его памятникъ,—красивый, зеленѣющій уголокъ возлѣ Ancien Béguinage, точно созданный для того, чтобы тамъ именно была почтена память того поэта, который съ такимъ мастерствомъ описывалъ эти старыя обители и угадывалъ завѣтныя мысли молчаливыхъ, точно погруженныхъ въ мечты или экстазъ béguines. Поэтъ проходилъ сотни разъ по этому небольшому саду, не подозревая, что черезъ какія-нибудь 25—30 лѣтъ здѣсь будетъ воздвигнуть символическій памятникъ, увѣковѣчивающій его дѣятельность. Та часть рѣчи Вергерена, въ которой онъ даетъ общую характеристику творчества своего собрата по перу, заключаетъ въ себѣ почти исключительно факты, уже извѣстные раньше всѣмъ, кто интересовался поэзіей Роденбаха. Любопытна только оцѣнка его заслугъ, какъ одного изъ главныхъ борцовъ такъ-называемой Jeune Belgique, одного изъ первыхъ бельгійскихъ литераторовъ въ обще-европейскомъ смыслѣ слова, съ энтузіазмомъ отдавагося своему призванію. Вергеренъ отгѣняетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что, покинувъ родные края, переселившись въ Парижъ, Роденбахъ только еще сильнѣе полюбилъ родину, и въ частности — древній Брюгге, что отдаленіе, разлука сдѣлали фламандскую дѣйствительность еще болѣе симпатичной и интересной для него.

Торжество открытія памятника въ Гентѣ, ознаменованное нѣсколькими очень характерными и трогательными эпизодами (такъ, напримѣръ, родной городъ поэта, Турне, прислалъ особую детацію, заявившую,

между прочимъ, что мѣстное городское управление рѣшило назвать одну улицу именемъ Роденбаха), сопровождалось и болѣе чѣмъ неумѣстной демонстраціей кучки враждебно настроенныхъ зрителей-фламандцевъ. Къ концу торжества изъ толпы неожиданно послышались свистки, вызвавшие общее негодование и вскорѣ прекратившіеся. Черезъ нѣсколько времени послѣ открытія памятника онъ былъ однажды ночью запачканъ и оскверненъ неизвѣстными злоумышленниками. Ранѣе этого, когда возбужденъ былъ вопросъ о постановкѣ памятника поэту не въ Гентѣ, а въ Брюгге, какъ городѣ, воспѣтомъ и прославленномъ въ произведеніяхъ Роденбаха, мѣстныя власти, уже начинавшія склоняться въ пользу этого проекта, предупредили все же его инициаторовъ, что памятникъ, воздвигнутый на одной изъ площадей Брюгге, легко можетъ быть подвергнутъ въ ночной темнотѣ грубому поруганію и профанаціи. Слѣдуетъ вспомнить также, что населеніе Брюгге отнеслось съ явной враждой и раздраженіемъ къ этому проекту, отрицая значеніе литературной дѣятельности Роденбаха, провозглашая его плохимъ гражданиномъ, равнодушнымъ къ преуспѣванію родины.

Всѣ эти единичныя враждебныя выходки, демонстраціи, клеветы исходили изъ круговъ, проникнутыхъ узкимъ патріотизмомъ и шовинизмомъ, отразившимся и въ полемическихъ сочиненіяхъ, и въ какихъ-то печатныхъ листкахъ, которые бесплатно раздавались всѣмъ, кто направлялся въ сторону Ancien Béguinage въ день открытія памятника. Ненависть жителей Брюгге къ поэту, возвеличившему ихъ родной городъ, объясняется, конечно, прежде всего, тѣмъ, что онъ увлекался стариной, со всѣмъ, что въ ней было поэтического и живописнаго, любилъ безмолвіе древнихъ фламандскихъ городовъ, ихъ безжизненный и меланхолическій видъ, относился скептически ко всѣмъ проектамъ оживленія и обогащенія Брюгге въ будущемъ. Но у этой ненависти была и другая подкладка, понятная и близкая всѣмъ вообще flamingants, въ какомъ бы городѣ они ни жили: Роденбаху ставили въ вину то, что, подобно многимъ другимъ современнымъ бельгійскимъ авторамъ, онъ писалъ по-французски, поддерживалъ оживленные сношенія съ парижскимъ литературнымъ міромъ и находился подъ извѣстнымъ влияніемъ французской словесности. Въ двухъязычной или даже трехъязычной Бельгіи, несмотря на широкую свободу, предоставленную фламандскому языку, развивающемуся свободно и отнюдь не подавляемому господствомъ французскаго, все не улегается окончательно враждебное отношеніе къ дѣятельности писателей, пользующихся не народной рѣчью, а французскимъ языкомъ. Представленная такими литераторами, какъ Камилль Лемоннье, Эггудъ, Вергэрень, Роденбахъ, Мэтерлинь, Эдм. Пикарь и др., бельгійская словесность новѣйшаго времени попрежнему кажется неумѣреннымъ ревнителямъ „фламандскаго дѣла“ чѣмъ-то чуждымъ, наноснымъ и нежелательнымъ. Имъ не приходится въ голову, что, напримѣръ, вся бытовая, жанровая сторона фламандской дѣйствительности не скоро найдетъ такого яркаго, талантливаго и наблюдательнаго изобразителя, какъ Жоржъ Эггудъ, хотя онъ и пишетъ по-французски, а мистическій, туманный, дышащій меланхоліей элементъ, также свойственный фламандской стихіи, какъ нельзя лучше отразился въ сочиненіяхъ Роденбаха, Мэтерлинка и другихъ писателей этого отгѣнка. Подобная нетерпимость и исключительность, правда, значительно ослабѣла

и сгладилась въ настоящее время, но отдѣльныя демонстраціи, сопровождавшія открытіе гентскаго памятника, или предшествовавшія ему, показали все же, что наиболѣе крайніе, непримиримые flamingants не отказались и теперь отъ своей традиціонной программы.

Враждебное отношеніе этой фракціи къ „поэту безмолвія и грусти“ неожиданно оживило симпатіи къ нему другой бельгійской народности—валлоновъ. Хотя они и не могли считать Роденбаха своимъ соплеменникомъ, но, придравшись къ тому, что онъ родился въ городѣ, заселенномъ валлонами, они особенно подчеркнули, какъ бы въ видѣ протеста противъ фламандскихъ шовинистовъ, свое уваженіе и сочувствіе его дѣятельности. Въ газетѣ „La Meuse“, издающейся въ Льежѣ (Люттихѣ), появилась 31 іюля статья Мориса Дезонбіо, озаглавленная „Fanatisme“. Описавъ враждебныя выходки группы фламандцевъ, направленные противъ автора „Царства Молчанія“, Дезонбіо прибавляетъ: „Мы такъ привыкли къ подобнымъ приемамъ, что не могли особенно удивляться тому, что произошло! Узкій фанатизмъ безпрепятственно распространившійся по нашей странѣ, подъ вліяніемъ грубыхъ, но солидныхъ аппетитовъ, принесетъ еще и не такіе результаты! Скоро онъ начнетъ сказываться и въ валлонскихъ областяхъ. У насъ эти люди также будутъ стараться подвергать оскорбленіямъ галльскую рѣчь. Тѣмъ пріятнѣе для насъ было видѣть, что въ то время, какъ фламандскіе патріоты позорно отрекались отъ поэта, такъ или иначе посвятившаго свой талантъ и всю свою жизнь прославленію фламандскихъ городовъ,— Турнэ, древній валлонскій городъ, гдѣ родился Роденбахъ, прислалъ, чтобы присутствовать на этомъ торжествѣ, своего бургомистра и членовъ городского совѣта. Одна улица въ Турнэ будетъ названа именемъ поэта. Это—первая всенародная почеть, какую бывшая столица воздаетъ Роденбаху. За нею послѣдуютъ и другія, которыя полиціи не придется защищать отъ оскорбленій фанатизированной толпы; въ этомъ городѣ умѣютъ чтить истинный талантъ, откуда бы онъ ни являлся! Порадуемся этому, но будемъ же помнить, о валлоны, и о томъ, какъ отнеслись къ нашей галльской рѣчи при открытіи памятника Роденбаху!“

Гентское торжество имѣло и другія, не менѣе любопытныя послѣдствія. Извѣстно, что „пѣвецъ мертвыхъ городовъ“ не участвовалъ въ политической борьбѣ и во всякомъ случаѣ не примыкалъ къ болѣе крайнимъ, радикальнымъ кругамъ, стремясь быть, прежде всего, писателемъ—художникомъ. Но предубѣжденное отношеніе къ его творчеству клерикальнаго и консервативнаго Брюгге, который обрушился на Роденбаха,— между тѣмъ какъ поэтъ былъ искренно-религіознымъ человекомъ,—неожиданно привлекло на его сторону симпатіи нѣкоторыхъ органовъ противоположнаго оттѣнка, напимѣръ, даже социалистическихъ. Въ газетѣ „Aurore“ появилась, съ другой стороны, весьма характерная замѣтка, представлявшая собой какъ бы поправку или дополненіе къ посвященной поэту статьѣ Гюстава Кана, о которой ниже будетъ идти рѣчь; Канъ назвалъ Роденбаха „un fervent du passé“,—анонимный авторъ замѣтки настаиваетъ на томъ, что авторъ „Bruges-la-morte“ понималъ и современность, что онъ очень интересовался социализмомъ и феминизмомъ и находилъ нужнымъ, чтобы литература энергично возставала противъ войны, ярко, правдиво изображая всѣ ея ужасы.

Нѣкоторыя статьи и замѣтки, вызванныя гентскимъ торжествомъ,

заслуживаютъ вообще быть здѣсь отмѣченными. Особнякомъ стоятъ личныя воспоминанія вдовы поэта, Анны Роденбахъ, появившіяся 13-го іюля въ „Figaro“, гдѣ когда-то онъ самъ сотрудничалъ. Эти воспоминанія, написанныя очень красивымъ языкомъ, который какъ бы навѣяны слогомъ самого Роденбаха, относятся къ предсмертной порѣ его жизни. Мы узнаемъ, что поэтъ словно предчувствовалъ свою раннюю смерть и по мѣрѣ приближенія къ роковой развязкѣ все болѣе отдавался мрачнымъ, пессимистическимъ мыслямъ, особенно подъ вліяніемъ кончины цѣлаго ряда близкихъ и симпатичныхъ ему людей—Альфонса Додэ, Маллармэ, Пюви де Шаванна. Трогательное впечатлѣніе производитъ разсказъ объ его послѣднихъ дняхъ, совпавшихъ съ преддверіемъ Рождества, объ его отношеніи къ маленькому сыну Константину, который, естественно, какъ ребенокъ, хотѣлъ веселиться и встрѣчать праздникъ, не сознавая роковой драмы, подготовлявшейся въ ихъ домѣ. Г-жа Роденбахъ старается дать общую характеристику своего покойнаго мужа, отмѣчая, между прочимъ, его горячую любовь къ литературѣ, природный тактъ, умѣніе вести бесѣду, или даже споръ, съ людьми противоположныхъ убѣжденій, относясь всегда съ уваженіемъ и терпимостью къ чужимъ взглядамъ, но никогда не поступаясь своими собственными. Въ заключеніе она благодаритъ главныхъ инициаторовъ дѣла о постановкѣ памятника Роденбаху въ Брюгге или Гентѣ, заявляя, что день 6 (19) іюля служитъ началомъ славы поэта и концомъ траура, который отнынѣ касается только ея самой.

Братья Поль и Викторъ Маргериттъ, въ статьѣ, напечатанной на столбцахъ „Echo de Paris“, вспоминаютъ о своей послѣдней встрѣчѣ съ поэтѣмъ, незадолго до его кончины; это было въ первую годовщину смерти Додэ, при выходѣ изъ церкви S-te Clotilde, гдѣ совершена была заупокойная месса; въ памяти авторовъ статьи запечатлѣлся образъ поэта, какимъ они его увидѣли въ этотъ день, страдальческій, утомленный и все же необыкновенно привлекательный. Интересенъ ихъ разсказъ о томъ, какъ однажды они сами, Маллармэ и Роденбахъ, провели лѣто въ тѣсномъ общеніи, живя въ Самуа, близъ Фонтэнбло; по ихъ инициативѣ, въ приспособленномъ для этой цѣли помѣщеніи, устраивались любительскіе спектакли, очень заинтересовавшіе мѣстныхъ жителей. Для перваго же представленія (шла пьеса Банвилля „Riquet à la houppe“) Роденбахъ написалъ особый стихотворный прологъ. Въ числѣ зрителей находились Маллармэ, Синьоре, Эльмиръ Буржъ.

Гюставъ Канъ, довольно извѣстный французскій поэтъ, піонеръ такъ-назыв. vers libre, когда-то враждебно относившійся къ Роденбаху, посвятилъ теперь его памяти двѣ сочувственныхъ статьи въ „Aurore“ и „Siècle“. Въ первой онъ, между прочимъ, настаиваетъ на томъ, что Брюгге, какимъ онъ обрисованъ и воспѣтъ бельгійскимъ поэтѣмъ, далеко не совпадаетъ съ подлиннымъ фламандскимъ городомъ, что творческая фантазія и природный идеализмъ помогли Роденбаху создать красивый міражъ, надѣлать реальную, болѣе заурядную дѣйствительность поэтическимъ и мистическимъ колоритомъ картинъ Мемлинга или Ванъ-Эйка. Въ статьѣ Кана, напечатанной на столбцахъ „Siècle“, отмѣняя, между прочимъ, живой интересъ поэта къ новымъ теченіямъ въ области искусства, его умѣніе опѣнить все оригинальное, смѣлое, своеобразное. Совершенно такъ же Нозьеръ, въ „Temps“ отъ 17 іюля, разсказываетъ

о томъ, что Роденбахъ любилъ посѣщать мастерскія знакомыхъ и симпатичныхъ ему по направленію художниковъ, причемъ картины, которыя онъ тамъ видѣлъ, нерѣдко вдохновляли его и давали ему новые, неожиданные сюжеты.

Очень красива и мѣстами поэтична по формѣ статья Камилла Лемонье, писателя совершенно противоположнаго направленія, который, повидимому, имѣлъ очень мало общаго съ Роденбахомъ и всегда изображалъ бельгійскую жизнь, какъ убѣжденный реалистъ и сторонникъ „язычества новѣйшей формации“, равнодушный къ христіанству и въ частности — къ католицизму, положившему опредѣленный отпечатокъ на творчество автора „Musée des béguines“. Кромѣ бѣглой характеристики дарованія поэта, очень сочувственной, хотя и сопровождаемой нѣкоторыми оговорками, мы находимъ здѣсь любопытныя воспоминанія о болѣе ранней порѣ его дѣятельности, когда онъ былъ еще адвокатомъ, съ успѣхомъ велъ громкіе процессы, являлся только авторомъ мало типичныхъ для него сборниковъ „La mer élégante“ и „L'hiver mondain“, игралъ видную роль въ кружкѣ „Молодой Бельгіи“ и обнаруживалъ значительно смягчившійся впоследствии темпераментъ борца и полемиста. Наконецъ, въ мало извѣстномъ парижскомъ органѣ „La semaine française“ напечатаны были довольно любопытныя данныя относительно тѣхъ произведеній, которыя предполагалъ выпустить Роденбахъ; въ числѣ ихъ мы находимъ сборникъ критическихъ этюдовъ о писателяхъ и художникахъ (этотъ сборникъ, озаглавленный „L'élite“, былъ выпущенъ въ свѣтъ послѣ его смерти), новый романъ, въ основу котораго должна была лечь исторія старой дѣвушки, развитая на фонѣ древняго фламандскаго города, и циклъ стихотвореній, прославляющихъ Любовь и Смерть.

Для полноты нашего обзора слѣдуетъ отмѣтить, въ заключеніе, выходъ въ свѣтъ сборника избранныхъ произведеній Жоржа Роденбаха (второе звено изъ серіи „Anthologie des écrivains Belges de langue française“, о которой намъ уже приходилось говорить), изданнаго „ассоціаціей бельгійскихъ писателей“ (Bruxelles, Dechenne, 1903). Въ этой книгѣ есть недочеты (слишкомъ небольшою размѣръ біографіи, не вполне удовлетворительный портретъ, отсутствіе нѣкоторыхъ весьма характерныхъ для поэта отрывковъ), но, какъ первый опытъ общедоступнаго изданія произведеній Роденбаха (отдѣльныя мѣста изъ „Le Carillonneur“, „Bruges-la-morte“, „Le voile“, „Le règne du Silence“, „Les vies encloses“ и т. д.) она, безспорно, заслуживаетъ все же вниманія. Юрій Веселовскій.

Исторія и историческій методъ. Излагая въ „Научномъ Словѣ“ *) основныя положенія новой книги Леви Брюля о морали и ея научномъ изученіи, мы отмѣтили, что залогъ развитія науки о морали этотъ авторъ видитъ въ успѣхахъ историческаго знанія. Что же слѣдуетъ, однако, понимать подъ историческимъ знаніемъ и историческимъ методомъ? Несмотря на всѣ успѣхи исторической науки въ XIX столѣтіи, на эти вопросы еще не дано окончательнаго отвѣта, и сами историки не сходятся между собой въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ о задачахъ и методѣ своей науки.

Въ недавнее время появились двѣ книги, посвященныя разбору этихъ

*) См. „Научное Слово“, № 6.

проблемъ. Одна изъ нихъ, вышедшая въ свѣтъ въ концѣ 1902 г., принадлежитъ крупному ученому нашего времени, извѣстному изслѣдователю въ области древней исторіи, Эдуарду Мейеру; другая вышла изъ - подъ пера гельсингфорскаго профессора Гротенфельта, специалиста по исторіи философіи. Какъ Мейеръ въ своей книгѣ „Zur Theorie und Methodik der Geschichte“, такъ и Гротенфельтъ въ своемъ изслѣдованіи „Die Werthschätzung in der Geschichte“ обращаются къ разсмотрѣнію однихъ и тѣхъ же вопросовъ и приходятъ приблизительно къ однимъ и тѣмъ же выводамъ.

Первымъ изъ этихъ вопросовъ является вопросъ о томъ, что собственно составляетъ область исторіи, какія задачи должно себѣ ставить историческое изслѣдованіе и гдѣ граница между исторіей и родственными ей науками, какова, напримѣръ, социологія?

Эдуардъ Мейеръ начинаетъ свою брошюру рѣзкой критикой того научнаго направленія, которое склонно болѣе или менѣе отождествлять исторію и социологію и сторонники котораго считаютъ задачей исторіи открытіе и обоснованіе историческихъ законовъ. Съ точки зрѣнія этого направленія историческое значеніе имѣютъ лишь массовыя явленія, лишь типическое, въ противоположность къ индивидуальному. Всѣ чисто-индивидуальные моменты считаются исторически несущественными; соотвѣтственно съ этимъ, отвергается значеніе въ исторіи случая и свободной воли; отодвигаются на задній планъ доминирующія въ извѣстную эпоху идеи; въ отрицательномъ смыслѣ рѣшается вопросъ о значеніи личности въ исторіи. Преимущественный интересъ придается то борьбѣ хозяйственныхъ классовъ, то національному моменту. Индивидуумы интересуютъ историка только какъ типы массовыхъ явленій, какъ закономерно обусловленные существа, но не какъ самостоятельные дѣятели историческаго процесса.

По мнѣнію Мейера, такого рода воззрѣнія безусловно несогласны съ самымъ существомъ исторической науки. Напротивъ, „предметъ исторіи всегда составляетъ изслѣдованіе и изложеніе единичнаго процесса, — того, что мы лучше всего можемъ объединить подъ именемъ индивидуальнаго“ (стр. 29). Соотвѣтственно съ этимъ, свободная воля и случай играютъ огромную роль въ исторіи и игнорировать ихъ значитъ искажать самое существо исторіи.

Что касается свободной воли, то Мейеръ, конечно, далеко отъ полнаго индетерминизма. Онъ признаетъ, что воля всегда обусловлена. Если возникаетъ споръ по этому поводу, то все сводится, въ сущности, къ разнымъ точкамъ зрѣнія. Все, что совершилось, необходимо, конечно, уже въ силу того, что оно совершилось.

Но если мы смотримъ на извѣстный процессъ еще какъ на совершающійся, но не завершившійся, то его исходъ заранее намъ не извѣстенъ: онъ представляется лишь одной изъ безконечно многихъ возможностей. Въ ряду различныхъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ окончательное наступленіе одной изъ этихъ возможностей, самостоятельное мѣсто занимаетъ свободная воля, которая взвѣшиваетъ мотивы, ставитъ цѣли и дѣйствуетъ сообразно этимъ цѣлямъ. Конечно, эта воля зависитъ и отъ внѣшнихъ моментовъ, и отъ психическихъ особенностей ея носителя. Поэтому возможно и ея изученіе, и даже большая или меньшая степень вѣроятности въ предугадываніи ея рѣшеній. Но тѣмъ не менѣе воля

эта остается самостоятельнымъ факторомъ въ происходящемъ процессѣ, сама входитъ немаловажной составной частью въ развертывающійся передъ нами причинный рядъ, а потому и составляетъ одну изъ основъ чисто-индивидуальнаго момента реальной жизни. Историческая жизнь есть не что иное, какъ отдѣлъ, „вырѣзка“ (Ausschnitt) изъ общей жизни человѣчества. Поэтому и здѣсь свободная воля отдѣльныхъ лицъ имѣетъ огромное значеніе. „Начало второй пунической войны есть слѣдствіе рѣшенія Ганнибала, семилѣтняя война началась въ результатъ рѣшенія Фридриха Великаго, война 1866 г.—вслѣдствіе рѣшенія Бисмарка. Всѣ эти лица могли бы рѣшить иначе, и другія лица на ихъ мѣстѣ рѣшили бы иначе; результатъ былъ бы тотъ, что и теченіе исторіи стало бы иное“ (стр. 16).

Съ этой точки зрѣнія долженъ быть рѣшенъ и вопросъ о роли личности въ исторіи. Этотъ вопросъ не есть вопросъ о такъ-называемыхъ „великихъ людяхъ“. Такихъ великихъ людей, которые бы оказали большое вліяніе на историческіе процессы своими выдающимися дарованіями, своими индивидуальными мыслями и дѣяніями, можно насчитать лишь очень немного. Но вообще отдѣльныя личности своими рѣшеніями и своимъ образомъ дѣйствій оказываютъ часто большое вліяніе на ходъ событій, и вниманіе историка должно останавливаться на всѣхъ личностяхъ, которыя оказали такое вліяніе, и въ той мѣрѣ, въ какой они оказали это вліяніе. Притомъ часто въ такой роли „историческихъ“ величинъ выступаютъ люди, ничѣмъ особымъ не выдающіеся или же отличающіеся чисто отрицательными свойствами. „Рѣчь идетъ не о значеніи и цѣнности личности самой по себѣ, а только о томъ, что тотъ или иной въ силу обстоятельствъ,— благодаря ли своей собственной силѣ, или благодаря случайности рожденія, выбора и т. д.,—попалъ въ такое положеніе, что онъ сдѣлался важнымъ факторомъ историческаго процесса и, слѣдовательно, личность его получила историческое значеніе“ (стр. 52).

Что же касается значенія собственно индивидуальныхъ свойствъ и дарованій для исторіи, то въ этомъ отношеніи исчерпывающую формулу установить трудно. Успѣхъ личныхъ начинаній и воздѣйствій обусловленъ массой разнообразныхъ причинъ. „Наибольшее значеніе получаетъ индивидуальность въ эпохи прогрессивнаго, быстро идущаго впередъ развитія, тогда какъ время насыщенной культуры, приводящей къ приостановкѣ духовной жизни, ставитъ ей все болѣе сильныя ограниченія и предоставляетъ рѣшающее значеніе другимъ факторамъ исторической жизни“ (стр. 53).

Переходя къ значенію случая въ исторіи, Мейеръ замѣчаетъ, что и этотъ вопросъ рѣшается подобнымъ же путемъ, какъ вопросъ о значеніи свободной воли. Все зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія мы смотримъ на событія. Все разнообразіе историческаго процесса сводится къ наличности массы причинныхъ рядовъ, которые между собой сплетаются и перекрещиваются самымъ различнымъ образомъ. Если мы возьмемъ явленіе, какъ членъ того причиннаго ряда, къ которому оно принадлежитъ, то оно представится намъ вполне закономѣрнымъ. Но перекрещиваніе этого причиннаго ряда другимъ рядомъ не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія этого причиннаго ряда и потому является случаемъ, который, однако, въ свою очередь вызываетъ иногда массу послѣдствій. Такъ, на примѣръ: что въ данный моментъ падаетъ камень

съ крыши, это обусловлено плохой постройкой крыши, вѣшнимъ воздѣйствіемъ (буря) и т. п., а потому, съ точки зрѣнія причиннаго ряда камня, необходимо, такъ же какъ необходимо, что камень, падал, нанесетъ поврежденіе человѣку, который будетъ находиться на его пути. Съ другой стороны, каузально обусловлено, а потому и неизбежно (хотя и стоитъ въ зависимости отъ рѣшенія свободной воли), что извѣстное лицо именно въ этотъ моментъ пересѣкаетъ линію паденія камня. Но совпаденіе этихъ двухъ явленій есть случай, ибо ни изъ причиннаго ряда камня не слѣдуетъ, что камень задѣнетъ человѣка, ни изъ причиннаго ряда человѣка не слѣдуетъ, что онъ будетъ задѣтъ камнемъ. Можно, конечно, придумать такую трансцендентальную систему, которая объясняла бы направленіе всѣхъ этихъ перекрещивающихся линій ка-кимъ - либо общимъ планомъ и такимъ образомъ исключала бы понятіе случая въ указанномъ смыслѣ. Но это и была бы метафизическая система, не болѣе. Ни одинъ историкъ не долженъ подчиняться вліянію подобной системы и втискивать въ ея рамки историческіе процессы. А такъ какъ подобная система есть единственное средство устранить случай изъ историческаго процесса, то, другими словами, для строго научно работающаго историка случай оказывается принципиально неустраняемымъ.

Такъ какъ исторія есть наука объ индивидуальномъ, то не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ „историческихъ законахъ“. Историческій законъ для Эд. Мейера есть *contradictio in adjecto* (стр. 26), такъ какъ для науки исторіи все закономѣрное въ жизни природы и человѣка является уже предположеніемъ историческаго изученія, а не предметомъ его. Всѣ такія условія лежатъ внѣ области историческаго изученія и для историка составляютъ готовые данныя, съ которыми онъ оперируетъ. Если бы существовали такъ-называемые законы исторической жизни, то въ тотъ моментъ, когда они открывались бы, они переставали бы принадлежать къ исторіи, т.-е. изъ объектовъ историческаго изысканія становились бы его предположеніями (стр. 29).

Къ подобному же рѣшенію вопроса о существѣ и задачахъ исторіи приходитъ и Гротенфельтъ. Наилучшее опредѣленіе исторіи, по его мнѣнію, дано Бернгеймомъ въ слѣдующей формулѣ: исторія есть наука о развитіи людей въ ихъ проявленіи какъ социальныхъ существъ (*die Wissenschaft von der Entwicklung der Menschen in ihrer Betätigung als soziale Wesen*) (стр. 5). Поэтому задачей исторіи является изслѣдованіе и описаніе фактическихъ, единичныхъ процессовъ, какъ таковыхъ, а не отысканіе ихъ законовъ или ихъ послѣднихъ основаній. При этомъ, конечно, историкъ долженъ уяснять историческую связь отдѣльныхъ событій и показывать ихъ значеніе для историческаго развитія (стр. 9). Въ отличіе отъ Мейера, Гротенфельтъ допускаетъ существованіе историческихъ или социологическихъ законовъ (стр. 61 сл.), но думаетъ, что не на исторіи лежитъ задача ихъ констатированія, а на социологіи. Послѣдняя является „теоріей социальныхъ явленій во всемъ ихъ объемѣ“ (стр. 71). Матеріалъ свой социологія, конечно, почерпаетъ изъ исторіи; но въ то время, какъ исторія изучаетъ единичные, индивидуальныя процессы, социологія систематизируетъ и обобщаетъ историческій матеріалъ, стараясь извлечь изъ него данныя для построенія научныхъ или, по крайней мѣрѣ, эмпирическихъ законовъ. Если такимъ образомъ

соціологія находится въ зависимости отъ исторіи, то и историкъ для возстановленія и объясненія историческихъ фактовъ долженъ прибѣгать постоянно къ выводамъ соціологіи, ибо одной непосредственной интуиціи и „исторической фантазіи“ для правильнаго выполненія этихъ задачъ недостаточно (стр. 33 сл.).

Но если исторія изучаетъ процессы или измѣненія, которыя съ теченіемъ времени происходили въ отношеніяхъ между людьми, то какъ отграничить предѣлы историческаго изслѣдованія? Количество такихъ процессовъ въ каждый данный моментъ неисчислимо; познать всю массу процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ прошлой жизни человѣчества, во всемъ ихъ безпредѣльномъ разнообразіи немислимо. Какіе же изъ этихъ процессовъ должны быть достояніемъ исторіи и какіе нѣтъ? Чѣмъ опредѣляется тотъ выборъ исторически существеннаго и несущественнаго, который неизбѣжно производится каждымъ историкомъ?

Здѣсь мы встрѣчаемся съ той „оцѣнкой“ историческихъ событій, которая производится историкомъ безотносительно къ тому, какого направленія онъ держится въ своей дѣятельности. Не только морализирующие историки принуждены дѣлать такую оцѣнку, не только прибѣгаютъ къ ней тѣ историки, которые въ прошломъ ищутъ практическихъ указаній и уроковъ для будущаго или же предпринимаютъ свои историческія изысканія исключительно съ цѣлью добыть матеріалъ для соціологическихъ обобщеній, но всякій вообще историкъ, хотя бы онъ вѣлъ свою работу, не преслѣдуя никакихъ практическихъ цѣлей, исключительно въ интересахъ объективнаго выясненія событій прошлаго, вынужденъ производить „оцѣнку“ для того, чтобы ограничить свой матеріалъ, выдѣлить изъ него то, что должно подлежать изслѣдованію и изученію.

Какой же принципъ долженъ быть положенъ въ основу этой оцѣнки? Какіе жизненные процессы, изъ числа намъ извѣстныхъ, должны быть считаемы историческими? На эти вопросы Эд. Мейеръ отвѣчаетъ слѣдующей формулой: историческимъ является то, что оказываетъ влияние или оказало его (*historisch ist, was wirksam ist oder gewesen ist*) (стр. 36). Мы замѣчаемъ въ настоящемъ извѣстное явленіе и интересуемся имъ; для насъ возникаетъ вопросъ, чѣмъ оно вызвано, подъ влияніемъ какихъ фактовъ сложилось. Тѣ факты, которые оказали влияние на происхожденіе этого явленія, и будутъ для насъ историческими фактами. Такимъ образомъ, событія настоящаго времени не могутъ быть считаемы за историческіе факты, ибо ихъ влияние на будущее, ихъ послѣдствія намъ неизвѣстны. Съ другой стороны, всякое историческое изслѣдованіе всегда идетъ отъ послѣдствій къ причинамъ, ибо заинтересовавшія насъ слѣдствія вызываютъ наше вниманіе къ ихъ причинамъ; историческое изслѣдованіе всегда идетъ поэтому обратнымъ путемъ съ историческимъ изложеніемъ. Въ концѣ-концовъ Эд. Мейеръ приходитъ къ выводу, что въ сущности выборъ историческаго матеріала всегда зависитъ отъ историческаго интереса, который данная эпоха питаетъ къ какому-либо послѣдствію, результату предыдущаго развитія. Такимъ образомъ представленія о томъ, что существенно для историка и что не имѣетъ такова значенія, съ теченіемъ времени мѣняются. „Къ какимъ областямъ обращается историческій интересъ съ особой силой, это зависитъ отъ положенія дѣла въ настоящее время: на первый планъ

выступает то одна, то другая сторона, политическая, религиозная, хозяйственная история, литература и искусство и т. д. Абсолютных нормъ здѣсь нѣтъ“ (стр. 37). Но во всякомъ случаѣ чѣмъ шире тотъ кругъ, на который распространяется вліяніе историческаго событія, тѣмъ это событіе важнѣе и тѣмъ большій интересъ къ себѣ вызываетъ. Поэтому, думаетъ Мейеръ, политическая история, какъ история важнѣйшаго изъ человѣческихъ союзовъ—государства, останется центромъ исторіи, пока человѣческая жизнь кореннымъ образомъ не измѣнится (стр. 39).

Помимо возрѣній эпохи, и индивидуальныя возрѣнія историка, конечно, оказываютъ вліяніе на выборъ и оцѣнку матеріала; большое значеніе имѣютъ и спеціальныя цѣли каждаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, не говоря уже о различіяхъ въ характерѣ работъ и выводовъ, вызываемыхъ сложностью историческихъ процессовъ и ограниченностью матеріала, самый процессъ оцѣнки событій при выборѣ историческаго матеріала неизбежно налагаетъ субъективную печать на всякое историческое изслѣдованіе. Единичный процессъ превращается въ историческое событіе именно благодаря историческому разсмотрѣнію, которое выдѣляетъ его изъ безконечной массы одновременныхъ событій. „Изъ себя самого извлекаетъ историкъ тѣ проблемы, съ которыми онъ приступаетъ къ матеріалу... Современность есть моментъ, который не можетъ быть изглаженъ ни изъ какаго историческаго изложенія, и притомъ какъ въ смыслѣ самой индивидуальности историка, такъ и въ смыслѣ міровозрѣнія той эпохи, въ которой онъ живетъ“. Отъ этого, впрочемъ, исторія не утрачиваетъ своего характера научной дисциплины; то же самое происходитъ, въ сущности, и въ естественныхъ наукахъ: на первомъ планѣ вездѣ стоитъ познающій индивидъ (стр. 45).

Отъ историческаго изученія, какъ изученія исторически важныхъ событій и только съ точки зрѣнія ихъ исторической цѣнности, Мейеръ отличаетъ изученіе филологическое, когда событія прошлаго подвергаются всестороннему изученію, интересуя изслѣдователя сами по себѣ, безотносительно къ своему историческому значенію. Къ этого рода изслѣдованіямъ принадлежатъ и біографіи (стр. 54 сл.).

Вопросъ объ исторической „оцѣнкѣ“ составляетъ для Гротенфельта, какъ показываетъ уже самое заглавіе его книги, главный предметъ его изученія. И въ этомъ отдѣлѣ свой книги Гротенфельтъ, которому, по видимому, брошюра Мейера осталась неизвѣстной, приходитъ по существу къ тѣмъ же результатамъ, какъ Мейеръ. Онъ также признаетъ невозможнымъ найти какой-либо объективный масштабъ для необходимой историкѣ оцѣнки событій. Не можетъ здѣсь оказать существенной пользы идея эволюціи или развитія, ибо эволюція (въ противоположность къ революціи) для современнаго ума означаетъ, въ сущности, только длительное, постоянное измѣненіе въ опредѣленномъ направленіи (стр. 100). Не можетъ служить руководствомъ идея прогресса, ибо сущность постоянного прогресса или усовершенствованія въ исторіи не выяснена и наличность его не доказана; если же говорить о „вѣрѣ въ прогрессъ“, то можно спорить еще о томъ, насколько утѣшительна такая вѣра, заставляющая приносить настоящія поколѣнія въ жертву грядущимъ.

Обозрѣвая различные масштабы, предлагавшіеся сознательно для производства исторической оцѣнки или практически примѣнявшіеся при ней видными историками, авторъ приходитъ къ тому же заключенію,

какъ и Мейеръ. Всякая эпоха имѣетъ свои воззрѣнія на то, что важно исторически и что менѣе важно. Потому-то всякая эпоха сызнова принималась писать исторію прошлаго, руководясь своими точками зрѣнія и принимая во вниманіе тѣ моменты, которые соприкасались съ ея живѣйшими интересами (стр. 172 сл.). Признавая такимъ образомъ, что изъ исторіи никогда нельзя вполне удалить субъективнаго момента, Гротенфельтъ, однако, думаетъ, что она постоянно развивается въ сторону все большаго объективности. Съ теченіемъ времени будетъ постоянно выясняться, какія отдѣльныя черты должны непремѣнно содержаться въ каждой научно построенной исторической характеристикѣ, и этимъ путемъ будетъ уменьшаться просторъ субъективнаго усмотрѣнія (стр. 178).

Авторъ надѣется, что уже и теперь можно бы было получить извѣстные твердые результаты въ этомъ направленіи при помощи историческаго изученія и сопоставленія различныхъ системъ исторической оцѣнки, и общаетъ дать въ будущемъ опытъ подобнаго изслѣдованія. Интересно отмѣтить, что авторъ неоднократно подчеркиваетъ однохарактерность этихъ стремленій отыскать руководящій масштабъ для оцѣнки историческихъ явленій съ тѣми изысканіями, которыя производятся въ нормативной этикѣ для установленія высшаго масштаба этической оцѣнки (см. стр. 125, 181, 226).

В. Хвостовъ.

Гете какъ мыслитель. Въ послѣднее время въ Германіи значительно усилился интересъ къ изученію Гете во всей полнотѣ и разнообразіи его художественно-философскаго творчества. Великій писатель снова привлекаетъ къ себѣ не только силой и красотой созданныхъ имъ образовъ, но и той склонностью воспринимать и понимать жизнь въ ея типичныхъ категоріяхъ и обобщеніяхъ, которой запечатлѣны его міросозерцаніе и его поэзія. Мы намѣтимъ здѣсь основныя мысли посвященной ему книги Hermann Siebeck'a: *Goethe als Denker*, Stuttgart. 1902.

Гете считалъ себя чуждымъ философіи, и онъ часто говорилъ про себя, что стоитъ на точкѣ зрѣнія обыкновеннаго человѣческаго смысла. Но эта самооцѣнка не вѣрна, и болѣе правъ Эмерсонъ, который признаетъ въ Гете нѣчто въ родѣ стихійнаго тяготѣнія къ истинѣ и называетъ его философъ многообразной дѣйствительности: онъ умѣлъ разбираться въ пестромъ и шумномъ потокѣ фактовъ и впечатлѣній, и передъ его глубокимъ взоромъ прошлое, настоящее, ихъ религія, наука и политика — все разрѣшалось въ общіе типы и вѣчные образцы. Горизонтъ Гете безконеченъ. У него была центральная мысль, отъ которой радіусами исходятъ всѣ его частныя взгляды и понятія. Это — идея генетическаго развитія міра и духа, идея эволюціи. Въ нѣмецкой поэзіи второй половины XVIII вѣка это средоточіе новаго міровоззрѣнія было выражено болѣе ярко и законченно, нежели въ самой философіи. У Декарта и Спинозы міръ еще представляетъ собою вытекающую изъ божественной основы покойную систему неопредѣленно большаго числа взаимно обусловленныхъ силъ. У Лейбница больше движенія, и мировое дѣло сочетается и развивается для него изъ живыхъ единствъ, или монадъ; но въ его заключительной мысли о предустановленной гармоніи таятся скорѣе моментъ заранѣе приготовленнаго результата, чѣмъ планомерной и прогрессирующей дѣйственности. Кантъ хо-

тѣмъ примирить дуализмъ эмпирическаго даннаго содержанія и апіорныхъ формъ и функцій разума, дуализмъ природы и свободы; но самый вопросъ о возможности генетическаго развитія духа онъ переносилъ изъ конкретнаго бытія въ сферу трансцендентнаго. Между тѣмъ писатели, какъ Лессингъ и Гердеръ, были всецѣло проникнуты идеей поступательнаго движенія и развитія міра изъ его собственныхъ нѣдръ и силъ; жизнь рисовалась имъ какъ непрерывное воспитаніе человѣчества и самой природы. Гете былъ какъ бы олицетвореніемъ этихъ взглядовъ, фокусомъ для нихъ. И, кромѣ того, онъ художественно углубилъ ихъ, наложилъ на нихъ отпечатокъ своей гармоничной природы. Къ адекватному и чисто-объективному воспріятію умозрительныхъ теорій онъ не имѣлъ способности и даже на свой, гениальный, ладъ не понималъ ихъ; но какъ художникъ, онъ постигъ все величіе идеи развитія въ ея неразрывномъ союзѣ съ идеей мірового единства. Въ своихъ поэтическихъ созерцаніяхъ онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ связь личной жизни человѣка съ полнотою жизни міровой, и онъ думалъ, что задача философіи состоитъ именно въ томъ, чтобы углублять въ насъ сознаніе нашего единства съ природой. Эта цѣль достигается совмѣстными усиліями нашего физическаго и духовнаго зрѣнія. Смотрите на природу, смотрите въ себя, отдайтесь непрерывности вашей тѣлесной и умственной жизни, пользуйтесь логической мыслью какъ мостомъ отъ чувственнаго къ духовному созерцанію,— и вы будете философомъ, т.-е. вы поймете природу какъ единое, вы поймете взаимную связь всѣхъ ея явленій. Подлиннымъ органомъ истины служить та высшая, третья ступень познанія, которая у Спинозы называется интуиціей. Она раскрываетъ передъ нами категоріи жизни и всякій единичный фактъ возноситъ на высоту общей идеи. Философія именно постольку и важна, постольку она ведетъ къ этому обобщенію и синтезу; она болѣе привлекательна и плодотворна своей соединяющей, нежели своей раздѣляющей функціей. Впрочемъ, эти философскія операціи ума неотдѣлимы одна отъ другой, потому что въ раздѣленіи единаго и въ соединеніи раздѣльнаго заключается жизнь самой природы, и міръ—это вѣчное сокращеніе и расширеніе, непрерывное вдыханіе и выдыханіе.

Къ вершинамъ философской типизаціи жизни можно придти, отправляясь отъ какого-нибудь одного предмета. Надо только углубиться въ него и по возможности исчерпать его своею мыслью. Именно въ томъ случаѣ, если мы войдемъ въ глубину объекта, онъ покажетъ намъ и свое прошлое, и свое потенциальное будущее; именно въ этомъ случаѣ мы удовлетворимъ требованіямъ генетическаго метода. Для гениальнаго созерцателя *одной* вещи, какимъ былъ самъ Гете, непосредственное воспріятіе настоящаго, историческое воспоминаніе о прошломъ и предвидѣніе будущаго—все сливается въ стройное цѣлое, и на единичной вещи мы изучаемъ міръ. Общее, это—единичный случай; частное, это—милліоны случаевъ. Все фактическое—это одновременно уже и теорія. Лазурь неба сама по себѣ раскрываетъ передъ нами основной законъ хроматизма. Эстетическое проникновеніе въ жизнь, т.-е. гармоничное сліяніе съ нею всѣми гранями нашего существа,—вотъ путь къ сердцевинѣ міра. Но при этомъ надо помнить, что въ объясненіи всякаго отдѣльнаго явленія должна участвовать всякая наука, должны участвовать всѣ науки. Специализація противорѣчитъ самому существу человѣчески-разумнаго

знанія и его объекта—міровой дѣйствительности. Ученый даже въ своей сферѣ не долженъ ограничиваться своей спеціальностью. Кто желаетъ постигнуть безконечное, тотъ долженъ во всѣхъ направленіяхъ изслѣдовать конечное. Правда, какъ бы далеко мы ни проникли въ міровые предметы, въ нихъ всегда останется что-нибудь загадочное, необъяснимое, ирраціональное. Между идеей природы и ея реальностью, между существомъ и явленіями всегда есть нѣкоторое зіяніе, и люди стараются наполнить его умомъ, воображеніемъ, вѣрой, чувствомъ, мечтой или нелѣпницей. Начала и концы для насъ сокрыты, и возможно только приближеніе къ нимъ. Но оно возможно. Идея не растворяется сполна въ явленіи, но все-таки явленіе—не только внѣшняя оболочка. Его наглядная форма даетъ намъ *символь* идеи, и въ этомъ смыслѣ явленіе адекватно идеѣ, оно не есть тѣнь и сонъ. Если для Канта вещь въ себѣ, или сущность всегда остается скрытой, какъ бы далеко въ сферѣ опыта ни заходило познаніе, то для Гете символическое познаніе міра имѣетъ безконечно много степеней, и эти степени могутъ быть очень высоки и совершенны; сущность, идея предъ нами не явится, „великія матери“ незримы,—но все-таки чѣмъ дальше мы идемъ въ явленіе, тѣмъ ближе и глубже мы идемъ къ сущности. Въ природѣ нѣтъ скорлупы и ядра, все во всемъ дается сразу; сущность и явленіе, бытіе и знаніе соотносительны. Отказъ отъ исчерпывающаго знанія, интеллектуальная резигнація должны наступать на самыхъ границахъ человѣчества, а не въ предѣлахъ гипотетической ограниченности моего индивидуальнаго существа. Психологическая граница познанія, это—взвумленіе; фактическая граница, это — *Ugrhänomen*, явленіе, разгаданное въ своей типичной простотѣ и общности. Для Канта вещь въ себѣ непостижима по существу, для Гете — только по степени, и *Hebel und Schrauben* Фауста глубоко помогаютъ уразумѣнію символическаго облика, а черезъ него и сущности міра. Окраска апіорныхъ формъ познанія, роковая въ глазахъ Канта, не такова для Гете. Въ связи съ этимъ различіемъ, если для Канта и Шиллера сущее и совершенное непосредственно раскрывается только въ этическомъ и къ нему они стремятся изъ міра явленій, то Гете въ этомъ особенномъ напряженіи силъ не нуждается: для него дѣйствительное и есть совершенное, которое надо только отереть подъ множествомъ наружныхъ оболочекъ, и его живить сознаніе: *Die unbegreiflich hohen Werke sind herrlich wie am ersten Tag*.

Благодаря синтезу всѣхъ психическихъ силъ личности, возможно адекватное познаніе міра въ его нормѣ и типѣ. Между личностью и вещами существуетъ внутренняя связь. Именно это глубокое родство субъекта и объекта, человѣческой души и того, что ее питаетъ, — это глубокое родство служитъ порукой нашего конечнаго проникновенія въ дѣйствительность. Мы сами—то, что мы познаемъ, и оттого мы познаемъ въ пластичныхъ образахъ и категоріи человѣческихъ отношеній, и природу, и божество:

Wär nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt' es nie erblicken;
Läg nicht in uns des Gottes eig'ne Kraft,
Wie könnt' uns Göttliches entzücken?

Ю. А.

Библиографія.

Великій князь Николай Михайловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Т. I. 386 стр. Спб., 1903 г.

Передъ нами новый трудъ, посвященный знаменательной въ исторіи русскаго общества эпохѣ начала XIX столѣтія, когда въ промежуткѣ между гнетомъ послѣднихъ годовъ правленія Екатерины и Павловскаго царствованія и не менѣе тяжелой эпохой Аракчеевщины оно въ теченіе полутора десятка лѣтъ жило сильной и энергической жизнью. Сочиненіе великаго князя Николая Михайловича посвящено жизни и дѣятельности одного изъ замѣтнѣйшихъ сподвижниковъ императора Александра въ первую половину его царствованія—гр. П. А. Строганову и рассчитано на 3 тома. Вышедшій въ настоящее время первый томъ содержитъ „біографію гр. П. А. Строганова, раздѣленную на пять главъ, заключающихъ въ себѣ отдѣльные періоды жизни и дѣятельности графа“.

Что составитъ содержаніе слѣдующихъ томовъ, пока не видно. Такимъ образомъ, въ настоящее время возможно судить только о біографіи гр. Строганова. При этомъ возникаетъ прежде всего вопросъ, представляетъ ли дѣйствительный историческій интересъ личность и дѣятельность гр. Строганова? Авторъ предвидитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него на первыхъ же страницахъ своего изслѣдованія, указывая на то, что „при разработкѣ славной эпохи императора Александра I личность гр. П. А. Строганова среди разнохарактерныхъ сотрудниковъ государя обращаетъ на себя особенное вниманіе“, и объясняя свой особенный интересъ къ Строганову возможностью истолковать „нетронутыя еще рукописи частныхъ архивовъ“ Строгановыхъ и родственныхъ имъ фамилій. Съ общей оцѣнкой личности Строганова нельзя не согласиться; мало того: не только среди сотрудниковъ государя обращаетъ Строгановъ особенное вниманіе по своимъ личнымъ качествамъ и вслѣдствіе своей разносторонней дѣятельности; его личность въ высшей степени интересна потому, что на немъ одномъ, несмотря на недолгую его жизнь (онъ умеръ 45 лѣтъ), ярко отразились настроенія, послѣдовательно волновавшія нѣсколько поколѣній русскаго общества въ послѣднюю четверть XVIII столѣтія и въ первую четверть XIX. По воспитанію и по убѣжденіямъ молодости этотъ кандидатъ въ дѣятели великой французской революціи—типичный сынъ XVIII вѣка, представитель части младшаго поколѣнія Екатерининскаго времени. Въ первые годы XIX столѣтія Строгановъ несомнѣнно—одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей просвѣтительныхъ стремленій, одушевлявшихъ въ эти годы все, что было лучшаго среди русскаго общества. Патриотическій взрывъ 12 года увлекаетъ Строганова. Сохраняя всѣ свои личные качества, онъ здѣсь опять являлся съ новымъ обликомъ военнаго и патриота,—типичнымъ именно для эпохи отечественной войны. Смерть похитила Строганова слишкомъ рано; но можно навѣрно сказать, что останься онъ живъ, онъ и въ послѣдующее время не отсталъ бы отъ хорошихъ вѣяній эпохи, склоняясь по убѣжденіямъ въ сторону лучшихъ представителей успѣвшей стать ему родной военной среды, вмѣстѣ съ которыми и самъ онъ совершилъ походъ 1813—14 годовъ.

Пять главъ разбранаго труда далеко не равноцѣнны по своимъ достоинствамъ. I-ая глава, посвященная родителямъ гр. П. А. и его раннему дѣтству, и гл. V, содержащая чисто-тактическое изложеніе военной его дѣятельности и

свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ его жизни, не представляютъ на нашъ взглядъ большого интереса: это внѣшніе біографическіе очерки, имѣющіе, можетъ быть, еще извѣстный генеалогическій интересъ. Въ первой главѣ есть только одна интересная подробность, которая, впрочемъ, гораздо ярче отражается въ интереснѣйшихъ письмахъ гр. Строганова-отца къ сыну и его воспитателю Ромму, напечатанныхъ въ приложеніяхъ: это заботы графа-отца, чтобы сынъ его, ввѣренный попеченіямъ иностранца, тѣмъ не менѣе получилъ ясное представленіе о Россіи и ея дѣйствительности; въ этихъ заботахъ и въ вытекавшихъ изъ нихъ долговременныхъ путешествіяхъ по Россіи кроется разгадка того обстоятельства, что изъ всѣхъ членовъ негласнаго комитета 1801—1803 годовъ ех-якобинецъ Строгановъ обнаружилъ наибольшее знакомство съ потребностями и нуждами русскаго народа. Глава III посвящена кратковременной дипломатической дѣятельности гр. Строганова въ 1806—7 годахъ. Это—экскурсъ въ область изворотовъ тогдашней сложной европейской политики, вызывавшей мгновенныя перемены отношеній, превращавшей со дня на день друзей въ заклятыхъ враговъ и наоборотъ, и создававшей импровизированныхъ дипломатовъ. Въ этой же главѣ авторъ излагаетъ и причины, которыя, по его мнѣнію, привели къ полному охлажденію между Александромъ I и друзьями его молодости: послѣдніе всѣ были ярыми противниками дружбы съ Наполеономъ, и тильзитскій миръ нанесъ рѣшительный ударъ прежней дружбѣ. Чтеніе главы II, озаглавленной „Эпоха реформъ“, оставляетъ читателя разочарованнымъ: казалось бы, что авторъ, которому были доступны всѣ относящіеся къ дѣлу бумаги изъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ, могъ бы сообщить болѣе подробностей объ этой въ высшей степени любопытной порѣ; между тѣмъ существенной новостью является лишь записка гр. Строганова, приведшая къ учрежденію негласнаго комитета въ 1801 г., напечатанная *in extenso* въ русскомъ переводѣ. Эта записка, правда, представляетъ огромный интересъ, но читатель оканчиваетъ главу, не увѣренный въ томъ, что не остались неиспользованными столь же важные документы, имѣющіе непосредственную связь съ дѣятельностью комитета; быть можетъ, впрочемъ, слѣдующіе тома изслѣдованія пополнятъ чувствуемый здѣсь пробѣлъ. Наиболее интересной является, безъ сомнѣнія, вторая глава, гдѣ авторъ знакомитъ читателя съ воспитаніемъ молодого Строганова и съ личностью его воспитателя Жильбера Ромма, впоследствии члена конвента и приверженца партіи горы. Прежде всего эта глава представляетъ прекрасный экскурсъ въ область исторіи воспитанія высшаго русскаго общества XVIII вѣка, причемъ напечатанныя въ приложеніяхъ письма всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой главы дѣлаютъ чрезвычайно живыми личности молодого графа, его отца и воспитателя. Но личность послѣдняго имѣетъ и большой самостоятельный интересъ. Роммъ—типичный французъ эпохи революціи; увлекающійся и самоувѣренный доктринеръ, онъ восклицаетъ, принимая на себя воспитаніе Строганова: „я хочу изъ него сдѣлать человѣка, и онъ будетъ таковымъ, когда я выпущу его изъ своихъ рукъ“, и сознательно, повидимому, пытается позднѣе превратить молодого русскаго вельможу въ дѣятеля великой революціи. Нѣсколько уже разъ приходилось упоминать о приложеніяхъ къ разбираемому труду; нельзя не сдѣлать еще одного общаго замѣчанія: эти приложенія, состоящія главнымъ образомъ изъ частныхъ писемъ, извлеченныхъ изъ Строгановскихъ архивовъ, и занимающія $\frac{2}{3}$ всего текста, составляютъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ, и надо надѣяться, что въ слѣдующихъ томахъ приложеніямъ будетъ удѣлено не менѣе мѣста, чѣмъ въ первомъ.

Книга издана роскошно и снабжена 26 художественно исполненными фототипіями съ портретовъ членовъ семьи Строгановыхъ и нѣкоторыхъ выдающихся современниковъ.

Ю. Готье.

Проф. В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. 535 стр. Харьковъ, 1903 г.
Цѣна 3 руб.

Прекрасная, увлекательная книга, написанная съ любовью и глубокимъ знаніемъ предмета, равно драгоцѣнная и для спеціалиста, и для всякаго развитого человѣка. Она распадается на двѣ части: на обзоръ источниковъ и очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX вѣкѣ. Такимъ образомъ, она посвящена не наукѣ, а исторіи науки; она рисуетъ трудный ходъ одного изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго ума—исторію открытія и восстановленія античной древности. И какая картина открывается здѣсь передъ глазами! Съ самозабвеніемъ,

съ несмысленными усилями, въ какомъ-то изступленіи жадности роютъ люди въглубь земли, все глубже и глубже, и изъ нѣдръ ея выносятъ камни и песчинки, на которые распалась дивная хранина древняго міра; и другіе люди, какъ землекопы изъ-подъ обвала, выбиваются со свѣточемъ знанія изъ-подъ этихъ развалинъ и камень за камнемъ воздвигаютъ вновь разрушенное вѣками. Оживаетъ мертвое, на иконописныхъ ликахъ выступаетъ живой румянецъ, слова, полныя смысла, смутно и потомъ все явственнѣе доносятся до нашего слуха, вмѣсто героевъ—предъ нами люди, какъ мы, волнующеся нашими скорбями и радостями. Все—то же, но насколько прекраснѣе! То же небо, что теперь, было и надъ той Элладою, тѣ же волны омывали ея берега, но другіе, дѣтски-свѣтлые глаза смотрѣли тогда на небо и море, и міръ, неизмѣнный отъ вѣка, кажется намъ юнѣе и чудеснѣе, когда мы глядимъ на его отраженіе въ этихъ ясныхъ зрачкахъ. Проф. Бузескулъ рассказываетъ одинъ эпизодъ изъ исторіи открытія пергамскихъ древностей—тѣхъ самыхъ, увидя которыя Тургеневъ благословилъ судьбу, не давшую ему умереть до этого зрѣлища. Ихъ раскапывалъ Гуманъ—не филологъ и не историкъ, а инженеръ, строившій по найму турецкаго правительства желѣзную дорогу въ Малой Азии и нечаянно увлекшійся археологіей. Раскопки длились уже почти годъ, и уже не было сомнѣній, что добываемыя постепенно плиты содержать горельефъ знаменитой „гигантомахіи“, борьбы боговъ съ гигантами. Гуманъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ находки тѣхъ плитъ, на которыхъ должно было находиться изображеніе главнаго героя этой борьбы—Зевса. И вотъ однажды, въ іюлѣ 1879 года, онъ пришелъ на акрополь осмотрѣть вновь найденныя, еще не очищенные плиты. На нихъ былъ изображенъ богъ и три гиганта. Это могъ быть Зевсъ; плиты подходили одна къ другой, недоставало только изображенія обычныхъ атрибутовъ царя боговъ. Рабочіе перевертываютъ еще одну плиту, Гуманъ въ нетерпѣніи наскоро отскребъ ногтями слой извести, покрывавшій плиту, и видитъ явду; глубоко потрясенный, онъ принялъ къ изображенію Зевса и заплакалъ. Нѣчто подобное этому трепету испытываетъ всякій, читая книгу проф. Бузескула. Не-специалистъ не будетъ читать ее сплошь; но и каждая отдѣльная ея глава открываетъ ту же величественную картину гениальнаго воссозданія древности. Какая-то мягкость разлита во всей этой книгѣ, изящной внутри и снаружи; поразительная эрудиція автора не умалила ни одушевленности, ни замѣчательной плавности разсказа.

М. Гершензонъ.

Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминанія. 1848—1870. М., 1903 г.
Стр. 325. Ц. 1 р. 50.

Къ великому ущербу для успѣшнаго развитія нашей общественной и научной мысли мы до сихъ поръ не располагаемъ возможностью свободнаго изученія идейныхъ теченій XIX вѣка. Давно ли наша печать получила право называть полными именами Герцена, Огарева, Бакунина? Въ классическомъ трудѣ А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ (1876 г.) и въ „Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ“ П. В. Анненкова (1881 г.) мы находимъ еще одни инициалы. Тридцатилѣтіе со дня смерти Герцена (въ 1900 г.) дало поводъ органамъ самыхъ различныхъ направлений высказать единодушное пожеланіе, чтобы сочиненія знаменитаго писателя сдѣлались, наконецъ, доступными русскому читателю, но это пожеланіе все еще не можетъ получить реальнаго осуществленія.

При наличности подобныхъ неблагоприятныхъ условий исключительную важность пріобрѣтаетъ каждая попытка освѣтить ту знаменательную эпоху, когда въ горнилѣ философскаго и социалистическаго идеализма выковывались новые русскіе идеалы. Одной изъ такихъ попытокъ являются „Воспоминанія“ Наталіи Алексѣевны Огаревой-Тучковой, печатавшіяся ранѣе въ журналахъ (въ „Русской Старинѣ“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1890-хъ годовъ) и изданныя теперь отдѣльной книгой гг. М. и С. Сабалниковыми *).

Авторъ „Воспоминаній“, дочь Алексѣя Алексѣевича Тучкова, была второй женой Н. П. Огарева и вмѣстѣ со своимъ мужемъ и его гениальнымъ другомъ переживала всѣ тревожныя перипетіи ихъ скитальческой жизни. У нея есть что разсказать потомству, и, прежде чѣмъ она приступила къ составленію собствен-

*) Та же фирма имѣетъ въ виду издать и собраніе стихотвореній Н. П. Огарева, что было бы въ высшей степени желательно.

ных мемуаровъ *), она сообщила немало цѣнныхъ свѣдѣній Т. П. Пассекъ, которыя и вошли въ ея трехтомную работу „Изъ дальнихъ дѣтъ“ **).

Свои воспоминанія Н. А. Огарева начинается съ того, что ей приходилось слышать еще отъ дѣда, ген.-м. Алексѣя Алексѣевича Тучкова. Далѣе много мѣста она отводитъ рассказамъ о своемъ отцѣ, тоже Алексѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ. Благородная личность ея отца, дѣйствительно, достойна серьезнаго вниманія. Онъ былъ членомъ „Союза Благоденствія“, другомъ декабристовъ и самъ былъ привлеченъ къ допросу по дѣлу 14 декабря. Какъ помѣщикъ Пензенской губ. и предводитель дворянства, Тучковъ обнаружилъ рѣдкія качества, смѣло выступая въ роли трибуна крѣпостнаго мужика, чѣмъ, разумѣется, и приобрѣлъ себѣ репутацію опаснаго, безпокойнаго человѣка, а сближеніе съ Огаревымъ и Герценомъ окончательно поставило его въ разрядъ неблагонамѣренныхъ.

По мѣрѣ развитія рассказа Н. А. Огаревой на сцену выступаютъ Огаревъ и Герценъ. Убѣжденія и стремленія друзей одѣланы дорогими и для нея, и она съ сознательнымъ интересомъ слѣдитъ за всѣми фазисами ихъ жизни. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ фигура Огарева все болѣе и болѣе отходитъ на задній планъ: она меркнетъ въ лучахъ славы Герцена, этого солнца кружка, по выраженію рассказчицы (110 стр.), а, съ другой стороны, и свои личныя симпатіи Н. А. Огарева мало-помалу перенесла на Герцена. Большая часть „Воспоминаній“, вслѣдствіе этихъ причинъ, и посвящена описанію жизни издателя „Колокола“. Любящей рукой составляетъ авторъ мозаическій портретъ Герцена, тщательно собирая отдѣльныя черты его характера, не оставляя безъ вниманія даже деталей его частнаго быта. На глазахъ Н. А. Огаревой прошла вся заграничная дѣятельность Герцена, и она добросовѣстно отмѣтила ея наиболѣе выдающіеся факты, прибавивъ къ нимъ и свои сильныя комментаріи. Въ домѣ Герцена Н. А. перевидала цѣлый рядъ политическихъ эмигрантовъ разныхъ странъ, начиная съ Гарибальди и Мадзини, и массу русскихъ паломниковъ, которые въ кабинетѣ прославленнаго публициста искали нравственной и матеріальной поддержки, а иногда просто удовлетворенія своего любопытства ***). Тамъ и сямъ въ „Воспоминаніяхъ“ разсыяны отдѣльные эпизоды, полные подчасъ глубокаго трагизма, изъ жизни людей, которымъ не нашлось мѣста на палубѣ русскаго государственнаго корабля. Но среди нихъ настоящимъ колоссомъ возвышается Герценъ, и его драматическая судьба неотразимо приковываетъ къ себѣ сочувствіе мыслящаго читателя.

Несмотря на то, что Н. А. Огарева въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ останавливается преимущественно на внѣшнихъ фактахъ и мало приводитъ точныхъ хронологическихъ датъ и документальныхъ матеріаловъ (например, писемъ), несмотря на калейдоскопическую пестроту содержанія и нѣкоторую блѣдность языка, ея книга, съ простотой и правдивостью летописи рассказывающая о крупныхъ лицахъ и важныхъ событіяхъ, по праву займетъ мѣсто рядомъ съ записками Пассекъ и даже отчасти послужитъ полезнымъ дополненіемъ сочиненія Герцена „Былое и думы“.

П. Самуилъ.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Съ 8 портретами. Спб., 1903 г. VII+324 стр. Ц. 1 р. 75 к.

„Обстоятельная, строго научная исторія нашей литературы XIX вѣка пока составляетъ задачу, можетъ быть, не особенно близкаго будущаго,—пишетъ г. Бороздинъ въ началѣ своего предисловія. Не говоря уже о малодоступности нѣкоторыхъ архивныхъ матеріаловъ, о трудности сохранять необходимую объективность изложенія, „требуется много частныхъ подготовительныхъ работъ“. И дѣйствительно, только такой отважный „ученый“, какъ г. Энгельгардтъ, могъ съ аллобомомъ взяться за составленіе „истинно-научной“ исторіи русской литературы XIX в. по „совершенно объективному“ методу, добросовѣстно доводя

*) На стр. 74 сказано, что Н. А. Огарева писала свои „Воспоминанія“ уже въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ.

**) См. 27, 54, 200, 201 и 301 стр. „Воспоминаній“ и приложение на стр. 314—19. На показанія Н. А. Огаревой между прочимъ ссылается и Е. С. Некрасова въ своей статьѣ объ Огаревѣ (въ сборникѣ „Подъ знаменемъ науки“).

***) Въ виду многочисленности лицъ, упоминаемыхъ въ „Воспоминаніяхъ“, особенно жаль, что издатели не снабдили книгу именнымъ указателемъ: одного оглавленія въ этомъ случаѣ недостаточно.

свой рассказ до 1900 года. Г. Бороздинъ считаетъ болѣе правильнымъ ограничиться пока изданіемъ отдѣльныхъ очерковъ.

Первый томъ обнимаетъ литературныя явленія первой половины XIX вѣка; во-второмъ и третьемъ томѣ предполагается дать характеристики послѣдующихъ писателей, кончая М. Горькимъ и Л. Андреевымъ. Большая часть статей, вошедшихъ въ составъ I тома, была написана авторомъ по разнымъ историко-литературнымъ поводамъ и уже была напечатана; нѣкоторыя взяты изъ его публичныхъ и университетскихъ лекцій, и лишь немногія составлены вновь для настоящаго сборника, очевидно, съ цѣлью придать ему извѣстную полноту.

„Можетъ быть,—заявляетъ г. Бороздинъ,—въ этой книгѣ найдеть для себя кое-что и специалистъ, для читателя же не-специалиста мои „характеристики“, можетъ быть, послужатъ пособіемъ къ тому, чтобы разобратъся въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія“. Принимая во вниманіе свойственную авторамъ скромность и приведенныя ранѣе слова предисловія, мы въ правѣ были ожидать, что передъ нами лежатъ именно тѣ „частныя подготовительныя работы“, которыя расчищаютъ почву для будущей „строга научной“ исторіи литературы XIX в. Но, къ сожалѣнію, литературныя характеристики г. Бороздина оказываются значительно ниже этихъ законныхъ надеждъ. Его очерки очень бѣдны самостоятельной *научной* разработкой вопросовъ; авторъ нерѣдко ограничивается простой систематизаціей содержанія произведеній характеризуемаго писателя, не вдаваясь въ историко-литературный анализъ фактовъ и часто оставляя безъ вниманія уже накопленный наукой матеріалъ. Все это низводитъ очерки г. Бороздина въ разрядъ тѣхъ популярныя статей, которыя обыкновенно появляются въ дни юбилеевъ и подъ живымъ впечатлѣніемъ вызвавшего ихъ момента прочтываются не безъ удовольствія и не безъ пользы. Читатель „не-специалистъ“ и теперь найдеть для себя много интереснаго и поучительнаго въ такихъ статьяхъ разбираемаго сборника, какъ: „Главные направленія русской литературы начала XIX столѣтія“, „Литературныя и общественныя взгляды Карамзина“, „Поэзія В. А. Жуковскаго“, „А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности“, „Поэть „гражданской скорби“ двадцатыхъ годовъ (Рылѣвъ)“, „Журналистъ двадцатыхъ годовъ (Н. А. Полевой)“, „Поэзія М. Ю. Лермонтова“ и „Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество“. Но мы позволяемъ себѣ усомниться, чтобы книга г. Бороздина помогла читателю „разобраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія“. Объ этихъ существенныхъ вопросахъ всегда говорится попутно, по тому или другому случаю, причемъ сужденія автора, если они выходятъ за предѣлы шаблонныхъ взглядовъ, представляются намъ весьма неопредѣленными или даже сомнительными. Картина главныхъ направленій русской литературы въ началѣ XIX в. набросана одними легкими штрихами; въ частности сентиментализму отводится лишь нѣсколько бѣглыхъ строкъ (3—5 стр.). Посвятивъ особую статью исторіи западно-европейскаго романтизма, авторъ, въ сущности, остался при томъ опредѣленіи романтизма, какое дали ему Бѣлинскій и Ап. Григорьевъ (79, 80 стр.), и почему-то не нашелъ возможнымъ хотя бы только намѣтить особенности и ходъ развитія русскаго романтизма. Этотъ важный пробѣлъ не восполняется и послѣдующими статьями. „Новое въ поэзіи Жуковскаго, сравнительно съ карамзинскимъ сентиментализмомъ,—говоритъ г. Бороздинъ (113 стр.),—есть идеализмъ, „благодаря чему мы можемъ по справедливости называть Жуковскаго не сентименталистомъ, но романтикомъ“: „идеала не знало сентиментальное направленіе, оно только будило добрыя чувства, но не указывало цѣли, къ которой должны такіа чувства направляться“. Напоминаемъ автору его же собственные разсужденія по поводу карамзинской фразы: „вѣдь и крестьянки любить умѣютъ“ (5 стр.). Поэзія Жуковскаго, читаемъ далѣе (114 стр.), была „первымъ (?) проявленіемъ идеализма въ нашей литературѣ. Отъ этого идеализма происходитъ (?) и тотъ, который выражается въ стремленіяхъ Рылѣва, Бестужева, Кюхельбекера, молодого Пушкина“. Какъ и слѣдуетъ ожидать, г. Бороздинъ совершенно не подтверждаетъ этой сомнительной генеалогіи, когда специально разсматриваетъ творчество Рылѣва и молодого Пушкина. Но не подлежитъ сомнѣнію, что декабристамъ также былъ свойственъ своего рода идеализмъ. Такъ какъ затѣмъ авторъ справедливо приписываетъ элементъ идеализма и русскому реализму (120—1 стр.), то вопросъ о сущности русскаго романтизма такъ и остается открытымъ. Трудно согласиться и съ выводомъ, который г. Бороздинъ дѣлаетъ изъ историческаго очерка русскаго реализма, будто „реалистическому направленію предстояла важная задача сліянія по формамъ съ народностью и отысканія въ жизни *положительнаго* содержанія“ (124), такъ что Крыловъ съ этой точки зрѣнія „прими-

каеть къ старому направленію русскаго реализма“, а Грибоѣдовъ, создавшій „жизненный типъ положительнаго дѣятеля въ лицѣ Чапскаго“, относится къ новому періоду настоящаго реализма (132). Подобная квалифікація отдѣльных моментовъ въ исторіи русскаго реализма, по нашему мнѣнію, совершенно произвольна: можно какъ угодно низко оцѣнивать художественное значеніе положительныхъ типовъ въ драмѣ XVIII в., но нельзя безъ дальнѣйшихъ оговорокъ утверждать, что „ихъ не было въ дѣйствительной жизни“, что „они являлись чистѣйшей фикціей“ (138); если для г. Бороздина недостаточно вполне историческаго факта сильнаго идейнаго возбужденія русскаго общества въ XVIII в., то біографіи многихъ дѣятелей этой эпохи положительно удостовѣряютъ существованіе Стародумовъ, Правдиныхъ и т. п. личностей. Наконецъ, принявши опредѣленіе г. Бороздина, мы должны будемъ сказать, что Гоголь (до появленія II т. „Мертвыхъ душъ“), Щедринъ и вообще сатирики еще пребываютъ въ старомъ фазисѣ реализма. Было бы ближе къ истинѣ не раздваивать понятія о реализмѣ, а отчетливѣе подчеркнуть ту мысль, что реализмъ, какъ необходимый элементъ творчества, въ разныхъ формахъ наблюдается рѣшительно во всѣ періоды нашей исторіи литературы.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ частностяхъ, хотя и тутъ кое-что вызываетъ на возраженія (между прочимъ, взгляды, основанные на идеяхъ Достоевскаго, къ которому г. Бороздинъ относится почти безъ всякой критики)*).

Отдавая должное простотѣ и ясности изложенія г. Бороздина, мы полагаемъ, что его „Литературныя характеристики“ принесутъ свою долю пользы любителямъ литературы, но что „обстоятельная строго научная исторія нашей литературы XIX в.“ не стала болѣе разработанной съ появленіемъ на свѣтъ его книги.

П. Сакунинъ.

Анна Столповская. Проявленія упадка во Франціи (по національнымъ источникамъ). М., 1903 г. Ц. 1 руб.

Вопросъ, затронутый въ книгѣ г-жи Столповской, представляетъ несомнѣнный интересъ. Онъ неоднократно разсматривался въ специальныхъ изслѣдованіяхъ французскихъ авторовъ и отразился отчасти во французской беллетристикѣ, по крайней мѣрѣ, въ произведеніяхъ болѣе отзывчивыхъ и наблюдательныхъ романистовъ. Анализъ этого вопроса требуетъ, однако, большой осторожности и осмотрительности, такъ какъ въ противномъ случаѣ легко можно впасть въ крайности и преувеличенія, нарисовать слишкомъ мрачную картину. Г-жа Столповская указываетъ еще въ самомъ заглавіи своей книги на то, что она писала по національнымъ источникамъ; дѣйствительно, въ основѣ ея работы лежатъ изслѣдованія Фулье („Психологія французскаго народа“), Лепье („Общественная реформа во Франціи“), Левассера. Но странно видѣть, на ряду съ этимъ, въ спискѣ источниковъ „Полу-дѣвѣ“ Марселя Прево, „Наше сердце“ Мопассана. Конечно, беллетристическія произведенія могутъ сослужить въ этомъ случаѣ хорошую службу, но тогда нужно брать наиболѣе сильныя, глубокія и разностороннія вещи. Авторъ цитируетъ, между прочимъ, и „Парижъ“ Золя,—и это, конечно, весьма цѣнный и важный источникъ; но трудно догадаться, почему, описывая, по Фулье, ужасающее уменьшеніе населенія Франціи, г-жа Столповская не пользуется „Плодородіемъ“, т.-е. романомъ, всецѣло посвященнымъ этому вопросу. Затѣмъ, разъ идетъ вообще рѣчь о беллетристикѣ, какъ отраженіи жизни, у многихъ другихъ французскихъ авторовъ, вродѣ Рони, Анат. Франса, Рода, Вандерема, Эрвьѣ, Бурже, можно найти гораздо болѣе интересныхъ данныхъ, чѣмъ, напримѣръ, въ „Нашемъ сердцѣ“, содержаніе котораго подробно рассказываетъ г-жей Столповской. Странно также произносить окончательный приговоръ надъ современными французскими женщинами и молодыми дѣвушками, основываясь на „Полу-дѣвахъ“, тогда какъ самъ Прево создалъ съ тѣхъ поръ два романа, носящихъ общее заглавіе „Сильныя дѣвы“, и, помимо этого, у братьевъ Маргериттъ, Рони, Жюля Буа, Вандерема, Доннви - Декава, Эрвьѣ достаточно ярко обрисованы характерныя черты новыхъ женщинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ традиционнымъ типомъ.

Въ книгѣ г-жи Столповской, на ряду съ вполне вѣрными и обоснованными

*) Отмѣтимъ странную олошность: вмѣсто портрета Дельвига, данъ портретъ Грибоѣдова съ подписью: „Баронъ А. А. Дельвигъ“.

взглядами, вообще попадаются мѣстами нѣсколько поспѣшныя обобщенія, которыя могутъ неприятно поразить болѣе спокойнаго и безпристрастнаго читателя. Вотъ, напримѣръ, характеристика французскаго свѣтскаго общества (вслѣдъ за подробнымъ изложениемъ содержания „Notre soeur“): „Таковы парижскіе нравы! Свѣтскіе люди во Франціи, очевидно, утратили способность къ нормальному чувству въ половой привязанности; вмѣсто идеально высокаго, здороваго и сложнаго по своимъ ощущеніямъ чувства любви у цивилизованныхъ націй, гдѣ въ видѣ составныхъ элементовъ есть и уваженіе, и дружба, вмѣстѣ съ страстной, глубокой привязанностью къ дорожному существу, вмѣсто любви, которая дѣлаетъ людей счастливыми, усиливаетъ жизненную энергію въ ихъ дѣятельности и даже облагораживаетъ челоѣка,—французскіе романисты большей частью изображаютъ только сравнительно ничтожныя, низменныя, пошлыя чувственныя прихоти, способныя производить терзанія половой страсти“. Такіе огульныя приговоры, высказываемые столь рѣшительно, представляютъ собой безусловно нежелательное явленіе, хотя бы въ основѣ ихъ и лежала доля правды; именно благодаря имъ у насъ все еще держится въ большой публикѣ поверхностное и шаблонное отношеніе къ французской словесности нашихъ дней, въ которой мы упорно не хотимъ, напримѣръ, видѣть идейнаго и гуманитарнаго элемента (оставляніе женской эмансипаціи, борьба съ дурнымъ воспитаніемъ, защита животныхъ отъ дурнаго обращенія, отголоски соціальнаго вопроса и т. п.). Столь же категорически высказывается въ другомъ случаѣ г-же Столповской слѣдующее утвержденіе: „Приданое жены и надежда на хорошее наслѣдство послѣ смерти богатыхъ родителей составляютъ предметъ хвастовства и возбуждаютъ даже общественное уваженіе,—во Франціи не стыдятся хвастаться и близостью смерти родителей“. Неужели только въ одной Франціи возможны такія печальныя и гадкія явленія?

Нѣкоторые взгляды высказываются, наоборотъ, г-же Столповской съ такимъ осторожнымъ оговорками, въ такой предположительной или гадательной формѣ, что невольно приходитъ въ голову мысль: не лучше ли было бы провѣрить первоначально эти утвержденія или же не высказывать ихъ вовсе? Вотъ двѣ три примѣра. „Взаимное раздраженіе между полами нерѣдко встрѣчается во французскихъ романахъ: мужчины и женщины, *кажется*, разочаровались другъ въ другъ во Франціи“. Итакъ, по свидѣтельству національныхъ писателей, французская дѣятельность, очевидно, переполнена дурными элементами. Соотвѣтственный этой средѣ качества, естественно, проявляются до нѣкоторой степени и французская демократія. *Говорятъ*, что непріязненные отзывы о ней можно встрѣтить у представителей всѣхъ направленій французской литературы, одинаково аристократическаго и демократическаго оттѣнковъ“. „Во Франціи, *кажется*, уже слишкомъ много непоправимыхъ ошибокъ“...

Характеризуя признаки упадка и вырожденія во французской жизни, авторъ касается и современной французской поэзіи, съ ея новыми теченіями, которыя здѣсь обозначаются общимъ названіемъ *декадентства*. Нужно сознаться, что въ этой характеристикѣ опять слишкомъ много огульнаго, поспѣшнаго, отчасти—односторонняго. Можно отнюдь не быть сторонникомъ новыхъ теченій—и все же дѣлать извѣстный выборъ и различіе между ихъ отдѣльными представителями; у каждаго изъ поэтовъ нашихъ дней столько личнаго, индивидуальнаго, своеобразнаго, что разсматривать ихъ всѣхъ, какъ извѣстную, сплоченную школу, пытаться дать ихъ общую характеристику, по меньшей мѣрѣ рискованно; неужели ко всѣмъ представителямъ современной французской поэзіи подходитъ утвержденіе г-жи Столповской, будто подъ влияніемъ декадентскихъ сочиненій „люди признаютъ необходимость зла, доходятъ до идеала скотской жизни, отрицаютъ разумъ, всякую вѣру въ добродѣтель, проявляютъ дикіе вкусы, хвастаются своимъ цинизмомъ и распространяють мрачную апатію“? Слѣдовало также точнѣе обозначить, кого имѣеть въ виду авторъ, заявляя, что „декадентство по-мрачаетъ ясность мысли мистическимъ туманомъ чудовищной фантазіи и возстановленіемъ грубой формы средневѣковаго суевѣрія, съ его культомъ сатаны, способствующимъ разврату, демонизмомъ и пр.“. Здѣсь, конечно, прежде всего имѣется въ виду „La-bas“ Гюисманса; но едва ли можно произносить общій приговоръ на основаніи единичныхъ примѣровъ.

Наиболѣе симпатичное впечатлѣніе производить въ книгѣ г-жи Столповской тѣ страницы, которыя посвящены Эмилю Золя, какъ общественному дѣятелю, защитнику Дрейфуса, противнику милитаризма и реакціи. Странно только видѣть въ сочиненіи, вышедшемъ весной 1903 года, слѣдующія строки, относящіяся къ

покойному романисту: „Эмиль Золя послѣ дѣла Дрейфуса убѣдился, что у французовъ въ настоящее время затѣнено чувство правды и справедливости, поэтому онъ *думаетъ* писать по поводу реформы воспитанія народа новый романъ подъ заглавіемъ „Истина или Добродѣтель“ (?); книга эта, какъ говорятъ, будетъ раздѣлена на двѣ части; въ одной предполагается разобрать современное среднее образование во Франціи и его печальные результаты; въ другой изобразится фиктивное общество и то воспитаніе, какое желаетъ видѣть Золя во Франціи“. Цѣну книги г-жи Столповской, которая можетъ все же представить интересъ для средняго читателя,—рубль за 155 страницъ,—слѣдуетъ признать довольно высокой.

Ю. Веселовскій.

Александръ Нечаевъ. Очеркъ психологій для воспитателей и учителей. Часть первая. Процессы умственной жизни. Спб. 1903 г. Стр. 187. Ц. 1 р.

Авторъ настоящаго очерка психологій извѣстенъ тѣмъ, что энергично и умѣло защищалъ въ нашей литературѣ экспериментальную педагогику и продолжаетъ работать надъ примѣненіемъ выводовъ экспериментальной психологій къ рациональному обоснованію воспитанія и обученія. Первый трудъ его и былъ посвященъ „современной экспериментальной психологій въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія“. Своимъ новымъ сочиненіемъ, которое въ нѣкоторыхъ частяхъ совпадаетъ по содержанію съ первымъ, г. Нечаевъ хочетъ „облегчить читателю трудный переходъ отъ дилетантской любознательности къ методическому изученію, дать книгу, которая могла бы служить для нашихъ педагоговъ введеніемъ къ основательному знакомству съ современной психологіей“. Въ первомъ выпускѣ, посвященномъ процессамъ умственной жизни, послѣ бѣлаго историческаго обзора сообщаются краткія свѣдѣнія объ ощущеніи, воспріятіи, памяти, вниманіи, обобщеніи, сужденіи, умозаключеніи. Авторъ избѣгалъ разсужденій чисто-методологическаго характера, говоря его словами, и старался касаться преимущественно такихъ вопросовъ, съ которыми приходится сталкиваться учителю въ педагогической практикѣ. Такъ какъ интересъ автора двоялся между изложеніемъ теоретической психологій и начертаніемъ практическихъ указаній для руководства въ педагогическомъ дѣлѣ, то задача, поставленная имъ, данъ „введеніе къ основательному знакомству съ современной психологіей“, не совсѣмъ выполнена, по нашему мнѣнію. Именно, желательно было бы видѣть болѣе подробную и отчетливую формулировку руководящихъ точекъ зрѣнія и принциповъ современной психологій, глубже выникнуть въ теоретическія основы процессовъ умственной жизни, выяснить мѣсто, занимаемое ими въ общемъ душевномъ обиходѣ, и внести большую систематичность въ изложеніе. Что касается экскурсовъ автора въ область педагогической практики, то они могли бы имѣть законное мѣсто въ такомъ очеркѣ, если бы преслѣдовали цѣль нагляднаго разъясненія отвлеченныхъ формулъ теоретической психологій; вмѣсто этого авторъ занимается разборомъ различныхъ казусовъ въ педагогической практикѣ и не всегда умѣетъ удержаться въ границахъ нужнаго. Нѣкоторыя изъ его предписаній не только лишены теоретическаго значенія, но даже и вообще не имѣютъ прямого отношенія къ психологій умственныхъ процессовъ. Въ главѣ о вниманіи, напр., авторъ говоритъ: „однимъ изъ самыхъ законныхъ требованій гигиены вниманія является то, чтобы классное помѣщеніе хорошо провѣтривалось и ученики не голодали“. Но въ такомъ случаѣ не менѣе законнымъ требованіемъ „гигиены вниманія“ слѣдовало бы признать, чтобы въ классномъ помѣщеніи не было крысъ, чтобы оно хорошо отапливалось, а педагогическій трудъ лучше оплачивался. По поводу гигиены памяти авторъ упоминаетъ о даровыхъ завтракахъ для школьниковъ. На ряду съ этимъ въ теоретической части есть такія подробности, которыя требуютъ болѣе спеціальнаго знакомства съ психологіей. Математическое выраженіе закона Фехнера не можетъ быть доступно для пониманія того круга читателей, на который разсчитанъ настоящій очеркъ, уже потому, что оно предполагаетъ извѣстными понятія арифметической и геометрической прогрессіи, логарифма, которыя автору приходится объяснять въ примѣчаніи и которыхъ нельзя объяснить въ подстрочномъ примѣчаніи. Трудными покажутся читателю и толкованія этого закона, особенно толкованіе Вундта, которое авторъ сопровождаетъ слѣдующимъ „разъясненіемъ“: „апшерципирующее сравненіе обозначаетъ сравненіе, обнаруживающееся въ процессѣ пониманія данныхъ ощущеній“. Изъяснимымъ для краткаго очерка психологій представляется намъ описаніе аппарата для измѣре-

нія скорости течения психических процессовъ. Неравномерность распределе-
 ния матеріала особенно чувствуется въ историческомъ очеркѣ психологій. Слиш-
 комъ много мѣста удѣляется до-сократовскимъ философамъ, слишкомъ мало-
 Аристотелю, дѣйствительному основателю психологій; подробно излагаются идо-
 лы Бэкона, а имя Локка только упоминается; возникновение экспериментальной пси-
 хологіе пріурочивается къ Гербарту, и ничего не говорится о роли физиологовъ—
 J. Мюллера и Гельмгольца. Въ отрывкѣ, озаглавленномъ— „что такое психологи-
 ческій анализъ“, неожиданно дается классификація основныхъ функцийъ сознанія.
 Описавъ на стр. 130 процессъ отвлеченія и роль вниманія въ этомъ процессѣ,
 авторъ на стр. 137, въ другомъ контекстѣ, вставляетъ примѣчаніе, которое здѣсь
 неумѣстно: „сосредоточенность вниманія на нѣкоторыхъ элементахъ сложнаго
 душевнаго явленія называется отвлеченіемъ“. На стр. 141—150 предлагается кон-
 спектъ формальной логики, ничего не дающій для психологій умозаключенія, а
 психологія высшихъ логическихъ функцийъ излагается слишкомъ кратко.

Второй выпускъ „очерка“, подготовляемый къ печати, будетъ посвященъ
 основнымъ законамъ и видамъ чувствъ, развитію воли, психологій рѣчи и твор-
 чества.:

Давидъ Витторовъ.

Эдуардъ фонъ-Гартманнъ. Современная психологія. Переводъ съ нѣмецкаго
 Г. А. Котляра, подъ редакціей М. М. Филиппова. М., 1902 г. 385 стр. Цѣна
 2 р. 25 к. (Eduard von Hartmann. Die moderne Psychologie. Eine kritische
 Geschichte der deutschen Psychologie in der zweiten Hälfte des neunzehnten
 Jahrhunderts. Leipzig, 1901. S. VII+474).

Подъ современной психологіей авторъ разумѣетъ нѣмецкую психологію по-
 слѣдней половины XIX столѣтія, со времени появленія первыхъ капитальныхъ
 трудовъ Фехнера и Лотце. Въ своей интересной книгѣ онъ дѣлаетъ обзоръ
 нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ науки о душѣ, преимущественно въ тѣхъ пунк-
 тахъ, гдѣ она соприкасается съ метафизикой и куда не особенно охотно загля-
 дываютъ современные психологи. Къ числу такихъ основныхъ нервѣнныхъ
 проблемъ относятся, по его мнѣнію, слѣдующія: „во-первыхъ, значеніе и пре-
 дѣлы приложимости безсознательнаго и генетическая связь съ нимъ сознатель-
 ныхъ психическихъ явленій; во-вторыхъ, отношеніе между ощущеніемъ и чув-
 ствомъ, между чувствомъ и волей, возникновение чувства изъ представленій или
 ощущенія изъ чувства, значеніе чувства въ процессѣ мотивации и происхожденіе
 чувства изъ воли, сознательность или безсознательность воли, признаніе или отри-
 цаніе ея и, въ-третьихъ, значеніе, предѣлы приложимости и правоспособность
 психофизическаго параллелизма“. Сюда присоединяются еще три спорныхъ во-
 проса: „во-первыхъ, задача психологій; во-вторыхъ, вопросъ о томъ, достаточна
 ли ассоціація представленій сама по себѣ, или слѣдуетъ восполнить ея дѣйстви-
 я активнымъ вниманіемъ психическихъ функций, и, въ-третьихъ, смыслъ и
 процессъ образованія единства сознанія“. Въ [компактномъ и потому мѣстами
 нѣсколько трудномъ изложеніи Гартманнъ показываетъ, какъ ставили и рѣшали
 эти проблемы и давно забытые, и современные представители нѣмецкой пси-
 хологій. Въ его историческомъ обзорѣ встрѣчаются и такія, мало извѣстныя те-
 перь имена, какъ Carus, George, Fortlage, J. H. Fichte, и авторы самыхъ по-
 слѣднихъ, свѣжихъ систематическихъ курсовъ психологій, Höffler и Ebbinghaus.
 И хотя этотъ обзоръ не даетъ ни исторіи возникновенія нѣмецкой психологій,
 ни связной картины современнаго ея состоянія, онъ содержитъ однако богатый и
 цѣнный литературный матеріалъ. Въ своемъ изложеніи авторъ касается такихъ
 писателей, съ которыми не всегда приходится знакомиться даже специалистамъ и
 которые были его современниками, систематизируетъ по отдѣльнымъ проблемамъ
 взгляды современныхъ психологовъ. Главное значеніе и интересъ его книги со-
 стоятъ именно въ этомъ. Самъ авторъ, называя свой трудъ „критической исторіей
 нѣмецкой психологій“, представляетъ себѣ свою задачу въ иномъ, не совсѣмъ
 правильномъ свѣтѣ. Имя Гартманна неразрывно связано съ „Философіей безсо-
 знательнаго“; для психологій появленіе ея прошло мало замѣченнымъ, не имѣло
 особеннаго вліянія на ея развитіе; современные психологи единодушно отри-
 цаютъ безсознательное Гартманна. Безпристрастно, на всемъ протяженіи своей
 книги, констатируя этотъ фактъ, Гартманнъ склоненъ видѣть причину этого въ
 томъ, что его философія безсознательнаго компрометтирована связью съ песси-

мизмомъ, вызываетъ подозрѣніе къ себѣ, благодаря естественно-научнымъ предубѣжденіямъ, съ точки зрѣнія которыхъ она представляется „рискованнымъ порожденіемъ ненаучнаго фантазерства“, грозитъ нѣкоторымъ этическимъ и теологическимъ убѣжденіямъ, а въ послѣднее время начинаетъ забываться. Вслѣдствіе боязни бессознательнаго, современная психологія, по мнѣнію автора, обрекла себя на безплодіе, подрѣзала свой жизненный нервъ, и если она хочетъ выбраться изъ того тупика, въ которомъ топчется въ настоящее время, ей не остается ничего иного, какъ принять услуги бессознательнаго. Такая односторонняя и слишкомъ субъективная точка зрѣнія рождаетъ цѣнность критической стороны его книги, отражается отчасти на самомъ изложеніи чужихъ взглядовъ, такъ какъ автора занимаетъ прежде всего вопросъ, насколько тотъ или другой психологъ уклоняется отъ „философіи бессознательнаго“. Но боязнь бессознательнаго, распространяемая среди современныхъ психологовъ, оправдывается болѣе объективными соображеніями, чѣмъ думаетъ Гартманъ. Его бессознательное отличается, по общему признанію, двумя особенностями: неопредѣленностью и вездѣсущіемъ; въ его бессознательномъ слиты идеи Платона съ третьимъ родомъ познанія Спинозы, сверхчеловѣческое интеллектуальное воззрѣніе Канта—съ волей Шопенгауэра, вѣчно бессознательное Шеллинга—съ логическимъ самоопредѣленіемъ Гегеля; психологически-бессознательное граничитъ у него съ матеріализмомъ; онъ держитъ всегда наготовѣ свое бессознательное, чтобы въ трудную минуту воспользоваться этимъ магическимъ, все объясняющимъ средствомъ. По подсчету Гартманна въ „балансѣ современной психологіи“ минусъ оказывается значительно больше плюса, и быть можетъ многіе, скептически настроенные противъ современной психологіи, согласятся съ его выводомъ: но и „философія бессознательнаго“ беретъ на себя слишкомъ много, обѣщая покрыть этотъ дефицитъ.

Переводъ г. Котляра совершенно неудовлетворителенъ; имъ можно пользоваться, только имѣя подъ руками подлинникъ и умѣя разобраться въ немъ. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ ошибокъ, такъ какъ ихъ очень много: на первыхъ 200 страницахъ мы отмѣтили до 40 крупныхъ ошибокъ, не считая мелкихъ. Но для того, чтобы наше обвиненіе не осталось голословнымъ, укажемъ главные типы ошибокъ, свойственныхъ плохимъ переводамъ вообще, и собранные въ переводѣ г. Котляра воедино.

Ошибки отъ незнанія нѣмецкаго языка: *hinzugedacht* (примышляются) переведено „примѣняются“ (стр. 22), *erzeugend* (производящій) — „сознающій“ (стр. 23), *Wiederholungskursus* (повторительный курсъ) — „повторный кругъ“ (стр. 27), *Leistung* (выполненіе) — „откровеніе“ (стр. 33), *selbstständig* (самостоятельный) — „постоянный“ (стр. 54), *Abfolge* (смѣна) — „результаты“ (стр. 168), *d. Uebersetzung von Perception* (переводъ слова перцепція) — „превращеніе воспріятія“ (стр. 167), *fingiert* (воображаемый) — „функционирующій“ (стр. 357) и т. д. Ошибки отъ незнакомства съ психологіей и философій: *seelische Gebilde* (психическое образованіе) — „душевное волненіе“ (стр. 14), *d. Innenwerden* (воспринимать) — „обращеніе во внутрь“ (стр. 80), *Blickpunkt* (фиксационная точка) — „пунктъ созерцанія“ (стр. 94), *Nachempfindung* (послѣдовательный образъ) — „остаточное ощущеніе“ (стр. 117); болѣе сложныя ошибки того же рода, которыхъ мы не можемъ воспроизвести здѣсь, встрѣчаются на стр. 18, 19, 37, 49, 68, 67 и т. д. Ошибки отъ небрежности: „органы ощущеній“ вмѣсто „очаги ощущеній“ (стр. 72), „психическому“ вмѣсто „физическому“ (стр. 107), „роды“ — „ряды“ (стр. 113), „сходства“ — „момента“ (стр. 128), „химическіе“ — „эмпирическіе“ (стр. 147), „функція“ — „фикція“ (стр. 235) и т. д.

Давидъ Викторовъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова“.

1) Икономовъ, В. Ѡ. „Наканунъ реформъ Петра Великаго“. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. („Библиотека для самообразованія“). Изд. *т-ства И. Д. Сытина*. М., 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

2) „Отчетъ ярославской общественной городской Пушкинской бібліотеки за 1901 и 1902 гг.“ Ярославль, 1903 г.

3) Мельшинъ, Л. „Въ мірѣ отверженныхъ“. Записки бывшаго каторжника“. Т. I и II. Изд. ред. журнала „Русское Богатство“. Спб., 1903 г. Цѣна за оба тома 3 р.

4) Зомбартъ, Вернеръ. „Современный капитализмъ“. I т., I вып. Генезисъ капитализма. Перев. съ нѣм. подъ редакціей С. Н. Эверлима съ предисловіемъ проф. А. А. Мануилова. Изд. Д. С. Горшкова. М., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

5) Лацарусъ, Ш. „Этика юдаизма“. Перев. съ нѣм. И. К. Брусиловскаго и Г. Л. Полинковскаго, подъ ред. М. Г. Морулиса и Я. Л. Сакера, съ приложеніемъ статьи о М. Лацарусѣ А. Г. Горнфельда. Изд. одесск. отдѣленія общества распротр. просвѣщенія между евреями въ Россіи. Одесса, 1903 года. Ц. 1 р. 50 к.

6) Нечаевъ, Н. Ѳ. „Основные законы чувствъ“. М. 1903. Ц. 25 к.

Въ текущемъ году въ Москвѣ издается
популярно-научный иллюстрированный журналъ

Научное Слово

Программа журнала: I. Отдѣлъ естествознанія (статьи по вопросамъ астрономіи, физики, геологіи, ботаники, зоологіи, географіи и др.). II. Отдѣлъ историческій (статьи по вопросамъ исторіи, литературы и искусства). III. Отдѣлъ общественно-юридическій (статьи по вопросамъ социологіи, политической экономіи, статистики, философіи права и юриспруденціи). IV. Отдѣлъ философскій (статьи по вопросамъ философіи, психологіи, логики и педагогикѣ). V. Научная хроника по всѣмъ отдѣламъ. VI. Извлеченія изъ протоколовъ ученыхъ обществъ, состоящихъ при Московскомъ университетѣ. VII. Библиографія. VIII. Объявленія.

Предполагаются статьи слѣдующихъ авторовъ: *проф. Д. Н. Анучина, А. П. Басистова, прив.-доц. М. М. Бюловскаго, проф. С. Н. Булакова, проф. В. И. Вернадскаго, акад. А. Н. Веселовскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, Д. В. Викторова, проф. П. Г. Виноградова, проф. Р. Ю. Виттера, М. О. Гершенсона, проф. В. И. Герге, прив.-доц. М. И. Голеница, проф. Д. А. Гольдгаммера, Ю. В. Готье, проф. И. М. Гресса, проф. В. Е. Дена, прив.-доц. В. Я. Жельнова, проф. Н. Д. Землинскаго, прив.-доц. Н. П. Кастерина, прив.-доц. А. А. Кызветтера, проф. В. О. Ключевскаго, проф. Н. П. Кондакова, акад. Ф. Е. Корша, проф. Э. Е. Лейста, проф. Л. М. Лопатина, проф. М. Кн. Любавскаго, проф. А. А. Мануилова, проф. М. А. Мезьбира, проф. И. И. Мечникова, проф. В. А. Мухоморова, С. П. Моравскаго, В. М. Нечаева, проф. П. И. Новородица, проф. А. П. Павлова, проф. Д. М. Петрушевскаго, М. Н. Покровскаго, прив.-доц. Г. К. Рахманова, прив.-доц. Н. А. Рожкова, прив.-доц. Н. И. Романова, А. Н. Савина, прив.-доц. П. Н. Сакулма, прив.-доц. А. Ф. Самойлова, В. Д. Соколова, проф. Н. И. Сторожженко, проф. И. М. Сычкова, проф. К. А. Тимирязева, проф. кн. С. Н. Трубецкого, проф. Н. А. Умова, прив.-доц. С. Ф. Фортунатова, проф. В. М. Хвостова, прив.-доц. П. Д. Хрущова, проф. В. К. Цераскаго, проф. В. Я. Цыгера, прив.-доц. А. В. Цыгера, М. Н. Шатерникова, прив.-доц. П. К. Штернберга, акад. И. И. Янжула.* Изъявляя согласіе на участіе также многіе другіе профессора и приватъ-доценты Московскаго университета.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 7 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 3 р. Для учащихъ годовая цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (Водовиженна, Ваганьковскій пер., д. Кузанина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногородныхъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. **Г. К. Рахмановъ**. Редакторъ проф. **Н. А. Умовъ**.

1988

7

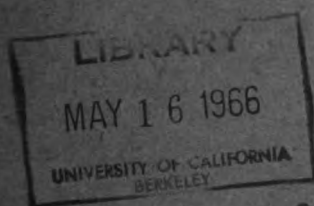

Книга VIII.

1903 г.

448/8 046

Научное Слово.

Москва.

Книга VIII.

1903 г.

Научное Слово.

Москва.

Дозволено цензурою. Москва, 22 сентября 1903 года.

ТИПО-ЛИТЪ ТЪ И. Н. КУШНЕРОВА ВЪ МОСКВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПРОЦЕССЫ ЖИЗНИ ВЪ МЕРТВОЙ ПРИРОДѢ. (<i>Окончаніе.</i>) Проф. Д. А. Гольдгаммера	5
II. ЭТЮДЫ О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА. (<i>Продолженіе.</i>) Проф. И. И. Мечникова	31
III. ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗВИТІЕ МИНИСТЕРСКАГО НАЧАЛА ВЪ РОССІИ. В. И. Сыромятникова	59
IV. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ (Грановскій, Герценъ, Огаревъ). М. О. Гершензона	75
V. ИСТОРИЯ АНГЛИСКАГО БЮДЖЕТА И СОВРЕМЕННАЯ ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ. (<i>Окончаніе.</i>) П. П. Гензеля	96
VI. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ („Новое открытіе въ области радиоактивныхъ явленій“. У.—„Двѣ диссерта- ціи“.—„Радій, какъ источникъ генія“. Ю. Ф. Семенова.—„Невиди- мые микробы“. Л. А. Чугаева.—„Новости пушкинской литературы“. В. В. Каллаша.—„Природа и государство“. В. М. Хвостова).	127
VII. БИБЛОГРАФІЯ (В. Ф. Икономовъ: „Наканунъ реформъ Петра Ве- ликаго“. М. М. Богословскаго. — К. Байе: „Исторія искусствъ“. О. И. Рудченко.—„Горе отъ ума“ (въ грузинскомъ переводѣ). А. С. Хаханова.—А. Риль: „Введеніе въ современную философію“. Д. В. Викторова)	148

Процессы жизни въ мертвой природѣ *).

VI.

Питаніе и размноженіе въ „мертвой“ природѣ.

Процессы *питанія*, въ общемъ смыслѣ этого слова, а затѣмъ процессы обновленія и размноженія *живого*, представляются намъ, какъ извѣстно, наиболѣе таинственными, наиболѣе трудно понятными. Но трудность здѣсь лежитъ не тамъ, гдѣ ея ищутъ виталисты.

Мы не знаемъ *химіи* живой плазмы, вотъ въ чемъ затрудненіе, но затрудненіе, конечно, временное и преходящее. Вотъ почему мы не можемъ въ области химіи мертвыхъ веществъ подобрать много явленій, которыя такъ бы близко походили на явленія жизни, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ вышеописаннымъ физическимъ явленіямъ. Тѣмъ не менѣе кое-что есть и здѣсь, и одинъ такой примѣръ мы уже видѣли въ явленіяхъ катализа, вызываемыхъ неорганизованными ферментами.

Мы смотрѣли въ предыдущей главѣ глазами біолога на нѣкоторыя *физическія* явленія; попробуемъ теперь тоже глазами біолога взглянуть на нѣкоторыя *химическія* явленія.

Понятно, и здѣсь нашъ интересъ прежде всего долженъ быть обращенъ на химическія явленія въ клѣткѣ, въ одноклѣточныхъ организмахъ простѣйшаго типа—амѣбахъ, бактеріяхъ и т. д. Какъ ни сложны высшія растенія и животныя, все же мы знаемъ, что «центръ» жизни ихъ въ клѣткѣ, въ ея ядрѣ.

Мы видѣли, что движенія, приѣмъ пищи и т. п. у такихъ свободно живущихъ клѣтокъ, какъ амѣбы, суть чисто-физическія явленія, можетъ быть, намъ иногда не совершенно ясныя пока въ де-

*) „Научное Слово“ 1903 г., кн. VII.

таляхъ, но во всякомъ случаѣ не представляющія собой чего-то «жизненнаго» въ смыслѣ витализма.

Таинственнымъ представляется зато процессъ претворенія поступившихъ тѣмъ или инымъ путемъ въ плазму жидкихъ, твердыхъ и газообразныхъ тѣлъ въ то же вещество плазмы, т.-е. процессъ *питанія* въ общемъ смыслѣ этого слова, т.-е. процессъ *ассимиляціи*. Правда, въ организмахъ идетъ одновременно и процессъ распада, *диссимиляція*, но если насъ не будетъ ослѣплять сложность этихъ процессовъ, мы должны сказать, что все дѣло сводится къ одному: къ химическому процессу созиданія плазмы.

Какія химическія вещества вступаютъ въ реакцію въ живомъ организмѣ, принципиально безразлично. Вѣдь замѣтилъ же когда-то Helmholtz по поводу сахара, жировъ и крахмала, идущихъ главнымъ образомъ на «отопленіе» человѣческаго организма, что ихъ можно бы было замѣнить «и каменнымъ углемъ, если бы послѣдній былъ растворимъ».

Точно также въ обыденной жизни мы понимаемъ горѣніе, какъ химическій процессъ соединенія нѣкотораго вещества съ кислородомъ, сопровождающійся выдѣленіемъ тепла; однако, въ химіи извѣстно подобныхъ процессовъ очень много, гдѣ суть дѣла остается та же, а кислородъ вовсе въ реакціи не участвуетъ: такъ, напримеръ, мѣдь загорается въ хлорѣ.

Поэтому и химическіе процессы въ плазмѣ не представляютъ собой какой-то особенной, таинственной химіи—и это тѣмъ болѣе, что процессы, о которыхъ идетъ рѣчь, бываютъ крайне разнообразны.

Есть живыя существа, бактеріи, которыя дышатъ не только кислородомъ, находящимся свободно въ воздухѣ, но и «сахаромъ», и иными веществами, т.-е. отнимаютъ нужный имъ кислородъ отъ окружающей бактеріи среды. Есть даже и такія бактеріи, которыхъ кислородъ убиваетъ: онѣ могутъ «дышать» только *соединеннымъ* кислородомъ.

Долгое время было извѣстно особое свойство зеленыхъ растений питаться углеродомъ, ассимилируя углекислоту при помощи хлорофилла; думали даже, что этотъ процессъ связанъ съ жизнью клѣтки. Теперь мы знаемъ, что хлорофиллъ выполняетъ тотъ же процессъ разложенія углекислоты и безъ помощи всякой клѣтки, въ стеклянныхъ сосудахъ (А. А. Колли). Мало того, найдены бактеріи, которыя точно также питаются углеродомъ. Далѣе, есть бактеріи въ сѣрнистыхъ водахъ, содержащихъ сѣроводородный газъ; бактеріи окисляютъ этотъ газъ въ сѣру и сѣрную кислоту. Есть другія бактеріи, живущія въ желѣзистыхъ водахъ и окисляющія закись азота

въ окись; есть даже микробы, живущіе въ атмосферѣ чистаго азота (С. Н. Виноградскій).

Такимъ образомъ, интересующіе насъ процессы по существу сводятся къ способности организмовъ вступать въ химическія реакціи того или иного типа, съ тѣми или иными веществами. Это прежде всего. Но вѣдь такими процессами полна вся химія и весь неорганическій міръ!

Въ 1888 г. Spring сдѣлалъ такой опытъ: въ запаянной стеклянной трубкѣ находились сулема и мѣдь въ порошокѣ—то и другое въ сухомъ видѣ; въ другой такой же трубочкѣ, и тоже въ сухомъ видѣ, были взяты азотнокислый калий и уксуснокислый натрій. Мы не будемъ касаться вопроса о томъ, были ли эти вещества абсолютно сухи, или въ нихъ все же было немного влаги. Намъ интересно лишь то, что черезъ нѣсколько времени въ первой трубкѣ получилось: каломель и хлористая мѣдь, а во второй—уксуснокислый калий и азотнокислый натрій. Почему мы не можемъ здѣсь сказать, что мѣдь питается или дышитъ хлоромъ, калий—уксусной кислотой и т. п.? Очевидно, только потому, что въ результатѣ этихъ реакцій получилось не то вещество, какое было въ началѣ, и если бы мѣдь, усвоивъ себѣ хлоръ, путемъ иныхъ послѣдующихъ химическихъ реакцій снова стала бы мѣдью и притомъ съ увеличенной массой, мы бы, конечно, съ біологической точки зрѣнія могли сказать, что мѣдь питается и растетъ, какъ растетъ плазма.

Но не знаемъ ли мы такого рода процессовъ въ неорганической природѣ?

Представимъ себѣ каплю воды, держащуюся тяжестью на днѣ сосуда съ какою-нибудь жидкостью, не смѣшивающеюся съ водой; эту жидкость мы для краткости назовемъ «масломъ». Пусть это «масло» способно поглощать въ небольшомъ количествѣ смѣсь водорода и кислорода — гремучій газъ, какъ вода поглощаетъ смѣсь азота, кислорода и другихъ газовъ, называемую воздухомъ. Пусть далѣе этотъ гремучій газъ составляетъ, вмѣсто воздуха, «атмосферу» того помѣщенія, гдѣ производится опытъ. Допустимъ, наконецъ, что въ нашей каплѣ воды взвѣшены частички коллоидальной платины. Что теперь будетъ?

Поглощенные «масломъ» газы будутъ диффундировать черезъ «масло» къ водѣ, въ видѣ пузырьковъ собираться на границѣ «масло» - вода и частью проникать въ воду, гдѣ коллоидальная платина, не измѣнившись сама, соединитъ оба газа въ воду, такъ что масса водяной капли увеличится.

Почему мы не можемъ здѣсь сказать, что наша капля питается и растетъ? Развѣ вода не будетъ здѣсь подобна плазмѣ амѣбы, а

коллоидальная платина ея ядру? Когда капля станетъ достаточно большой, она раздѣлится на части, размножится «дѣленіемъ» и новыя капли будутъ тоже расти и размножаться. И, конечно, мы могли бы ввести въ нашъ опытъ осложненія, которыя вызывали бы движенія капли.

Въ сущности, и «масло» въ нашемъ воображаемомъ опытѣ взято только для наглядности: вѣдь каталитическое соединеніе гремучаго газа въ воду и есть какъ разъ процессъ медленнаго созиданія нѣ- котораго вещества на счетъ поглощаемыхъ этимъ же веществомъ газовъ.

Очевидно, мы могли бы построить много подобныхъ моделей, мѣняя атмосферу газовъ, мѣняя вещества капли и т. д. И если бы мы вздумали классифицировать модели по формамъ капель, по деталямъ, съ которыми совершается «размноженіе» капель, мы сдѣ- лали бы ту же ошибку, какая въ свое время имѣла мѣсто въ клас- сификаціи бактерій, когда ихъ насчитывали свыше 650 видовъ, классифицируя морфологически, вмѣсто того, чтобы помѣстить центръ тяжести въ химическіе процессы жизнедѣятельности бактерій (А. А. Колли).

Мы взяли очень простой примѣръ: тѣмъ онъ наглядне; но чѣмъ сложне будетъ химическій составъ нашей капли, тѣмъ слож- нѣе будетъ и процессъ ея «питанія», но сущность дѣла останется тою же: какъ бы ни была сложна химическая реакція, онъ все же остается тѣмъ же самымъ—реакціей. Мы предполагали наше искус- ственное ядро въ видѣ коллоидальной платины; но мы видѣли, что катализаторомъ можетъ быть *всякое* вещество. Мы можемъ себѣ представить поэтому этотъ катализаторъ такимъ веществомъ, кото- рое само будетъ точно также питаться и расти, реагируя съ тѣми же газами или иными веществами окружающей среды. Мы будемъ имѣть полную аналогію съ процессами жизни клѣтки.

Пока жизнь клѣтки была плохо извѣстна, таинственный прин- ципъ жизни помѣщали въ плазму; позже его перемѣстили изъ плазмы въ ядро, потомъ въ особыя частички ядра, хроматиновыя нити; недавно открыты въ клѣткѣ еще особыя тѣльца, централь- ныя,—вѣроятно, и до нихъ когда-нибудь дойдетъ этотъ принципъ, перебирая всѣ составныя части клѣтки, пока не доберется до ато- мовъ и молекулъ...

Далѣе, каждому веществу *A* опредѣленнаго состава, при не- измѣнныхъ внѣшнихъ условіяхъ свойственна опредѣленная форма, напримѣръ, кристаллическая, или же тѣло является жидкостью, га- зомъ и т. п. При воздѣйствіи на *A* другими веществами *B*, *C*, *D*, въ опредѣленныхъ количественныхъ отношеніяхъ, вещество *A* можетъ

совершить лишь вполне определенный ряд своих превращений, обусловленных, конечно, химическим составом вещества, а не его формой.

Живой плазмѣ, какъ химическому тѣлу, тоже соответствуетъ определенный рядъ химическихъ превращеній, весьма и весьма сложныхъ. Въ чемъ же разница? Развѣ въ томъ, что живое бѣлковое вещество въ результатѣ своихъ превращеній снова даетъ бѣлокъ, выполняетъ, такъ сказать, циклъ. Но мы видѣли, что и вода можетъ сдѣлать нѣчто вродѣ цикла; наконецъ, аналогичные процессы болѣе сложнаго характера въ химіи извѣстны. Химикъ превращаетъ карболовую кислоту (феноль) въ фенолятъ натрія; дѣйствуетъ на послѣдній углекислотой и получаетъ съ одной стороны соль салициловой кислоты, съ другой—снова феноль. Часть веществъ, испытавъ рядъ превращеній, снова сложилась въ исходное вещество—яичко, и эта тайна есть тайна химіи, а не жизни (А. А. Колли).

Уже химическіе элементы, неразложимыя пока для насъ вещества, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ могутъ имѣть нѣсколько модификацій: мы видѣли это выше, напримѣръ, на пяти модификаціяхъ сѣры. Понятно поэтому, какихъ ничтожныхъ различій въ расположеніи атомовъ и молекулъ достаточно, чтобы создать новую модификацію веществъ гораздо болѣе сложнаго состава, чѣмъ сѣра. Между тѣмъ какъ разъ такими чрезвычайно сложными соединеніями являются бѣлковыя вещества: поэтому ихъ «видовъ» должно быть чрезвычайно много. Но вѣдь такъ и есть на самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, и «виды» бактерій—это «виды» бѣлка (А. А. Колли), аналогичныя видамъ сѣры, видамъ фосфора и т. д.

Хлоръ въ смѣси съ водородомъ чувствителенъ къ свѣту: хлористыя соединенія серебра съ хлоромъ, мы знаемъ, примѣняются въ фотографіи. Сѣра мѣняетъ свои свойства на свѣту: сѣрнистыя соединенія металловъ тоже такъ или иначе чувствительны къ свѣту; одни изъ нихъ фосфоресцируютъ послѣ освѣщенія (сѣрнистый кальцій), другіе могутъ образовывать фотоэлементы и т. д. Въ этихъ и иныхъ случаяхъ вещество передало свои специфическія свойства въ той или иной формѣ веществамъ, отъ него производнымъ. Развѣ это не наследственность своего рода?

Насъ ослѣпляетъ сложность тѣхъ процессовъ, изъ которыхъ складывается жизнь человѣка и высшихъ организмовъ; на нихъ мы учимся создавать новые термины для обозначенія непонятныхъ намъ явленій, а потомъ уже и на отдѣльную клѣтку мы начинаемъ смотрѣть съ антропоморфической точки зрѣнія. И вотъ мы начинаемъ говорить о наследственныхъ свойствахъ плазмы и т. п. ве-

пахъ, забывая о томъ, что совсѣмъ аналогичными явленіями полна вся химія и что тамъ никто никогда не пытался говорить о наслѣдственности, какъ никто, конечно, не пытался говорить о наслѣдственности кристаллической формы.

Нарушимъ въ какомъ-нибудь сложномъ химическомъ соединеніи его химическій составъ, измѣнимъ физическое строеніе—тѣло станетъ инымъ. Прежде оно могло выполнять и выполняло одни физическіе и химическіе процессы, теперь можетъ выполнять иные. Такъ, феноль въ вышеприведенномъ примѣрѣ можетъ выполнять извѣстный циклъ превращеній, а при извѣстныхъ иныхъ условіяхъ температуры, давленія, онъ распадется на свои составныя части, неспособныя къ тѣмъ же превращеніямъ. Отнимемъ атмосферу гремучаго газа въ вышеописанномъ опытѣ съ каплей воды и капля перестанетъ расти и размножаться; подѣйствуемъ тѣмъ-либо химически на мѣдный купоросъ въ опытѣ Traube, и искусственныя клѣтки перестанутъ расти. Не имѣемъ ли мы права въ этихъ случаяхъ говорить о *смерти* формы, о смерти извѣстнаго химическаго соединенія?

Наша капля воды съ каталитическимъ веществомъ питается, растетъ и размножается. Мы видѣли, что при этомъ она можетъ двигаться, мѣнять свою форму: это будетъ опять «искусственная амеба», о которой была уже рѣчь выше, но амеба, у которой искусственно воспроизведены не только физическія, но и химическія явленія жизни. Которая изъ двухъ амёбъ—«плазматическая», настоящая или «водяная» (наша)—будетъ болѣе *жива*? Гдѣ здѣсь начинается, жизнь и оканчивается не-жизнь? И вѣдь про нашу водяную каплю уже нельзя сказать, что это «утка Вокансона»!..

Идея возможности созданія въ лабораторіи живой матеріи не нова; уже алхимики среднихъ вѣковъ пытались воспроизвести химическимъ путемъ въ ретортѣ ни много, ни мало, какъ прямо человѣка (*homunculus*). Кому не извѣстны легенды объ «эликсирѣ жизни», о жившемъ два раза великомъ ученомъ Раймондѣ Люлли, о живыхъ существахъ, будто бы созданныхъ искусственно Альбертомъ Великимъ? Аналогія кристалла и живого организма и во времена Goethe привлекала къ себѣ смѣлые умы, заставивъ поэта вложить въ уста Вагнера дерзкое сравненіе себя съ природой:

Und was sie sonst organisieren liess,
Das lassen wir crystallisieren...

Конечно, современный ученый не будетъ повторять опытовъ Вагнера; конечно, мы еще очень далеки отъ того, чтобы проникнуть въ загадку жизни, но тѣ факты, какіе приведены выше,

все же указывают на то, что кое-что мы знаемъ и въ этой таинственной области и что это кое-что вполне доступно пониманію при помощи законовъ физики и химіи. Мы подробно разобрали всѣ главнѣйшія проявленія жизни простѣйшихъ изъ простѣйшихъ организмовъ и нигдѣ не встрѣтились съ явленіемъ, котораго мы не могли бы воспроизвести искусственно на неорганическомъ матеріалѣ. Я говорю «могли», понимая это слово не исключительно въ смыслѣ возможности практическаго осуществленія.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что алмазъ и уголь—одинъ и тотъ же элементъ, стало несомнѣннымъ, что *можно* изъ угля сдѣлать алмазъ, хотя этого мы долго и *не умѣли*. Когда было установлено понятіе о критической температурѣ, было несомнѣнно, что мы *можемъ* обратить въ жидкость всякій газъ, но со многими мы этого долго не умѣли сдѣлать.

Такъ и здѣсь. Пусть мы пока не умѣемъ, можетъ быть, подобрать такого «масла», какое намъ надо для опыта съ «водяной», растущей, искусственной амѣбой, пусть мы пока не умѣемъ подобрать нужный катализаторъ, который намъ далъ бы искусственное, растущее и питающееся ядро, но эти опыты для насъ *возможны*—и это много, это очень много въ дѣлѣ пониманія жизни.

Но довольно этихъ примѣровъ и аналогій. Они и такъ уже вполне убѣждаютъ насъ, что мостъ надъ пропастью «жизнь-смерть», начатый съ берега смерти, хотя и далекъ еще, можетъ быть очень далекъ, до своего окончанія, но этотъ мостъ все же стоитъ на крѣпкихъ быкахъ и хотя медленно, но вѣрно его стройка подвигается все впередъ и впередъ къ берегу жизни.

Такимъ образомъ, понемногу устанавливается все яснѣе и яснѣе полная непрерывная связь между тѣмъ, что мы зовемъ *живымъ*, и тѣмъ, что мы считаемъ *не живымъ*, непрерывная связь, какая въ видѣ живой клѣтки существуетъ между бактеріей и амѣбой съ одной стороны, и человѣкомъ—съ другой, и какая во всѣхъ отношеніяхъ существуетъ между всѣми тѣлами неорганизованной природы.

Исканіе этой связи не выходитъ за предѣлы мощи естествознанія; послѣднее лишь безсильно надъ тѣмъ, что лежитъ внѣ міра явленій: оно не знаетъ ничего о началѣ матеріи. «Но,—говорилъ когда-то Virchow,—должно было быть начало жизни, потому что геологія ведетъ насъ въ такія эпохи образованія земли, когда жизнь была невозможна... А если было начало жизни, то для науки должно быть возможно и розыскать условія этого начала. Пока здѣсь большой пробѣлъ въ нашемъ знаніи. Смѣемъ ли мы заполнить его предположеніями? Конечно, ибо только при помощи

предположеній прокладываются пути изслѣдованія въ неизвѣстныхъ области»...

И естественное, *первое*, научное предположеніе, которое мы можемъ здѣсь сдѣлать, это—предположеніе объ эволюціи живого изъ неживого, живого бѣлка изъ элементовъ—водорода, азота, кислорода, сѣры. Уже многократно упоминалось выше, что живая матерія съ точки зрѣнія и химіи, и фѣзики, есть вещество неустойчивое, существующее въ очень сравнительно узкихъ границахъ измѣняемости внѣшнихъ условій, т.-е. способное лишь при извѣстныхъ условіяхъ проявлять тѣ свойства, какія мы считаемъ признакомъ жизни.

Какъ создалось такое вещество, мы не знаемъ, и не умѣемъ пока его произвести искусственно, въ лабораторіи. Но не этотъ, конечно, признакъ является характернымъ для живой матеріи: изъ громаднѣйшаго числа минераловъ, встрѣчающихся на землѣ, многіе ли мы умѣемъ нынѣ создать въ лабораторіи? Мы всѣ знаемъ, что нѣтъ, немногіе, и это просто потому, что мы не знаемъ пока тѣхъ условій, при которыхъ совершался на землѣ когда-то процессъ созиданія этихъ минераловъ изъ элементовъ. Даже болѣе того, мы встрѣчаемъ тождественныя химическія соединенія въ разной кристаллической формѣ и не всегда знаемъ, при какихъ условіяхъ опыта появилась бы одна и при какихъ другая кристаллическая форма.

Sénarmont нагрѣвалъ различныя вещества въ водѣ, находившіяся въ запаянной стеклянной трубкѣ. Внутри трубки развивалось большое давленіе вслѣдствіе испаренія воды и другихъ веществъ. Когда по охлажденіи трубку разбивали, въ ней оказывались образовавшимися химическія соединенія, которыя при той же температурѣ, но при обычномъ давленіи не образуются.

Мы кипятимъ чистую воду въ открытыхъ стеклянныхъ сосудахъ; въ запаянной трубкѣ извѣстное количество воды кипѣть не будетъ; а при температурѣ около 360° вода станетъ разѣдать стекло (критическая температура) и т. п.

Наконецъ, крайне любопытный примѣръ представляютъ явленія переохлажденія, о которыхъ уже была рѣчь выше. Глицеринъ при обыкновенныхъ условіяхъ жидокъ; его температура замерзанія—около 15° С.; между тѣмъ онъ не закристаллизовывается даже при -55° С., не кристаллизуется и сжатый до 225 атмосферъ при -20° С. и затѣмъ сразу освобожденный отъ давленія (Н. П. Слугиновъ, 1890). 84 года (1783—1867) глицеринъ былъ извѣстенъ, но лишь въ 1867 году случайно замерзъ и закристаллизовался и до сихъ поръ закристаллизовываютъ (на заводахъ) жидкій глицеринъ,

только вводя въ него кристалликъ твердаго. При «обычныхъ» условіяхъ температуры, стало быть, въ предѣлахъ отъ 15° С. до -55° С., и при «обычныхъ» условіяхъ давленія, т.-е. отъ одной до нѣсколькихъ десятковъ или, можетъ быть, сотенъ атмосферъ, глицеринъ твердый получается только изъ твердаго, совсѣмъ какъ плазма изъ плазмы, ядро изъ ядра въ живой клѣткѣ.

Однимъ изъ характерныхъ и удивительныхъ признаковъ живого организма выставляють его «способность противодѣйствовать разрушительному дѣйствию воды, солей, тепла, ферментовъ и кислорода, непрерывно проникающихъ его всюду и стремящихся привести его въ состояніе мертвой, безсильной массы» (А. Я. Данилевскій). Но это описаніе живой матеріи есть картина хаоса, и намъ представляется поразительнымъ, что этотъ хаосъ устойчивъ, что онъ «сохраняется». Однако, такой же хаосъ представляетъ собой и любое химическое вещество, потому что и его неизмѣнность есть лишь кажущееся явленіе, ибо на самомъ дѣлѣ въ веществѣ постоянно и одновременно идутъ процессы и разрушенія, и созиданія вновь.

Согласно современнымъ физико-химическимъ воззрѣніямъ, опирающимся на обильный опытный матеріалъ, всякое тѣло есть совокупность хаотически движущихся молекулъ. Прежде думали, что молекулы всѣ одинаковы, теперь мы знаемъ, что это не такъ: когда мы говоримъ о массѣ молекулы, мы говоримъ о *средней* молекулѣ. Вся масса, конечно, неизмѣнна при неизмѣнныхъ условіяхъ, отдѣльныя же молекулы обладаютъ и разными массами, и разными свойствами, онѣ даже химически не однородны. Въ водѣ есть не только молекулы воды, но и молекулы водорода, въ растворѣ есть разложенныя на свои составныя части молекулы раствореннаго вещества. Вслѣдствіе столкновеній молекулъ между собой однѣ изъ нихъ распадаются, другія соединяются; идутъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ процессы противоположнаго характера, но это не мѣшаетъ веществу какъ цѣлому обладать опредѣленными свойствами, находиться въ стаціонарномъ состояніи. Это—такъ-называемое *подвижное равновѣсіе*.

Развѣ это менѣе удивительно, чѣмъ то, что мы наблюдаемъ въ живой матеріи?

Вѣдь и наша земля, и наша луна, и всякая планета во всякій моментъ стремится сорваться со своего пути и летѣть прямолинейно и равномерно въ бездну пространства и времени, и если этого не случается, то лишь благодаря такъ-называемому *всемірному тяготѣнію*. Развѣ здѣсь тайна меньшая?

Мы взяли физическій или физико-химическій примѣръ—затвердѣванія глицерина. Но химія знаетъ чрезвычайно много случаевъ

еще болѣе странныхъ, когда, напримѣръ, тѣло A ни при какой температурѣ не соединяется съ тѣломъ B , а между тѣмъ можно получить такое соединеніе при помощи вспомогательныхъ тѣлъ C и D , дающихъ соединенія AC и BD . Тогда, если сродство C съ D достаточно сильно, мы можемъ, реагируя на AC при помощи BD , получить не только соединеніе CD , но и AB . Здѣсь это соединеніе AB происходитъ только потому, что въ моментъ распаденія AC и BD вещества находятся въ особенномъ, дѣятельномъ, «жизненномъ» состояніи, называемомъ въ химіи таинственнымъ словомъ «status nascendi».

И этотъ «status nascendi» не менѣе удивителенъ, чѣмъ явленія катализа: гремучій газъ при температурахъ въ предѣлахъ многихъ сотенъ градусовъ можетъ оставаться таковымъ вѣчно, а простое введеніе въ него кусочка губчатой платины дѣлаетъ изъ этого газа воду.

И странное дѣло! Въ примѣрѣ каталитическаго дѣйствія платины на гремучій газъ намъ дѣло болѣе или менѣе ясно: платина, какъ и иные металлы, обладаетъ свойствомъ поглощать въ себя газы, «сгущать» ихъ при этомъ, вызывая нагрѣваніе (такъ-называемое водородное огниво Doebereiner'a): это-то нагрѣваніе и позволяетъ водороду сгорать въ кислородѣ, образуя воду. Но въ иныхъ случаяхъ катализа, иными веществами, мы вовсе не знаемъ, въ чемъ суть этого дѣйствія контакта. Точно также мы не знаемъ, въ чемъ суть дѣйствія «status nascendi»: и это незнаніе, однако, не заставляетъ насъ искать въ этихъ явленіяхъ ни жизненной силы—старого, ни жизненной энергіи—новаго витализмовъ. Мы скромно сознаемся, что сути этихъ явленій не знаемъ, но ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что здѣсь нѣтъ ничего неуловимаго, что смыслъ этихъ явленій рано или поздно раскроется для насъ на почвѣ общихъ законовъ, управляющихъ матеріей. Мы не стараемся во чтобы то ни стало искать подтвержденія взгляду, что status nascendi необъяснимъ съ точки зрѣнія физики и химіи, а между тѣмъ мы именно такъ поступаемъ по отношенію къ явленіямъ жизни.

Цѣлый рядъ вышеприведенныхъ примѣровъ изъ области какъ физики, такъ и химіи обнаруживаетъ намъ до несомнѣнности ясно, что существуетъ весьма много тѣлъ, которыхъ свойства, физическія и химическія, опредѣлены когда-то бывшими особо сложившимися внѣшними обстоятельствами, каковыхъ мы теперь пока воспроизвести не умѣемъ.

Представимъ же себѣ, что нѣчто въ этомъ родѣ произошло когда-то при образованіи живой матеріи, и намъ будетъ ясно, по-

чему этотъ процессъ *зарожденія* не совершается на нашихъ глазахъ, а все живое возникаетъ лишь изъ живого.

Въ началѣ XIX вѣка казалось многимъ совершенно очевиднымъ, что нельзя приготовить искусственно органическія вещества, вырабатываемыя живыми организмами. Но вотъ въ 1828 г. Wöhler получаетъ искусственно мочевины, а лѣтъ 60 позже E. Fischer'у удается, наконецъ, произвести синтезъ винограднаго и фруктоваго сахара. Химики не умѣютъ пока еще соединить эти два сахара вмѣстѣ «съ отдѣленіемъ частицы воды» и получить такимъ образомъ настоящій, обыкновенный тростниковый или свекловичный сахаръ, но нѣчто въ этомъ родѣ уже получено, и химики не сомнѣваются, что они сумѣютъ получить синтетически не только сахаръ, но даже и крахмалъ, эту главную составную часть нашихъ ржи, пшеницы и другихъ веществъ. Вопросъ химическихъ синтезовъ — есть вопросъ времени.

Но здѣсь есть еще и другая сторона вопроса. То химическое вещество, которое мы называемъ клѣткой съ ея плазмой, ядромъ и т. п., возникло изъ элементовъ или иныхъ ихъ соединеній, безспорно, не живыхъ, при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ температуры, давленія, электрическихъ, можетъ быть, силъ и т. п. При комбинаціи этихъ внѣшнихъ условій изъ того «сырого» матеріала, какой былъ тогда на землѣ, могли возникнуть только тѣ виды живой матеріи, какія мы наблюдаемъ сейчасъ, т.-е. бѣлковыя вещества. Очевидно, мы могли бы повторить этотъ процессъ зарожденія жизни, лишь воспроизведя въ точности нужныя для этого и бывшія когда-то условія. Это, безспорно, чрезвычайно трудно, и потому со всей нашей вѣрой въ прогрессъ знанія мы не можемъ предсказать, когда это случится.

Однако, было бы совершенно невѣроятно предположить, будто при температурѣ въ предѣлахъ отъ -273° С. до $3,500^{\circ}$ и выше; въ предѣлахъ давленія отъ одной десятиллионной доли атмосферы до многихъ тысячъ атмосферъ; имѣя возможность создавать искусственныя газовыя атмосферы всевозможнаго химическаго состава и оперировать со многими сотнями и тысячами химическихъ соединеній во всѣхъ трехъ состояніяхъ вещества, мы бы не могли создать условій, нужныхъ для зарожденія *организма*, но организма иного химическаго состава, чѣмъ извѣстный намъ, организма изъ иныхъ химическихъ элементовъ, живущаго въ средахъ иного химическаго состава, при иныхъ, не нашихъ обычныхъ, условіяхъ температуры и давленія и т. д., но организма, выполняющаго всѣ функціи знакомыхъ намъ простѣйшихъ организмовъ, т.-е. питающагося, растущаго, размножающагося, умирающаго и т. д.

Словомъ, мы предполагаемъ, что та искусственная «живая» амёба изъ воды съ платиной, о которой была рѣчь выше, могла бы возникнуть при извѣстныхъ условіяхъ *сама собой*, не изъ воды непременно, а изъ иного, болѣе сложнаго матеріала, получить свой катализаторъ тоже естественнымъ путемъ и т. д.

Но вопросъ, сейчасъ затронутый, имѣетъ и другой интересъ. Конецъ XIX вѣка отмѣченъ тѣмъ любопытствомъ, какое обнаружили люди по отношенію къ жизни не только на землѣ, но и на другихъ планетахъ. Возникла проповѣдь о жизни на Марсѣ и т. п., появился цѣлый рядъ очень увлекательныхъ, фантастическихъ описаній этой жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, почему бы не быть «жизни» хоть, наприимѣръ, на Марсѣ?

Нѣтъ законовъ природы, которые дѣйствовали бы *только* на нашей землѣ: есть законы вселенной. Камень падаетъ на землю—обычное, простое явленіе; но тотъ же законъ, который регулируетъ это паденіе, регулируетъ и движеніе такъ-называемыхъ *неподвижныхъ* звѣздъ, откуда свѣтъ къ намъ доходитъ лишь черезъ много десятковъ и сотенъ лѣтъ. Свѣтъ и теплота и во вселенной такіе же, какъ у насъ на землѣ; на занесенныхъ случаемъ къ намъ «небесныхъ кометахъ»—метеоритахъ—мы находимъ то же желѣзо, что и въ нашихъ рудникахъ, въ нашихъ горахъ.

Все это было поводомъ, что въ научной литературѣ лѣтъ 30 тому назадъ было даже высказано мнѣніе, что сама жизнь на землѣ могла быть занесена съ другихъ планетъ (Helmholtz, 1871, Sir W. Thomson, нынѣ Lord Kelvin, 1871).

Дѣло въ томъ, что метеориты нерѣдко содержатъ въ себѣ признаки соединеній углерода съ водородомъ, такъ-называемыхъ углеводородовъ; но углеродъ есть характерный элементъ для состава всѣхъ органическихъ соединеній. Поэтому, если мы представимъ себѣ, что гдѣ-нибудь во вселенной когда-нибудь были такія же, или вообще подходящія условія для жизни нашей плазмы и что какія-нибудь засушенные споры остались на оторвавшемся кускѣ, который въ видѣ метеорита упалъ на землю, такой переносъ жизни намъ будетъ понятенъ.

Правда, противъ предположенія этого дѣлались возраженія (Zöllner), но они, какъ показалъ самъ Helmholtz, не неустранимы.

Большіе метеоры нагрѣваются въ нашей атмосферѣ лишь съ поверхности, оставаясь внутри холодными, даже очень холодными. Но и ранѣе, чѣмъ метеоритъ нагрѣется отъ тренія въ нашей атмосферѣ, послѣдняя *сдуетъ* съ него всякія споры. Все это, если и не вполне вѣроятно, то представляется возможнымъ.

Но оставляя даже въ сторонѣ всѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ этой гипотезы, самое *перенесеніе* вопроса о возникновеніи жизни съ земли куда-либо въ иное мѣсто является безцѣльнымъ. А какъ возникла жизнь на этой другой планетѣ нашей или иной системы?

Правда, и самое предположеніе о такомъ перенесеніи жизни возникло потому, что всѣ попытки создать искусственно организмъ изъ неживого матеріала были неудачны. Между тѣмъ очевидно одно изъ двухъ: или жизнь когда-нибудь возникла во вселенной, тогда мы должны имѣть возможность повторить этотъ процессъ, или же жизнь вѣчна, какъ и матерія (Helmholtz). То или другое суть единственно возможныя *научныя* предположенія.

Но въ какой мѣрѣ вѣроятно предположеніе Helmholtz'a и Lord'a Kelvin'a?

Всякая планета—будемъ для опредѣленности говорить лишь о нашей солнечной системѣ—всякая планета была когда-то въ расплавленно-жидкомъ состояніи и имѣла очень высокую температуру; газы и пары, окружавшіе планету въ это время, могли держаться на пей и остаться затѣмъ послѣ охлажденія или въ видѣ атмосферы, или въ видѣ разнаго рода химическихъ соединеній лишь при соблюденіи извѣстныхъ соотношеній между скоростями молекулярнаго движенія газовъ, размѣрами планетъ и величиной тяготѣнія на нихъ.

Такъ, камень, брошенный съ земли вертикально вверхъ, не вернется назадъ, а упадетъ на луну, если его начальная скорость приблизительно будетъ больше 11 км. въ секунду. Для солнца это число будетъ приблизительно около 600 и т. д. Такъ какъ, далѣе, средняя молекулярная скорость движенія у водорода при 0° С. есть 1840 т. въ секунду и водородъ остался на землѣ въ видѣ воды и иныхъ химическихъ соединеній, то значитъ никогда температура водорода не была на землѣ такъ высока, чтобы молекулярная скорость дошла до 11 кил. Эта скорость растетъ съ температурой t пропорціонально числу $273 + t$ (т.-н. *абсолютная температура*); стало быть, никогда въ атмосферѣ земли не было температуры *выше*, чѣмъ около 9400° С.

Съ другой стороны, можно утверждать съ очень большою вѣроятностью, что наивысшая температура земной атмосферы не была никогда *ниже* чого-нибудь вродѣ 4600° С., такъ какъ только при этой температурѣ всѣ химическіе элементы будутъ въ газообразномъ состояніи *). Мы имѣемъ, такимъ образомъ, крайніе пре-

*) 3500° С. мы имѣемъ приблизительно въ печи Moissan'a.

дѣлы возможнаго максимума температуры на землѣ *): не ниже 4600°C . и не выше 9400°C . Но если бы въ дѣйствительности максимальная температура была 4500°C ., то на землѣ могли бы остаться химическіе элементы съ плотностью (въ газовомъ состояніи) вдвое меньшей, чѣмъ водородъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что на землѣ *не можетъ* найтись элементъ, котораго плотность въ газовомъ состояніи была бы менѣе *половины* (по водороду).

Подобные расчеты приложимы и къ инымъ планетамъ; а такъ какъ плотности планетъ весьма разнятся между собой и отъ земли, (напримѣръ, у Марса плотность едва три четверти земной), разнятся сильно и размѣры, и величины планетнаго тяготѣнія и т. д., то приходится заключить: хотя *въ общемъ* во всей намъ доступной части вселенной встрѣчаются почти тѣ же элементы, какіе мы находимъ и у насъ на землѣ, но комбинаціи этихъ элементовъ въ разныхъ мѣстахъ вселенной—разныя.

Съ этимъ и согласно, напримѣръ, то обстоятельство, что главные составныя части метеоритовъ — желѣзо, кислородъ, кремній, алюминій и въ незначительныхъ количествахъ другіе элементы—составляютъ всего около 20 изъ 70 слишкомъ элементовъ, извѣстныхъ намъ на землѣ. На солнцѣ нѣтъ цѣлаго ряда земныхъ элементовъ, напримѣръ, такихъ у насъ распространенныхъ, какъ кремній, азотъ, фосфоръ, сѣра и т. д., а на другихъ звѣздахъ, въ ихъ атмосферахъ—снова иныя комбинаціи элементовъ, какъ это показываетъ спектръ, напримѣръ, Альдеборана.

Присутствіе воды въ жидкомъ видѣ тѣсно связано съ температурой планеты и давленіемъ на ней; такъ, на лунѣ или на Марсѣ вода могла бы быть развѣ въ видѣ льда и то при условіи, чтобы температура луны никогда не была выше 2500°C ., а Марса выше 5800°C ., что совсѣмъ мало вѣроятно. Вотъ почему на лунѣ, напримѣръ, нѣтъ атмосферы, а у большихъ планетъ онѣ очень густыя и плотныя. У Марса же есть не только атмосфера, но періодическія измѣненія величины и формы бѣлыхъ пятенъ на полюсахъ Марса указываютъ, повидимому, и на выпаденіе на Марсѣ осадковъ въ видѣ «снѣга». Точно также и у Венеры, повидимому, есть «облака» въ атмосферѣ. Составы этихъ атмосферъ и облаковъ мы не знаемъ, но никто, конечно, не станетъ утверждать, что атмосферы планетъ таковы же, какъ и наша, и облака и снѣгъ непремѣнно изъ воды. Напротивъ того, вслѣдствіе иной величины ускоренія тяжести на разныхъ планетахъ и иной температуры можно ожидать, что составъ ихъ атмосферъ—иной, чѣмъ на землѣ, что ихъ «вода»—не

*) Мы надѣемся когда-нибудь еще вернуться въ вопросамъ этого рода.

наша вода, ихъ атмосферное давленіе—не наше давленіе, а значить и химическія реакціи *на* и *въ* ихъ «почвѣ» —иныя, чѣмъ на землѣ. Но если такъ, то иныя планеты представляютъ собой именно такія, отличныя отъ земныхъ, комбинаціи внѣшнихъ условій, при которыхъ, какъ мы видѣли выше, совершенно возможна жизнь, но *жизнь не нашей плазмы*. И если на землѣ были условія въ теченіе времени, протекшаго отъ эпохи расплавленнаго состоянія ея поверхности, сдѣлавшія возможнымъ появленіе земныхъ организмовъ изъ плазмы, то, конечно, и на планетахъ иныхъ были, или есть, или у остывающихъ еще планетъ будутъ условія, при которыхъ возможно зарожденіе иныхъ организмовъ изъ иной, не земной плазмы.

Если же оказалось бы, что какая-либо планета имѣетъ нашу атмосферу, нашу воду, нашу почву, нашу температуру, то, конечно, и жизнь на ней была бы наша, земная. Но мнѣ представляется существованіе такой планеты очень мало вѣроятнымъ уже благодаря тому, что размѣры планетъ и ихъ удаленіе отъ солнца иныя, чѣмъ наши,

Итакъ, бывшая когда-то высокая температура міровыхъ тѣлъ не допускаетъ вѣчной жизни; жизнь на разныхъ небесныхъ тѣлахъ не одинакова, и ея перенесеніе съ планеты на планету очень мало вѣроятно. Стало быть жизнь на землѣ появилась самостоятельно, и мы должны быть въ состояніи когда-нибудь повторить этотъ процессъ.

Изложенныя соображенія о возможности искусственнаго созданія обычныхъ или же особыхъ организмовъ, можетъ быть, многимъ покажутся слишкомъ дерзкою мыслью. Да будутъ мнѣ въ такомъ случаѣ извиненіемъ разрѣшительныя слова нѣмецкаго поэта:

Wage du zu irren und zu träumen!

VII.

Психика матеріи.

На предшествовавшихъ страницахъ указана возможность физико-химическаго пониманія явленій жизни: но вѣдь жизнь проявляется не только въ раздражимости организмовъ, но и въ ихъ способности ощущать, не только въ питаніи и ростѣ, но и въ явленіяхъ памяти, сознанія, воли и т. п., т.-е. въ томъ, что носитъ имя *психики*.

Какъ же быть съ психикой организмовъ?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что по понятнымъ причинамъ изученіе психической дѣятельности не только посторонняго организма, но даже и человѣческаго, представляетъ крайне значитель-

ныя затрудненія. Къ тому же это изученіе стало на здоровую почву сравнительно недавно, со времени появленія новыхъ наукъ, какъ психо-физика, экспериментальная психологія и т. д., гдѣ опыты и измѣреніе заняли мѣсто апіорныхъ гаданій стараго времени.

Далѣе, мы видѣли на примѣрахъ капель разнаго рода, какъ хорошо онѣ могутъ при случаѣ симулировать проявленіе сознательной, разумной дѣятельности, которой на самомъ дѣлѣ, конечно, нѣтъ. Тѣмъ легче мы можемъ быть введены въ заблужденіе, наблюдая живые организмы. Въ этой области, болѣе чѣмъ въ другихъ физическихъ наблюденіяхъ, играетъ роль иногда такъ-называемая *личная ошибка* наблюдателя, обусловленная психическими въ немъ процессами; поэтому одно и то же явленіе двумъ одинаково добросовѣстнымъ наблюдателямъ представляется иначе. Этимъ, конечно, только и можно объяснить тѣ разногласія, какія нерѣдко встрѣчаются у разныхъ наблюдателей относительно психической дѣятельности различныхъ организмовъ. Одни совершенно убѣдительно описываютъ высокую психическую организацію, напримѣръ, муравьевъ, находя у нихъ чуть ли не принципы нашей морали, другіе столь же убѣдительно доказываютъ, что эта психика вовсе не такъ ужъ высока.

Какъ бы то ни было, спора не возбуждаетъ вопросъ о наличности психической дѣятельности въ природѣ тамъ, гдѣ есть нервная система, какъ бы слабо ни была она развита. Иначе стоитъ дѣло по отношенію къ простѣйшимъ организмамъ (Protozoa) и къ растеніямъ вообще.

Здѣсь многихъ смущаетъ именно отсутствіе нервного аппарата: такъ, напримѣръ, Bütschli, находя, что «даже снабженные сложно устроеннымъ центральнымъ нервнымъ аппаратомъ многоклеточныя Metazoa часто проявляютъ ничтожные признаки самосознанія, не допускаетъ возможности проявленія чего-либо подобнаго въ простой клеткѣ Protozoa».

Наоборотъ, А. С. Фаминцынъ находитъ, что одноклеточныя рѣсничныя инфузоріи обнаруживаютъ «съ достаточной непреклонностью присутствіе психическаго элемента, зачатки сознанія, дѣлающаго возможнымъ инфузоріямъ ориентироваться въ окружающей средѣ и достигать удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей».

В. М. Бехтеревъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что отсутствіе нервной системы ничего не доказываетъ: «вѣдь отсутствіе мышечной системы у тѣхъ же животныхъ не даетъ возможности отрицать у нихъ способности движенія, а отсутствіе желудка развѣ можетъ говорить у нихъ за отсутствіе пищеваренія, когда прямыя наблюденія говорятъ совершенно другое?»

Намъ именно кажется, что никакими морфологическими соображеніями нельзя ни доказать, ни опровергнуть наличность психики или ея степень. Поэтому вполне возможно, и, можетъ быть, даже вѣроятно, что степени развитія психики далеко не всегда совпадаютъ со степенями развитія организаци. Тогда намъ станутъ понятными еще болѣе тѣ противорѣчія въ указаніяхъ разныхъ наблюдателей относительно психической жизни животныхъ; тогда намъ станетъ понятнымъ, что можно говорить и о психической жизни у растеній.

Химическій составъ животныхъ и растеній весьма сходенъ, процессы обмѣна веществъ — тоже; растенія, какъ и животныя, чувствуютъ и реагируютъ на внѣшнія раздраженія; такъ, напримѣръ, у растеній наблюдается «передача раздраженія по растенію, утомленіе растенія отъ повторныхъ раздраженій, временная потеря чувствительности къ раздраженіямъ подъ вліяніемъ хлороформа, эфира и пр., т.-е. тѣхъ же анестезирующихъ веществъ, которыя вызываютъ подобную временную потерю чувствительности у человѣка» (А. С. Фаминцынъ). В. М. Бехтеревъ переноситъ, однако, центр тяжести на «удивительныя явленія цѣлесообразности, которыя открываются въ послѣднее время со стороны корневыхъ мочекъ, въ отысканіи ими болѣе благопріятныхъ условій почвы и еще болѣе удивительныя явленія, наблюдаемыя у нѣкоторыхъ растеній, для обезпеченія оплодотворенія». Намъ не представляется невозможной наличность элементовъ психики и у растеній, хотя эта наличность и нуждается еще въ своемъ подтвержденіи. Точно также мы готовы согласиться съ тѣмъ огромнымъ большинствомъ біологовъ, которые не сомнѣваются въ томъ, «что какъ въ самостоятельно живущихъ одноклѣточныхъ организмахъ, такъ и въ клѣткахъ, входящихъ въ составъ многоклѣточныхъ организмовъ, должна быть предполагаема нѣкоторая, хотя бы очень элементарная, психическая жизнь» (С. М. Лукьяновъ), и это — тѣмъ охотнѣе, что точныя изслѣдованія матеріальныхъ измѣненій нервныхъ центровъ обнаружили, что эти измѣненія и субъективныя явленія сознанія представляютъ собой «не только два параллельныхъ ряда явленій, находящихся въ условіяхъ взаимнаго соотношенія другъ съ другомъ, но и обусловлены однимъ общимъ началомъ, которое, какъ показываетъ весь анализъ фактовъ, лежитъ также и въ основѣ жизненныхъ процессовъ организма, почему *жизнь безъ психики невозможна и немислима*» (В. М. Бехтеревъ).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что какъ «матеріальная» жизнь организмовъ давно уже была сведена къ жизни клѣтки, такъ и психическая, какъ бы сложна она ни была, дѣятельность организма

сводится нынѣ тоже къ психической дѣятельности клѣтки, т.-е. къ психикѣ плазмы, ея ядра и т. п. «Центръ психики» такимъ образомъ совпадаетъ съ «центромъ жизни».

Но мы пришли къ выводу, что нѣтъ никакихъ основаній считать живую матерію чѣмъ-либо отличнымъ отъ нѣкотораго химическаго соединенія, способнаго при извѣстныхъ условіяхъ совершать извѣстныя физическія и химическія превращенія, подобно тому какъ и «мертвая плазма» способна выполнять иные процессы, а всякое химическое соединеніе неорганической природы—свои. Вся таинственность живой матеріи сводится по существу лишь къ нашему незнанію условій ея возникновенія.

Но если такъ, то и въ неорганизованной матеріи мы *должны* встрѣчать явленія, которыя были бы аналогичны тѣмъ физико-химическимъ процессамъ въ живомъ веществѣ, какія въ области психики проявляются какъ воля, память и т. д.

Найдемъ ли мы такія явленія?

Съ механической точки зрѣнія природа представляетъ собой хаосъ беспорядочныхъ движеній. Текуть по всевозможнымъ направленіямъ волны безчисленныхъ звуковъ, и слышимыхъ, и неслышимыхъ, мчатся въ беспорядочномъ движеніи атомы и молекулы тѣла; наконецъ, самый эфиръ полонъ беспорядочныхъ движеній отъ перекрещивающихся въ немъ волнъ свѣта, и видимаго, и невидимаго, отъ тѣхъ процессовъ движеній, которыя мы зовемъ явленіями электричества и магнетизма. Ненаучное мышленіе сказало бы: въ хаосѣ нѣтъ порядка. Но мы знаемъ, что это не такъ: что и въ хаосѣ есть рядъ закономерныхъ явленій.

Пусть мы имѣемъ ящикъ изъ слоновой кости и въ немъ очень много тысячъ такихъ маленькихъ шариковъ изъ слоновой кости, что занимаемый ими объемъ ничтоженъ сравнительно съ объемомъ ящика. Встряхнемъ ящикъ сильно, но *какъ пришлося*. Что будетъ?

Шарики придутъ въ движеніе, каждый по какому случится направленію, они будутъ наталкиваться на стѣнки ящика и отскакивать отъ него (отраженіе), будутъ сталкиваться другъ съ другомъ и расходиться въ стороны и т. д. Будетъ хаотическое движеніе, но въ немъ будетъ и закономерность. Такъ движеніе шариковъ будетъ *безразлично относительно направлений*, т.-е. для любого направленія мы найдемъ одинаковое число шариковъ, движущихся по этому направленію. Скорости шариковъ будутъ разныя, всевозможныя—и очень малыя, и очень большія; но если мы снова зададимся какой-нибудь скоростью въ любыхъ достаточно тѣсныхъ предѣлахъ, на примѣръ, скоростью между 1,000 и 1001 см. въ секунду, мы получимъ вполнѣ опредѣленное число шариковъ съ

этой скоростью; чѣмъ больше, *свыше известной величины*, будетъ скорость, тѣмъ меньшее число шариковъ ее будутъ имѣть; чѣмъ меньше, ниже этой известной величины, будетъ скорость, тѣмъ снова меньше шариковъ ее будутъ имѣть. Скорости будутъ распредѣлены по шарикамъ по опредѣленному закону, называемому *закономъ Maxwell'я*.

Каждый шарикъ движется какъ бы случайно, неопредѣленно; но если онъ измѣнитъ свою скорость на другую, сейчасъ, въ это же время, другой какой-нибудь шарикъ приобретаетъ именно эту скорость.

Точно также мы не можемъ сказать, кто изъ насъ умретъ въ теченіе года, но мы несомнѣнно знаемъ, что на всякую тысячу человѣкъ въ среднемъ умретъ вполнѣ опредѣленное число: не умру я, долженъ кто-нибудь умереть вмѣсто меня.

Вотъ съ этой-то закономерностью въ хаосѣ и надо считаться, когда мы хотимъ говорить объ явленіяхъ, носящихъ названіе психическихъ.

Дѣло въ томъ, что каждый изъ насъ чувствуетъ процессы сознанія только въ себѣ самомъ; сознательную дѣятельность другихъ мы оцѣниваемъ лишь по тому *впечатлѣнію*, какое она на насъ производитъ; мы сравниваемъ дѣятельность другихъ съ тѣмъ, какъ бы мы лично поступили. Такое сравненіе не ведетъ къ большимъ ошибкамъ, пока вопросъ касается людей, гдѣ общая организація, общія свойства *im Grossen und Ganzen* тождественны.

Но чѣмъ больше разница между человѣкомъ и объектомъ изученія (напримѣръ, амѣбой), тѣмъ меньше остается шансовъ, что наше впечатлѣніе, дѣйствительно, и здѣсь имѣетъ въ своей основѣ сознательный актъ. На порогѣ жизни сознательное и бессознательное сливаются, непрерывно переходя одно въ другое.

Но законы природы одни какъ для матеріи живой, такъ и неживой: поэтому и въ послѣдней мы можемъ наблюдать явленія, носящія «основной характеръ психической дѣятельности,—характеръ, который на языкѣ обыденномъ обозначается словомъ нематеріальность, а на языкѣ науки обозначало бы явленіе, не требующее для своего возникновенія и теченія затраты энергіи» (Н. А. Умовъ). Эти явленія суть явленія *отбора*, каковыми вносятся въ хаосъ известныя порядки, известныя строи; и стройность, возникающая сама собой и безъ затраты энергіи извнѣ, производитъ на насъ впечатлѣніе сознательнаго акта.

Въ каплѣ масла находятся стеклянные осколки; пока эти осколки движутся, какъ попало, или находятся въ покоѣ, пока мы не замѣчаемъ никакихъ проявленій стройности, намъ все кажется простымъ и обычнымъ. Но вотъ капля начинаетъ изъ этихъ оскол-

ковъ строить себѣ панцырь; мы, слѣдя за этой операціей, видимъ въ ней и смыслъ, и планъ, и мы не можемъ не сравнить этого акта со знакомыми намъ сознательными дѣйствіями: мы говоримъ: капля дѣйствуетъ, будто она живая. Такихъ актовъ въ природѣ безчисленное множество; вспомнимъ хотя бы тѣ удивительныя формы кристалловъ, которыя лѣпитъ рука невѣдомаго геометра, тѣ узоры, какіе рисуетъ морозъ на нашихъ окнахъ и т. д.

Въ основѣ психической дѣятельности лежитъ *память*; намъ трудно признать, что явленія памяти могутъ имѣть мѣсто и въ мертвой природѣ. Когда рыба приплываетъ ежедневно въ опредѣленный часъ получать пищу, мы готовы считать это сознательнымъ актомъ, въ большей или меньшей степени; но когда букъ или дубъ сбрасываютъ свои листья во время несуществующей зимы въ Ниццѣ или на островѣ Мадерѣ, мы называемъ это сначала ничего незначащимъ словомъ «послѣдствія» или «индуцированнаго періода зимняго роста», а затѣмъ, рѣшившись признать у растений психику, будемъ говорить объ инстинктѣ и т. п.

Между тѣмъ такихъ явленій привычныхъ актовъ въ природѣ очень много: мы уже съ ними встрѣчались отчасти въ явленіяхъ катализа, въ опытахъ Бозе и т. п.

Мы особенно хорошо дѣлаемъ привычное для насъ дѣло и приписываемъ это исключительно себѣ: въ нашемъ организмѣ, мы знаемъ, происходятъ какія-то отмѣтки, записи, измѣненія, которыя облегчаютъ намъ выполнение привычнаго акта. Однако, здѣсь не мало намъ помогаютъ и неживыя тѣла.

Я поясню этотъ парадоксъ примѣромъ, можетъ быть, нѣсколько искусственнымъ.

Вообразимъ себѣ игрока на билліардѣ, который задался бы цѣлью научиться дѣлать опредѣленный мастерской ударъ съ опредѣленнымъ шаромъ. Очевидно, игрокъ будетъ класть шаръ постоянно приблизительно на одно и то же мѣсто, самъ будетъ становиться тоже приблизительно всегда одинаково и т. д. Въ концѣ-концовъ, игрокъ замѣчаетъ, что ударъ удается ему все легче и легче — онъ привыкаетъ дѣлать этотъ ударъ. Я утверждаю, что и билліардъ, и шаръ тоже «привыкли» дѣлать то, чего хочетъ ихъ господинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже послѣ нѣсколькихъ движеній шара *по приблизительно* одному и тому же направленію на сукнѣ долженъ остаться *слѣдъ* того движенія, которое повторялось чаще; сукно по этому направленію станетъ глаже, на сукнѣ явится ничтожная бороздка. Эта послѣдняя ляжетъ по нужному для игрока направленію, ибо это направленіе будетъ случаться чаще.

Но тогда шаръ, положенный игрокомъ *не совсѣмъ* на нужное мѣсто, очутится такъ близко отъ бороздки, что скатится на нее. Бороздка будетъ помогать игроку положить шаръ правильно. Далѣе, игрокъ не можетъ сообщить шару движеніе какъ разъ такое, какое нужно; но всякая небольшая ошибка здѣсь будетъ исправляться, отчасти, бороздкой; удары начнутъ удаваться игроку не только оттого, что въ немъ произошелъ процессъ приспособленія, отбора, но и оттого, что такой же процессъ произошелъ и на бильярдѣ. Если мы примемъ теперь во вниманіе, что аналогичнаго характера ничтожныя измѣненія будутъ происходить и съ шаромъ, мы догадаемся, что при рядѣ совершенно случайныхъ вращеній шара около всевозможныхъ осей, очень скоро совершится отборъ: шаръ легче будетъ становиться въ опредѣленное положеніе, чѣмъ въ иныя, легче вращаться около одной оси, чѣмъ около другой и т. п. Разъ же это случилось, то не только сукно, но и шаръ будетъ исправлять ошибки удара и т. д.

Къ числу подобнаго же рода фактовъ относится извѣстное явленіе «обыгрыванія скрипокъ». Новая скрипка, «обыгранная» хорошимъ музыкантомъ, звучитъ лучше, на ней легче играть. Здѣсь сотрясенія опредѣленнаго характера ослабили молекулярныя связи въ опредѣленныхъ, нужныхъ направленіяхъ, нарушили хаосъ, безразличіе, создали «орудія отбора». Поэтому всякій слегка невѣрный ударъ смычка вызываетъ не тѣ колебанія, которыя *какъ разъ* соотвѣтствуютъ этому удару, а близкія къ нимъ, наиболѣе «привычныя». И если мы вдумаемся въ процессъ игры на многихъ инструментахъ, гдѣ, какъ въ случаѣ скрипки, нужна очень большая тонкость движеній со стороны человѣка, мы найдемъ, что безъ участія «памяти» неживой матеріи игра была бы гораздо труднѣе.

Далѣе, экспериментаторамъ въ области мертвой природы—физикамъ и химикамъ—нерѣдко приходится говорить: «этотъ приборъ капризенъ»; «это явленіе трудно воспроизвести—оно капризно». Что это значитъ?

Это значитъ, что при *кажущемся* намъ полномъ соблюденіи тождества всѣхъ условій опыта приборъ въ разныхъ случаяхъ дѣйствуетъ не одинаково, явленіе обнаруживается съ разной силой. Мы, однако, не сомнѣваемся, что причина нашей неудачи лежитъ въ томъ, что *тождество* условій именно не соблюдено, но, не зная, въ чемъ оно не соблюдено, мы и приписываемъ прибору или явленію «волю», какъ Фалесъ приписывалъ волю потертому янтарию. Такимъ образомъ, если амѣба то выпускаетъ свои псевдоподіи, то нѣтъ, то принимаетъ пищу, то нѣтъ—при *совершенно одинаковомъ*, по нашему мнѣнію, виѣшнихъ условіяхъ—намъ представляютъ

ся ея акты сознательными, *волевыми*. Стало быть, мы признаемъ элементъ дѣйствительной или кажущейся воли тогда, когда не можемъ предсказать хода явленія, могущаго *при quasi- неизмѣнныхъ внѣшнихъ* условіяхъ идти и такъ, и иначе.

Но этого одного не достаточно. Мы имѣемъ въ организмахъ актъ воли, когда сверхъ того организмъ развиваетъ измѣримыя количества энергіи подъ вліяніемъ импульса, на который энергіи не требуется или идетъ, сравнительно, безконечно мало. И опять намъ приходится вспомнить явленія контакта, катализа, обладающія какъ разъ тѣмъ же характеромъ.

Наконецъ, ни одинъ произвольный актъ не можетъ произойти безъ соотвѣтственнаго ощущенія, непосредственно испытываемаго или только оставившаго свой слѣдъ въ памяти: это доказываютъ фізіологическія наблюденія (В. Я. Данилевскій). Иначе говоря, для произвольнаго акта все же нужно воздѣйствіе извнѣ, приводящее въ дѣйствіе катализаторъ, и это опять — фізико-химическое явленіе.

Такимъ образомъ, мы снова имѣемъ въ неорганизованной природѣ всѣ элементы, нужные для конструирования модели произвольнаго акта. И если такіе акты живой матеріи намъ кажутся чудными, то вѣдь и дикарю кажется чудомъ появленіе радуги. Живое существо ощущаетъ и сознаетъ: этотъ таинственный процессъ намъ непонятенъ, но намъ также непонятна инерція тѣлъ, также непонятно, «какимъ образомъ тяжелая жидкость пріобрѣтаетъ (при паденіи) все возрастающую скорость, какимъ образомъ потенциальная энергія превращается въ энергію движенія и т. д.» (Н. А. Умовъ).

Насъ поражаетъ, какъ цѣлесообразно защищается организованная матерія отъ внѣшнихъ воздѣйствій, которыя почему-либо ей неудобны. Но если мы будемъ смотрѣть на явленія природы объективно, безъ предвзятой идеи, насъ не менѣе должны поражать и нѣкоторыя сходныя явленія въ неорганическомъ мірѣ. Я имѣю кольцо, половина котораго изъ мѣдной, а другая половина изъ желѣзной проволоки; я нагрѣваю одинъ спай — получается электрическій токъ (термоэлектрическій); но этотъ токъ понижаетъ температуру того спая, который я нагрѣваю (явленіе Peltier): кольцо почему-то не допускаетъ разницы температуры двухъ спаевъ и противодѣйствуетъ намъ, когда мы такую разницу создаемъ. Наоборотъ, я пускаю по кольцу электрическій токъ въ какомъ-нибудь направленіи: и этого кольцо почему-то не желаетъ. Сейчасъ же появляется нагрѣваніе одного спая, охлажденіе другого, и эта разница температуры вызываетъ появленіе новаго электрическаго тока, противоположнаго направленія, уничтожающаго этимъ нашъ токъ.

Я подношу къ катушкѣ изъ проволоки сѣверный конецъ магнита: какимъ-то таинственнымъ процессомъ создается сейчасъ же въ катушкѣ мгновенный электрическій токъ (индукція), отталкивающій приближающійся къ проволоку конецъ магнита. Я удаляю сѣверный конецъ магнита: и снова мы имѣемъ электрическій токъ, но теперь противоположнаго направленія, теперь притягивающій къ себѣ магнитъ. Дѣло происходитъ такъ, какъ будто проволока ничего не имѣетъ противъ магнита, но желаетъ, чтобы онъ лежалъ смирно; и какъ только онъ начинаетъ двигаться, въ проволоку появляются электрическіе токи, стремящіеся своимъ дѣйствіемъ на магнитъ прекратить движеніе.

Система проволока-магнитъ обнаруживаетъ защитныя явленія всякій разъ, когда нарушается относительный покой составныхъ частей системы, и аналогичными явленіями полны вся физика и вся химія. Тѣ, чего мы не понимаемъ въ мірѣ неживомъ, намъ кажется почему-то нормальнымъ, а когда мы встрѣчаемся со столь же непонятнымъ у матеріи «живой», мы прибѣгаемъ къ особымъ видамъ силъ и энергій, матеріальныхъ и нематеріальныхъ, свойственныхъ будто бы только живому.

Итакъ, тѣ процессы, которые считаются признаками жизни, не суть характерные признаки жизни: явленія такого же рода мы наблюдаемъ и въ матеріи завѣдомо неживой. Сложность структуры, сложность химическихъ и физическихъ процессовъ, ихъ непонятность даже, нисколько не могутъ считаться доказательствомъ дѣятельности въ процессахъ жизни особыхъ трансцендентныхъ силъ, не существующихъ въ мірѣ неорганизованномъ.

Возможно, что въ сложныхъ реакціяхъ организованныхъ тѣлъ будутъ открыты современемъ *новыя*, намъ пока неизвѣстныя силы и явленія, но такія же силы найдутся тогда и въ остальной природѣ. Такъ и случилось уже, напримѣръ, по отношенію къ энзимамъ, въ которыхъ тоже желали видѣть особое свойство живой матеріи. И если мы вспомнимъ, какъ мало еще изучена роль электрическихъ процессовъ въ организмахъ, какую роль въ нихъ могутъ играть теперь еще только-что нарождающіеся на свѣтъ Божій электроны и всякаго рода «лучи», мы ни на минуту не усомнимся, что мыслящее человѣчество достроитъ когда-нибудь мостъ надъ пропастью жизнь—смерть.

Но мы согласились съ біологами, что жизнь безъ психики невозможна: стало быть, если нѣтъ границы между живымъ и неживымъ въ области явленій, считаемыхъ нами матеріальными, нѣтъ границы и въ области явленій нематеріальныхъ, въ области психики. Вездѣ различіе количественное, какъ бы оно ни было ве-

лико, но не качественное, различіе зародыша отъ эволюціонировавшаго изъ него сложнаго организма со сложными функціями. Поэтому должны быть въ природѣ такія химическія соединенія, которыя окажутся на границѣ вещества и существа, которыхъ «жизнь» будетъ крайне элементарна, а явленія психики такъ слабы, что непредубѣжденный наблюдатель откажется ихъ признать. И, конечно, натуралистъ найдетъ эти «полуорганизмы», и кто знаетъ, можетъ быть, тѣ амѣбы, о которыхъ такъ много приходилось говорить на этихъ страницахъ, и находятся уже совсѣмъ не далеко отъ того центра, изъ котораго по тремъ радіусамъ расходятся—міръ животныхъ, міръ растений и міръ неорганизованный!

Но, скажутъ, говорить о психикѣ матеріи вообще—это значить воскрешать идеи пантеизма XVII вѣка, идеи Спинозы? Нѣтъ, ничего подобнаго. Дѣло идетъ не объ одухотвореніи матеріи, а лишь о включеніи всей совокупности процессовъ жизни въ общій рядъ процессовъ природы, и это есть настоящее требованіе, предъявляемое ко всякому научному міровоззрѣнію.

Въ поворожденномъ Ньютонѣ не было генія; но всѣ элементы, изъ которыхъ при благоприятныхъ условіяхъ могъ бы развиться геній, были налицо; такъ и въ неорганической матеріи нѣтъ психики, но есть всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ произойти психика.

И не должна быть обидна человѣку, гордому своею мыслью, своимъ творчествомъ какъ въ области матеріальнаго, такъ и въ области нематеріальнаго, гордому своими этическими идеалами,—не должна быть ему обидна эта «непрерывность жизни» во всей природѣ. Наоборотъ, тѣмъ больше долженъ гордиться человѣкъ тѣмъ, что всѣ его высшіе дары достались ему не зря, а выстраданы, завоеваны путемъ ожесточенной борьбы, путемъ эволюціи органической и психической, въ теченіе многихъ и многихъ тысячелѣтій...

Всѣ тѣ выводы, которые составили содержаніе предшествовавшихъ главъ, основаны на сравненіяхъ и аналогіяхъ. Сравненіе, конечно, не доказательство. Однако, исторія физики и химіи показываетъ, какъ важны именно сравненія такого рода и какъ подобныя аналогіи позволили осуществить тѣ величавые синтезы, которыми отмѣченъ прогрессъ этихъ наукъ.

Наблюдая круги, расходящіеся по поверхности пруда отъ удара крыломъ птицы или брошеннаго камня, человѣчество ознакомилось съ *волнами*, а потомъ смѣлымъ полетомъ мысли открыло подобныя же, только невидимыя, волны въ явленіяхъ звука.

Новый, еще болѣе смѣлый полетъ мысли—и, основываясь на аналогичныхъ свойствахъ звука и свѣта, аналогичныхъ, однако, лишь въ основныхъ чертахъ, не смущаясь совершеннымъ несходствомъ въ деталяхъ, человѣческій умъ призналъ и свѣтъ за волны. Понадобилось, однако, два съ половиной вѣка, чтобы эта идея вошла во всеобщее сознание.

Наконецъ, только аналогія электрическихъ волнъ со свѣтовыми побудила Maxwell'я провозгласить электромагнитную природу свѣтовыхъ волнъ.

Вѣдь на сравненіяхъ и аналогіяхъ построена и вся великая теорія органической эволюціи въ природѣ.

Поэтому слѣдуетъ отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей о несуществующихъ перегородкахъ и неизмѣримыхъ пропастяхъ, отдѣляющихъ различные классы явленій природы, и одними глазами, съ одной точки зрѣнія взглянуть на всѣ процессы въ мірѣ, помня завѣтъ величайшаго изъ философовъ природы, Ньютона, что «*natura simplex est et rerum causis superfluis non luxuriat*» — природа проста и въ ней нѣтъ роскоши лишнихъ причинъ явленій.

Вѣдь было же когда-то тысячелѣтіями освященное убѣжденіе, что *земное* и *небесное* различны, что на небѣ среди звѣздъ *свои*, не наши земные законы. Едва сто лѣтъ тому назадъ великій основатель современной химіи Lavoisier думалъ, что въ небесныхъ пространствахъ не можетъ быть камней, подобныхъ земнымъ. И когда по поводу одного метеорита возникъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли онъ упалъ съ неба, какъ утверждали очевидцы, Lavoisier, изслѣдовавшій камень по порученію парижской академіи наукъ, высказался за земное происхожденіе камня: такъ казались ему невѣроятными такого рода прямыя сношенія съ небомъ!

Точно также позже, уже въ XIX вѣкѣ, Бессель качалъ маятникъ съ чечевицей изъ метеорита. И всѣ эти смѣшныя намъ теперь заблужденія людей, и даже знаменитыхъ людей, происходили лишь потому, что у нихъ не хватало смѣлости покинуть мысленно землю и взглянуть на нее съ неба, какъ это когда-то сдѣлалъ Коперникъ по вопросу о роли земли въ солнечной системѣ, обнаруживъ, что само наше солнце не болѣе какъ обыкновенная звѣзда, одна изъ безчисленнаго сонма другихъ такихъ же, а наша земля—одна изъ неважныхъ планетъ, блуждающихъ по небесному своду.

То же предстоитъ теперь сдѣлать по отношенію и къ явленіямъ жизни со всей ея психикой; и здѣсь рано или поздно явится новый Коперникъ, который такъ же убѣдительно, какъ Коперникъ XVI вѣка, докажетъ намъ то, что мы теперь пока лишь предчувствуемъ: что тайна жизни снизойдетъ въ рядъ иныхъ тайнъ при-

роды, разъ мы съумѣемъ взглянуть на жизнь съ подходящей точки зрѣнія. И не надо намъ пугаться «механизма»!

«Мы не побѣдимъ механизма матеріи простымъ его отрицаніемъ, а лишь подчиняя этотъ механизмъ цѣлямъ нашего духа, нашей морали. Мы должны узнать его рычаги и веревки, хотя бы этимъ и пришлось нарушить наше поэтическое созерцаніе природы,—узнать за тѣмъ, чтобы управлять ими по нашей волѣ. Въ этомъ—полное оправданіе физическаго изслѣдованія и его великое значеніе для культуры рода человѣческаго» (Helmholtz).

Къ этимъ прекраснымъ словамъ великаго фізіолога - физика-філософа лучшимъ дополненіемъ служатъ слова великаго біолога, его современника R. Virchow'a: «разъ мы не можемъ мыслить о процессахъ въ природѣ иначе, какъ механически, нельзя намъ ставить въ вину примѣненіе этого способа мышленія ко всѣмъ процессамъ въ природѣ. Въ этомъ — свобода науки, безъ чего науку можно бы было заковать въ цѣпи на всякомъ шагу изслѣдованія». И «чѣмъ свободнѣе наука посвящаетъ себя изслѣдованію природы, тѣмъ больше благъ можетъ она доставить человѣчеству!»

Д. Гольдгаммеръ.

Этюды о природѣ человѣка *)

ГЛАВА V**).

Дисгармоніи въ устройствѣ и въ отправленіяхъ органовъ вос-
произведенія. Дисгармоніи семейнаго и соціальнаго инстинктовъ.

I.

Нѣсколько словъ о дисгармоніи человѣческихъ органовъ чувствъ и познанаія.—Руд-
ментарные органы полового аппарата.—Происхожденіе и роль дѣвственной плевы.

Въ человѣческомъ организмѣ не одни только пищеварительные органы представляютъ большую или меньшую степень естественной дисгармоніи въ строеніи и въ своихъ отправленіяхъ. Великій нѣмецкій фізіологъ *Йоганнз Мюллеръ* болѣе полувѣка тому назадъ доказалъ, что поправка аберраціи нашего глаза, повидимому наиболѣе совершеннаго изъ нашихъ органовъ, далеко не полна. Другой великій нѣмецкій ученый, *Гельмольцъ*, замѣтилъ, что точное изученіе оптической организаціи глаза привело его къ большому разочарованію. «Природа,—говоритъ онъ,—какъ будто намѣренно собрала противорѣчія съ цѣлью разрушить всѣ основы теоріи предустановлен-
ной гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ мірами».

Не одинъ глазъ, но и всѣ другіе аппараты, посредствомъ которыхъ мы знакомимся съ внѣшнимъ міромъ, представляютъ большую естественную дисгармонію.

Въ этомъ кроется причина неувѣренности относительно источниковъ нашего познанаія. Память, эта способность сохранять слѣды психическихъ процессовъ, развивается гораздо позднѣе многихъ другихъ отправленій нашего мозга. Если бы человѣкъ рождался съ такой же болѣе высокой степенью развитія, какъ новорожденная

*) „Научное Слово“ 1903 г., кн. VII.

***) Эта глава и слѣдующія соответствуютъ не появившемуся еще въ свѣтъ вто-
рому изданію французскаго подлинника. Ред.

морская свинка, онъ, вѣроятно, гораздо лучше понималъ бы ростъ своего познаванія реального міра.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ несовершенствахъ и дисгармоніяхъ нашего сознанія и перейдемъ къ изученію органовъ воспроизведенія вида.

Какъ мы видѣли, главный органъ индивидуальной жизни, пищеварительный каналъ, далеко не доказываетъ совершенства чело-вѣческой природы. Не придемъ ли мы къ болѣе утѣшительнымъ результатамъ въ этомъ отношеніи, изслѣдуя органы воспроизведенія? Желая представить читателю примѣръ наиболѣе совершенной естественной гармоніи, мы выбрали механизмъ, посредствомъ котораго оплодотворяются цвѣты—половые органы растений. У послѣднихъ жизнь всегда обеспечена поразительными по своему совершенству аппаратами и отправлениями.

Наблюдается ли то же самое въ родѣ людскомъ? Подробное изученіе мужскихъ и женскихъ органовъ воспроизвенія указываетъ на весьма сложную смѣсь элементовъ, имѣющихъ различное происхожденіе. Части, переданныя изъ очень отдаленной эпохи, находятся рядомъ съ сравнительно недавно приобретенными. Внутреніе половые органы указываютъ до извѣстной степени на обоеполое происхожденіе. У мужчинъ наблюдаются остатки женскихъ половыхъ органовъ, рудименты матки и Фаллопиевыхъ трубъ. Наоборотъ, у женщинъ находятъ слѣды мужскихъ половыхъ органовъ. Такія явленія должны имѣть очень отдаленное происхожденіе, такъ какъ наблюдаются также у большинства позвоночныхъ. Они указываютъ на то, что въ очень давнія времена эти животныя должны были быть гермафродитами. Впослѣдствіи помы окончательно раздѣлились, причемъ остались болѣе или менѣе выраженные слѣды ихъ эволюціи. Слѣды эти, въ формѣ рудиментарныхъ органовъ (извѣстныхъ подъ названіемъ органовъ *Вебера*, *Розенмюллера* и т. д.), еще и теперь болѣе или менѣе часто встрѣчаются у взрослого чело-вѣка. Они совершенно бесполезны и, какъ это часто наблюдается относительно атрофирующихся частей, могутъ давать начало уродствамъ или опухолямъ, болѣе или менѣе вреднымъ для здоровья. Такъ, усиленное развитіе простатическаго пузыря (или *Веберовскаго* органа) у самца вызываетъ образованіе мужской матки и родъ аномального гермафродитизма. Нѣкоторыя гидатическія кисты развиваются на остаткахъ мужскихъ мочеполовыхъ органовъ. У женщины нѣкоторыя кисты, какъ, на примѣръ, киста *раговагіумъ*, зависятъ отъ патологическаго развитія остатковъ той же системы органовъ. Эти кисты, въ большинствѣ случаевъ доброкачественныя, однако, могутъ дѣлаться иногда и очень злокачественными. Такъ, знамени-

тый англійскій хирургъ *Лаусонъ-Тэтъ* *) приводитъ слѣдующій примѣръ оперированной имъ молодой дѣвушки. Онъ удалилъ ей съ виду очень доброкачественную кисту; но, спустя 6 недѣль, больная обнаружила признаки рака половыхъ органовъ и умерла черезъ три мѣсяца.

Сравненіе остатковъ рудиментарныхъ половыхъ органовъ у людей и у животныхъ показываетъ, что у человѣка нѣкоторыя изъ нихъ исчезли въ большей степени, чѣмъ у ниже стоящихъ млекопитающихъ. Такъ, каналъ зародышевой почки (извѣстной надъ названіемъ *Вольфова тѣла*) только въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается у взрослога человѣка, между тѣмъ какъ онъ существуетъ въ теченіе всей жизни у нѣкоторыхъ травоядныхъ (въ видѣ органа, называемаго каналомъ *Гертнера*). Но, несмотря на это, внутренній половой аппаратъ человѣка заключаетъ разные зачаточные органы, всегда бесполезные, иногда болѣе или менѣе вредные для здоровья и жизни.

Рядомъ съ этими остатками органовъ, переставшихъ быть полезными съ незапамятныхъ временъ, половая система человѣка заключаетъ и недавно прибрѣтенныя части. Послѣднія намъ особенно интересны, такъ какъ въ нихъ можно предполагать значительное приспособленіе къ половому отправленію.

Читатель, вѣроятно, помнитъ споры, возникшіе по поводу происхожденія человѣка отъ обезьяны, о которомъ шла рѣчь въ 3-ей главѣ.

Всѣ попытки, сдѣланныя для того, чтобы доказать въ человѣческомъ мозгу присутствіе особыхъ частей, не существующихъ у обезьянъ, окончательно не удались. А между тѣмъ оказалось, что человѣкъ болѣе отличается отъ человѣкообразныхъ обезьянъ анатомической организаціей своихъ половыхъ органовъ, чѣмъ строеніемъ мозга. Въ самомъ дѣлѣ, у человѣка нѣтъ кости пениса. Кость эта облегчаетъ введеніе мужского полового органа и встрѣчается у многихъ позвоночныхъ; она присуща не только очень удаленнымъ отъ человѣка животнымъ, какъ грызунамъ и хищникамъ, но и нѣкоторымъ обезьянамъ, преимущественно всѣмъ видамъ человѣкообразныхъ обезьянъ **). Человѣкъ утратилъ кость пениса по совершенно неизвѣстной намъ причинѣ. Вѣроятно, костяныя образованія, наблюдаемыя въ исключительныхъ случаяхъ въ мужскомъ половомъ органѣ ***) , являются родомъ атавистическаго возврата къ кости пениса предковъ.

*) Случай этотъ приведенъ *Поци* въ его учебникѣ гинекологіи. 1890 г., стр. 714.

**) *Crisp*: „Proceedings of the Zoolog. Society“, London, 1865, p. 48,

***) *Lenhossek*: „Virchow's Archiv für Pathologische Anatomie“. 1874, XI, стр. 1.

Въ мужскомъ полѣ разница между человѣкомъ и антропоморфными обезьянами обнаруживается отсутствіемъ одного органа; въ женскомъ же насъ поражаетъ явленіе обратнаго порядка. Дѣвственная плева, или гимень, составляетъ настоящее приобрѣтеніе человѣческой породы. Съ гораздо бѣльшимъ правомъ, чѣмъ «малый гипокампъ», задняя доля и задній рогъ большихъ полушарій, могла бы дѣвственная плева служить аргументомъ въ глазахъ ученыхъ, во что бы то ни стало добивающихся присутствія какого-либо органа, исключительно свойственнаго человѣку и отсутствующаго у всѣхъ другихъ животныхъ, не исключая человѣкообразныхъ обезьянъ. *Бишоффъ* *) замѣтилъ отсутствіе дѣвственной плевы у этихъ обезьянъ, и это открытіе было затѣмъ подтверждено нѣсколькими другими наблюдателями. *Деникеръ* (1. с., стр. 245) не нашелъ дѣвственной плевы «ни у зародыша, ни у молодой гориллы». У зародыша гиббона онъ замѣтилъ небольшую кайму вокругъ входа во влагалище, «которую можно поставить на ряду съ дѣвственной плевой» (1. с., стр. 250), но которая, однако же, не есть этотъ органъ. *Деникеръ* самъ пришелъ къ заключенію, что «дѣвственная плева отсутствуетъ у человѣкообразныхъ обезьянъ всѣхъ возрастовъ». *Видерсеймъ* въ сдѣланномъ имъ обзорѣ организациіи человѣческаго тѣла (1. с., стр. 163) упоминаетъ также фактъ, что «у обезьянъ дѣвственная плева отсутствуетъ».

Недавнее приобрѣтеніе этой дѣвственной плевы вполне соотвѣтствуетъ позднему развитію ея у женскаго зародыша. По согласнымъ наблюденіямъ нѣсколькихъ изслѣдователей, она появляется только на 19-й недѣлѣ беременности, а иногда и позднѣе.

Если бесполезны органы очень давняго происхожденія, ставшіе просто рудиментами, то слѣдовало бы предполагать, что органъ, недавно образовавшійся и стоящій, такъ сказать, въ прогрессирующей фазѣ, представляетъ какую-нибудь значительную выгоду съ точки зрѣнія своей функціи. Какую же пользу извлекаетъ женщина отъ своей дѣвственной плевы? *Видерсеймъ* признается въ томъ, что «основная роль части, находящейся у входа во влагалище и обозначаемая именованіемъ гимена, совершенно не выяснена» (1. с., р. 208).

Роль дѣвственной плевы иногда огромна въ семейныхъ и социальныхъ отношеніяхъ. Ей придаютъ большое значеніе съ точки зрѣнія нравственности, такъ какъ принято считать ее отличительнымъ признакомъ дѣвственности. Врачъ въ судебномъ слѣдствіи дѣлаетъ тщательный осмотръ гимена, когда дѣло касается попытокъ

*) „Abhandlungen der Mathem.-physical. Classe d. K. Bayerisch. Akad. d. Wissenschaften“, München, 1880 t. XIII, Abt. II, p. 268.

изнасилованія или другихъ отношеній между мужчиной и женщиной. Множество людей обоихъ половъ поплатились жизнью за прободеніе дѣвственной плевы.

Но въ разсматриваемомъ нами вопросѣ рѣчь идетъ прежде всего о физиологической роли дѣвственной плевы. Не трудно убѣдиться въ томъ, что она не выполняетъ никакого отправления у человѣка. Атрофія гимена послѣ прободенія его нисколько не мѣшаетъ половымъ отношеніямъ. Наоборотъ, цѣлость этого органа часто является неудобнымъ и неприятнымъ препятствіемъ. Поэтому у многихъ народовъ стараются какъ можно ранѣе избавить отъ него дѣвочекъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Китая принимаютъ такія строгія и тщательныя мѣры чистоплотности относительно дѣвочекъ, что вскорѣ у нихъ не остается никакихъ слѣдовъ гимена. Вслѣдствіе этого многіе китайцы, даже среди врачей, не знаютъ о существованіи этого органа.

Тотъ же фактъ наблюдался въ Британской Индіи. У нѣкоторыхъ индѣйцевъ Бразиліи (изъ племени Макакурасовъ) вовсе не существуетъ дѣвственницъ въ строгомъ смыслѣ слова, потому что матери уничтожаютъ гимень своихъ дочерей вскорѣ послѣ ихъ рожденія.

У Ительменовъ—туземцевъ Камчатки—считается признакомъ неблаговоспитанности выходъ замужъ съ ненарушенной дѣвственной плевой. Чтобы избѣгнуть этого стыда, она уничтожается матерями *).

Съ другой стороны, для устраненія неудобства, представляемаго гименомъ, обращаются къ специалистамъ для его прободенія. Въ прежнія времена у Бизеровъ (туземцевъ Филиппинскихъ острововъ) существовали очень хорошо оплачиваемые общественные служители, на которыхъ возлагалась обязанность нарушать дѣвственность, такъ какъ она считалась помѣхой удовольствіямъ мужа.

Аналогичный обычай существовалъ у жителей Новой Каледоніи, у которыхъ по *Монселону* дѣвственность мало цѣнится.

Изъ этихъ примѣровъ, списокъ которыхъ легко можно было бы удлинить, видно, что приобрѣтеніе дѣвственной плевы, столь исключительное для одного человѣческаго рода, не представляется полезнымъ въ физиологическомъ смыслѣ слова.

Правда, что у многихъ народовъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоятъ христіане и мусульмане, присутствіе ненарушеннаго гимена играетъ очень важную, но, такъ сказать, посредствующую роль.

*) Этотъ фактъ, также какъ предшествующіе, почерпнуть изъ сочиненія *Плоссъ-Бартельса* „Das Weib“, 7 изд. 1902, т. II, стр. 228, 229.

Евреи стали впервые придавать особенное значеніе дѣвственности. По Моисееву закону, если во время бракосочетанія дѣвушка окажется не дѣвственной, то да выведутъ ее (старѣйшины города) изъ дома отца ея и да забросаютъ ее горожане камнями и да погибнетъ она, потому что совершила прелюбодѣянiе въ домѣ отца своего. Религія Иудейскаго происхожденія приняла аналогичныя взгляды, хотя гораздо менѣе строгіе и безусловныя. У многихъ христіанскихъ народовъ требуютъ нагляднаго доказательства дѣвственности выходящей замужъ дѣвушки и для этого выставляютъ бѣлье, запачканное кровью гимена. У большинства мусульманскихъ восточныхъ народовъ друзьямъ и родственникамъ показываютъ бѣлье новобрачной, въ доказательство ея дѣвственности при вступленіи въ бракъ. Только у нихъ лишеніе дѣвственности производится часто совершенно независимо отъ полового акта. У арабовъ, коптовъ, а также у туземцевъ Египта, прободаніе гимена производится пожилой женщиной, спеціально для этого приглашенной (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., I, стр. 489).

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ видно, что гимень не играетъ никакой непосредственной роли въ половомъ актѣ. Иногда даже оболочка эта становится источникомъ болѣе или менѣе серьезныхъ неудобствъ. Такъ, въ случаѣ особенной плотности гимена можетъ произойти разрывъ промежности, обусловливающий иногда тяжелыя осложненія. Когда дѣвственная плева изобилуетъ сосудами, то разрывъ можетъ вызвать серьезное и даже смертельное кровоизліяніе *). Иногда на этой оболочкѣ развиваются различныя оспенныя, венерическія и другія изъязвленія **).

Было уже упомянуто, что у нѣкоторыхъ народовъ усиленный уходъ за половыми органами приводитъ къ разрушенію гимена. Очевидно, что оболочка эта мѣшаетъ очищенію влагалища, что особенно неудобно во время періода менструацій. Вѣроятно, кровь, удерживаемая плевой, заражается микробами, что можетъ вызвать серьезныя заболѣванія всего организма. Возможно даже, что нѣкоторыя анеміи, какъ блѣдная немочь дѣвушекъ, обусловлены размноженіемъ этихъ микробовъ. Отсюда становится понятнымъ, что въ этомъ случаѣ замужество служитъ лучшимъ лѣкарствомъ противъ такой анеміи, такъ какъ послѣ прободенія гимена очищеніе влагалища очень облегчается ***).

Но что же это за органъ, вполне бесполезный для полового

*) *Поци:* „Gynécologie“, 1890, стр. 1067.

***) „Real-Encyclopädie d. gesammten Heilkunde“, 2-е изд. 1885 г., т. X, стр. 34.

***) Было бы интересно установить, подвержены ли блѣдной немочи китайскія и индійскія дѣвушки, лишеныя гимена. До сихъ поръ мы не имѣемъ данныхъ на этотъ счетъ.

отправленія, иногда даже вредный для здоровья,—органъ, который не является наслѣдіемъ животныхъ предковъ и который долженъ быть разрушенъ для выполнения полового отправленія? Въ прежнія времена, когда наукой допускалось, что приобрѣтенныя свойства легко передаются по наслѣдству, спрашивали себя, отчего же гимень, разрываемый въ теченіе столькихъ поколѣній, не обнаруживаетъ никакой склонности къ исчезновенію? Этотъ примѣръ является однимъ изъ тѣхъ, которые всего болѣе пошатнули теорію передачи потомству признаковъ, приобрѣтенныхъ въ теченіе жизни.

Несмотря на свою бесполезность для современнаго человѣчества, существованіе дѣвственной плевы тѣмъ не менѣе, очевидно, имѣетъ свою причину. Какъ было упомянуто выше, наука еще не рѣшила этой задачи. Поэтому для разъясненія ея приходится прибѣгать къ гипотезамъ. Вотъ что считаемъ мы наиболѣе правоподобнымъ: въ первыя времена своего существованія, люди должны были вступать въ половыя сношенія очень рано, въ такомъ періодѣ, когда мужской половой органъ не былъ еще окончательно развитъ. При такихъ условіяхъ гимень не является препятствіемъ для наслажденія половымъ чувствомъ. Постепенно растягиваемый, но не разорванный, онъ, въ концѣ-концовъ, не представлялъ уже препятствія и для зрѣлаго полового органа.

Мы предполагаемъ, слѣдовательно, что въ отдаленныя времена гимень не грубо разрывался, а постепенно растягивался и что его разрывъ имѣетъ позднѣйшее и вторичное происхожденіе.

Въ подтвержденіе этой гипотезы мы можемъ привести тотъ фактъ, что даже въ настоящее время половыя сношенія устанавливаются очень рано у нѣкоторыхъ дикихъ или мало развитыхъ народовъ. Такъ, на островѣ Цейлонѣ «свадьбы устраиваются, когда мальчику 7—8 лѣтъ, а дѣвочкѣ 4—5, по *Розру*, или 8, по *Бейерлейну*. Послѣ свадебной церемоніи невѣста возвращается въ родительскій домъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда у нея начинаютъ появляться регулы, ее соединяютъ съ отрокомъ-мужемъ» (*Бартельсъ-Плоссъ* «Das Weib», I, стр. 620).

Розръ утверждаетъ, что видѣлъ случаи, когда отецъ и сынъ посѣщали классы одной и той же школы.

У Ведовъ (каста рабовъ въ южной Индіи) мальчики жепятся въ 15—16 лѣтъ, т.-е. въ эпоху, когда половой органъ еще далеко не достигъ своихъ окончательныхъ размѣровъ. Миссіонеръ *Этернъ* былъ пораженъ волненіями туземцевъ Керадифа (въ Абиссиніи), получившихъ приказъ въ теченіе 14 дней поженить всѣхъ мальчиковъ выше 14 лѣтъ съ дѣвочками выше 9 лѣтъ (*Бартельсъ-Плоссъ*,

1. с., стр. 622). На Мадагаскарѣ въ началѣ XVII вѣка мальчики женились съ 10—12 лѣтняго возраста (*ibid.*, 623). Туземцы нѣмецкихъ колоній Новой Гвинеи женятъ сыновей въ 14 и 15 лѣтъ (*ibid.*, стр. 627). Даже въ Англіи существуетъ законъ, позволяющій мальчикамъ жениться въ 14 лѣтъ. Хотя законъ этотъ въ настоящее время—мертвая буква, но онъ соотвѣтствуетъ, очевидно, древнему обычаю.

Какъ извѣстно, и въ наши времена гимень не всегда оказывается разрушеннымъ послѣ полового акта.

Бюдэнз насчиталъ, что приблизительно въ 17% случаевъ оболочка эта не нарушена у первороженицъ. Онъ нашелъ, что изъ 75 женщинъ, родившихъ въ первый разъ, у 13 гимень былъ въ цѣлости.

Съ тѣхъ поръ какъ на отцѣ лежитъ отвѣтственность содержанія дѣтей, онъ женится гораздо позднѣе, чѣмъ въ то время, когда дѣти зависѣли отъ матери. Вотъ почему въ настоящее время связи съ едва возмужалымъ отрокомъ гораздо рѣже, чѣмъ въ былыя времена.

Тогда же пропорція беременныхъ женщинъ съ неповрежденной дѣвственной плевой была, конечно, еще гораздо больше. Легко представить себѣ эпоху, когда послѣдняя у женщинъ вообще не разрывалась. Разрывъ этотъ былъ бесполезенъ, и онъ служитъ примѣромъ наиболѣе поздней дисгармоніи женскаго полового аппарата.

Всѣмъ извѣстно, что различныя части женскихъ половыхъ органовъ соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ частямъ мужского полового аппарата.

Такимъ образомъ, дѣвственная плева аналогична (или, скорѣе, гомологична, какъ выражаются въ сравнительной анатоміи) маленькой складкѣ, мѣшающей смѣшенію сѣменныхъ тѣлъ съ мочей во время соитія и извѣстной въ анатоміи подъ названіемъ пѣтушьей головы (*Caput gallinaginio* или *Colliculus seminalis*). Органъ этотъ несравненно меньше гимена. Вотъ почему невозможно счесть первый, бесполезный органъ, остаткомъ второго, выполняющаго извѣстное полезное отправленіе. Но у многихъ семитическихъ народовъ (евреевъ, арабовъ) и у мусульманъ иного происхожденія (персовъ, негровъ, индусовъ, татаръ и т. д.) воротникъ мужского полового органа удаляется посредствомъ обрѣзанія, и это не влечетъ за собой ровно никакихъ неудобствъ. Органъ этотъ, слѣдовательно, безспорно входитъ въ разрядъ бесполезныхъ частей, весьма многочисленныхъ среди органовъ размноженія обоихъ половъ.

II.

Развитіе и смысл менструальнаго истеченія у женщины. — Ранніе браки у нѣкоторыхъ первобытныхъ и малоцивилизованныхъ народовъ. — Дисгармонія въ половой зрѣлости и общей зрѣлости организма. — Возрастъ вступленія въ бракъ. — Примѣры дисгармоніи въ развитіи воспроизводительной функціи.

Несмотря на очевидное несовершенство человѣческихъ половыхъ органовъ, они все-таки выполняютъ свое главное воспроизводительное отправление.

Только при ближайшемъ изученіи его тотчасъ замѣтны стороны явной дисгармоніи и дурного приспособленія.

Когда въ какомъ бы то ни было органѣ происходитъ кровоизліяніе, то безъ всякихъ колебаній такой органъ признается больнымъ. Кровоизліяніе изъ носа, изъ легкихъ, изъ кишекъ или кровавая моча служатъ симптомами болѣе или менѣе опасной болѣзни. Кровоистеченіе изъ женскихъ половыхъ органовъ часто служитъ такимъ же признакомъ, напримѣръ, при опухоляхъ матки. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила является нездоровье женщины, вызываемое менструаціей, во время которой она теряетъ сотни граммовъ (отъ 100 до 600) своей столь цѣнной крови. Фактъ этотъ самъ по себѣ представляетъ нѣчто парадоксальное для чисто-физиологическаго явленія. Поэтому очень интересно узнать его внутреннее значеніе.

Менструаціи не составляютъ исключительнаго свойства человѣческой породы, какъ дѣвственная плева. Течка самки, конечно, представляетъ нѣчто ей соотвѣтствующее.

Только здѣсь мы имѣемъ дѣло съ припуханіемъ половыхъ органовъ, которое сопровождается слизистымъ выдѣленіемъ съ очень незначительнымъ количествомъ крови. Такой періодъ совпадаетъ съ пробужденіемъ полового чувства и предшествуетъ совокупленію *). У обезьяны наблюдали истеченіе болѣе сходное съ менструальной жидкостью женщины. Давно было замѣчено, что въ зоологическихъ садахъ у нѣкоторыхъ самокъ-обезьянъ стараго свѣта отъ времени до времени появляется періодическое истеченіе, безспорно сходное съ менструаціями женщины. Установлено даже, что у самокъ мартышекъ и перкопитековъ истеченіе это возобновляется ежемѣсячно.

Во время своего пребыванія въ англійскихъ колоніяхъ въ Индіи г. Гунз **) имѣлъ очень удобный случай для подобныхъ наблюденій.

*) *Saint Sur*: „Traité d'obstétrique vétérinaire“, 2 éd. 1888, p. 52.

**) *Heape*: „Philosophical Transactions of the R. Society of London“, 1897, Vol. 188, pp. 135—166.

Онъ выписалъ 230 самокъ маргышекъ (*Macacus rhesus*), большинство которыхъ были беременны или недавно родили. Изъ этого значительнаго количества 17 самокъ обнаружили признаки менструаціи, выраженные въ припуханіи половыхъ органовъ и въ слизистомъ бѣломъ истеченіи. Послѣднее большей частью имѣло блѣдно-розовый отливъ, зависящій отъ присутствія красныхъ кровяныхъ шариковъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ истеченіе бывало сильно окрашено въ красный цвѣтъ.

Несмотря на безспорную аналогію съ менструаціей женщины, течка обезьянъ отличается преобладаніемъ припуханія внѣшнихъ половыхъ органовъ, слизистымъ характеромъ истеченія и малымъ содержаніемъ кровяныхъ шариковъ. Она составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ промежуточное звено между течкой низшихъ млекопитающихъ и менструаціей женщины.

Также и у антропоморфныхъ обезьянъ наблюдали родъ менструальнаго истеченія. *Боло*, *Элерсз* и *Гермесз* *) видѣли его у шимпанзе. «Въ этотъ періодъ,—говоритъ Гартманнъ,—происходитъ припуханіе и краснота внѣшнихъ половыхъ частей. Мало замѣтныя въ обыкновенное время большія губы сильно выступаютъ наружу. Малыя губы и клиторъ весьма увеличены» (стр. 146).

У женщины опуханіе внѣшнихъ половыхъ частей мало замѣтно, и менструаціи характеризуются кровянымъ истеченіемъ. Онѣ, слѣдовательно, обнаруживаютъ вновь пріобрѣтенные признаки.

Менструальная жидкость, при ея теперешнемъ составѣ, по всей вѣроятности, зависитъ отъ видоизмѣненій, наступившихъ въ сравнительно недавнемъ періодѣ развитія человѣчества. У первобытнаго человѣка половыя сношенія наступали рано, и женщина становилась беременной до появленія менструаціи. Послѣднія отсутствовали во время беременности и кормленія. Едва она кончалась, какъ наступала новая беременность. Регулы, слѣдовательно, не устанавливались. Способность человѣка къ оплодотворенію въ теченіе круглаго года сдѣлала его особенно плодовитымъ. Вѣроятно, именно благодаря этой большой плодовитости, распространился родъ людской по всему земному шару и удержался на немъ, несмотря на очень сильную смертность и другія препятствія.

Еще недавно было сдѣлано много новыхъ наблюденій надъ беременностью молодыхъ дѣвушекъ до появленія менструацій. Такъ, *Родъ* утверждаетъ, что среди индійцевъ *Гуатосз*, при слияніи *Ріо-Сао-Лоренцо* съ *Ріо-Парагваемз*, встрѣчаются замужня женщины отъ пяти до восьми лѣтъ, вышедшія, слѣдовательно, замужь до по-

*) „Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie“. 1876, стр. 88.

явленія менструацій. У Ведовъ, въ южной Индіи, «дѣвочки выходятъ замужъ въ 7 и 9 лѣтъ и вступаютъ въ сношенія съ мужьями до появленія половой зрѣлости». Въ Ширасъ, въ Персіи, «дѣвочки также выходятъ замужъ до наступленія регуль, когда груди еще совсѣмъ не развиты». По *Робсону*, въ Сиріи «дѣвушки выходятъ замужъ до наступленія половой зрѣлости, т.-е. начиная съ 10 лѣтъ». *Дю-Шаллю* рассказываетъ, что у Ашировъ, въ западной Африкѣ, женятся, «не ожидая наступленія половой зрѣлости». *Аббади* во время своего путешествія по Нубіи познакомился съ туземнымъ обыкновеніемъ мужчинъ «покупать дѣвушекъ и вступать съ ними въ связь до появленія у нихъ періода менструацій». У Атжековъ, въ Суматрѣ, дѣвушки выходятъ замужъ такъ рано, что о мѣсячныхъ у нихъ не можетъ быть и рѣчи: онѣ еле успѣли смѣнить молочные зубы. Мужья ихъ, старше нѣсколькими годами, еще неспособны къ половой дѣятельности. Но они тѣмъ не менѣе раздѣляютъ супружеское ложе и до того времени, когда наступаетъ зрѣлость. У островитянъ Вити вступаютъ въ бракъ тоже до появленія менструацій.

Древніе индусы женились точно также въ очень раннемъ возрастѣ. *Бетлингъ* приводитъ санскритскіе стихи, въ которыхъ говорится, что отцы, дочери которыхъ не вышли замужъ до появленія первыхъ менструацій, осуждены попасть въ адъ. Въ другихъ стихахъ говорится, что въ этомъ случаѣ попадаютъ въ адъ не только отецъ, но и мать и старшій братъ; сама же дочь низводится въ этомъ случаѣ на низшую ступень *Судры* и уже никогда не можетъ выйти замужъ.

Несомнѣнно, что дѣвочки до появленія регуль могутъ имѣть дѣтей. *Полакъ* приводитъ подтверждающіе примѣры, собранные имъ въ Персіи **). Оплодотвореніе можетъ совершиться и безъ предварительнаго менструальнаго истеченія. Такія явленія встрѣчаются не только въ жаркихъ, но и въ нашихъ странахъ.

Недавно въ Россіи *Рахмановъ* ***) присутствовалъ при родахъ 14-тилѣтней женщины, на видъ дѣвочки такого же возраста, «дурно сложенной и худенькой, съ дѣтскимъ выраженіемъ лица. Она никогда не имѣла мѣсячныхъ». Роды прошли совершенно нормально.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, полное право предполагать, что въ первобытныя времена такіе браки съ незрѣлыми дѣвушками были гораздо болѣе распространенными или даже постоянными. При та-

*) Приведенные факты почерпнуты у *Плоссъ-Бартельса*: „Das Weib.“, 7-ое изд., т. 1, стр. 615—625.

***) *Плоссъ-Бартельсъ* 1. с., стр. 625.

***) „Врачъ“, 1901, стр. 1456.

кихъ условіяхъ менструаціи могли или вовсе не наступать, или только въ исключительныхъ случаяхъ.

Не слѣдуетъ забывать, что менструаціи у обезьянъ наблюдались при искусственныхъ условіяхъ жизни, когда самки были изолированы въ зоологическихъ садахъ и проводили жизнь въ клѣткахъ. Итакъ, становится очень вѣроятнымъ, что менструаціи, какъ мы наблюдаемъ ихъ въ настоящее время, т.-е. въ видѣ обильнаго кроваваго истеченія, составляютъ пріобрѣтеніе рода людского.

По выходѣ изъ первобытнаго состоянія, человѣку пришлось ограничить свою плодовитость и отодвинуть возрастъ вступленія въ бракъ. Вся исторія дикихъ и цивилизованныхъ народовъ показываетъ намъ, что прогрессъ культуры болѣе или менѣе приводитъ къ этому результату. Именно при этихъ условіяхъ могли безпрепятственно развиться регулы и пріобрѣсти свои настоящіе размѣры.

Вмѣстѣ съ этимъ странныя, аномальныя и даже патологическія свойства менструаціи становятся легко понятными. Обильное кровоистеченіе, предшествуемое и сопровождаемое болями и часто очень явными нервными и психическими состояніями,—все это не имѣетъ аналогіи ни съ какими явленіями нормальной фізіологической жизни.

Поэтому понятно, что у большинства народовъ на регулы смотрятъ какъ на нѣчто совершенно необыкновенное. «Почти всѣ народы земного шара считаютъ женщину во время менструаціи нечистой» (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., стр. 420). Правило это такъ постоянно, что незачѣмъ даже подтверждать его рядомъ примѣровъ. Мы ограничимся только нѣсколькими, интересными своими особенностями. Такъ, у индусовъ на женщину, принадлежащую къ высшимъ кастамъ, въ первый день менструаціи смотрятъ какъ на парія и даже на второй день—какъ на человѣка, убившаго брамина. У многихъ народовъ женщина во время мѣсячныхъ не смѣетъ приблизиться къ мужчинѣ или дотрогиваться до разныхъ предметовъ, что могло бы вызвать заболѣванія или значительную порчу. Нѣмцы XVIII вѣка думали, что изъ закопанныхъ въ навозъ волосъ женщинъ въ такомъ періодѣ зарождаются змѣи.

При этихъ условіяхъ не удивительно, что нѣкоторые народы думаютъ, будто менструація обязана своимъ происхожденіемъ нечистой силѣ. Иранцы предполагаютъ, что менструаціи появились сначала у *Дшаи*, демона безнравственности (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., стр. 443). Эти представленія соотвѣтствуютъ смутному понятію о томъ, что регулы являются чѣмъ-то ненормальнымъ. Развитіе менструаціи вполне объясняетъ такое представленіе.

Другое странное и, повидимому, ненормальное половое отпра-

вление также может быть выяснено из истории его развития. Мы имеем в виду страдания при родах. Действительно, удивительно и в высшей степени странно, что подобное чисто-физиологическое явление сопровождается такими резкими болями.

Хотя некоторые животные тоже страдают, но из млекопитающих, конечно, всех больше страдает женщина.

Наблюдения над несколькими европейскими женщинами, родившими очень рано, против ожидания показали, что роды при этих условиях «очень легки и что послеродовой период вполне нормален» (*Рахмановъ*). Также врач *Дионисъ* высказал, что «если бы ему представился выбор между 15-ти и 40-лѣтней первородящей, то онъ, безъ сомнѣнія, выбралъ бы первую».

Въ прежнія времена дѣвушки антильскихъ колонистовъ выходили замужъ очень рано. Въ 1667 году *Дю-Тертръ* видѣлъ молодую женщину 12½ лѣтъ, которая увѣряла его, что ея первые роды длились не болѣе четверти часа и не причинили ей никакихъ страданій. Миссіонеръ *Бэйерлейнъ*, практиковавшій довольно долго въ Мадрасѣ, гдѣ браки совершаются очень рано, утверждаетъ, что роды проходятъ тамъ гораздо легче, чѣмъ въ Европѣ (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., стр. 626).

Но, съ другой стороны, некоторые данныя какъ будто бы доказываютъ, что слишкомъ молодыя роженицы подвержены сильной смертности во время и послѣ родовъ. Самый поразительный фактъ въ этомъ отношеніи указанъ *Гассеништейномъ*. Онъ утверждаетъ, что въ Абиссиніи смертность отъ родовъ достигаетъ 30%, и объясняетъ это тѣмъ, что браки совершаются въ періодъ, когда тѣло женщины еще не достаточно развито (*Плоссъ-Бартельсъ*, 1. с., стр. 626). Въ англійскихъ колоніяхъ Индіи много разъ указывали на неудобства слишкомъ раннихъ браковъ. Врачъ *Манселль*, въ петиціи по этому поводу, приводитъ примѣръ 12-лѣтней женщины, роды которой встрѣтили препятствіе въ недоразвитіи таза; это вызвало необходимость раздробленія черепа ребенка (*ibid.*, стр. 629).

Знаменитый англійскій акушеръ *Дунканъ* очень много занимался смертностью отъ родовъ, съ цѣлью установить наивыгоднѣйшій возрастъ для вступленія въ бракъ. Онъ пришелъ къ тому выводу, что роды переносятся всего лучше женщинами отъ 20 до 24 лѣтъ. При этихъ условіяхъ наблюдается наименьшая смертность какъ во время родовъ, такъ и послѣ нихъ. Онъ нашелъ также, что женщины въ этомъ возрастѣ всего плодовитѣе и что ихъ тазовыя кости дозреваютъ именно въ этотъ періодъ. Женщины, не достигшія 20 лѣтъ, или же значительно старшія, даютъ большую смертность отъ родовъ.

Въ виду только-что приведенныхъ фактовъ, намъ слѣдуетъ ближе познакомиться съ однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ дисгармоніи въ ходѣ развитія человѣческаго полового аппарата. Половая зрѣлость женщины обнаруживается появленіемъ регуль въ такой періодъ, когда дѣвушки еще сохраняютъ дѣтскія свойства и когда ихъ тазовыя кости еще не вполне развиты. Итакъ, мы видимъ явный разладъ между половой зрѣлостью и общимъ созрѣваніемъ организма.

Дисгармонія эта оказывается еще болѣе рѣзкой, какъ только мы приступаемъ къ изученію различныхъ фазъ развитія половыхъ частей и ихъ отпавленій.

Въ человѣческомъ родѣ размноженіе обезпечено сближеніемъ половъ, вызваннмъ взаимной симпатіей или любовью. Эта половая связь позволяетъ мужскимъ элементамъ—сперматозоидамъ или сѣменнымъ тѣламъ проникать внутрь яичекъ и оплодотворять ихъ. Мы въ правѣ предположить, что всѣ эти различные акты должны бы идти рука объ руку для достиженія общей цѣли.

Въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Различныя части полового отпавленія развиваются совершенно дисгармонично.

Прежде всего у человѣка появляются любовь и половое чувство. Уже въ XVIII вѣкѣ *Рамдорз* *) указалъ на то, что маленькіе мальчики могутъ обнаруживать чувство влюбленности къ женщинамъ. Они въ то же время проявляютъ сильную ревность и желаніе быть единственными обладателями любимой женщины. Фактъ этотъ довольно распространенъ и встрѣчается среди очень знаменитыхъ людей. Такъ, *Данте* въ девять лѣтъ влюбился въ Беатриче; *Канова* былъ влюбленъ, едва достигнувъ пятилѣтняго возраста, а *Байронъ* въ 7 лѣтъ полюбилъ Мэри Дѣфъ **).

Половая чувствительность также обнаруживается въ очень раннемъ возрастѣ, когда еще не можетъ быть и рѣчи о созрѣваніи элементовъ воспроизведенія. Такъ, у нѣкоторыхъ дѣтей въ колыбельномъ возрастѣ уже наблюдали проявленія чувственности. Столь извѣстные клиницисты, какъ *Куриманнъ* и *Фюрбрингеръ* ***), утверждаютъ существованіе полового чувства у дѣтей ранѣе пятилѣтняго возраста. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прогрессируетъ оно и становится всеобщимъ у мальчиковъ гораздо раньше появленія сѣменной жидкости со зрѣлыми и вполне подвижными сѣменными тѣлами.

Въ этомъ заключается причина онанизма, особенно распространеннаго у мальчиковъ. Ощущая уже характерное и сладострастное

*) „Venus Urania“. Leipzig, 1798.

***) *Мол*: „Untersuch. üb. die Libido sexualis“, 1, стр. 44.

***) Real-Encyclopädie d. Gesamt. Heilkunde, 2-е изд., т. XIV, 1888, стр. 593.

половое чувство въ періодъ, когда еще не можетъ быть и рѣчи о совокупленіи, мальчики, инстинктивно, находятъ средство къ самоудовлетворенію.

Онанизмъ чаще всего опредѣляютъ какъ «удовлетвореніе полового чувства противоестественнымъ путемъ» (*Фюрбринеръ*, 1. с.). Но сама человѣческая природа служитъ причиной тому, что чувственность развилась слишкомъ рано, предшествуя развитію зрѣлости половыхъ элементовъ. Приходится, слѣдовательно, согласиться съ *Летурно* въ томъ, что «половые отклоненія ненормальны, но, по правдѣ сказать, не противоестественны, такъ какъ наблюдаются у множества животныхъ».

Эти отклоненія такъ распространены у мальчиковъ, что, по мнѣнію *Христіана* *), «только немногіе могутъ похвастать тѣмъ, что вполне избѣгли ихъ». Тотъ же авторъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «когда подумаешь, что онанизмъ у нѣкоторыхъ народовъ и въ нѣкоторыя эпохи перешелъ въ нравы и сталъ обыденной привычкой, то невольно спрашиваешь себя, не имѣемъ ли мы дѣло со скрытымъ порокомъ, гнѣздящимся въ глубинѣ человѣческой природы и обнаруживающимся при малѣйшемъ поводѣ?» (1. с.). Отвѣтъ несомнѣненъ. Причина онанизма, этого «порока» или даже «преступленія», какъ выражается *Тиссо* и многіе другіе, безспорно зависть отъ дисгармоніи въ человѣческой природѣ, въ преждевременномъ развитіи полового чувства.

Такой родъ удовлетворенія его въ высшей степени распространенъ какъ у самыхъ цивилизованныхъ, такъ и у самыхъ первобытныхъ народовъ.

У нѣкоторыхъ народовъ онанизмъ до такой степени вошелъ въ нравы, что его даже и не стараются скрывать. Такъ, у *Кхойкхойновъ* (готтентоты) объ этомъ открыто идетъ рѣчь въ разговорахъ и въ легендахъ. И такихъ примѣровъ немало **). А между тѣмъ большинство народовъ смотритъ на онанизмъ, какъ на величайшій грѣхъ, и по возможности скрываетъ его.

Повидимому, въ мужскомъ полѣ онанизмъ вообще болѣе распространенъ и обнаруживается ранѣе, чѣмъ въ женскомъ.

У дѣвушекъ онъ гораздо менѣе распространенъ, чѣмъ у мальчиковъ. Это, очевидно, находится въ связи съ тѣмъ, что чувственность у нихъ вообще развивается гораздо позже ***).

*) „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales“, t. XV, 1881, стр. 376.

***) *Fritsch*: „Die Eingeborenen Süd-Afrikas“. Breslau, 1873.

***) Мнѣ утверждали въ зоологическомъ саду въ Антверпенѣ, что самки обезьянъ только въ исключительныхъ случаяхъ занимаются онанизмомъ, въ то время какъ у самцовъ этотъ способъ удовлетворенія полового чувства вообще очень распространенъ.

Можно считать почти общимъ правиломъ, что дѣвушки, достигшія половой зрѣлости, тѣмъ не менѣе еще не испытываютъ специфическаго чувства. У многихъ оно развивается только постепенно, послѣ брака; довольно часто оно обнаруживается лишь послѣ первыхъ родовъ. Наоборотъ, любовь у молодыхъ дѣвушекъ начинается развиваться очень рано, но долго сохраняетъ чисто-платоническій характеръ и только позднѣе связывается съ половымъ чувствомъ.

Созрѣваніе оплодотворяющихъ элементовъ (сѣменныхъ тѣлъ) наступаетъ гораздо позже чувственности и любви. Но только сѣмя въ свою очередь созрѣваетъ раньше, чѣмъ остальной мужской организмъ. Вслѣдствіе этого браки и правильныя половыя сношенія невозможны въ этотъ періодъ, особенно у народовъ, стоящихъ высоко въ культурномъ отношеніи. Ранѣе вступленія въ бракъ молодой человѣкъ долженъ окончить образованіе, избрать карьеру и быть въ состояніи содержать своихъ дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что съ прогрессомъ цивилизаціи средній возрастъ вступленія въ бракъ все болѣе и болѣе отодвигается. Въ то время какъ половая зрѣлость у европейскихъ народовъ въ мужскомъ полѣ появляется между 12 и 14 годами, средній возрастъ вступленія въ первый бракъ слѣдующій:

	У мужчинъ.	У женщинъ.
Англія	25,94	24,69
Франція	28,41	25,32
Норвегія	28,51	26,98
Голландія	29,15	27,78
Бельгія	29,94	28,19 *)

Сравненіе этихъ цифръ указываетъ на большой промежутокъ между появленіемъ половой зрѣлости и вступленіемъ въ бракъ.

Упадокъ воспроизводительной способности сопровождается не менѣе поразительными явленіями дисгармоніи, чѣмъ тѣ, которыя наблюдаются при установленіи полового отпавленія. Сѣменные тѣла у человѣка развиваются въ теченіе многихъ лѣтъ, и ихъ находятъ еще у очень глубокихъ стариковъ. Такъ, Павловъ **) нашелъ большое количество ихъ у 94-лѣтняго старика, и это—примѣръ не единственный. Но присутствіе элементовъ оплодотворенія само по себѣ еще не обуславливаетъ возможности полового акта.

*) *Wapraeus*: „Allgemeine Bevölkerungsstatistik“, 1861, t. II, стр. 285.

**) „Патолого-анатомическія измѣненія сѣменныхъ железъ въ старости“. Спб., 1894 г. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при вскрытіи столѣтняго старца (103 года) въ Ліонѣ, нашли, что его сѣменные пузырьки наполнены зрѣлыми и вполне развитыми сѣменными тѣлами. „Annales d'hygiène publique“, 1900, стр. 370.

Такъ, сѣмя, образованное въ старческихъ сѣменныхъ железахъ, очень часто не можетъ какъ слѣдуетъ проникнуть въ женскій половой аппаратъ.

Отсюда, у людей преклонныхъ лѣтъ возникаютъ разныя неудобства въ половомъ отпращиваніи. Это не мѣшаетъ сохраненію у нихъ специфическаго чувства и влюбленности до самой глубокой старости. Врачи пріютовъ для стариковъ замѣчаютъ, что пациенты ихъ главнымъ образомъ поглощены вопросами любви. Но уже древніе авторы указываютъ на то, что чувство влюбленности въ старческомъ возрастѣ проявляется въ извращенной склонности къ мальчишкамъ.

Чувствительность и влюбчивость, появляющіяся задолго до половой и общей зрѣлости организма, продолжаютъ такъ же долго послѣ ея наступленія. Какая громадная разница между дисгармоніями человѣческой воспроизводительной функціи и совершенствомъ отпращиванія половыхъ органовъ у большинства растений! А между тѣмъ, какъ это было изложено во 2-й главѣ, для оплодотворенія многихъ цвѣтовъ необходимо участіе насѣкомыхъ. И, несмотря даже на это осложненіе, какая гармонія въ организаціи и въ отпращиваніи растений! Какъ разъ въ то время, когда созрѣваютъ половые продукты, лепестки раскрываются и выдѣляется цвѣточный сокъ. Многіе цвѣты въ это время издають пріятное для насѣкомыхъ благоуханіе. Привлеченныя запахомъ и красками цвѣтовъ, животныя эти приближаются къ ихъ половымъ органамъ: стараясь добыть цвѣточную пыль или цвѣточный сокъ, они нагружаютъ на себя пыльцу и переносятъ ее на другіе цвѣты того же вида. Тотчасъ послѣ совершенія оплодотворенія лепестки завядаютъ, благоуханіе прекращается, и насѣкомыя покидаютъ цвѣты, которые болѣе не нуждаются въ нихъ.

Неудивительно, что дисгармоничныя условія отпращиванія человѣческаго полового аппарата часто причиняютъ различныя неудобства. Дѣти, у которыхъ чувственность развивается очень рано, усваиваютъ привычку самоудовлетворенія способами, провозглашенными «противоестественными». У многихъ вскорѣ обнаруживаются вредныя послѣдствія такихъ пріемовъ. «Ребенокъ, — говоритъ d-г Христианъ (1. с., стр. 377), — не имѣетъ сѣмени, а между тѣмъ именно у него онанизмъ всего губительнѣе и въ тѣмъ болѣе степени, чѣмъ ребенокъ моложе. Именно въ самомъ раннемъ дѣтствѣ онанизмъ всего болѣе заслуживаетъ тѣхъ проклятій, которыми его осыпаютъ; именно тогда губитъ онъ здоровье, умственныя способности и даже жизнь. Маленькія дѣти, имѣющія эту пагубную привычку, худѣютъ, становятся блѣдными, глупѣютъ, ту-

пѣютъ. Опасность, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что организмъ еще не достигъ развитія, необходимаго для проявленія полового отправления». Къ счастью, такія ужасныя послѣдствія сравнительно рѣдки.

Въ XVIII вѣкѣ много шума надѣлала статья швейцарскаго врача *Тиссо* относительно опасности онанизма. Книга его полна преувеличеній и неточностей, но она заключаетъ очень интересныя признанія лицъ, имѣвшихъ эту привычку. Одно изъ нихъ пишетъ къ Тиссо: «Если бы религія не удерживала меня, я бы давно уже покончилъ съ жизнью тѣмъ болѣе жестокой, что она такова по моей собственной винѣ». Онанисты нерѣдко становятся меланхоликами.

Сильныя неудобства вызываютъ также то, что половая зрѣлость предшествуетъ общей зрѣлости и развитію характера. Невозможность жениться въ возрастѣ, когда человѣкъ еще не окончательно созрѣлъ для этого, влечетъ за собой неправильное половое отправление, часто полное опасности.

Слишкомъ долгое сохраненіе половой чувствительности составляетъ также настоящее несчастіе. Старики, неспособные уже ни вызывать любовь, ни удовлетворять ее, часто становятся жертвами своей влюбчивости и неудовлетвореннаго полового чувства. Вполнѣ установлено, что послѣднее неизмѣнно можетъ сохраниться даже послѣ полного исчезновенія половыхъ железъ, — органовъ, необходимыхъ для полового отправления. Такимъ образомъ, женщины, у которыхъ удалены оба яичника, тѣмъ не менѣе вполнѣ сохраняютъ половую чувствительность.

Дисгармонія полового отправления наблюдается также въ отношеніяхъ между лицами различныхъ половъ. Тотъ фактъ, что чувственность развивается гораздо ранѣе у мужчины, чѣмъ у женщины, часто влечетъ разладъ между супругами. Въ эпоху, когда специфическая чувствительность женщины достигаетъ апогея, половое отправление мужчины начинаетъ уже падать. Слѣдствіемъ этого бываетъ супружеская невѣрность и даже проявленія извращеній половой функціи, приводящія къ любви между лицами одного пола.

Въ изслѣдованіи на эту тему *Шопенгауэрзъ* высказываетъ слѣдующее соображеніе: «Тотъ фактъ, что нѣчто столь фундаментально противное природѣ и даже столь противоположное ей главной цѣли (размноженію) производится самой природой, является невѣроятнымъ парадоксомъ, объясненіе котораго составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ...» А между тѣмъ, становясь на точку зрѣнія дис-

*) „Die Welt als Wille und Vorstellung“, t. II, приложение къ главѣ XLIV.

гармоніи въ развитіи и въ отправленіи полового аппарата, очень легко понять эти извращенія полового инстинкта, кажуціяся столь странными и парадоксальными.

Дисгармонія эта служитъ источникомъ столькихъ бѣдствій, начиная съ самаго нѣжнаго возраста и до самой глубокой старости, что почти всѣ религіи относились съ большей или меньшей строгостью къ половому отправленію. Д-ръ *Христианъ* удивляется тому, что почти во всѣхъ религіяхъ встрѣчается странное мнѣніе, будто воздержаніе отъ совокупленія служитъ признакомъ почитанія божества (I. с., стр. 364). Именно въ виду аномальныхъ послѣдствій половой дисгармоніи, религіи пришли къ своимъ строгимъ выводамъ и провозгласили идею порочности человѣческой природы (разобранную нами въ 1-й главѣ).

III.

Дисгармонія семейнаго инстинкта.— Искусственные выкидыши.— Покиданіе дѣтей и ихъ убійство.— Дисгармонія соціальнаго инстинкта.

Если воспроизводительная функція, такъ глубоко коренящаяся въ органическомъ мірѣ, представляетъ столько дисгармоній въ человѣческомъ родѣ, то не слѣдуетъ удивляться явленіямъ разлада, обнаруживающимся въ отправленіяхъ семейнаго инстинкта у человѣка: этотъ инстинктъ болѣе недавняго происхожденія и распространенъ между животными въ меньшей степени, чѣмъ половой.

Мы видѣли, что у многихъ животныхъ половой инстинктъ претерпѣваетъ глубокія извращенія и что нерѣдки примѣры онанизма и совокупленія между самцами. Наоборотъ, въ мірѣ животныхъ нѣтъ случаевъ, гдѣ бы оплодотвореніе, беременность и роды встрѣчали препятствіе въ какихъ-нибудь извращенныхъ инстинктахъ.

Родъ человѣческой одинъ имѣетъ привилегію, несмотря на половыя сношенія, дѣлать оплодотвореніе невозможнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ воспользовался потерей *os penis*, о чемъ было упомянуто въ 3-й главѣ: присутствіе этой кости мѣшаетъ перерыву полового акта. Существуетъ много способовъ преградить сѣменнымъ тѣламъ доступъ къ яичкамъ и нѣтъ надобности перечислять ихъ здѣсь,—такъ обычно и распространено ихъ употребленіе. Въ цивилизованныхъ странахъ этими способами, главнымъ образомъ, ограничиваютъ рождаемость. Въ началѣ своего существованія родъ человѣческой долженъ былъ отличаться очень сильной плодовитостью, но съ развитіемъ культуры люди не замедлили найти дѣйствительныя средства для ея уменьшенія.

Дикіе или мало цивилизованные народы прибѣгаютъ къ сред-

ствамъ, мѣшающимъ оплодотворенію, рѣже, чѣмъ къ искусственнымъ выкидышамъ, у нихъ очень распространеннымъ.

Въ книгѣ *Плоссъ-Бартельса* «О женщинѣ», на которую мы ссылались нѣсколько разъ, цѣлая глава (т. I, гл. XXXV) посвящена этому вопросу. Искусственные выкидыши, производимые съ цѣлью уменьшенія рождаемости, составляютъ обычай, распространенный по всему земному шару. У большинства первобытныхъ или мало цивилизованныхъ народовъ это безпрепятственно практикуется открытымъ и легальнымъ образомъ. У многихъ народовъ принято имѣть двухъ дѣтей; въ случаѣ новой беременности, не колеблясь, производятъ выкидышъ.

Туземцы *Кайзара* и острововъ *Ватубела* строго придерживаются этого правила. У туземцевъ острововъ *Аару* рѣдко встрѣтишь болѣе трехъ дѣтей въ одной семьѣ, такъ какъ остальные выкидываются ранѣе срока способомъ, освященнымъ обычаемъ.

Искусственное выкидываніе особенно распространено въ Индіи. Оно столь же часто встрѣчается у индусовъ, подвластныхъ англичанамъ, какъ и у независимыхъ. На полуостровѣ *Кутч* женщины очень часто сокращаютъ свою беременность искусственными мѣрами. Одна мать открыто хвасталась *Макмурду* тѣмъ, что пять разъ прибѣгала къ такимъ мѣрамъ. У африканскихъ народовъ, а также у природныхъ американцевъ или у американцевъ бѣлой расы, искусственное выкидываніе тоже очень распространено.

Даже и въ Европѣ у нѣкоторыхъ народовъ оно допускается, по крайней мѣрѣ—въ извѣстныхъ предѣлахъ. Турки думаютъ, что до 5-го мѣсяца зародышъ не имѣетъ реального существованія; поэтому они не считаютъ грѣхомъ его извлеченіе. Но это дѣлается даже и въ такой періодъ, когда подобная мѣра считается преступной. Въ 1872 году въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ Константинополѣ разбиралось болѣе 3.000 случаевъ искусственныхъ выкидышей. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ на Востокѣ такъ мало незаконныхъ дѣтей.

Искусственное выкидываніе не есть современное изобрѣтеніе; оно извѣстно съ незапамятныхъ временъ. Древніе греки производили его открыто, и оно не преслѣдовалось законами. *Платонъ* позволялъ его акушеркамъ; *Аристотель* требовалъ произведенія искусственнаго выкидыша въ случаѣ, когда «у женатыхъ людей жена становилась беременной противъ всякаго ожиданія».

Штеллеръ, говоря о камчатскихъ Ительменахъ XVIII вѣка, утверждаетъ, что у нихъ браки совершались скорѣе ради чувственного удовольствія, чѣмъ для размноженія, такъ какъ они «прерываютъ беременность разными лѣкарствами и вызываютъ выкидышъ зельями или другими грубыми средствами».

Техника выкидыванія во всѣ времена была очень разнообразна. Помимо множества лѣкарствъ, большей частью растительнаго происхожденія, часто употребляли различныя механическія средства. Туземцы Гренландіи пользовались заостренными ребрами тюленей или моржей, а гавайцы Сандвичевыхъ острововъ—спеціальнымъ деревяннымъ инструментомъ, изображающимъ родъ божества.

Нѣкоторые народы, однако, издавна сильно возставали противъ искусственнаго выкидыванія. Таковы были въ древности мидяне, бактріяне, персы и евреи. У древнихъ инковъ за искусственное выкидываніе наказывали смертью. Христіанскіе народы только позднѣе вступили на этотъ путь порицанія. Но примѣры эти относятся лишь къ меньшинству народовъ, населяющихъ землю. Да и у нихъ искусственное выкидываніе производится очень часто, хотя это и скрываютъ.

Животныя, будучи неспособными производить выкидыши, довольно часто уничтожаютъ свое потомство, какъ было упомянуто во 2-й главѣ. У людей убійство новорожденныхъ встрѣчается слишкомъ часто. Греки и римляне не признавали, чтобы ребенокъ въ моментъ рожденія имѣлъ уже право на жизнь. Древнимъ германцамъ дозволялось покидать своихъ дѣтей. У арабовъ, до принятія ислама, существовало обыкновеніе закапывать живыми большинство новорожденныхъ дочерей. Аналогичный обычай очень распространенъ въ Индіи. Всѣмъ извѣстно, какъ китайцы покидаютъ своихъ дѣтей. По свѣдѣніямъ, оставленнымъ *Эйтелемъ* *), китайцы провинціи Кантона часто при рожденіи убиваютъ ихъ. «Можно сказать,—утверждаетъ этотъ авторъ,—что убійство дѣвочекъ представляетъ общее правило у земледѣльческихъ классовъ Хак-ло и особенно у Хак-ка». Среднее число дѣвочекъ, убиваемыхъ тотчасъ послѣ рожденія, по словамъ самихъ же Хак-ка, достигаетъ почти двухъ третей новорожденныхъ.

Въ маленькой деревнѣ, гдѣ авторъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, слѣдствіе, искусно выполненное при помощи нѣсколькихъ христіанокъ, показало, что «каждая женщнна этой деревни, родившая болѣе двухъ дѣтей, убила, по крайней мѣрѣ, одного ребенка».

Въ Таити убивали двѣ трети новорожденныхъ дѣтей, большей частью женскаго пола. Уничтожали трехъ первыхъ дѣтей, а также и близнецовъ, и никогда не воспитывали болѣе двухъ или, въ крайнемъ случаѣ, трехъ дѣтей **). У меланезійскихъ народовъ убійство дѣтей очень распространено. «Кажется почти невѣроятнымъ,—гово-

*) L'Anthropologie. T. IV, 1803, стр. 120.

***) Gerland y Waitz'a Anthropologie der Naturvölker. T. VI, 1872, стр. 139.

рять *Ратцель* *),—что въ Ужи (островъ Соломоновой группы) убиваютъ почти всѣхъ дѣтей, чтобы замѣнить ихъ Боросами».

Неудивительно, что при такомъ распространѣніи искусственныхъ выкидышей и избіеніи новорожденныхъ дѣтей большое число такъ-называемыхъ первобытныхъ народовъ постепенно вымираетъ и находится на пути къ полному исчезновенію.

Таково положеніе туземцевъ юж. Ново-Галльской земли, Дорезовъ Новой Гвинеи, туземцевъ острововъ *Аару* и пр. Трудно найти что-нибудь болѣе наглядно показывающее слабость семейнаго инстинкта въ родѣ людскомъ. У болѣе культурныхъ націй грубыя средства первобытныхъ народовъ уступили мѣсто усовершенствованнымъ способамъ, мѣшающимъ зачатію. Поэтому убійство новорожденныхъ стало въ высшей степени рѣдкимъ. Искусственные выкидыши производятся утонченнымъ способомъ, основаннымъ на научныхъ данныхъ. Вмѣсто того, чтобы прободать зародышевыя оболочки тюленьимъ ребромъ или шпилькой, дѣлаютъ это стерилизованными зондами, при условіяхъ безупречной антисепсіи. Отдѣляясь отъ плода любви, стараются какъ можно менѣе рисковать жизнью и здоровьемъ женщины.

Несомнѣнно, что не одинъ народъ исчезъ вслѣдствіе слабаго развитія семейнаго инстинкта. Но это не даетъ права думать, чтобы родъ людской долженъ былъ когда-нибудь также исчезнуть вслѣдствіе недостатка потомства. Тѣмъ не менѣе справедливо, что легкость, съ которой можно препятствовать рождаемости дѣтей, доказываетъ безсиліе семейнаго инстинкта и выдвигаетъ серьезный вопросъ, достойный вниманія ученыхъ и законодателей.

Семейный инстинктъ коренится очень глубоко, такъ какъ происходитъ отъ животныхъ, гораздо болѣе давнихъ, чѣмъ человѣкъ; тѣмъ не менѣе въ родѣ людскомъ онъ подвергается множеству измѣненій, способныхъ привести даже къ исчезновенію нѣкоторыхъ народовъ или расъ. Тѣмъ не менѣе онъ достаточенъ для того, чтобы навѣки обезпечить сохраненіе человѣка.

Человѣкъ, безспорно—общественное существо, но инстинктъ, составляющій его соединяться въ группы, только недавняго происхожденія. Общества животныхъ, столь развитыя въ мірѣ насѣкомыхъ, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія къ человѣческимъ обществамъ. У млекопитающихъ, болѣе близкихъ предковъ рода людскаго, общественная жизнь еще первобытнѣе. Даже у че-

*) „Völkerkunde“, 1885, t. 1, стр. 274.

ловѣкообразныхъ обезьянъ не замѣчается большаго прогресса въ этомъ отношеніи. Многія изъ нихъ, будучи въ неволѣ, обнаруживали дружелюбныя чувства по отношенію къ человѣку и къ различнымъ животнымъ, что уже указываетъ на ихъ способность къ жизни сообща.

Но при естественныхъ условіяхъ человѣкообразныя обезьяны живутъ только семьями и образуютъ лишь малочисленныя общества. Вотъ что говоритъ д-ръ *Сэваджъ* *) относительно общественной жизни шимпанзе: «Судя по тому, что мы видимъ здѣсь, нельзя сказать, чтобы они жили стадами: рѣдко соединяются они въ группы болѣе, чѣмъ изъ пяти или, въ крайнемъ случаѣ, изъ десяти особей; но рассказываютъ, ссылаясь на серьезные авторитеты, что они часто собираются въ болѣебольшемъ числѣ для игръ. Лицо, давшее мнѣ эти свѣдѣнія, говоритъ, что разъ видѣли шимпанзе въ числѣ 50-ти особей. Они играли вмѣстѣ, крича, воя и барабани палками по срубъ дерева; послѣднее дѣлали они съ одинаковой легкостью всѣми четырьмя конечностями».

Мы недостаточно знакомы съ общественной жизнью человѣкообразныхъ обезьянъ, но по всему, извѣстному намъ, очевидно, что она представляетъ только первые признаки общественности. Человѣкъ, конечно, пошелъ гораздо дальше въ этомъ отношеніи. Даже самыя низшія расы и самыя первобытные народы изъ нынѣ существующихъ, каковы бушмены и туземные жители Австраліи, обнаруживаютъ рѣзко выраженный соціальныи инстинктъ **).

Такое постоянство общественнаго инстинкта во всемъ родѣ людскомъ подало поводъ думать, что этого естественнаго свойства достаточно для того, чтобы доставить человѣческимъ обществамъ основу для счастливой жизни.

Въ столь многочисленныхъ попыткахъ обосновать нравственность на чисто-раціональномъ принципѣ, безъ всякаго привлеченія сверхъестественныхъ силъ, всегда выдвигали впередъ инстинктивную потребность человѣка къ общественной жизни. Стараясь вывести правила людскаго поведенія изъ свойствъ человѣческой природы, ссылались на врожденную симпатію человѣка къ себѣ подобнымъ. Формула эта такъ распространена и стала такой обыденной, что даже излишне подробнѣе развивать ее. Можемъ ограничиться немногими цитатами.

Около половины XIX вѣка нѣмецкій врачъ *Бюхнеръ* написалъ

*) Цитата у *Гексли*: „Мѣсто человѣка“, 1891, стр. 224.

**) Для подробностей см. *Сутерланда*: „Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта“, рус. пер. 1900 г.

родъ матеріалистическаго кодекса, пользовавшагося въ ту пору большою извѣстностью. Вотъ что говоритъ онъ *) по поводу занимающаго насъ теперь вопроса: «То, что мы называемъ нравственнымъ чувствомъ, зарождается изъ общественныхъ инстинктовъ или привычекъ, развиваемыхъ каждымъ человѣческимъ (или животнымъ) обществомъ и которые должны быть имъ развиваемы подъ опасеніемъ погибнуть по неспособности». Нравственность происходитъ изъ общественности и видоизмѣняется согласно съ идеями и потребностями, преобладающими въ данномъ обществѣ: «Человѣкъ въ основѣ есть существо общественное, которое нельзя себѣ представить внѣ общества иначе, какъ въ состояніи поистинѣ дикаго звѣря; поэтому очевидно, что жизнь сообща налагаетъ на него обязательства взаимности, которыя современемъ становятся опредѣленными принципами нравственности».

Въ теченіе пятидесяти лѣтъ продолжаютъ повторять приблизительно то же самое.

Въ книгѣ, появившейся всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, очень извѣстный нѣмецкій естествоиспытатель *Гэжель* **), говоритъ слѣдующее: «Наше современное знаніе природы показываетъ, что чувство долга у человѣка покоится не на категорическомъ императивѣ, но на *реальной основѣ общественныхъ инстинктовъ*, существующихъ у всѣхъ высшихъ животныхъ, которыя ведутъ общественный образъ жизни. Оно признаетъ конечной цѣлью нравственности—установленіе здоровой гармоніи между эгоизмомъ и альтруизмомъ, между любовью къ себѣ и любовью къ ближнему. Человѣкъ, желающій жить въ благоустроенномъ обществѣ и быть счастливымъ, долженъ стремиться достигъ не только своего собственнаго счастья, но также и счастья того общества, къ которому принадлежитъ, и счастья ближнихъ, входящихъ въ послѣднее. Онъ долженъ признать ихъ благосостояніе своимъ, какъ и ихъ страданія—своими собственными. Этотъ основной общественный законъ такъ простъ и естественъ, что трудно понять, какъ возможно противиться ему въ теоріи или на практикѣ; а между тѣмъ это дѣлается нынче точно такъ же, какъ дѣлалось тысячелѣтія тому назадъ».

Половые и семейные инстинкты могутъ удовлетворяться очень различными способами; точно то же относится и къ общественному инстинкту. Онанизмъ и однополая любовь могутъ удовлетворить половое чувство; воздержаніе, искусственное выкидываніе и убійство новорожденныхъ наблюдается на каждомъ шагу рядомъ съ любовью

*) „Сила и матерія“, 6-е франц. изд. 1884, стр. 507.

***) „Die Welträttsel“, 7-е изд. Боннъ, 1901 г., стр. 403 и 404.

къ женщинѣ и къ нѣсколькимъ пощаженымъ дѣтямъ. Точно также общественный инстинктъ неисправимаго убійцы можетъ быть вполне удовлетворенъ привязанностью къ одному или къ нѣсколькимъ злодѣямъ. Какъ извѣстно, самые ужасные преступники имѣютъ свою личную нравственность: они очень вѣрны своимъ товарищамъ и страшно ненавидятъ все остальное человѣчество.

Итакъ, дѣло не сводится только къ тому, чтобы имѣть и обнаруживать общественный инстинктъ, свойственный всякому человѣческому существу. Слѣдуетъ еще установить, въ какой степени и по отношенію къ какимъ изъ нашихъ ближнихъ должны мы обнаруживать этотъ инстинктъ. Именно здѣсь и начинается великое затрудненіе. Его никогда не могли рѣшить какъ слѣдуетъ ни рационалистическія теоріи, ни религіозныя доктрины. Надо ли распространять наши общественные инстинкты на близкихъ и дальнихъ родственниковъ, или на всѣхъ согражданъ и соотечественниковъ, или на всѣхъ бѣлыхъ и черныхъ, добрыхъ и злыхъ людей? Или, быть можетъ, инстинктъ этотъ долженъ быть направленъ преимущественно на единовѣрцевъ или единомышленниковъ? Инстинктивное чувство само по себѣ остается совершенно нѣмымъ на этотъ вопросъ, — между тѣмъ именно въ немъ и заключается главная задача, которую надо рѣшить. Какъ извѣстно, въ различныя эпохи и при различныхъ условіяхъ весьма различно отвѣчали на этотъ вопросъ. Такъ, въ тѣ времена, когда преобладающимъ чувствомъ было религіозное, вѣра составляла гораздо болѣе сильную связь, чѣмъ идея родины. Позднѣе, наоборотъ, на первое мѣсто выступилъ патріотизмъ. Въ послѣднее время часто зываютъ къ чувству международной солидарности. Такъ, нѣсколько націй недавно заключили союзъ противъ китайцевъ, забывая вопросы національности. Нѣкоторые народы индоевропейскаго происхожденія соединились не только между собой, но и съ народомъ монгольской расы, съ цѣлью наказать общаго врага. Но что связало между собой столько различныхъ людей? Это не была религія: между союзными народами были католики, протестанты, православные и буддисты. Это скорѣе была общность интересовъ, основанная на аналогіи культуры, военной и политической организаціи.

Часто думаютъ, что общественный инстинктъ или, что то же, симпатія между людьми, распространяясь все болѣе и болѣе, станетъ такой всеобщей, что всѣ члены человѣчества почувствуютъ себя солидарными и будутъ дѣйствовать только въ виду общаго блага. Но въ дѣйствительности задача гораздо сложнѣе. Слишкомъ усиленная симпатія можетъ оказаться вредной. Какъ извѣстно, нѣкоторыя націи, влекомыя симпатіей, принимали дѣятельное участіе

въ войнахъ, результаты которыхъ не были благоприятны. Симпатія, обнаруживаемая къ дурнымъ и опаснымъ людямъ, можетъ точно такъ же быть пагубной. Итакъ, общественный инстинктъ часто приходится сдерживать въ интересахъ самой группы людей, соединенныхъ для общей цѣли.

Слѣдуетъ ли распространять симпатію на все человѣчество или надо сосредоточивать ее на группѣ людей?

Теоретически часто говорятъ о солидарности всего человѣчества; думаютъ, что можно одинаково симпатизировать всѣмъ расамъ, даже наиболѣе удаляющимся отъ типа цивилизованнаго человѣка. Это теоретическое мнѣніе въ странахъ, населенныхъ различными расами, часто наталкивается на чисто-практическія затрудненія.

Такъ, въ Америкѣ и въ нѣсколькихъ другихъ странахъ были изданы ограничительные законы противъ китайцевъ; имъ отказывали въ той степени симпатіи, которую обнаруживали относительно другихъ народовъ. Негритянскій вопросъ также очень усложнился въ тѣхъ странахъ, гдѣ чернокожіе живутъ среди бѣлыхъ. Въ Европѣ вообще осуждаютъ людей бѣлой расы за то, что они завладѣваютъ странами первобытныхъ народовъ.

Сутерландъ, авторъ выдающагося сочиненія о происхожденіи и развитіи нравственнаго инстинкта, оправдываетъ этотъ произволь. На вопросъ, «хорошо ли поступили бѣлые, овладѣвъ австралійскими лѣсами, принадлежавшими чернымъ», онъ отвѣчаетъ утвердительно. «Извѣстный нравственный инстинктъ,—говоритъ онъ,—осуждаетъ подобную политику, а между тѣмъ она была, несомнѣнно, правильной» (I. с., стр. 796). Подводя итоги своимъ изслѣдованіямъ по этому поводу, авторъ приходитъ къ тому выводу, что «нравственное поведеніе заключается въ рациональномъ компромиссѣ между индивидуальными и социальными инстинктами, такъ часто сталкивающимися» (I. с. стр. 708). Однако онъ, подобно своимъ предшественникамъ, не раскрываетъ этой рациональной основы.

Общественный инстинктъ—слишкомъ позднее приобрѣтеніе рода человѣческаго, и онъ слишкомъ слабо развитъ для того, чтобы служить вѣрнымъ и достаточнымъ руководителемъ поведенія. Чтобы возмѣстить это неудобство, съ самыхъ отдаленныхъ временъ прибѣгали къ божественной санкціи, устанавливающей людскія отношенія. Съ той же цѣлью присоединили къ ней положительный законъ.

Всѣми этими средствами была достигнута нѣкоторая возможность общественной жизни. Дѣйствительность ихъ особенно наглядно обнаруживается въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, во время катастрофъ, положительный законъ не можетъ болѣе примѣняться.

Такъ, передъ вступленіемъ французовъ въ Москву въ 1812 году или послѣ недавняго вулканическаго изверженія на Мартиникѣ, когда власти были осуждены на бездѣйствіе,—противообщественныя страсти населенія обнаружилась въ формѣ, дурно рекомендуемой силу общественнаго инстинкта.

Мы видѣли, что инстинктъ выбора пищи, какъ и половой и семейный инстинкты человѣка, до такой степени несовершенны, что на нихъ невозможно полагаться безъ другого, болѣе точнаго руководства. Поэтому необходимо устанавливать, какая пища полезнѣе человѣку при различныхъ условіяхъ жизни и какія средства—наилучшія при данныхъ обстоятельствахъ, для удовлетворенія инстинктовъ размноженія и семейнаго чувства. Точно также необходимо точно опредѣлять цѣль общественнаго инстинкта. Изъ любви къ ближнему надо всѣми средствами стараться сдѣлать людей какъ можно счастливѣе.

Но что такое счастье? Есть ли это ощущеніе благосостоянія, испытываемое самимъ человѣкомъ, или же мнѣніе другихъ людей объ этомъ ощущеніи? Какъ извѣстно, часто бываетъ очень трудно рѣшить: счастливъ или нѣтъ данный человѣкъ. Когда онъ обладаетъ здоровьемъ, семьей и средствами къ существованію, мы, со стороны, склонны считать его вполне счастливымъ, что часто бываетъ диаметрально противоположно его собственному мнѣнію. Поэтому иногда совершенно невозможно полагаться на постороннюю оцѣнку. Съ другой стороны, собственное мнѣніе человѣка относительно своего счастья можетъ также основательно подлежать критикѣ, когда хотя бы составить себѣ понятіе о немъ.

Часто ощущеніе счастья служитъ только признакомъ прогрессивнаго паралича. Объ этомъ можно судить по слѣдующему разсказу. «Больной доволенъ собой; онъ восхищается своимъ сложениемъ и положениемъ. Онъ постоянно хвастаетъ своимъ здоровьемъ, силой своихъ мускуловъ, свѣжимъ цвѣтомъ своего лица, своей неутомимостью и т. д. Его одежда великолѣпна; его жилище роскошно. На дальнѣйшей ступени преувеличеніе достигаетъ крайности: одинъ—дуновеніемъ своимъ опрокидываетъ стѣны; другой—утверждаетъ, что можетъ поднять сто килограммовъ; тотъ—въ состояніи выпить цѣлую бочку; другого—ничто не можетъ утомить. Наконецъ, наступаетъ манія величія и больные въ изобиліи приписываютъ себѣ титулы, власть и богатство. Они—депутаты, графы, князья, генералы, цари, императоры, папы, Богъ» *).

*) *Ballet et Blocq: Paralyse générale progressive. Traité de médecine, publié sous la direction de Charcot, Bouchard et Brissaud, t. VI, 1894, стр. 1632.*

Такъ какъ прогрессивный параличъ является однимъ изъ послѣдствій сифилиса, то стоило бы только распространить эту болѣзнь, чтобы доставить наибольшему числу людей наивозможно большее счастье...

Нечего настаивать на нелѣпости подобной перспективы. Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что этотъ вопросъ счастья, столь тѣсно связанный съ общественной жизнью, является одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ.

Общественный инстинктъ также безсиленъ для рѣшенія вопроса о справедливости подчиненнаго общей цѣли человѣческаго существованія. Понятно, что при современномъ состояніи человѣческихъ знаній человѣкъ неизбежно совершаетъ неправду и подвергается многочисленнымъ несправедливостямъ. Это зло есть также одно изъ послѣдствій дисгармоніи человѣческой природы.

Изъ всего предшествующаго ясно вытекаетъ, что для нахождения раціональнаго руководства въ проявленіи общественнаго инстинкта прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ настоящее личное счастье и настоящая справедливость. Только тогда станетъ извѣстнымъ, что дѣлать для доставленія людямъ возможно счастливейшаго существованія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Мечниковъ.

Происхождение и развитие министерскаго начала въ Россіи до общаго учрежденія министерствъ *).

Едва ли можно сомнѣваться, что практика министерскаго управленія въ Россіи гораздо старше его оффиціальной исторіи. Еще за два вѣка до общаго учрежденія министерствъ, съ того самаго момента, какъ у насъ началось постепенное образованіе особыхъ органовъ центральнаго управленія, приказовъ, мы наблюдаемъ уже зародыши бюрократическаго начала, которое чѣмъ далѣе, тѣмъ все рѣшительнѣе водворяется въ административной практикѣ, вопреки волѣ законодателя и согласно исторической необходимости. Извѣстно, что основнымъ ядромъ, изъ котораго впоследствии развилась вся система государственныхъ учреждений XVI—XVII ст., былъ дворъ московскаго князя. Но по мѣрѣ того, какъ завершался процессъ государственнаго объединенія сѣверо-восточной Руси и во вновь образовавшемся обществѣ нарождался правительственный классъ могущественнаго боярства, вмѣстѣ съ тѣмъ происходила и естественная централизація управленія. При этомъ скромныхъ силъ княжескихъ слугъ-приказчиковъ и случайныхъ совѣтниковъ князя, которыми можно было обойтись въ XIV—XV вв., теперь оказалось недостаточно. И вотъ мы видимъ, какъ въ Москвѣ рядомъ съ сильнымъ сословно-аристократическимъ учрежденіемъ — боярской думой, появляются знаменитые приказы, незамѣтно выросшіе на почвѣ дворцовой и думской практики. Быстро стягиваютъ они къ себѣ огромную массу дѣлъ, и къ концу XVI ст. въ московскомъ государствѣ складывается цѣлая система приказнаго управленія, которая и дѣйствуетъ затѣмъ вплоть до реформы Петра Великаго. Возникаетъ вопросъ: по какому же принципу была построена эта «система»? Ясный и точный отвѣтъ мы находимъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича: въ

---

*) Пробная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ.

23 ст. X гл. прямо говорится, что дѣла въ приказахъ должно «вершить» «по суду и по сыску судьямъ всѣмъ вопчѣ... и въ приговорѣ писать свои имена».

Такимъ образомъ, *de jure* приказы должны были быть учрежденіями коллегіальными. Но, несмотря на то, что культурныя задачи московскаго правительства были не широки и администрація его проста, все же и для него коллегіальная реформа въ управленіи оказалась тяжела. «Московская волокита» слишкомъ давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Поэтому и законодательная норма осталась *de facto* мертвой буквой, а приказные «судьи» очень скоро обратились въ полновластныхъ министровъ... Не даромъ Петръ В. жаловался на «старыхъ судей», которые, по его словамъ, «такую мочь имѣли... дѣлали, что хотѣли».

Но если, въ дѣйствительности, интересы управленія и создавали довольно прочный административный обычай, то положеніе приказныхъ судей, какъ членовъ боярской думы и «ближнихъ людей» государя, такъ сказать, предрѣшало уже ихъ руководящую правительственную роль. Такимъ образомъ, бюрократизмъ XVII в. одновременно былъ и соціальной необходимостью, и административнымъ удобствомъ. Однако, указанная гармонія постепенно разстраивалась, пока, наконецъ, не исчезла совершенно вмѣстѣ съ московскимъ государствомъ. Извѣстно, что основной причиной, вызвавшей разложеніе московской аристократической монархіи, былъ экономическій кризисъ XVI в. Усиленная мобилизація вотчиннаго землевладѣнія разорила въ конецъ родословное боярство и служилыхъ князей, которые еще въ началѣ XVI в. составляли цвѣтъ военныхъ и правительственныхъ силъ государства. «Опричина» Грознаго была заключительнымъ эпилогомъ въ этомъ тяжеломъ процессѣ, а демократизація государевой думы и отмѣна мѣстничества—его естественнымъ результатомъ. Но въ то время, какъ погибала крупная боярская вотчина, а «знатные роды всѣ безостатку миновалися», на смѣну имъ вступилъ новый общественный классъ дворянъ-помѣщиковъ. Вотъ почему со 2-й половины XVI в. московское правительство начинаетъ развивать съ такой неимоверной энергіей помѣстную систему, а Русь окончательно обращается въ мелко-помѣстное дворянское царство. Такимъ путемъ происходила постепенная децентрализація землевладѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ образовывалось и провинціальное служилое общество. Результатъ получался неожиданный: если прежде княжеско-боярская аристократія тѣснилась при московскомъ дворѣ, ревниво охраняя рыцарскія традиции дружинной старины и лишь изрѣдка заглядывая въ свои родовыя вотчины, то теперь масса служилого класса рассыпалась по всему лицу москов-

скаго государства, гдѣ въ мирной обстановкѣ помѣщичьяго хозяйства, перековавъ мечи на плуги, она стала забывать прелести бранной жизни. И вотъ, начиная съ конца XVI ст., тянется длинный рядъ жалобъ московскаго правительства на «огурство» городскихъ дворянъ, т.-е. на ихъ систематическое уклоненіе отъ воинской повинности. Но то, въ чемъ современники видѣли одно лишь служебное баловство, для историка является важнымъ симптомомъ соціально-экономическаго переворота. И, дѣйствительно, дворянское «пѣтство» было чревато послѣдствіями: оно обратило «помѣстье» въ «недвижимую собственность», сформировало регулярную армію и положило прочное основаніе дворянской эмансипаціи. Но что особенно важно для насъ въ данномъ случаѣ,—переворотъ этотъ подготовилъ реформу центрального, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстнаго управленія. Едва сходитъ со сцены правительственная аристократія XVI в., какъ и ея органъ, боярская дума, начинаетъ быстро худать и превращаться въ дѣловую, чиновный сенатъ, а приказы, эти обособившіяся думскія канцеляріи,—въ коллегіи, гдѣ люди XVIII в. должны были проходить суровую школу «табели о рангахъ». Такъ, по мѣрѣ того, какъ въ области складывалась помѣщичья, крѣпостная дворянская Россія и постепенно назрѣвалъ вопросъ о сословной губерніи, въ центрѣ необходимо должна была наростать могущественная бюрократія. Таково было историческое основаніе петровской реформы. Но главная задача осложнялась еще и специальными чисто административно-техническими цѣлями. Необходимо было упорядочить приказное управленіе, которое представляло собой такую путаницу отношеній, что въ ней не могъ разобраться и самъ московскій дьякъ... Извѣстно, что правительство XVIII в. отвѣтило на эти требованія учрежденіемъ сената и коллегій; на нихъ мы теперь и остановимся.

Прежде всего является вопросъ: много ли поваго внесла реформа Петра Великаго въ сферу нашего центрального управленія? Думаемъ, что очень мало и во всякомъ случаѣ то, что было ею сдѣлано, слишкомъ слабо отвѣчало потребностямъ времени. По существу коллегіи были лишь усовершенствованными приказами, а сенатъ—сильно запоздавшей реставраціей государевой думы. Отсюда и неудача всей реформы. Замѣчательно, что, вопреки историческому опыту, Петръ и его вдохновители повторили старую ошибку московскаго законодательства, построивъ все управленіе на коллегіальномъ принципѣ. Но если уже въ XVII в. административная практика не могла примириться съ подобнаго рода порядкомъ, то тѣмъ менѣе ему было мѣсто въ эпоху полного напряженія государственныхъ силъ, когда въ борьбѣ за свои насущнѣйшія потреб-

ности Россія превращалась въ полицейское государство съ его мелочной регламентаціей и широкимъ развитіемъ правительственной инициативы.

Энергическая власть и возможно подвижной, съ хорошей передачей административный механизмъ— вотъ чего требовали данный моментъ и вся предшествующая исторія. Но, какъ уже было указано выше, ни сенатъ, ни коллегіи не могли удовлетворить этимъ запросамъ. Мы не отрицаемъ того, что самый составъ и компетенція петровскихъ учрежденій получили при немъ большую юридическую опредѣленность, но думаемъ, что тѣмъ лишь рѣшительнѣе были подчеркнуты ихъ коренные недостатки. Въ самомъ дѣлѣ, требуя, чтобы въ коллегіяхъ всѣ дѣла рѣшались «по голосамъ», правительство XVIII в. лишь повторяло отмѣненную уже фактически норму соборнаго Уложенія, а введеніемъ точныхъ регламентовъ оно бросало энергическій, но тщетный вызовъ установившейся административной практикѣ. То же самое было и съ сенатомъ. Это «любимое», но неудачное «дѣтище Петра», представляло собой невозможное смѣшеніе всѣхъ функцій государственной власти въ одномъ органѣ.

Повторяя въ этомъ отношеніи государеву думу, сенатъ, однако, пачиналъ свою дѣятельность въ совершенно новой обстановкѣ. Прежде всего онъ стоялъ гораздо дальше отъ верховной власти, чѣмъ московская дума; во-вторыхъ, онъ не былъ органическимъ звеномъ единой правительственной системы, дѣйствовавшей по истаринному обычаю, а главное, онъ не чувствовалъ подъ собою тѣсно сплоченнаго правительственнаго класса. Кромѣ того, и по своей внутренней организаціи сенатъ не былъ въ состояніи справиться съ тѣмъ обширнымъ кругомъ дѣлъ, который вмѣстѣ съ сильнымъ развитіемъ государственныхъ потребностей росъ не по днямъ, а по часамъ. Поэтому не удивительно, что Петръ самъ первый же пачалъ разрушать свои циклопическія сооруженія. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ этой контръ-реформѣ планомѣрная государственная мысль принимала минимальное участіе. Доминирующая роль здѣсь выпала на долю текущей административной практики. Эта послѣдняя и распатала въ конецъ тяжелую государственную машину, заведенную Петромъ. И вотъ мы видимъ, какъ постепенно правительство XVIII в. возвращается къ традиціямъ XVII ст. Но это происходитъ не сразу. Испытывая на каждомъ шагу неудобства отъ только-что введенной имъ системы, правительство сначала пытается по возможности ее упростить. Указъ 4-го апрѣля 1714 г., вводившій, вмѣсто сенатскихъ единогласныхъ рѣшеній, рѣшенія по большинству голосовъ, а также реформа 1718 г., сильно ограничившая компетенцію сената, имѣетъ какъ разъ такое значеніе. Однако, всего

этого далеко не было достаточно. Коллегиальное начало, поставленное не на мѣстѣ и выдвинутое какъ разъ въ такой моментъ, когда пульсъ государственной жизни бился особенно нервно, совершенно противорѣчило духу и задачамъ эпохи. Отсюда та легкость, съ какой бюрократическій принципъ начинаетъ проникать во всѣ сферы государственнаго управления. Правительство рѣшительно обращается къ старому, давно испытанному средству, личному порученію. Оно вынуждено такъ поступить, несмотря на свое торжественное заявленіе, что «въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ».

Пробиль, такимъ образомъ, часть, и на сцену выступили «знатныя особы» генераль-прокурора, рекетмейстера и герольдмейстера. Въ ихъ лицѣ сенату, какъ «коллегіуму», былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Но иначе и быть не могло... Будучи въ одно и то же время органомъ законосовѣщательнымъ, правительственнымъ, судебнымъ и, наконецъ, контролирующимъ, сенатъ оказался нестостоятельнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. «Немалыя волокиты» тормазили управленіе на каждомъ шагу, сенатскій контроль (особенно послѣ реформы 12-го января 1722 г.) обратился въ пустую фикцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникалъ вопросъ и о собственномъ «неисправленіи» сената. Поименованныя выше довѣренныя персоны, а также институтъ прокуратуры и фискалата должны были внести нѣкоторый порядокъ въ этотъ хаосъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, внутри сената происходила нѣкоторая локализція отдѣльныхъ правительственныхъ функцій въ рукахъ особо къ тому уполномоченныхъ лицъ, съ другой — бюрократизировалось и самое управленіе. Неудивительно поэтому, что новые администраторы совершенно измѣнили обликъ учрежденія, при которомъ они были поставлены. Являясь орудіями верховной власти, сильные своимъ правомъ непосредственнаго съ нею общенія, эти «стряпчіе по дѣламъ государственнымъ» стали между сенатомъ и государемъ, какъ бы не находя себѣ мѣста въ учрежденіи, гдѣ, казалось, жила еще «идея» о великой роли «соборнаго правленія». Но тѣмъ самымъ значеніе и кредитъ сенатской коллегии были подорваны въ самомъ корнѣ. Такъ перерабатывала русская дѣйствительность европейскія формы.

Аналогичный процессъ совершался и въ коллегіяхъ. Здѣсь «вельможи» — президенты довольно быстро превратились изъ предсѣдателей въ деспотическихъ начальниковъ, которые единолично распорядились всѣми дѣлами, каждый по своему вѣдомству, такъ что ихъ управленіе, дѣйствительно, уподоблялось «генеральной и верховной дирекціи». Тщетно Петръ возставалъ противъ подобныхъ «злоупотребленій»: «понеже (писалъ онъ въ указѣ 9 мая) коллегии

нынѣ устроены для того, что каждая съ совѣту и приговору всѣхъ коллегій своей дѣла дѣлала, того ради подтверждаемъ симъ указомъ, дабы президенты никакихъ дѣлъ, ни указовъ одни не дѣлали и не подписывали». Но административная практика была сильнѣе законодателя. До насъ дошло весьма интересное свидѣтельство современника, камеръ-юнкера Берхгольца, который говоритъ въ своемъ дневникѣ, что члены коллегій «не осмѣливаются противорѣчить имъ (т.-е. президентамъ) и пляшутъ по ихъ дудкѣ». Такимъ образомъ, личное начало успѣло уже сдѣлать крупныя завоеванія и въ коллежскомъ управленіи. Однако, на этомъ не прекратилось его поступательное движеніе. Подъ давленіемъ политическихъ событій эпохи, которыя требовали крайняго напряженія военныхъ и финансовыхъ силъ страны и выдвигали на первый планъ вопросы дипломатіи, 3 коллегіи, двѣ военныхъ и одна иностранная, рѣзко выдѣлились изъ общей системы государственныхъ учреждений. Съ одной стороны, онѣ совершенно обособились отъ прочихъ коллегій, съ другой—эмансипировались отъ власти сената и не только стали рядомъ съ нимъ, но даже и выше его. Президенты военной, адмиралтейской и иностранной коллегій обратились, такимъ образомъ, въ настоящихъ министровъ. Свободно распоряжаясь въ сферѣ непосредственно имъ подвѣдомственной, они въ то же время одни (если не считать президента Бергъ-коллегіи) удержали за собой право засѣдать въ преобразованномъ сенатѣ. Но что было особенно важно,—эти «верховные господа министры» составили «тайный совѣтъ» императора, гдѣ предрѣшались не только вопросы внѣшней политики, но и внутренняго управленія. Отсюда, дѣйствуя именемъ государя, они уже нерѣдко обращались съ «указами» къ сенату, а тотъ чинилъ по нимъ исполненіе. Наконецъ, нельзя не замѣтить и того, что президенты первыхъ 3-хъ коллегій были украшены высшими чинами по «табели о рангахъ», не въ примѣръ рядовымъ сенаторамъ.

Всѣми этими мѣрами въ достаточной степени подрывалось значеніе сената, какъ «верховнаго мѣста въ имперіи», и подготовлялась почва для болѣе серьезныхъ преобразованій. Уже при Петрѣ Великомъ было заготовлено нѣсколько проектовъ, согласно которымъ рядомъ съ сенатомъ предполагалось учрежденіе особой «дирекціонъ-коллегіи», т.-е., говоря иначе, предполагалось сорганизовать высшее законодательное и правительственное установленіе. Но если всѣмъ этимъ «помышлешіямъ» и не суждено было получить тотчасъ же верховной санкціи, то административная практика и здѣсь съумѣла предупредить необходимую реформу.

Указомъ 13-го февраля 1720 г. иностранная коллегія по дѣ-

ламъ особой важности превращалась въ тайное присутствіе, куда, кромѣ президентовъ первыхъ 3-хъ коллегій, приглашались также «всѣ или нѣсколько (по важности дѣла) тайныхъ совѣтниковъ дѣйствительныхъ». При этомъ импровизированная такимъ образомъ «консилія» получала и соотвѣтствующую внутреннюю организацію, а въ ея составъ, кромѣ поименованныхъ выше лицъ, входилъ и самъ государь. Въ такомъ видѣ «тайный совѣтъ» Петра являлся какъ бы далекимъ прообразомъ будущаго комитета министровъ и въ то же время первымъ зародышемъ государственнаго совѣта 1810 г. Но что петровскій «совѣтъ» стоялъ въ органической связи съ «верховнымъ тайнымъ совѣтомъ» Екатерины, это, думается намъ, ясно само собой.

Указъ 8-го февраля 1726 г., собственно говоря, не вносилъ ничего новаго, — онъ лишь давалъ большую юридическую определенность учрежденію, которое сложилось подъ вліяніемъ временныхъ нуждъ и не было вовсе введено въ общую государственную систему. Преемники Петра отлично сознавали неудобства подобнаго фактическаго распорядка и ясно выразили это въ томъ же указѣ 8 февраля: «Тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникамъ (гласить этотъ указъ) и, кромѣ сенатскаго правленія, есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, отчего въ первомъ «весьма нужномъ дѣлѣ тайномъ совѣтѣ не малое имъ чинится помѣшательство, да и въ сенатѣ въ дѣлахъ продолженіе оттого, что они за многодѣліемъ не могутъ вскорѣ чинить резолюцію и на государственныя внутреннія дѣла». Противъ этого-то «помѣшательства» и была направлена реформа 1726 г. Образованіе Верховнаго тайнаго совѣта являлось, такимъ образомъ, несомнѣннымъ шагомъ впередъ на пути упорядоченія нашего центрального государственнаго управленія. Не разрушать, но созидать были призваны «верховники», и то, что дѣйствительно совершили они, было лишь дальнѣйшимъ развитіемъ петровскихъ начинаній. И въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго: въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ руководящая роль принадлежала ближайшимъ сотрудникамъ Петра Великаго, его «птенцамъ», которые и не замедлили войти въ права наслѣдства, какъ только не стало Преобразователя. Поэтому мы не можемъ согласиться съ тѣмъ весьма распространеннымъ мнѣніемъ, будто бы дѣятельность Верховнаго тайнаго совѣта носила реакціонный, отрицательный характеръ. Наоборотъ, мы позволимъ себѣ утверждать, что она была по преимуществу организаціонной, положительной.

Извѣстно, что правительство Петра Великаго, въ концѣ-концовъ, должно было сознаться, что многое имъ «сначала не осмотря учинено» было. Но то, что оно успѣло сдѣлать съ цѣлью исправленія своихъ ошибокъ, имѣло своимъ ближайшимъ результатомъ лишь общее разстройство всего управленія. Отсюда понятно, какое тяжелое наслѣдіе досталось «верховникамъ» и какую массу черной работы пришлось имъ произвести, чтобы «разсыпанную сію хранину паки собрать». И дѣйствительно, именно съ этого момента и начинается у насъ та дѣловая, постепенная переработка петровскихъ учреждений, которая и привела въ послѣднемъ итогѣ къ реформамъ Александра I. Вотъ почему исторія сената и коллегій въ эпоху появленія «при боку» російскихъ монарховъ знаменитыхъ «совѣтовъ», «кабинетовъ» и «конференцій» особенно интересна съ этой точки зрѣнія. Впрочемъ, въ настоящую минуту для насъ важно только отмѣтить, что хотя Верховному тайному совѣту и была чужда какая-либо руководящая государственная мысль, все же его скромная дѣятельность оказалась болѣе національной и, такъ сказать, историчной, чѣмъ широкія начинанія бурной эпохи Петра Великаго.

Вѣдь уже къ концу царствованія преобразователя русскими государственными людьми ясно сознавалась потребность въ высшемъ, руководящемъ правительственномъ органѣ. Въ извѣстномъ предложеніи Курбатова вполне опредѣленно была высказана мысль, что «крѣпчайшаго ради» во всемъ царствіи правленія, мнится, надлежитъ быть еще главнѣйшему правленію, именованіемъ или кабинетъ-коллегіумъ, или архиканцеляріи имперіи... въ которомъ правленіи временемъ присутствовать будетъ самъ Его Царское Величество». Что сенатъ считался уже и въ то время совершенно непригоднымъ къ подобнаго рода миссіи, можно заключить изъ записки Генриха Фика, авторъ которой прямо говоритъ: «я нахожу почти невозможнымъ дѣломъ, чтобы въ такой обширной монархіи единственная сенатская или оберъ-коллегія могла всѣмъ завѣдывать и все, что стекается въ нее изъ всѣхъ коллегій и канцелярій всего государства, достаточно взвѣсить, разрѣшить и совершенно исполнить». Если съ приведенными выдержками мы сопоставимъ теперь актъ объ учрежденіи Верховнаго тайнаго совѣта (уже цитированный отчасти нами выше) и вспомнимъ, что, согласно указу 1727 г., совѣтъ призвалъ былъ «въ семь тяжкомъ бремени правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ чипить Ея Величеству «споможеніе и облегченіе», то теоретическій *raison d'être* новаго установленія откроется передъ нами съ полной очевидностью. Являясь новымъ исправленнымъ изданіемъ петровскаго «тайнаго совѣта», со-

вѣтъ Екатерины окончательно упрочилъ торжество министерскаго принципа въ управленіи. «Первыя 3 коллегіи подъ сенатомъ быть не могутъ, какъ и безъ того иностранная никогда отъ него не зависѣла», такъ категорически гласилъ 11 пунктъ «мнѣнія» 16-го марта 1726 г. Но еще ранѣе, указомъ 8-го февраля, президенты названныхъ коллегій «яко первые министры», въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ Верховнаго тайнаго совѣта, были поставлены уже надъ сенатомъ, въ которомъ они и перестали засѣдать. Но, занявъ столь независимое положеніе, «верховные господа» и въ совѣтѣ не образовали изъ себя «особливаго коллегіума». Каждый изъ нихъ явился здѣсь вполнѣ самостоятельнымъ докладчикомъ по своему вѣдомству, причемъ съ этой цѣлью первоначально предполагалось даже раздѣлить Верховный тайный совѣтъ на соотвѣтствующее число «департаментовъ или повѣтій». Но если официально это раздѣленіе и не было проведено, то de facto отдѣльные министры стремились проводить свои предложенія, опираясь болѣе на авторитетъ государыни, чѣмъ на согласное мнѣніе всѣхъ присутствующихъ членовъ совѣта... Возникшая такимъ путемъ «высшая инстанція», сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все верховное управленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣснила на второй планъ старый сенатъ. Теперь этотъ послѣдній былъ сдвинутъ съ своего основанія и постепенно опускался на одну линію съ «прочими коллегіями», которыя хотя номинально и оставались подъ его главной «дирекціей», но уже обнаружили сильную тенденцію идти по стопамъ первыхъ трехъ. Такъ, съ этого времени коллегіи въ извѣстныхъ случаяхъ начинаютъ обращаться прямо въ Верховный тайный совѣтъ, мимо сената. Но что особенно замѣчательно, такъ это незамѣтное исчезновеніе прокуратуры, совершившееся безъ всякаго законодательнаго опредѣленія. Если съ переходомъ задачъ высшаго надзора къ Верховному тайному совѣту генераль-прокурору не было болѣе мѣста въ «высокомъ» сенатѣ и, съ удаленіемъ Ягужинскаго, мѣсто его осталось вакантнымъ, то въ коллегіяхъ, напротивъ, прокуроры превратились въ рядовыхъ коллежскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, и сверху, и снизу торжествующій бюрократизмъ подкапывался подъ сенатскую руину. Вопросы государственнаго хозяйства, юстиціи и полиціи—вотъ, собственно говоря, что оставалось еще въ рукахъ екатерининскаго сената, который положительно начиналъ складываться въ учрежденіе съ болѣе специальной компетенціей. Однако, бюрократизація управленія шла гораздо дальше и глубже.

Уже при Петрѣ Великомъ вѣдомства почтовое, путей сообщенія и петербургской полиціи были организованы чисто бюрократически; то же видимъ мы и послѣ него. На сцену появляются

разнаго рода «генераль-директоры» и «протекторы» (напримѣръ, фабричный), въ качествѣ единоличныхъ руководителей отдѣльными отраслями администраціи и начальниковъ многочисленныхъ вновь открытыхъ коллежскихъ «конторъ». вмѣстѣ съ «первыми министрами» вся эта масса довѣренныхъ лицъ образуетъ цѣлый правительственный корпусъ, не приведенный, однако, въ какую-либо стройную систему. Последнее обстоятельство не было, однако, случайнымъ. Сталкиваясь на практикѣ, благодаря полнѣйшему государственному неустройству, съ тысячами мелкихъ и крупныхъ неудобствъ, правительство XVIII в. искало выхода во всякаго рода временныхъ, частныхъ мѣропріятіяхъ. Подавленное обиліемъ повседневной текущей работы, не успѣвая удовлетворять всѣмъ запросамъ новаго времени, оно было далеко отъ мысли о коренной реформѣ. Плохо, повидимому, сознавая скрытый смыслъ собственной дѣятельности, люди XVIII в., стоявшіе у кормила правленія, одновременно разрушали и поддерживали распатанный механизмъ государственной машины, выписанной Петромъ изъ-за границы и совершенно не приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ. Отсюда тотъ поразительный консерватизмъ, который проходитъ красной нитью черезъ всю исторію нашихъ государственныхъ учреждений. Отсюда же всѣ эти сильно запоздавшія и неудачныя попытки реставраціи петровскихъ учреждений, что не могло, конечно, ни остановить неизбежной дифференціаціи отдѣльныхъ отраслей управленія, ни парализовать прогрессивнаго развитія министерскаго начала. Особенно поучительно въ этомъ отношеніи царствованіе Анны Іоанновны. Передъ нашими глазами какъ бы въ миниатюрѣ повторяется исторія сената эпохи Петра I. Выразивъ твердое намѣреніе слѣдовать завѣтамъ великаго преобразователя, императрица Анна послѣшила возстановить сенатъ на прежнемъ основаніи. Однако, въ октябрѣ 1740 г. ей пришлось уже для лучшаго «наблюденія» надъ нимъ реституировать и должность генераль-прокурора. Но еще прежде «при собственной ея величества особѣ» началъ функціонировать вновь возродившійся «тайный совѣтъ», подъ другимъ только именемъ— «кабинета». Учрежденіе это, какъ говорилось въ указѣ 6-го ноября 1731 г., создано было (*admirabile dictu*) «для лучшаго и порядочнаго управленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ и пользы подданныхъ». Говоря иначе, водворялись тѣ самые порядки, съ которыми тщетно боролась Анна Іоанновна. Реакціонная попытка 1730 г., такимъ образомъ, потерпѣла полное фіаско... Замѣчательно, что, несмотря на свое ясное стремленіе поддержать сенатскую коллегію, императрица, подобно Петру, съ первыхъ же дней начинаетъ нетерпѣливо жаловаться на сенатскую «волокиду». Справедливо по-

лагаю, что сенату «отъ множества дѣлъ какъ государственныхъ, такъ и челобитчиковыхъ, которыя надобно слушать и рѣшать всему собранію, недостаетъ времени», Анна Іоанновна, съ одной стороны, опредѣлила раздѣлить его на 5 департаментовъ, а съ другой—учредила при высочайшемъ дворѣ особаго генераль-рекетмейстера, которому и поручила понуждать сенатъ къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ, а въ случаѣ «нерадѣнія» и штрафовать его. Нельзя не отмѣтить при этомъ и того важнаго факта, что при соображеніи означенныхъ мѣръ сенатъ все время разсматривался, главнымъ образомъ, какъ мѣсто судебное, гдѣ предполагалось насадить «благоугодное правосудіе». При развивающейся дѣятельности кабинета подобный взглядъ былъ, конечно, какъ нельзя болѣе естественъ. Но, вернувшись снова къ личному началу, правительство XVIII в. продолжало его развивать съ неослабѣвающей энергіей. Указомъ 22-го апрѣля 1740 г. первыя 3 коллегіи вновь были изъяты изъ-подъ вѣдѣнія сената, а военная получила даже право не исполнять въ извѣстныхъ случаяхъ сенатскихъ указовъ. Въ правленіе же принцессы Анны всемогущіе «кабинетъ - министры» подѣлили уже между собой дѣла правленія такъ, что каждый изъ нихъ сталъ во главѣ совершенно самостоятельнаго департамента, причемъ Мяннихъ получилъ званіе «перваго министра». Сходное положеніе занялъ и генераль - прокуроръ, огромное вліяніе и власть котораго продолжали увеличиваться. Но если послѣ всѣхъ этихъ правительственныхъ опытовъ сенатъ и оказался снова низведеннымъ съ своего пьедестала, то все же за нимъ оставался еще слишкомъ большой и весьма разнообразный кругъ вѣдомства. Императорскіе «совѣты» и «кабинеты» не могли, разумѣется, взять на себя всей массы дѣлъ, которыхъ хватило бы не на одно специальное учрежденіе. Вотъ почему, пока не произошло еще окончательнаго выдѣленія законодательной функціи въ особый органъ, а все управленіе находилось еще въ процессѣ образованія, ни «совѣты», ни сенатъ не могли выйти изъ заколдованнаго круга взаимнаго антагонизма и обоюдной зависимости. Поэтому же и вѣковая коллизія между коллегіальнымъ и министерскимъ началами являлась неустранимой. Матеріальный и формальный моменты въ организаціи правительственныхъ силъ не совпадали, и государственное управленіе принимало положеніе неустойчиваго равновѣсія. Отсюда эти вѣчныя колебанія правительства XVII столѣтія между той или иной административной системой, — колебанія, повторявшіяся съ какимъ-то ритмическимъ постоянствомъ и стихійной непосредственностью. Здѣсь и должна найти свое объясненіе послѣдняя отчаянная попытка императрицы Елизаветы вернуться къ

порядкамъ, давно осужденнымъ исторіей. Извѣстно, что, вступивъ на престолъ, дочь Петра рѣшительно заявила о своемъ намѣреніи возстановить учрежденія своего отца въ ихъ первоначальномъ видѣ. Наступилъ такъ-называемый «золотой вѣкъ» въ исторіи сената, оказавшійся, однако, его «лебединой пѣсней». Какъ и слѣдовало ожидать, вмѣсто «отвращенія бывшихъ до сего времени непорядковъ въ правленіи государства», о чемъ такъ мечтала Елизавета, получилось такое «злослучительное положеніе», что, по словамъ сподвижниковъ Екатерины, оно могло быть «уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не было». И дѣйствительно, нѣчто подобное неизбѣжно должно было получиться, разъ презрѣтъ былъ опытъ вѣковъ и вмѣсто необходимаго раздѣленія властей произведено было полное ихъ смѣшеніе. Исторія и на этотъ разъ, какъ всегда, съумѣла отомстить за себя. Уже съ первыхъ дней царствованія Елизаветы мы встрѣчаемъ въ источникахъ упоминаніе объ «учрежденномъ при дворѣ министерскомъ и генералитетскомъ собраніи» для внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, которое позднѣе получило оффиціальное признаніе (1745 г.) въ лицѣ особой «конференціи при высочайшемъ дворѣ». Но дѣло разрушенія елизаветинскихъ начинаній пошло ускореннымъ маршемъ, едва на сцену вступило правительство Петра III. Первые 3 министерскихъ коллегіи были тотчасъ же изъяты изъ вѣдѣнія сената, а этотъ послѣдній получилъ строжайшее предписаніе «отнюдь въ публику не издавать такихъ указовъ, кои въ законъ или подтвержденіе прежнихъ служатъ». Преслѣдуя далѣе сенатъ за пресловутую судебную волокиту, Петръ III учредилъ при немъ новый «департаментъ» для скорѣйшей ликвидаціи запущенныхъ дѣлъ. Но что особенно знаменательно: несмотря на рѣшительное заявленіе императора, «что отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи не будетъ», мы вскорѣ же находимъ дѣйствующимъ при немъ особый «совѣтъ при высочайшемъ дворѣ», организованный съ тѣмъ, «чтобы многія наши къ пользѣ и къ славѣ имперіи нашей и къ благополучію вѣрноподанныхъ принятые намѣренія наилучше и скорѣе въ дѣйствіе произведены быть могли». Мѣсто перваго министра въ этомъ новомъ кабинетѣ занялъ всеильный Волковъ. Такимъ образомъ, наше центральное управленіе, несмотря на полное непониманіе правительствомъ XVIII столѣтія своей исторической задачи, неуклонно чисто-стихійнымъ процессомъ двигалось по пути бюрократизаціи административныхъ установленій. Собственно говоря, начиная со второй половины XVIII в., вся дальнѣйшая исторія нашихъ высшихъ государственныхъ учреждений и сводилась, съ одной стороны, къ окончательному утвер-

жденію министерскаго начала, съ другой—къ болѣе совершенной дифференціаціи государственныхъ функцій. Законодательство, судъ и управленіе послѣдовательно обособлялись въ соответственныхъ органахъ. При этомъ въ правительственныя сферы начало проникать мало-по-малу сознаніе о необходимости общей реформы. Уже въ проектѣ государственнаго совѣта, составленномъ гр. Н. Панинымъ и утвержденномъ Екатериной II-й, ясно была проведена мысль, что «всѣ тѣ пороки, которые по временамъ вѣдрялись во все теченіе правленія» и вызывали «таковыя государству вредныя приключенія», происходили, главнымъ образомъ, отъ «недостаточныхъ установленій», благодаря чему «въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ». Поэтому Панинъ полагалъ, что для возстановленія государственнаго порядка необходимы общія законодательныя опредѣленія, а не «одни указы всякаго сорта», издаваемые безъ числа по поводу текущихъ «обыкновенныхъ дѣлъ». Извѣстно также, что и сама Екатерина, работая надъ проектомъ преобразованія сената, пришла къ аналогичнымъ заключеніямъ. Повторяя упрекъ, который еще со времени Петра Великаго какъ бы тяготѣлъ надъ сенатомъ,—упрекъ къ крайней медлительности его дѣлопроизводства, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ высказала твердое убѣжденіе, что «доколѣ (сенатъ) сей пребудетъ на старомъ положеніи» и не будетъ согласованъ «съ новымъ образомъ внутреннихъ въ государствѣ правительствъ», до тѣхъ поръ нечего и мечтать объ «исправленіи государственномъ». Однако, несмотря на всѣ эти вѣскія соображенія, ни проектъ гр. Панина, ни собственный проектъ Екатерины не получили осуществленія, и вплоть до воцаренія Александра I наше центральное управленіе продолжало развиваться путемъ административной практики и «указовъ всякаго сорта». Но если и на сей разъ благія «помышленія» не привели къ реформѣ, то фактически бюрократическій принципъ теперь не встрѣчалъ уже болѣе никакихъ препятствій въ своемъ развитіи.

Вѣкъ Екатерины былъ блестящимъ періодомъ въ исторіи министерскаго начала... Въ достаточной степени извѣстны тѣ мѣропріятія, которыми екатерининское правительство стремилось такъ или иначе вывести государственное управленіе изъ его тяжелаго состоянія. То была классическая, искони вѣчная система личныхъ порученій, къ которой роковымъ образомъ обращались всякій разъ, когда убѣждались въ недостаточности старыхъ учрежденій. Характерно, что Екатерина вначалѣ отнеслась съ большимъ подозрѣніемъ къ проекту гр. Панина объ «учрежденіи собранія верховнаго правительства»... «съ разумнымъ раздѣленіемъ власти между нѣкото-

рымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ» и, повидимому, на первыхъ порахъ предполагала оставить сенатъ въ прежнемъ его качествѣ. Но неотвратимыя требованія времени очень скоро покончили со всѣми сомнѣніями императрицы. Преобразование сената и организація императорскаго совѣта ясно говорили, въ какомъ направленіи намѣрено дѣйствовать правительство. Органическая переработка петровскаго наслѣдія подвигалась, такимъ образомъ, къ концу. И дѣйствительно, раздѣленіемъ сената на 6 самостоятельныхъ департаментовъ единству его былъ нанесенъ послѣдній и окончательный ударъ. Теперь судебныя и правительственныя функціи сената были рѣзко разграничены въ немъ самомъ, и уже не требовалось особыхъ усилій для того, чтобы это внутреннее раздвоеніе получило выраженіе и во внѣ превращеніемъ «правительствующаго» сената въ высшую судебную инстанцію. Торжеству подобнаго порядка вещей особенно должно было способствовать совершенно независимое положеніе генераль-прокурора, поставленнаго во главѣ 1-го департамента, гдѣ сосредоточены были дѣла внутренняго государственнаго управленія. Облеченный чрезвычайными полномочіями, генераль-прокуроръ одновременно являлся министромъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, а также, если можно такъ выразиться, и министромъ особыхъ порученій по довѣрію императрицы. При этомъ 1-й департаментъ сената превратился въ министерскую канцелярію при генераль-прокурорѣ. Случилось то, чего и слѣдовало ожидать: въ сенатѣ, какъ судной коллегіи, по дѣламъ внутренняго управленія сложилось самостоятельное министерство. Но параллельно указанному процессу совершался другой, не менѣе знаменательный. Съ учрежденіемъ императорскаго совѣта все верховное управленіе и законодательная власть вновь сосредоточились въ рукахъ немногихъ довѣренныхъ лицъ. Сенатъ не принимаетъ болѣе участія въ законодательной дѣятельности, и эта послѣдняя рѣшительно начинаетъ обособляться, пока, наконецъ, и не выливается въ особый органъ. Но прежде чѣмъ завершился этотъ процессъ, т.-е. прежде чѣмъ правительство сознало всю важность настоящей задачи, временными ея носителями явились, съ одной стороны, императорскій совѣтъ, съ другой — разнаго рода спеціальныя «комиссіи», во главѣ со знаменитой комиссіей по составленію новаго Уложенія 1767 г. Наконецъ, и контролирующее значеніе сената въ центральномъ управленіи было совершенно парализовано областной реформой 1775 г.; какъ извѣстно, она имѣла своимъ слѣдствіемъ закрытіе почти всѣхъ коллегій, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя давно уже освободились изъ-подъ сенатской дирекціи и заняли положеніе незави-

симыхъ министерствъ. Такимъ образомъ, сенатъ все болѣе и болѣе терялъ всякое вліяніе на дѣла управленія, которое положительно ускользало изъ его рукъ къ вышшему торжеству единоличнаго начала. А что послѣднее дѣйствительно становилось господиномъ положенія, въ этомъ убѣдиться не трудно. Всякій разъ, когда передъ правительствомъ Екатерины возникала какая-нибудь новая культурная задача или выдвигался опредѣленный вопросъ изъ текущей административной практики, оно обращалось всегда къ отдѣльнымъ лицамъ. Такъ, заботы о народномъ просвѣщеніи императрица поручила Бецкому, завѣдываніе путями сообщенія — Муравьеву, таможенными сборами — Миниху, банковое дѣло — Головкину, коммерцію — Куракину, межеваніе — особо уполномоченнымъ на то межевщикамъ и т. д. Причемъ эти большіе и малые «персты» были поставлены въ непосредственное отношеніе къ самой Екатеринѣ. Не безынтересно было бы также упомянуть здѣсь и о томъ фактѣ, что еще до уничтоженія большинства коллегій императрица стремилась сообщить имъ возможно бѣльшую независимость и вполне министерскую организацію. Такова была судьба, на примѣръ, коллегій экономіи, камеръ-коллегіи, канцеляріи опекуства и нѣкоторыхъ другихъ учреждений. Дѣло Екатерины продолжалъ Павелъ. Правда, и онъ началъ съ того, что наканунѣ самаго образованія министерствъ реставрировалъ уничтоженныя Екатериной коллегіи; однако, эта реакціонная, съ внѣшней стороны, попытка по существу была предпринята уже въ интересахъ новаго начала. Павелъ I не имѣлъ вообще склонности къ «соборному правленію» и управлялъ исключительно, такъ сказать, министерски, а потому, возстановляя коллегіи (но безъ коллегіальнаго устройства), онъ поставилъ надъ ними «главныхъ директоровъ», которые, пользуясь правомъ личнаго доклада государю, и вѣдали всю администрацію. То же самое наблюдаемъ мы и во всѣхъ прочихъ сферахъ управленія. Такъ, усиливая власть генераль-прокурора въ дѣлахъ внутренняго управленія, императоръ Павелъ сосредоточилъ всю финансовую часть въ рукахъ вновь назначеннаго имъ «государственнаго казначея», гр. Васильева. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ гр. Сиверсъ получилъ въ завѣдываніе пути водныхъ сообщеній, а въ 1797 г. состоялось учрежденіе «министерства удѣловъ». Наконецъ, спустя 3 года, коммерцъ-коллегія была поручена особому «министру», на котораго и легли заботы объ отечественной торговлѣ. Достойнымъ завершеніемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій явилось окончательное превращеніе сената въ «единственно-судебное мѣсто», причемъ всѣ его административные департаменты получили чисто-судебное значеніе, а государь объявилъ себя высшей апелляціонной инстанціей. Таково, въ самыхъ об-

щихъ чертахъ состояніе нашего центрального управленія въ концѣ XVIII в. Нельзя не замѣтить, что министерское начало на странствѣ одного столѣтія успѣло совершенно разрушить всю систему петровскихъ установленій. Но на ихъ развалинахъ преемникамъ Петра не удалось воздвигнуть прочнаго государственнаго зданія: на мѣсто учрежденій они поставили всюду довѣренныхъ лицъ, которыя безконтрольно заправляли всѣми дѣлами, не находя точныхъ предѣловъ своимъ полномочіямъ ни въ законахъ, ни въ сепаратныхъ указахъ. Это были министры-временщики, которымъ, однако, суждено было явиться глашатаями новаго государственнаго начала. Такимъ образомъ, несмотря на полную дезорганизацію центрального управленія, ближайшія цѣли предстоящей реформы опредѣлились какъ бы сами собой: организація министерствъ въ связи съ переустройствомъ всей системы государственныхъ учрежденій,—такова была эта огромная задача. Необходимъ былъ прочный порядокъ, твердыя установленія, точные законы.

Съ начала XIX в. правительство и русское общество, наконецъ, приходятъ къ сознанію всей ненормальности своего положенія. «Въ нашихъ дѣлахъ (писалъ императоръ Александръ I Кочубею) господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду». Манифестъ 8-го сентября 1802 г. долженъ былъ положить конецъ всѣмъ названнымъ неустройствамъ. Но этого не случилось, и по весьма понятной причинѣ. Первое учрежденіе министерствъ было послѣдней данью старой практикѣ; оно явилось въ основныхъ своихъ чертахъ все тѣмъ же примиряющимъ компромиссомъ между отжившимъ коллегіальнымъ и вновь народившимся министерскимъ началами. Отсюда неудача всей попытки, отсюда же и сознаніе необходимости общей реформы. Наступилъ, такимъ образомъ, моментъ, когда проснулась, наконецъ, государственная мысль. Нуженъ былъ только мастеръ, который бы сумѣлъ овладѣть всей массой вѣками накопленнаго матеріала и отлить его въ исторически предустановленную форму. Такимъ мастеромъ и былъ Сперанскій. Но если и ему не удалось вывести Россію изъ того «полустройства», среди котораго и въ наши дни протекаетъ ея государственная жизнь, то причинъ этого явленія слѣдуетъ искать, во всякомъ случаѣ, внѣ идеальныхъ предѣловъ высокихъ замысловъ великаго человѣка...

Б. Сыромятниковъ.

Исторія одной дружбы.

(Грановскій, Герценъ, Огаревъ.)

Будущій историкъ нашихъ дней, вѣроятно, съ любопытствомъ остановится, въ числѣ прочихъ особенностей современнаго русскаго общества, на той, которую можно назвать его распыленіемъ, и изучая съ этой точки зрѣнія современную интеллигенцію, онъ навѣрное привлечетъ къ сравненію другую эпоху нашей исторіи, эпоху 30—40 годовъ,—время господства тѣсно сплоченныхъ дружескихъ кружковъ. Чѣмъ объяснить онъ это рѣзкое различіе? Почему 60 лѣтъ назадъ въ передовой части русскаго общества господствовали центростремительныя силы, подъ дѣйствіемъ которыхъ всѣ лучшіе элементы неодолимо привлекались другъ къ другу и сочетались въ плотныя группы, объединяемыя не только сходствомъ убѣжденій и общностью цѣлей, но и горячей, чисто-братской привязанностью? И почему передовые люди нашего времени обречены на душевное одиночество и, дѣлая всѣ одно и то же дѣло, стоятъ все-таки каждый особнякомъ? Наши группы и кружки носятъ дѣловой характеръ; они опираются на единство взглядовъ, на попутность усилій; насъ соединяетъ въ группы гораздо больше общность борьбы, чѣмъ внутреннее влеченіе, и потому въ нашихъ кружкахъ нѣтъ той сердечной близости, тѣхъ задушевныхъ симпатій, которыя, повидимому, царили въ тѣхъ кружкахъ. Пусть этотъ ореолъ, окружающій ихъ, долею обманчивъ—отдаленность времени, какъ даль пространства, округляетъ контуры; но въ цѣломъ фактъ неопровержимъ. Вспомнимъ московскіе кружки первой половины 30-хъ годовъ: кружокъ Станкевича, состоявшій, кромѣ самаго Станкевича, изъ Бѣлинскаго, В. Боткина, Грановскаго, Невѣрова и—во второй линіи—изъ Красова, Клюшниковъ, Каткова, Кудрявцева и др.; одновременный кружокъ Герцена, къ которому принадлежали Герценъ, Огаревъ, Сатинъ, В. Пассекъ, Кетчеръ, Сазоновъ А. Н. Савичъ; потомъ кружки

40-х годовъ: новый кружокъ Герцена (Герцень, Огаревъ, Грановскій, Кетчеръ, Е. Коршъ, Крюковъ, В. Боткинъ) и кружокъ первыхъ славянофиловъ. И это лишь наиболѣе видныя группы, а рядомъ съ ними сколько было второстепенныхъ, вродѣ Сунгуровскаго кружка, кружка Веневитинова и пр.! Безошибочно можно сказать, что, исключая Лермонтова, въ поколѣніи людей, родившихся около 1812 года, не было ни одного сколько-нибудь выдающагося чело-вѣка, который развился бы внѣ вліянія того или другого изъ этихъ кружковъ; ихъ вліянія не миновали и Гоголь, и Тургеневъ.

Быть можетъ, будущій историкъ съумѣетъ прослѣдить процессъ дифференціаціи, раздробившій мыслящую Россію и сдѣлавшій невозможнымъ для нашихъ дней существованіе такихъ сплоченныхъ группъ. Это распыленіе, несомнѣнно, представляетъ собой симптомъ роста, какъ всякое дѣленіе, какъ распаденіе клѣтокъ и клѣточныхъ колоній. Хочется вѣрить, что и мы, какъ клѣтки, черезъ дробленіе перейдемъ къ болѣе сложнымъ, основаннымъ на высшемъ единствѣ сочетаніямъ, подобно тому, какъ это случилось съ итальянской интеллигенціей во вторую четверть прошлаго столѣтія. Но и преклоняясь передъ біологическимъ закономъ, осудившимъ насъ на одиночество, мы не можемъ безъ сердечнаго участія читать рассказы о людяхъ 40-хъ годовъ, о крѣпкихъ узахъ любви и довѣрія, связывавшихъ пожизненно или временно такихъ людей, какъ Станкевичъ и Грановскій, Герцень и Огаревъ, Грановскій и Герцень, Бѣлинскій и Боткинъ и т. д. Тогда царилъ—и не только въ молодежи, но и среди зрѣлыхъ людей—настоящій культъ дружбы, который теперь показался бы сентиментальнымъ и смѣшнымъ; кто еще пишетъ теперь своему другу такія пространныя и такія интимныя письма, какія писали друзьямъ Станкевичъ, Бѣлинскій, Огаревъ? Но было бы смѣшно и жалѣть объ этомъ.

Исторія этихъ кружковъ представляетъ большой интересъ чисто-научнаго свойства, такъ какъ изученіе условій, при какихъ они возникали, и причинъ, вслѣдствіе которыхъ распались, проливаетъ свѣтъ на законы роста нашего самосознанія. Такова именно цѣль предлагаемаго очерка: на исторіи дружбы Грановскаго съ Герценомъ и Огаревымъ прослѣдить образованіе и распаденіе одной такой клѣточной колоніи.

I.

Намъ теперь трудно и представить себѣ съ ясностью то умственное одиночество, въ какое попадалъ на первыхъ порахъ юноша 30-хъ годовъ, испившій изъ кубка западной науки и опьяненный ея идеалистическимъ духомъ. Начать съ того, что общій фонъ на-

шей интеллигентной жизни за эти полвѣка чрезвычайно измѣнился. Юноша нашихъ дней, впервые начинающій прозрѣвать и мыслить, находить, можно сказать, въ самомъ воздухѣ, которымъ онъ дышитъ, безчисленное множество родственныхъ его искаженій элементовъ; въ любой книжкѣ журнала, въ фактахъ, сообщаемыхъ газетой, въ бесѣдѣ за чайнымъ столомъ, — всюду звучать созвучныя ему струны. Наша научно-популярная и чисто-научная литература, какъ и журналистика, разрослись неимоверно; общеніе съ Западомъ, прямое и книжное, сравнительно очень облегчено. Благодаря всему этому, каждая новая доктрина быстро становится у насъ достояніемъ интеллигентной массы и насыщаетъ собой ея атмосферу. Лѣтъ шесть назадъ студентъ, клявшійся именемъ Маркса, чувствовалъ себя, конечно, членомъ обширной семьи; объ ученіи Маркса могъ онъ говорить и съ любимымъ товарищемъ, и въ знакомой семьѣ, на ту же тему каждый день встрѣчалъ новыя статьи и книги, русскія и иностранныя. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ 30-хъ годахъ.

Того, что я назвалъ сейчасъ интеллигентной массой, тогда не существовало; въ помѣщичьемъ и чиновничьемъ кругахъ царило глубокое невѣжество, и юноша, открывшій свой умъ просвѣщенію, сразу попадалъ въ совершенный разладъ со своей естественной средой. Тѣми научными ресурсами, — книгами, журналами, лекціями, сообщениями съ Западомъ, — которыхъ у насъ такъ много, онъ располагалъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ: естественно, что въ одиночку онъ долженъ былъ чувствовать себя безпомощнымъ.

Не меньшее значеніе имѣлъ и характеръ распространенныхъ тогда доктринъ. Между тѣмъ временемъ и нашимъ лежитъ блестящій расцвѣтъ естественныхъ наукъ, преобразившій всѣ отрасли знанія и самую философію; реалистическій духъ современной науки сдѣлалъ то, что идеи, которыми освобождалось наше поколѣніе, сравнительно близки къ ежедневной жизни, сравнительно матеріальны и прозаичны. Люди 30—40-хъ годовъ освобождались на Шеллингѣ и Гегелѣ: то были вершины метафизическаго мышленія, открывавшія уму безграничныя, опьяняющіе виды. Не частичныя истины, но вся тайна космоса и человѣческаго бытія казалась обнаруженной въ книгахъ этихъ философовъ, и душу прозелита при видѣ обѣтованной страны охватывалъ восторгъ почти религіознаго одушевленія. «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда, пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ

единный сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какой юношеской и благородной гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемирной жизни!... Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія... Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего возрѣнія стояли нравственныя обязанности, и одна изъ необходимѣйшихъ обязанностей—высвободить въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія» *). Изъ этой общей формулы вытекала цѣлая программа практической дѣятельности, охватывавшая всю общественную и личную жизнь. Все должно было быть перестроено вновь: на мѣсто непосредственности, патриархальности, туманной мистики, авторитетовъ, вѣрованій и преданій долженъ былъ вступить новый жизненный строй, основанный на разумѣ, анализѣ и правѣ; всѣ устои общежитія—бракъ, религія, государство—должны были страхнуть съ себя свои обветшалыя формы и преобразиться. Казалось, рождается новый міръ: *Das alte stürzt,—es ändert sich die Zeit,—und neues Leben blüht aus den Ruinen* **).

Это одушевленіе возносило юношу 30-хъ годовъ на такія заоблачныя выси, откуда не было путей въ отцовскія долины. Онъ только въ нѣдрахъ секты могъ найти сочувствіе и поддержку; мало того, только здѣсь, въ живомъ обмѣнѣ мыслей и знаній, могъ онъ, при тогдашней скудости научныхъ пособій, удовлетворять свое естественное стремленіе къ болѣе глубокому и всестороннему усвоенію разъ воспринятыхъ имъ идей. Вотъ, кажется, главныя причины, которыми обуславливалось возникновеніе знаменитыхъ московскихъ кружковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ; почти такъ опредѣлилъ въ одномъ письмѣ 1840 г. Бѣлинскій роль кружка, въ которомъ сложился онъ самъ: «Воспитаніе, — говоритъ онъ, — лишило насъ религіи, обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили всякой возможности сродниться съ наукой; съ дѣйствительностью мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ и она по праву ненавидитъ и презираетъ насъ. Гдѣ-жъ убѣжище намъ? На необитаемомъ островѣ, которымъ и былъ нашъ

*) *Анненковъ*: „Н. В. Станкевичъ“. М., 1858, стр. 38—39.

***) См. замѣчательное письмо В. Боткина 1842 г. у Пыпина; *Бѣлинскій*, II, стр. 142.

кружокъ». На этихъ островахъ люди со второго дня знакомства переходили на «ты», по-женски страстно любили другъ друга, повѣряли другъ другу интимнѣйшія тайны, взаимно исповѣдывались и глубоко, искренно вѣрили одинъ въ другого. «Я передъ вами открытъ,—говорилъ Станкевичъ друзьямъ»; «мы другъ для друга—июнка,—писаль гораздо позже Огаревъ Герцену, и такъ было на самомъ дѣлѣ; объ этомъ свидѣтельствуегь каждая строка ихъ писемъ и всѣ показанія современниковъ.

II.

Бѣлинскій, позднѣе разошедшійся съ Бакунинымъ, такъ объяснял послѣ размолвки свою временную близость съ нимъ: «Ты стремишься къ высокому, и я стремлюсь къ высокому—будемъ же друзьями: вотъ начало нашей дружбы». Приблизительно таково было и начало дружбы Грановскаго съ Герценомъ и Огаревымъ. Они встрѣтились въ первый разъ, какъ сектанты, еще не видавшие другъ друга, но знающіе о своей принадлежности къ одной и той же сектѣ, или какъ незнакомые масоны одной ложи. Они были уже не юноши; періодъ бурныхъ стремленій для ихъ поколѣнія уже прошелъ, уступивъ мѣсто настойчивой и серьезной работѣ въ направленіи къ цѣлямъ, поставленнымъ юношеской мечтой. Но если прежнее опьяненіе и исчезло, знаніе и дружба попрежнему оставались краеугольными камнями ихъ бытія. Въ самой работѣ они продолжали углублять свои воззрѣнія, отчужденность отъ среды чувствовалась на дѣлѣ еще несравнимо острѣе, чѣмъ въ школьные годы, и попрежнему только въ единомышленномъ кругѣ они могли дышать и расти.

Съ Огаревымъ Грановскій познакомился зимой 1839—40 гг. и быстро сошелся; Герценъ впервые мелькомъ видѣлъ его при своемъ проѣздѣ черезъ Москву въ 1840 году и увезъ съ собой во Владимірѣ «благородный образъ и основанную на немъ вѣру въ Грановскаго, какъ въ будущаго близкаго человѣка»; въ 1842 году, переселившись въ Москву, Герценъ сблизился съ нимъ «тѣсно и глубоко». Такою оставалась ихъ дружба всѣ четыре года до послѣднихъ мѣсяцевъ пребыванія Герцена въ Россіи. Огаревъ какъ разъ эти четыре года провелъ за границей, но разлука не ослабила этой связи; въ сентябрѣ 1844 года онъ писалъ Грановскому: «Да что-жъ ты не пишешь, мой милый Грановскій? Мы, кажется, такъ тепло встрѣтились и полюбили другъ друга, что разлука не можетъ подлить холодной воды въ нашу дружбу. Чортъ знаетъ! хотѣлось бы слышать твой голосъ, который имѣетъ для меня что-то

иррезистибельно - симпатичное». Отношенія между Грановскимъ и Герценомъ были чисто-братскими. «Мы быстро сблизились и видались почти каждый день,—писаль позднѣе Герценъ,—ночи сидѣли мы до разсвѣта, болтая обо всякой всячинѣ... въ эти-то потерянные часы и ими люди срастаются такъ неразрывно и безвозвратно». Было бы излишне приводить выдержки изъ ихъ переписки, свидѣтельствующія объ ихъ пѣжной привязанности и глубококомъ уваженіи другъ къ другу; все это время вплоть до разрыва они были неразлучны, и, кажется, ни одно облачко не омрачило ихъ дружбы.

Герцена и Огарева сближало съ Грановскимъ прежде всего, разумѣется, сходство основныхъ убѣжденій: общая ихъ ненависть къ дѣйствительности тѣхъ дней, стремленіе вывести Россію изъ невѣжества и рабства, вѣра въ творческую силу свободной личности, признаніе за наукой и искусствомъ руководительной роли въ развитіи культурныхъ обществъ. Грановскій, съ блестящимъ успѣхомъ проповѣдывавшій эти взгляды съ кафедръ, былъ дорогъ Герцену какъ смѣлый боецъ за ихъ общее дѣло, какъ самый вліятельный и даровитый представитель всего кружка; а когда нѣсколько позднѣе начали рѣзче обозначаться станы западниковъ и славянофиловъ, лекціи Грановскаго пріобрѣли для него значеніе манифестовъ своего, западнческаго лагеря. Успѣхъ публичнаго курса, читаннаго Грановскимъ въ 1843—44 г., былъ для Герцена какъ бы личнымъ торжествомъ; онъ дважды писалъ о немъ восторженныя статьи и въ своемъ дневникѣ съ радостью друга и соратника отмѣчалъ общественное значеніе и успѣхъ едва ли не каждой лекціи. Въ свою очередь и Грановскій высоко цѣнилъ литературную дѣятельность Герцена и, по словамъ послѣдняго, ѣздилъ изъ дома въ домъ читать его статьи, печатавшіяся въ «Отеч. Запискахъ», комментировалъ ихъ и сердился, если онѣ кому не нравились. Но общности теоретическихъ взглядовъ и уваженія къ обоюднымъ талантамъ недостаточно для дружбы, по крайней мѣрѣ, для такой дружбы, какая завязалась между Герценомъ и Грановскимъ, Грановскимъ и Огаревымъ. Очевидно, въ ихъ натурахъ, при всей разности, было нѣчто конгеніальное, что сближало ихъ помимо сознанія; опредѣлить это общее точнѣе, вѣроятно, не могли бы они сами. Герценъ говоритъ только: «Со многими я былъ *согласнѣе* въ мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ *ближе*—тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души»; въ сущности, не больше говоритъ и Огаревъ въ своемъ стихотворномъ посланіи къ Грановскому (1843 г.):

Душевный миръ и сердца муки
Въ твоей душѣ нашли себѣ
Такъ странно родственные звуки,

Какъ будто свыше намъ одна
 Обоимъ жизнь была дана.
 Мы одинаково здоровы
 И одинаково больны,
 И оба жребіемъ суровымъ
 Одной хандрой надѣлены.
 Я радостно въ твоёмъ посланьи
 Прочелъ, что говорить со мной
 Ты можешь только да съ женой
 О тайномъ внутреннемъ страданьи.

Но онъ прибавляетъ далѣе:

Одно, что я въ себѣ цѣню,
 Основу дружбы нашей вижу
 (Хоть слабость глупую мою
 Всегда бесплодно ненавижу),—
 То женски-тихій, нѣжный нравъ,
 Не знаю, правъ я иль неправъ.

Въ этихъ послѣднихъ строкахъ указана одна конкретная черта, вѣрность которой подтверждаетъ Герценъ, говоря, что Грановскій замѣнилъ ему и прочимъ друзьямъ отсутствовавшего Огарева. Дѣйствительно, рѣдкое изящество организаціи, глубокая врожденная гуманность, нѣжность и тактъ сердца сообщали Грановскому и Огареву чрезвычайное сходство, и, быть можетъ, именно эта женственность права такъ сильно привлекала къ нимъ (и наоборотъ) порывистую, активную, мужественную натуру Герцена.

III.

Какъ извѣстно, эта дружба кончилась разрывомъ, происшедшимъ въ серединѣ 1846 года, незадолго до отъѣзда Герцена за границу. Мы увидимъ ниже, что всѣ три участника, хотя и тяжело страдаая отъ размолвки, въ одинъ голосъ признавали ее неизбѣжной. Этой ея неизбѣжности мы не поймемъ, если ограничимся однимъ разборомъ спорныхъ мнѣній: для этого необходимо спуститься глубже, къ тѣмъ родникамъ, которыми питается вся психическая жизнь человѣка, не исключая сознанія. Да проститъ мнѣ читатель, если я начну нѣсколько издалека.

Наши чувственные и волевые акты, т.-е. наше отношеніе къ вещамъ и наши поступки, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляютъ собою результатъ внутренняго процесса, въ которомъ по невѣдомымъ намъ законамъ сталкиваются, сливаются и взаимно перерабатываютъ другъ друга бессознательные и сознательные элементы. Плодомъ этого химическаго процесса является нашъ чув-

ственный или волевой импульсъ, проявляющійся затѣмъ во-внѣ. Если взять его за минуту до его внѣшняго обнаруженія, то у разныхъ людей онъ носитъ различный характеръ. Большинство людей не даетъ внутреннему процессу завершиться вполне: обыкновенно человѣкъ спѣшитъ перейти къ дѣйствию, какъ только одинъ изъ борющихся мотивовъ сколько-нибудь явственно возьметъ верхъ; импульсъ еще не достигъ полной гармоніи, онъ еще мутенъ, раздробленъ и шатокъ отъ непретворенныхъ противорѣчій—естественно, что таково же будетъ его внѣшнее обнаруженіе. Въ этомъ — одно изъ главныхъ различій между людьми. Только немногіе люди обладаютъ врожденной способностью разрѣшать въ полную гармонію каждый внутренній диссонансъ; ихъ импульсы могучи своей сосредоточенностью и единствомъ, ихъ чувство и хотѣніе беззавѣтны; это вожди народовъ, и Карлейль справедливо называетъ ихъ героями.

Но есть въ этой же области и другое различіе, столь же любопытное по существу, хотя практически менѣе важное: я говорю о дарѣ внутренняго созерцанія. Борьба силъ, результатомъ которой является чувственное или волевое побужденіе, у большинства людей совершается какъ-то механически, если не за кулисами, то за полупрозрачной занавѣсью. По боли или тревогѣ человѣкъ ощущаетъ происходящее въ немъ междоусобіе, но борющихся онъ обыкновенно не знаетъ въ лицо или знаетъ только тѣхъ изъ нихъ, которые вошли въ бой съ поднятымъ забраломъ, т.-е.—сознательные элементы спора; безсознательные же, наиболѣе рѣшающіе элементы, представляются ему слитной и темной толпою. Но есть люди (и таковъ по преимуществу художникъ), умѣющіе такъ зорко видѣть внутри себя, что имъ открыты не только всѣ нити ихъ поверхностныхъ, элементарныхъ чувствъ, но и таящіяся въ безмолвной глубинѣ стихійныя движенія и наклонности ихъ духа. Эта способность имѣетъ мало общаго съ той болѣзненной страстью ежеминутно вновь и вновь вызывать всякое свое чувствованіе на судъ разсудка, которую нѣмцы называютъ страстью къ *Grübelelei*, а у насъ въ 40-хъ годахъ называли еще и рефлексіей; нѣтъ, это скорѣе художественное созерцаніе, обращенное внутрь, созерцаніе ясное, не возмущаемое страстью и безконечно далекое отъ ироніи. Это умѣніе слышать свои внутренніе голоса, на высшей его ступени, нисколько не ослабляя напряженія чувственныхъ порывовъ, вносить въ нихъ такую дивную соразмѣрность *и смѣсть непреложность*, которая ставятъ душевную жизнь подобнаго человѣка на полдорогѣ между прекраснымъ созданіемъ природы и произведеніемъ истиннаго художника.

Этимъ даромъ внутренняго созерцанія въ значительной, хотя разной степени обладали всѣ три друга, — больше всѣхъ Огаревъ, какъ натура наиболѣе художественная. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, всѣ трое были вполне сложившимися людьми, лѣтъ 32—34, и каждый изъ нихъ уже хорошо зналъ и свою силу, и свои границы. Ихъ незаурядное самопознаніе съ достаточной ясностью отразилось въ ихъ письмахъ этого времени, и если опредѣлять натуру человѣка по его словамъ о себѣ всегда опасно, то въ данномъ случаѣ рискъ ошибки кажется сравнительно ничтожнымъ въ виду исключительной остроты ихъ взора и рѣдкой искренности ихъ признаній; притомъ, за правильность основанной на этихъ признаніяхъ характеристики ручается повѣрка ея всей совокупностью нашихъ свѣдѣній о характеризуемыхъ лицахъ.

Есть много способовъ подойти къ опредѣленію того, что принято называть «натурой» человѣка. Здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о трехъ лицахъ, самъ собой напрашивается сравнительный способъ, и, слѣдовательно, долженъ быть найденъ такой пунктъ, который былъ бы достаточно важенъ для всякаго человѣка, и болѣе или менѣе централенъ для всѣхъ трехъ изучаемыхъ лицъ. Такимъ пунктомъ мнѣ представляется способъ ихъ отношенія къ текущему моменту, а стало быть и къ двумъ ограничивающимъ и такъ часто затемняющимъ его моментамъ: прошлому и будущему. Какъ человѣкъ реагируетъ на свои воспоминанія и на всегда наличную возможность несчастныхъ случайностей, въ какой мѣрѣ воспоминаніе о прошломъ или страхъ за будущее умаляютъ для него полноту данной минуты, — этому вопросу, вѣроятно, никто не откажетъ въ капитальной важности.

Начну съ Герцена. Въ своемъ «Дневникѣ» (1842—45 гг.) онъ неоднократно касается этихъ вещей. Его удивляетъ и сердитъ неуваженіе людей къ настоящему. «Если глубоко всмотрѣться въ жизнь, — говоритъ онъ, — конечно, высшее благо есть само существованіе, какія-бы внѣшнія обстановки ни были. Когда это поймутъ — поймутъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего глупѣе, какъ пренебрегать настоящимъ въ пользу грядущаго. Настоящее есть реальная сфера бытія. Каждую минуту, каждое наслажденіе должно ловить, душа непрерывно должна быть раскрыта, наполняться, всасывать все окружающее и разливать въ него свое. Цѣль жизни — жизнь». Но люди умѣютъ только вспоминать объ утраченномъ; они не дорожатъ настоящимъ, жертвуя имъ мечтамъ о будущемъ или страху передъ нимъ; между тѣмъ будущее никогда не устраивается по нашимъ мыслямъ, а какъ придется, „давая сверхъ ожиданія и попирая ногами справедливѣйшія надежды“.

И таковъ онъ самъ: его отношеніе къ настоящему лишено той непосредственности, которую онъ считаетъ нормальной. Страхъ случайнаго, тѣнь грознаго фатума, царящаго надъ человѣческой жизнью и развивающаго изъ безразличнаго поступка чудовищный результатъ, преслѣдуетъ его по пятамъ. Прежде чѣмъ почувствуешь и сознаешь, ты вовлеченъ въ безвыходное положеніе; гдѣ же свобода? Съ ужасомъ говоритъ онъ о шаткости всего святѣйшаго и лучшаго въ жизни; все въ жизни шатко, кромѣ мысли, а она одна не можетъ насытить вполне, потому что она—«уже снятіе жизни индивидуальной, единственно полной». Онъ знаетъ, что страхъ передъ этой шаткостью—болѣзненное и нелѣпое чувство, но не можетъ искоренить его въ себѣ. «Мы ужасно виноваты передъ настоящимъ,—пишетъ онъ Огареву 1 января 1845 г. (и то же повторяетъ въ дневникѣ),—все воспоминанія да надежды, *sui generis* абстракціи, а жизнь течетъ между пальцами незамѣтная, неоцѣненная. Нѣтъ, стой, хорошій мигъ, дай мнѣ изъ тебя выпить по каплѣ! Минута истиннаго восторга безпамятна и безнадежна, потому что она полна собой. Въ самомъ дѣлѣ, настоящее никогда не бываетъ одно; все бывшее, жизнь наша отражается въ немъ, хранится, но только оно не должно подавлять. Я говорю объ этомъ не столько для васъ, сколько для себя; я не могу держаться на этой высотѣ реально-практической; если я не подверженъ романтически-заунывнымъ гробелеямъ, то я подверженъ трусости передъ будущимъ, мое наслажденіе часто тускнѣетъ отъ холодной мысли: а можетъ завтра я утрачу его? Мало ли что можетъ быть? Такъ думать—надобно быть сложа руки и подогнувъ ноги; а все-таки приходится на умъ. Человѣкъ всего менѣе можетъ сдружиться съ чрезвычайной шаткостью, непрочностью всего лучшаго, что у него есть. Дѣло-то, кажется, простое: чѣмъ прочнѣе вещь, тѣмъ она каменнѣе, тѣмъ далѣе отъ насъ. Именно въ этомъ мерцаніи *des Schwebenden*, въ этомъ нѣжномъ, шаткомъ—последнее слово, последнее благоуханіе жизни, потому что прочное неподвижно, апатично, а нѣжное—процессъ, движеніе, энергія, *das Werden*.» Въ дневникѣ онъ подробнѣе развиваетъ эту глубокую мысль. «Не только блага жизни шатки, но сама жизнь шатка; малѣйшее неравновѣсіе въ этомъ сложномъ химизмѣ, въ этой отчаянной борьбѣ организма съ своими составными частями—и жизнь потухла; однако, изъ этого не слѣдуетъ, что лучше не родиться, или, родившись, зарѣзаться, чтобы не подвергнуться случайностямъ. Все прекрасное нѣжно, это цвѣты, которые мрутъ отъ cadaго холоднаго вѣтра, въ то время какъ суровый стебель крѣпнетъ, но зато онъ и не благоухаетъ и не имѣетъ яркихъ лепестковъ. Жизнь въ высшемъ

проявленіи слаба, потому что вся сила матеріальная была потрачена, чтобы достигнуть этой высоты: мускулы можно рвать, члены отнимать, а до мозга нельзя грубо прикоснуться. Таковы блага любви—ими надобно упиваться, отдаваться имъ, жизнь въ нихъ ловить, цѣнить каждое мгновение. *Nur wenn er glühet, laßet der Quell*. И въ результатѣ онъ приходилъ къ такому выводу: «Ловить настоящее, одѣйствовотворить въ себѣ всѣ возможности на блаженство—подъ нимъ я разумѣю и общую дѣятельность, и блаженство знанія такъ же, какъ блаженство дружбы, любви, семейныхъ чувствъ,—а тамъ, что будетъ, то будетъ; на мнѣ отвѣтственность не лежитъ, тотъ отвѣтитъ, кто скрылъ талантъ въ землю, чтобы его не украли».

Это взглядъ мужественный и свободный; но въ жизни Герценъ, по его собственному признанію, не всегда обладалъ этимъ свободнымъ мужествомъ. Правда, онъ умѣлъ и раньше, и еще въ эти годы, съ безавѣтнымъ упоеніемъ, безъ оглядки, наслаждаться минутой, но нерѣдко мысль о будущемъ, страхъ грозныхъ случайностей отравляли ему настоящее. Замѣчательно, что когда возможность становилась настоящимъ и ожиданіе—увѣренностью, онъ опять находилъ въ себѣ твердость и покой. «Въ рѣшительныя минуты,—говоритъ онъ,—я, наконецъ, нахожу силу и стою будто на барьерѣ во время дуэли—жду, что пуля, мимо или въ грудь... жду мрачно, собравши всю твердость. Середь ожиданія является рефлексія, и я иду и на гору, и подъ гору съ дикой, свирѣпой послѣдовательностью, не отклоняя страшнаго, а всматриваясь въ него».

Если Герценъ боится будущаго, то для Грановскаго настоящее затемняется прошлымъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ по преимуществу созерцательныхъ натуръ, у которыхъ воспоминаніе по силѣ чувства далеко превосходитъ самыя переживанія. Онъ говоритъ о себѣ въ одномъ письмѣ, что никогда ничего не забываетъ, что обиды и печали младенчества до сихъ поръ способны глубоко волновать его, и примѣняетъ къ себѣ пушкинскіе стихи: «какъ вино, печаль минувшихъ дней въ душѣ моей чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй». «Я никогда не утѣшаюсь въ моихъ душевныхъ утратахъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Я беру съ собой горе на цѣлую жизнь. Станкевичъ, сестры—они для меня ежедневно умираютъ снова». Его душа, какъ душа Тютчева,—элизіумъ тѣней, и это не только тѣни дорогихъ людей, но и тѣни всѣхъ разбитыхъ надеждъ и иллюзій. Съ этимъ тяжелымъ грузомъ въ душѣ идетъ онъ устало черезъ жизнь, свято лелѣя память о прошломъ и мало вѣря въ возможность счастья. Скорбное воспоминаніе мѣшаетъ ему безраз-

дѣльно отдаться минутѣ и мрачить ему жизненную даль. Онъ цѣнить трудъ, помимо его прямой цѣли, еще особенно потому, что трудъ «лѣвитъ душу отъ большихъ желаній»: «у меня ихъ было много,—говоритъ онъ,—и еще осталось довольно на днѣ души; я имъ не даю воли». Уже въ 1843 году онъ пишетъ Вердеру: «Никогда я не понималъ такъ хорошо то, что вы говорили мнѣ тогда: трудъ и отреченіе! Въ сущности, только это и остается. Я отрекся уже отъ столь многихъ надеждъ моей молодости; мнѣ остается еще только отречься отъ нея самой, и я скоро принесу и эту жертву, потому что сердце мое, я чувствую, становится старо и устало». А черезъ годъ—и въ лучшіе свои дни—онъ пишетъ: «Счастливѣе всѣхъ другихъ пока Герценъ и я. Но долго ли продлится это счастье? У меня нѣтъ вѣры въ жизнь, у меня напугана душа частыми утратами, и я боюсь новыхъ. Сегодня все хорошо, завтра все можетъ измѣниться. Я сталъ робокъ и мнителенъ...» Герценъ, трепещущій передъ будущимъ, по крайней мѣрѣ, свободенъ отъ власти прошлаго: Грановскій подвластенъ обоему, и до такой степени, что настоящее обращается для него въ непрочную тропинку между двухъ безднъ; у него нѣтъ и слѣда того смѣлаго желанія взнуздать и укротить дикую жизнь, заставить ее нести себя чрезъ пропасти и горы, которое наполняетъ Герцена.

Третій типъ, и наиболѣе гармоничный, представляетъ собою Огаревъ. 1843—45 годы были періодомъ, когда окончательно слагалось его міровоззрѣніе, съ удивительной полнотою воплощенное имъ потомъ въ остальную часть его жизни. Двѣ черты, къ этому времени уже вполне выяснившіяся для него самого, слѣдуетъ признать наиболѣе характерными для этой сложной натуры: во-первыхъ, слабость активной воли, дѣлавшую его игрищемъ внѣшнихъ факторовъ и собственныхъ страстей, во-вторыхъ, присутствіе огромной пассивной силы въ глубинѣ души, чувство глубокаго покоя и непоколебимаго упованія, не покидаваго его ни въ дни паденій, ни въ минуты душевныхъ бурь. Изъ этихъ двухъ основныхъ свойствъ его натуры выросло все его міровоззрѣніе.

Высшая цѣль, которую онъ ставитъ себѣ и всякому человѣку, заключается въ томъ, чтобы научиться спокойно править парусомъ среди бурнаго моря, побѣдить случайность не путемъ бѣгства отъ нея, а путемъ нахождения себя въ ней «тѣмъ же спокойнымъ духовнымъ существомъ, сохраняющимъ въ несимпатичной жизни глубокую симпатію съ самимъ собой, съ міромъ своего чувства, сознанія и поступковъ». Примиреніе должно быть не внѣшнимъ, а внутреннимъ; нельзя мириться со всякой мерзкой дѣйствительностью, признавая ограниченный моментъ дѣйствительнымъ и непре-

ложнымъ: это—апатія или лицемѣріе. Но человѣкъ долженъ примириться съ самимъ собою, т.-е. примирить себя, какъ единичнаго, съ собою, какъ духомъ всеобщимъ. Этого внутренняго примиренія человѣкъ достигаетъ черезъ проникновеніе себя истиной. Истина въ чувствѣ есть любовь, истина въ мысли—разумность: и то, и другое должно проникнуть нравственный міръ человѣка, т.-е. міръ его поступковъ. Только этимъ путемъ человѣкъ становится внутренне выше случайностей, т.-е. сохраняетъ себя среди всѣхъ тревоженій адекватнымъ себѣ, своей вѣчной сущности. И только въ этомъ—полное счастье: «полное счастье—сознательно внимать великой симфоніи жизни и отчетливо и отъ полноты души разыгрывать въ ней свою партію, какъ бы грустно ни тревожили слышимые звуки». Жизнь должна быть художественнымъ произведеніемъ, т.-е. свободнымъ осуществленіемъ внутренняго закона въ личной дѣятельности.

Эту мысль Огаревъ называетъ еще только своимъ предчувствіемъ: онъ знаетъ, что до воплощенія ея въ жизни ему предстоитъ еще длинный путь, трудная внутренняя работа освобожденія отъ многихъ романтическихъ призраковъ; но онъ чувствуетъ, что уже близка минута, когда онъ стряхнетъ всю внѣшнюю горечь жизни и найдетъ въ себѣ силу жить адекватно истинѣ.

Что эта теорія не придумана имъ, а вытекла изъ нѣдръ его природы, показываетъ то спокойное мужество, съ которымъ онъ смотритъ назадъ и впередъ. Гнетъ воспоминаній и страхъ случайностей, подавлявшіе Грановскаго и Герцена, ему чужды. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ столько основаній съ ужасомъ и отвращеніемъ вспоминать свое прошлое, какъ Огаревъ, потому что ни одинъ не расточилъ такъ бесплодно молодость, силы, богатство, не заблуждался такъ часто и не падалъ такъ низко, какъ онъ. Между тѣмъ онъ совершенно не знаетъ раскаянія. По его терминологіи, раскаяваться значитъ «пребывать въ наслажденіи своего гореванья о томъ, что поступилъ не такъ»; это—неопредѣленная грусть, довлѣющая себѣ и потому бесплодная. Есть другое отношеніе къ своимъ ошибкамъ—внутренне такъ обновиться, чтобы стать выше горькихъ воспоминаній. Тогда опытъ не парализуетъ человѣка, а обращается въ руководящую и просвѣтляющую силу; въ этой безбязненности взгляда на самого себя, другъ на друга и на весь міръ, въ этой стойкости любви и одушевленія среди всѣхъ скорбей и ошибокъ онъ видитъ истинное совершеннолѣтіе духа. Если на душѣ есть пятна, то въ душѣ есть сила очиститься отъ нихъ, а предаваться самообвиненію и пессимизму значитъ избѣгать яснаго расчета съ самимъ собою и его результата—самообновленія; они—

порожденіе тайной трусости, потому что за ними человекъ ловко скрываетъ отъ себя, что ему лѣнь жить здорово и сильно.

Съ той же суверенной свободой относится онъ и къ будущему. Страхъ Герцена передъ будущимъ онъ называетъ романтизмомъ назнанку. Самъ онъ не признаетъ существованія глупыхъ случайностей; бояться будущаго,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—ему мѣшаетъ сознание связи mit dem Allgemeinen. Случайное, по его мысли, есть фантазія природы, и природа движется въ этой сферѣ, какъ движется фантазія въ художественномъ произведеніи,—вольно, но стройно, безгранично, но цѣлесообразно. Индивидуальность органически входитъ въ міровое цѣлое и подлежитъ его законамъ, а слѣдовательно и случаю, ибо «случай—отдѣльные слова въ книгѣ судьбы». Несчастливая случайность, постигшая близкаго намъ человека, можетъ надолго повергнуть насъ въ печаль, но враждовать противъ нея нельзя, какъ нельзя сердиться на неизбѣжность смерти, увяданія и пр. Какъ враждовать съ природой, съ внѣшней необходимостью, съ тѣмъ, что внѣ міра человеческого и, стало быть, внѣ возможности борьбы и побѣды?—и точно оправдываясь, онъ пишетъ Герцену: «Что-жъ мнѣ дѣлать, если случайность меня не оскорбляетъ?» *).

Впослѣдствіи Огаревъ дѣйствительно достигъ того глубокаго внутренняго примиренія, которое въ половинѣ 40-хъ годовъ было для него еще предчувствіемъ, и результатомъ этого примиренія было спокойное мужество, какого никогда не обрѣли Грановскій и Герценъ, а вмѣстѣ и совершенное освобожденіе отъ «романтическихъ призраковъ». Уже въ 1846 году онъ пишетъ женѣ: «*Ich bin nüchtern geworden*. Я не умѣю перевести этого нѣмецкаго выраженія. Это не сухость сердца, но состояніе, въ которомъ чувствуешь реальность во всемъ, въ мысли, какъ и въ привязанности, и въ которомъ опытъ становится необходимымъ условіемъ жизни». И точно, необыкновенная трезвость взгляда, непоколебимый детерминизмъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ, такъ и въ отношеніи къ вещамъ и людямъ, характеризуютъ его въ позднѣйшіе годы.

*) Этотъ мудрый фатализмъ, это—если можно такъ сказать—благоговѣніе передъ грядущимъ съ удивительной силой выражены Вильгельмомъ Гумбольдтомъ въ одномъ советѣ, который позволяю себѣ привести здѣсь въ слабomъ переводѣ: „Есть власть судьбы, таинственная власть. Въ соединеніи съ силами природы она опредѣляетъ смертнымъ часъ страданья и часъ блаженства; предъ ней одной я голову склоняю. Кто чтитъ судьбы священный приговоръ, того и тяжкое не сломитъ горе, и въ счастья онъ надменно не ликуетъ, познавъ и милости, и кары правосудья. Какъ свѣтила свершаютъ путь свой лучезарный, такъ неизмѣнно, неотразимо-властно судьба, изъ тайной дали исхода, пересѣкаетъ суетные круги желаній нашихъ. Такъ легкій слѣдъ въ песокъ сыпучемъ смываютъ въ часъ прилива волны моря“.

«Онъ сдѣлался по плечу каждому человѣку,—разсказываетъ Аннепковъ, близко знавшій его какъ-разъ въ половинѣ 40-хъ годовъ,—какъ самому простому, такъ и самому развитому, потому что одинаково вѣрно понималъ ихъ духовныя нужды и входилъ въ цѣпь ихъ мыслей и представленій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приобрѣлъ рѣдкое хладнокровіе сужденія, не покидавшее его уже во всю остальную жизнь: всякій фактъ и случай, являвшійся въ свою очередь какъ логическое слѣдствіе цѣлаго предшествующаго жизненнаго процесса, признавался имъ законнымъ, получалъ его согласіе и поддержку, хотя бы самъ по себѣ не имѣлъ претензіи на очевидный моральный характеръ и способенъ былъ бы даже возбуждать къ себѣ непріязнь и осужденіе. Ту же самую мѣрку прилагалъ онъ и къ себѣ лично. Совершенно ясно и спокойно смотрѣлъ онъ на приближеніе старости, на умножающіеся припадки злой своей болѣзни, на грозящее ему разореніе, на всю свою потерянную, испорченную жизнь, и ни о чемъ не сожалѣлъ, ни въ чемъ не раскаивался». Это была великая духовная сила, притомъ сознавшая себя, но—правда—сила только пассивная. Прошлое и грядущее не имѣли власти надъ нимъ, не становились между нимъ и текущей минутой; но отъ настоящаго онъ умѣлъ лишь беззавѣтно брать то, что оно предлагало ему,—творить въ немъ онъ не умѣлъ. Онъ самъ очень мѣтко сказалъ о себѣ: «Мой врагъ—не прошедшее, не будущее, а настоящее, въ которомъ я не умѣю *тъшиться*»; другими словами, волевой импульсъ никогда не достигалъ у него полной законченности, останавливаясь каждый разъ въ стадіи сосуществованія двухъ или болѣе разнородныхъ стремленій.

IV.

Много лѣтъ спустя Огаревъ въ одномъ письмѣ къ Герцену развивалъ ту мысль, что человѣческій умъ ничего не вырабатываетъ произвольно, а всегда вырабатываетъ результатъ соотношенія воспріятыхъ имъ впечатлѣній; поэтому малѣйшая разница впечатлѣній ведетъ сплошь и рядомъ къ глубокому различію въ выводимыхъ изъ нихъ соотношеніяхъ. Это психо-физиологическое наблюденіе воочію оправдалось на нашихъ трехъ друзьяхъ.

Здѣсь была разница даже не столько во впечатлѣніяхъ, сколько въ самомъ способѣ воспріятія внѣшняго міра. Герценъ считалъ лучшимъ въ Огаревѣ то, что въ немъ «не видать горизонта». По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что изъ троихъ друзей Огаревъ созерцалъ дѣйствительность наиболѣе безпристрастно, наименѣе отуманеннымъ взглядомъ; онъ приближался къ гегелевскому типу

разумнаго челоуѣка, который спокойно признаеть, что $2 \times 2 = 4$, не негодуя на то, что не 3, и не оскорбляясь тѣмъ, что не 5. Герценъ близко подходилъ къ нему въ этомъ смыслѣ: страхъ будущаго не мѣшалъ ему ясно видѣть въ настоящемъ. Иное дѣло Грановскій. «Романтизмъ», крѣпко коренившійся въ его натурѣ и дѣлавшій его вѣчнымъ данникомъ прошлаго, былъ глубоко враждебенъ реалистическому взгляду на мiръ. Огаревъ, такъ много похоронившій въ волнахъ, столько разъ терпѣвшій крушеніе, все же чувствовалъ себя легко и привольно въ открытомъ морѣ дѣйствительности; смѣло плавалъ въ немъ и Герценъ, хотя и предвидя бури,—Грановскому оно внушало ужасъ: онъ не могъ забыть, что оно поглотило столько дорогихъ ему существъ, и искалъ тихую бухту.

Такою тихой бухтой и было его міровоззрѣніе, основанное на пристрастныхъ, но полныхъ неслабѣющей любви воспоминаніяхъ, на одностороннихъ, но чарующихъ своей задушевностью вѣрованіяхъ. Ему было не по себѣ въ томъ новомъ мiрѣ, который открывали тогда естественныя науки,—въ мiрѣ, гдѣ царитъ желѣзный законъ детерминизма. Герценъ и Огаревъ ликуя приняли отъ Фейербаха благу ю вѣсть освобожденія: онъ далъ имъ мужество признать за фантастически-освѣщенный туманъ тѣ грозныя утесы, «о которые бились—отъ семи греческихъ мудрецовъ до Канта и Гегеля—всѣ дерзавшіе думать». Живое чутье дѣйствительности помогло имъ освободиться отъ догмата о приоритетѣ логики надъ природой; затѣмъ въ мучительныхъ поискахъ выхода изъ дуализма идеи и бытія они доработались до сознанія необходимости прежде всего постигнуть бытіе въ немъ самомъ. Отсюда ихъ страстное увлеченіе въ 1843—46 гг. естественными науками. Въ конечномъ итогѣ ихъ занимала больше всего социальная жизнь, слѣдовательно, исторія, и вотъ оба они одновременно приходятъ къ сознанію, что исторія должна быть основана на антропологии, антропология—въ свою очередь на физиологии, физиология—на химіи; въ началѣ 1845 г. Огаревъ, сообщая Герцену о курсѣ антропологии, открытомъ въ Парижѣ Огюстомъ Контомъ, и о занятіяхъ Боткина и Фролова естественными науками, съ торжествомъ указывалъ на то, что новое, положительно-научное воззрѣніе, усвоенное ими обоими, съ каждымъ днемъ становится все болѣе общимъ въ Европѣ, что всюду возникаетъ интересъ къ антропологии, наукѣ о конкретномъ челоуѣкѣ. Это было дѣйствительное освобожденіе отъ всякой предвзятой точки зрѣнія, какъ отъ спиритуализма, такъ и отъ матеріализма. Они нашли выходъ изъ двойственности логики и природы: вещество—такая же абстракція внизъ, какъ логика—абстракт-

ція вверхъ; въ конкретной дѣйствительности нѣтъ собственно ни того, ни другой, а есть ихъ взаимодействіе, есть процессъ. И они ставятъ себѣ задачей безпристрастно изучать этотъ процессъ, не отступая передъ крайними выводами изученія; положительная наука не убѣетъ въ нихъ идеализма, но дастъ ему твердую основу, введетъ его въ русло и устремитъ къ реально-практической цѣли.

Духъ времени не миноваль и Грановскаго. Въ превосходномъ анализѣ его историческихъ воззрѣній, который далъ въ своей книгѣ г. Вѣтринскій, ярко выступаютъ основныя черты его нравственно-философскаго уклада, какъ онъ въ общемъ былъ законченъ уже и къ половинѣ 40-хъ годовъ. Наравнѣ съ Герценомъ и Огаревымъ онъ признавалъ господствующій въ исторіи детерминизмъ, «законъ, или лучше—необходимость», полагалъ, что ясное знаніе законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій, можетъ быть достигнуто лишь путемъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодействіи и потому считалъ географію и антропологию основами исторіи. Но на этихъ теоретическихъ предпосылкахъ онъ и останавливается, и изъ тѣсныхъ рамокъ детерминизма однимъ прыжкомъ неожиданно выходитъ въ безграничную область субъективной телеологіи: «необходимость», царящая въ исторіи, оказывается цѣлью историческаго движенія; она—ничто иное, какъ «нравственный законъ, въ осуществленіи котораго состоитъ конечная цѣль человѣчества на землѣ». Отсюда развивается у него цѣлая система историческаго оптимизма, вѣра въ божественную связь, охватывающую всю жизнь человѣчества; въ историческій процессъ вносится трансцендентальная цѣлесообразность, идущая совершенно въ разрѣзъ съ детерминизмомъ, и стремленіе провести эту точку зрѣнія при изученіи событій заставляетъ Грановскаго сплошь и рядомъ либо обходить неразложимыя этой цѣлесообразностью глыбы фактовъ, либо отдѣлываться отъ нихъ фразой. Когда Огаревъ въ 1845 году прочиталъ въ одной нѣмецкой брошюрѣ мѣткую критику стараго ученія о давленіи воздушнаго столба, онъ писалъ Герцену: «Авторъ провелъ ясно всю негативную половину своей брошюры, но для объясненія явленій инымъ образомъ прибѣгнулъ къ *natura abhorret vacuum* (природа боится пустоты), и тутъ мнѣ стало тошно. Все мистическое сдѣлалось мнѣ неимоვნно противно, и я не могу безъ отвращенія видѣть предположенія чисто-нравственнаго качества въ природѣ, какъ *abhorret*». А незадолго передъ тѣмъ, лѣтомъ 1844 года, по поводу открытія астрономами пятна на солнечномъ дискѣ и предсказанія Герцена о возможности въ будущемъ такого переворота въ солнечной системѣ, который безслѣдно смететъ всю земную жизнь, Грановскій

писалъ женѣ: «Великій астрономъ, увѣряющій тебя, что пятна на солнцѣ произвели холодное лѣто и знаменуютъ переворотъ въ солнечной системѣ, безсовѣстно пользуется правомъ математиковъ пороть дичь и не знать исторіи. Это явленіе повторялось тысячу разъ, и каждый разъ математики и чернь объясняли его по-своему и выводили страшныя заключенія... Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть погаснетъ *это* солнце и охладѣетъ *эта* земля, духъ будетъ продолжать начатую имъ здѣсь работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органическою жизнью нашей планеты исключительно, какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпого, глупаго случая, который чортъ знаетъ для чего вздумалъ запачкать солнце!» Разумная цѣль въ бытіи космоса— это былъ такой «антропоморфизмъ des Allgemeinen» (говоря языкомъ того времени), въ сравненіи съ которымъ *abhorret* автора брошюры объ атмосферномъ давленіи представлялось еще довольно безобидной вещью.

Позднѣ Герценъ писалъ о Грановскомъ, что изъ него никогда не вышелъ бы ни человѣкъ чистаго мышленія, ни строгій естествоиспытатель: онъ не выдержалъ бы ни безстрастную неліцепріятность логики, ни безстрастную объективность природы. Дѣйствительно, онъ былъ лишенъ той внутренней силы, которая позволяетъ человѣку смотрѣть въ лицо Медузы, не каменѣя; онъ долженъ былъ отвернуться отъ зрѣлища ирраціональности природы и еще болѣе ужаснаго зрѣлища антиномій историческаго процесса. Чтобы не потеряться въ хаотическомъ волненіи конкретной дѣйствительности, ему нужны были опоры и загородки; такою внѣшней опорой и была его вѣра въ нравственную цѣль исторіи, такой загородкой—его вѣра въ Jenseits. Онъ самъ свидѣтельствуетъ о томъ, что религиозныя чувства были внушены ему въ дѣтствѣ матерью, потомъ ослаблены печально проведенной юностью и снова воскрешены вліяніемъ жены. Ихъ укрѣпилъ въ немъ всего болѣе рядъ тяжкихъ потерь, понесенныхъ имъ, одна вслѣдъ за другой, начиная съ 1840 года: въ этомъ году умеръ Станкевичъ, вскорѣ затѣмъ Е. П. Фролова, имѣвшая сильное вліяніе на Грановскаго и связанная съ нимъ теплой дружбой, лѣтомъ 1842 года умерла старшая изъ нѣжно-любимыхъ имъ сестеръ, въ томъ же году послѣдовала за ней младшая, въ 1843 умеръ братъ. Онъ никогда не примирился съ ихъ потерей, они «ежедневно умирали для него снова», и единственнымъ утѣшеніемъ оставалась ему надежда на свиданіе съ ними за гробомъ: «Не будь же грустна, моя Лиза.

Есть другая жизнь, безъ разлуки»,—писалъ онъ однажды женѣ Герценъ и Огаревъ въ юности и вплоть до конца 30-хъ годовъ также отличались глубокой религіозностью; но уже въ 1842 году вотъ что писалъ въ своемъ дневникѣ Герценъ по поводу смерти Вадима Пассека: «Тайна, и грозная, страшная тайна! А какъ на-глазно видно тутъ, что jenseits—мечта... «Мы увидимся, скоро увидимся»,—говорила жена (Пассека); теплое, облегчающее вѣрованіе, мое послѣднее вѣрованіе, за которое я держался всѣми силами. Нѣтъ, и тебя я принесъ въ жертву истинѣ! А горько съ тобою разставаться было, романтическое упованіе новой жизни». Разстался съ нимъ, только нѣсколько позднѣе, и Огаревъ—и, кажется, трудно ярче обнаружить разницу двухъ натуръ: одной, всецѣло опирающейся на самое себя, и другой, ищущей внѣ себя опоры, чѣмъ это сдѣлалъ Огаревъ въ слѣдующихъ строкахъ, обращенныхъ къ Грановскому (1845 г.): «Скорбь объ утратѣ близкихъ должна остаться глубоко, скорбью всей жизни; отъ этого-то я и ненавижу утѣшенія посредствомъ jenseits. Они мѣшаютъ скорби, они облегчаютъ чувство утраты, они—*трусость передъ страданіемъ*».

Въ своей біографіи Грановскаго А. В. Станкевичъ считаетъ нужнымъ оправдывать его мировоззрѣніе, доказывая, что Грановскій дорожилъ своими вѣрованіями вовсе не изъ страха разстаться съ утѣшительной и успокаивающей привычкой, а изъ отвращенія къ легкомыслию, «въ началѣ изученія и труда уже смѣло провозглашающему послѣдніе результаты науки, возводящему въ догматъ свои догадки, свои шаткія соображенія». Я думаю, что здѣсь вообще не можетъ быть рѣчи о судѣ и оправданіи, потому что, какъ выразился однажды самъ Грановскій, взглядъ всякаго мыслящаго чело-вѣка есть результатъ цѣлаго развитія цѣлой жизни. Но біографъ притомъ и не правъ. Среди бумагъ Герцена нашлось неизвѣстное доселѣ письмо Грановскаго къ Огареву (отъ начала января 1845 г.), заключающее въ себѣ искреннее и откровенное признаніе, такъ ясно изображающее ходъ развитія его вѣрованій, совершенно со-гласно съ нарисованной выше картиной, что сомнѣнію не остается мѣста. Привожу его цѣликомъ *).

«Я не люблю писать писемъ и диссертаций, вотъ почему я такъ рѣдко пишу къ тебѣ и такъ долго остаюсь профессоромъ in vre. А между тѣмъ мнѣ иногда мучительно хочется поговорить съ

*) Оно составляетъ приписку къ огромному письму Герцена отъ 1-2 января 1845 г., напечатанному въ *Рус. Мысли* 1891 г., VI, стр. 21—26. Тамъ же напечатаны и первыя строки приписки, до словъ „такой же минуты“: этими словами начинается новый листокъ, который не былъ въ распоряженіи издателя „Переписки недавнихъ дѣятелей“ и который любезно предоставленъ мнѣ проф. А. А. Герценомъ.

тобой; думаю: напишу ему то и то, приготовлю въ головѣ огромное посланіе, но изъ головы оно не выйдетъ. Потребность какъ будто усыплена или не удовлетворена, и я спокойно ожидаю другой такой же минуты. Послѣднее письмо Герцена задѣло меня за живое. Я собирался многое написать тебѣ, и по благородному обычаю написалъ *про себя*. Письмо не состоялось. Мнѣ тягостенъ самый процессъ писанія, т.-е. держаніе пера въ рукѣ, и пр.

«Странно и досадно! По смерти Станкевича ты и Герценъ стали для меня самыми близкими людьми, передъ вами обоими мнѣ легче, чѣмъ передъ другими, раскрывать душу. Узнать меня, кажется, не трудно, особенно друзьямъ. Зачѣмъ же Герценъ такъ много вретъ обо мнѣ? Я вылить aus einem Guss, я романтикъ и т. д. Все это вздоръ, но вздоръ, который мнѣ больно слышать отъ Герцена. Ему бы можно знать меня покороче. Я—aus einem Guss! Я—весь изорванный и измученный внутренно. Это не фраза. Тебѣ это извѣстно, можетъ быть. Меня измучили, конечно, не міровые вопросы, а большею частью личныя утраты, жизненные опыты, которыми я, безъ всякаго сомнѣнія, богаче всѣхъ васъ. Я искусственно успокоился отъ всего въ исторіи и въ дружбѣ. Когда я пріѣхалъ изъ Берлина, я не нуждался въ jenseits и готовъ былъ принять всѣ результаты философіи на вѣру въ разумъ (самый процессъ для меня всегда былъ очень труденъ даже тогда, когда я занимался логикою при пособіи Вердера и Станкевича); я смотрѣлъ на эти результаты безъ страха. Умеръ Станкевичъ, умерли сестры, и jenseits стало какимъ-то постулатомъ у меня. Многое измѣнилось во мнѣ отъ причинъ чисто-личныхъ. Теперь я отвыкъ совсѣмъ отъ умозрѣній, я вдался въ исторію и думаю, что у меня есть призваніе къ этому дѣлу. Только одно это занятіе, этотъ интересъ, съ которымъ, впрочемъ, такъ много связано, даетъ единство моему внутреннему бытію. Да, я понимаю, что отъ этого я могу показаться постороннимъ очень ровнымъ, успокоеннымъ въ себѣ человѣкомъ. Но Герценъ могъ бы заглянуть поглубже. Занятіе исторіей, въ свою очередь, развило во мнѣ многое и въ особенности какой-то скептицизмъ. Трудно уберечься отъ него среди этого вѣчнаго движенія формъ и идей. Одно смѣняетъ другое, волна гонитъ волну. У всякаго вѣка была своя истина. Иногда становится грустно и страшно. Я мало читалъ Спинозу, но изъ всѣхъ философовъ его одного еще могу читать. Результатъ всего этого: если бы не было на свѣтѣ исторіи, моей жены, всѣхъ васъ и вина, я, право, не далъ бы копейки за жизнь. Я люблю жизнь только за это. Прощай. Журналъ не состоялся. Какой же я романтикъ? Прощай еще разъ. Крѣпко жму тебѣ руку».

Въ этомъ письмѣ Грановскій говоритъ о двухъ вещахъ, которыя

не слѣдуетъ смѣшивать: о своихъ интимныхъ вѣрованіяхъ и о своихъ научныхъ взглядахъ. Вѣрованій своихъ онъ и не пытается оправдать или доказать: онъ прямо заявляетъ, что они—плодъ его личнаго опыта, что они нужны ему какъ опора въ трудной жизни. Защищаетъ же онъ только свой научный скептицизмъ, основанный на убѣжденіи въ относительности и смѣняемости добываемыхъ человѣкомъ истинъ. Очевидно, что о причинной связи между его вѣрой и этимъ скептицизмомъ нельзя говорить: скептицизмъ ведетъ только къ отрицанію догматизма и къ терпимости, но самъ по себѣ не можетъ порождать положительныхъ вѣрованій; онъ не съетъ ихъ сѣмена въ душѣ: онъ лишь облегчаетъ ихъ ростъ и упроченіе.

Къ приведенному сейчасъ письму Герценъ сдѣлалъ такую приписку: «Можетъ я и въ самомъ дѣлѣ ошибся съ aus einem Gusse, но я, впрочемъ, не въ тѣхъ границахъ употребилъ это слово, въ которыхъ принялъ Грановскій. Дѣло въ томъ, что онъ нашелъ занятіе вполне поглощающее, единое, сообразнѣйшее душѣ и глубоко, отчетливо, прекрасно идетъ по этой дорогѣ. Что касается до обвиненія въ романтизмъ—прімо это не обвиненіе, а secundo повтори самъ, что ты пишешь о Фроловѣ *). Что за дѣло, какъ и почему такіе-то элементы взошли въ жизнь: рѣчь идетъ о томъ, каковъ человѣкъ есть и побѣждено ли имъ внѣшнее». Именно такъ стоитъ здѣсь этотъ вопросъ для насъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Гершензонъ.

---

*) Въ письмѣ отъ 13 сент. 1844 г. Огаревъ писалъ: „... есть границы слабости и силы... Одинъ изъ самыхъ сильныхъ людей, одинъ изъ самыхъ близкихъ мнѣ по духу и по душѣ—Фроловъ, а иногда и этой силѣ непереступимая граница. Есть у насъ спорные пункты. У него близкое существо на томъ свѣтѣ. Случай, несчастіе, оскорбленіе природой святости душевной заставляютъ искать jenseits. Право, чувство границъ, зависимость отъ случая тревожатъ меня болѣзненно все на свѣтѣ“ и т. д.

Исторія англійскаго бюджета и современная его организація *).

Фактически вся финансовая власть государства сосредоточивается въ рукахъ палаты общинъ**). Дѣло въ томъ, какъ мы уже знаемъ, нижней палатѣ всегда принадлежало первенство въ вопросахъ обложенія и дарованія королю субсидій. Поэтому исторически выработалось правило, что финансовые билли (проекты) должны непременно вноситься сперва въ нижнюю палату, а палата лордовъ имѣетъ право либо принять ихъ цѣликомъ, либо отвергнуть en bloc (цѣликомъ), не производя въ нихъ никакихъ измѣненій***). Этотъ принципъ прочно установился со времени извѣстнаго конфликта 1860 года, когда Гладстонъ предложилъ отмѣну налога на бумагу. Упомянутый проектъ встрѣтилъ значительную оппозицію въ средѣ палаты общинъ по причинѣ крупной агитаціи со стороны фабрикантовъ бумаги. Билль Гладстона прошелъ въ палатѣ большинствомъ всего въ пять голосовъ. Въ верхней палатѣ настроеніе было еще болѣе неблагопріятно, и лорды, имѣя въ виду нерасположеніе вліятельныхъ круговъ общества, отклонили отмѣну налога, вотированную нижней палатой. Подобный шагъ вызвалъ сильное возбужденіе

*) „Научное Слово“ 1903 г., кн. VII.

***) Юридически всѣ законопроекты нуждаются въ одобреніи обѣихъ палатъ и въ утвержденіи монарха (по принципу: „король въ парламентѣ“ утверждаетъ законопроекты); но въ настоящее время согласіе короля есть лишь простая формальность.

****) Резолюціей палаты общинъ отъ 3 іюля 1678 года постановлено: „Дарованіе всѣхъ налоговъ и субсидій... всецѣло принадлежитъ палатѣ общинъ; всѣ билли, имѣющіе даровать такіе налоги и субсидіи, должны исходить изъ среды общинъ, и общинамъ принадлежитъ безусловное и безспорное право указывать и опредѣлять въ такихъ билляхъ цѣль, порядокъ, мотивы, условія, ограниченія и содержаніе относящихся сюда кредитовъ, и эти кредиты не могутъ быть ни измѣнены, ни смягчены палатой лордовъ“. Вопросъ объ отношеніяхъ нижней и верхней палатъ по финансовымъ биллямъ подробно изложенъ въ изданіи: *Dreyfus: „Les budgets“ (Correspondance du Cobden-club). Paris, 1882* (переводъ изъ сочиненія Erskine May), стр. 101 сл.

и нападки. Общны уполномочили особую комиссію розыскать въ парламентскихъ архивахъ всѣ прецеденты по вопросу о правѣ палаты лордовъ отвергать финансовыя билли. Комиссія отвѣтила, что лордамъ не принадлежитъ право вносить какія-либо измѣненія или поправки въ финансовыя проекты, но что въ нѣкоторыхъ случаяхъ за ними признавалось право цѣликомъ отвергать такія билли. Поэтому конституціонность дѣйствій верхней палаты была формальнымъ образомъ подтверждена, но съ тѣхъ поръ принято разсматривать всякую поправку лордовъ въ финансовомъ биллѣ за полный отказъ (en bloc) въ утверженіи проекта *).

Общины все же сочли нужнымъ официально подтвердить свои привилегіи, что «имъ принадлежитъ исключительное право даровать коронѣ субсидіи и налоги и устанавливать въ этомъ отношеніи родъ, размѣръ, время и продолжительность налоговъ; если лорды дѣйствительно цѣликомъ отклоняли финансовыя билли (гласила резолюція), то они лишь рѣдко пользовались этимъ правомъ, а потому общины съ полнымъ основаніемъ серьезно выступаютъ въ защиту своей привилегіи — открывать кредиты и регламентировать бюджетъ». Билль Гладстона, однако, не былъ снова внесенъ въ нижнюю палату, которая удовольствовалась провозглашенной резолюціей, хотя Гладстонъ упрекалъ своихъ оппонентовъ, что они «спокойно допускаютъ грандіозное нововведеніе, нововведеніе даже самое крупное и самое опасное, какое только допускалось до сего времени»... Зато въ слѣдующемъ году Гладстонъ, представляя бюджетъ на 1862 г., искусно вставилъ въ него отмѣну налога на бумагу и одновременно понизилъ подоходный налогъ. Пониженіе подоходнаго обложенія расположило большинство нижней палаты въ пользу проекта, хотя самый приемъ Гладстона подвергся сильнымъ нападкамъ. Въ такомъ случаѣ лорды могли бы только цѣликомъ отвергнуть весь бюджетъ, если бы они не желали допустить отмѣну налога на бумагу. Но эта мѣра показалась слишкомъ опасной, а потому верхняя палата приняла бюджетъ. Тѣмъ самымъ конфликтъ былъ исчерпанъ **).

*) Зато палата лордовъ всегда рѣшительно противилась такъ-называемымъ „tasking bills“, т.-е. такимъ финансовымъ законопроектамъ, къ которымъ прибавлены пункты, не имѣющіе ничего общаго съ цѣлью самого билля. Если бы верхняя палата не придерживалась подобнаго правила, то нижняя палата могла бы безъ стѣсненій проводить любыя реформы по всѣмъ областямъ государственнаго управленія, просто прибавляя къ какому-либо финансовому биллю (который не можетъ быть отвергнутъ) статьи, касающіяся совершенно другихъ вопросовъ (см. *Gneist*: „Verwaltungsrecht“, II, 727).

***) *Dreyfus*, ук. соч., 201—207.—*Эменъ*, назв. соч., II, 340, указываетъ, что палата лордовъ, вслѣдствіе ея аристократическаго и наследственнаго состава, дѣйствительно не можетъ считаться представительницей населенія, платящаго налоги, и этимъ,

Другимъ существеннымъ выводомъ, какой вытекаетъ изъ исторической части нашей работы, является положеніе, что принципиально всѣ вотируемые парламентомъ суммы и кредиты считаются дарственной субсидіей (grant) коронѣ со стороны общинъ: парламентъ лишь утверждаетъ или отказываетъ коронѣ въ просимыхъ субсидіяхъ. Вотъ почему палата принципиально никогда отъ себя не увеличиваетъ какихъ-либо новыхъ или старыхъ кредитовъ, если объ этомъ не ходатайствуетъ само правительство (т.-е. представитель короны)*). Описанный принципъ имѣетъ, какъ мы увидимъ ниже, важное значеніе.

Наконецъ, существенной особенностью англійскаго бюджета является знакомое намъ раздѣленіе государственной смѣты на двѣ части: 1) консолидированную (fixed charges on consolidated fund), какъ не подлежащую ежегодному пересмотру, и 2) ежегодно разрѣшаемую парламентомъ (voted supply services). Кредиты, отпущенные въ счетъ консолидированнаго фонда, составили въ 1898 — 9 году 27.044.235 фунт. стерл., а supply services — 81.106.000 фунт. стерл., то-есть первые составляютъ ровно одну треть вторыхъ.

Бюджетный годъ считается въ Англійи съ 1 апрѣля по 31 марта слѣдующаго года**). Составленіе смѣты, которая вносится въ парламентъ, лежитъ на обязанности правительства. Отдѣльными вѣдомства изготовляютъ, на основаніи результатовъ предшествующихъ лѣтъ, чрезвычайно подробныя и пространныя смѣты *расходовъ* и отсылаютъ ихъ въ казначейство (министерство финансовъ). Здѣсь эти смѣты разсматриваются и подвергаются различнымъ измѣненіямъ при участіи и согласіи заинтересованныхъ вѣдомствъ. Затѣмъ по отпечатаніи смѣты вносятся въ ноябрѣ или въ декабрѣ въ нижнюю палату, вскорѣ по открытіи ея; именно смѣта военныхъ расходовъ (army estimates) вносится статсъ-секретаремъ военныхъ дѣлъ (воен-

---

конечно, легко объясняются ограниченія верхней палаты въ финансовыхъ вопросахъ. Къ тому же общины фактически всегда могутъ добиться осуществленія тѣхъ или иныхъ фискальныхъ реформъ, хотя бы тѣмъ же путемъ, къ какому прибѣгъ Гладстонъ.

*) Этотъ порядокъ, признанный изъ старъ, подтвержденъ резолюціей (standing order) нижней палаты отъ 20 марта 1866 г., что инициатива въ дѣлѣ законопроектовъ, касающихся финансовъ, должна быть предоставлена коронному правительству и что палата не будетъ болѣе заниматься обсужденіемъ индивидуальныхъ предложеній этого рода, исходящихъ отъ ея членовъ (*Эссенъ*, II, 345, см. еще *Todd*: „Le gouvernement parlementaire en Angleterre“, перев. 1900 г. II, 287 сл.).

***) Формальный порядокъ функціонированія англійскаго бюджета подробно изложенъ въ двухъ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ: *Бунге*, Н. X.: „Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англійи“. Спб. (изъ записокъ академіи наукъ), 1890 г.; *Каменскій*, I. П.: „Государственное хозяйство Англійи за 1887—8/1892—3 гг.“, Спб., 1895 г., которыми мы, преимущественно, и пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

нымъ министромъ), смѣта морскихъ расходовъ (navy estimates)—первымъ лордомъ адмиралтейства и, наконецъ, смѣты по расходамъ гражданского вѣдомства и взиманія доходовъ (estimates for civil services and for revenue departments *)—финансовымъ секретаремъ казначейства. Тѣмъ не менѣе общее наблюдение и специальную отвѣтственность за соблюденіе строгой экономіи во всѣхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства несетъ канцлеръ казначейства (министръ финансовъ), какъ лицо, въ рукахъ котораго сосредоточены полный контроль и управленіе доходами государственной казны отъ всякихъ источниковъ, включая частные доходы короля. Упомянутыя смѣты, обнимающія, надо замѣтить, нѣсколько томовъ, подраздѣляются на главы или голосованія (chapters или votes); по этимъ отдѣльнымъ главамъ (ихъ около 200) смѣты и голосуются нижней палатой, причемъ суммы, назначенныя по одной главѣ, не могутъ быть расходуемы на предметы, отнесенныя къ другой главѣ **). Въ каждой главѣ масса подраздѣленій, обнимающихъ иногда очень мелкія суммы ***); такія подробности даютъ возможность устранить произволъ въ распредѣленіи кредитовъ, да и контроль можетъ довольно легко открыть всякую неточность. Необходимо отмѣтить еще, что въ расходахъ гражданского управленія самая классификація расходовъ дѣлается не по министерствамъ (какъ принято у насъ и въ другихъ странахъ), а по предметамъ; другими словами, въ каждой главѣ означается, на какой предметъ (а не какому министерству) ассигнуется та или иная сумма (напримѣръ, «на народное образованіе» —

*) Слѣдуетъ обратить вниманіе на „смѣту взиманія доходовъ“. Еще въ 1848 г. палата общинъ высказала пожеланіе, чтобы въ государственныхъ росписяхъ точно означались суммы, потребныя на взиманіе налоговъ. Вотъ почему съ 1856 года въ росписяхъ (въ estimates for revenue departments) означаются суммы издержекъ на взиманіе государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, въ англійскихъ отчетахъ показываются по приходу валовые доходы отъ отдѣльныхъ источниковъ, а по расходу—издержки взиманія этихъ доходовъ, откуда съ ясностью видна производительность каждой отрасли дохода, то-есть сколько данный доходъ приноситъ государству и сколько тратится на собраніе его. Слѣдовательно, въ настоящее время англійскій бюджетъ носитъ характеръ такъ-называемыхъ „брутто (валовыхъ)-бюджетовъ“, считаемыхъ въ виду ихъ наглядности наиболѣе рациональными въ современномъ государственномъ хозяйствѣ (въ противоположность такъ-называемымъ „нетто-бюджетамъ“, показывающимъ лишь чистый доходъ отъ отдѣльныхъ источниковъ). Теперь почти во всѣхъ государствахъ составляются лишь брутто-бюджеты.—Ср. *Wügren*, *J.*: „Das staatsbudget“. Helsingfors, 1899, 18 сл.

***) Слѣдовательно, запрещаются такъ-наз. virements, т.-е. переносъ кредитовъ изъ одной статьи въ другую, чѣмъ проводится принципъ „специализаціи“, о которой говорено выше. На ряду со смѣтами обычно вносятся особые statements — сокращенные обзоры расходовъ, облегчающіе пониманіе пространныхъ смѣтъ.

****) См. *Franqueville*: „Le gouvernement et le parlement britanniques“, III, 459 сл.

столько-то, на «дѣла благотворительности» — столько-то и т. д.) *). Означенный порядокъ выработался исторически: правительство представляетъ собой единое цѣлое, и въ каждомъ новомъ министерствѣ министры, по взаимному соглашенію, распредѣляютъ между собой отдѣльныя отрасли управленія, соединяя или, наоборотъ, разъединяя ихъ. Англійская система имѣетъ то преимущество, что дѣятельность правительства, поскольку она выражается въ затратахъ на различныя отрасли управленія, получаетъ на цифрахъ бюджета довольно яркое освѣщеніе, чѣмъ облегчается, между прочимъ, и сравненіе данныхъ за продолжительные периоды времени.

Выше мы упомянули, что смѣты вносятся въ палату общинъ вскорѣ послѣ ея открытія. Подробности этой процедуры заключаются въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, сессіи палатъ открываются тронной рѣчью, произносимой въ палатѣ лордовъ, куда для того приглашаются также и члены нижней палаты. Послѣ изложенія предполагаемой вѣшной и внутренней политики, въ тронной рѣчи обращается къ «джентльменамъ палаты общинъ» просьба утвердить предлагаемыя на ихъ разсмотрѣніе финансовыя проекты и бюджетъ. Послѣ этого нижняя палата возвращается къ себѣ и вырабатываетъ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь; послѣднюю спикеръ перечитываетъ «для большей точности» вновь, именно въ той части, которая относится до государственной росписи. Затѣмъ дѣлается общее предложеніе, принимаемое, по установившемуся обычаю, единогласно («*nemine contradicente*»), «чтобы для исполненія этихъ смѣтъ его величеству были ассигнованы необходимыя суммы (*that supply be granted to His Majesty*); вмѣстѣ съ тѣмъ палата назначаетъ день, когда имѣетъ быть подробное обсужденіе самаго предложенія о дарованіи субсидій. Здѣсь министры представляютъ свои смѣты, а палата отдаетъ приказъ о сформированіи двухъ комиссій: 1) «комитета снабженія» (*committee of supply*) и 2) «комитета путей и средствъ» (*committee of ways & means*). Въ первомъ изъ нихъ обсуждаются представляемыя министрами смѣты расходовъ; во второмъ изыскиваются необходимыя средства для исполненія смѣтъ. Въ составъ обоихъ комитетовъ входитъ вся палата общинъ (*the whole house*); разница отъ обыкновенныхъ засѣданій заключается въ томъ, что, вмѣсто спикера, въ нихъ предсѣдательствуетъ избранный ея членами изъ своей среды особый предсѣдатель (*chairman*), остающійся въ этой должности во все время существованія данной па-

*) Это — такъ-называемая «реальная» система расположенія расходовъ въ противоположность «министеріальной», обычной на континентѣ; послѣдняя система не даетъ полного обзора совокупности расходовъ на какой-либо предметъ, но зато считается болѣе удобной для цѣлей администраціи.

латы и получающій жалованье въ 2.500 фунт. стерл. въ годъ. Превращеніе палаты въ комитетъ совершается довольно просто: спикеръ покидаетъ президентское кресло, и булава его убирается, а предсѣдатель комитета—черманъ—занимаетъ предсѣдательское мѣсто. Такимъ образомъ, комитетъ снабженія обсуждаетъ и вотируетъ тѣ расходы, которые должны быть, согласно смѣтамъ, произведены въ предстоящемъ году, а комитетъ путей и средствъ опредѣляетъ государственные доходы, т.-е. разрѣшаетъ налоги и уполномочиваетъ правительство употреблять поступающіе въ казначейство доходы на покрытие вотированныхъ расходовъ. Оба комитета начинаютъ свои функціи *не* одновременно: комитетъ путей собирается только послѣ того, какъ комитетъ снабженія представилъ первый (т.-е. касающійся пока лишь части всего расходнаго бюджета) докладъ со своими заключеніями палатѣ общинъ *). Прежде всего комитетъ путей и средствъ разрѣшаетъ правительству позаимствованіе необходимыхъ суммъ на текущіе расходы изъ поступающихъ государственныхъ доходовъ. Означенныя разрѣшенія даются особыми парламентскими актами, и парламентъ утверждаетъ въ теченіе сессіи, смотря по надобности, два или три такихъ акта **). Надо имѣть въ виду, что оба комитета посяютъ исключительно совѣщательный характеръ, и ихъ рѣшенія *не* имѣютъ законодательной силы; чтобы постановленія комитета получили силу закона, необходимо утвержденіе палаты общинъ, которая собирается для этого въ назначенный ею день ***). Можетъ показаться страннымъ, почему учреждены подобные комитеты. Послѣдніе, однако, справедливо считаются выдающимся институтомъ англійской парламентской системы. Въ данномъ случаѣ ярко выразилась практичность британскаго народа, давшая возможность, въ виду высокоразвитаго политическаго строя, выработать своеобразный и практичный институтъ. Въ комитетахъ фактически предсѣдательствуютъ и принимаютъ главное участіе лишь лица, наиболѣе свѣдущія въ финансовыхъ вопросахъ. Депутаты

*) По установившемуся порядку, всегда разсматриваются сперва смѣты военная и морская, а затѣмъ уже гражданскаго управленія.

***) Образцы такихъ актовъ, въ русскомъ переводѣ, приложены къ книгѣ Каменскаго.

****) Разумѣется, всякій билль проходить, кромѣ того, черезъ палату лордовъ и утверждается королемъ. Но для финансовыхъ биллей, вотированныхъ общинами, дальнѣйшая процедура есть лишь простая формальность. Упомянемъ еще, что палата лишь въ очень ограниченной степени пользуется своимъ правомъ сокращенія расходовъ. Напримѣръ, въ теченіе 6 лѣтъ съ 1854 по 1860 годъ исключено кредитовъ по большей мѣрѣ на 20.000 фунт. стерл., а въ 1858 г. вычеркнуть всего расходъ въ 300 фунт. стерл., предназначавшихся лицу, командированному отъ національной галлерей.

здѣсь не стѣснены строгими формальными условіями парламентскихъ преній: напримѣръ, по одному и тому же вопросу одинъ и тотъ же депутатъ можетъ сколько угодно разъ участвовать въ дебатахъ. Въ комитетахъ депутаты выступаютъ скорѣе въ качествѣ экспертовъ, такъ какъ главная ихъ роль заключается въ дачѣ заключеній по министерскимъ финансовымъ проектамъ; смѣты и росписи здѣсь отнюдь не перерабатываются и все дѣло ограничивается обычно сокращеніемъ расходовъ, представляющихся несвоевременными или нецѣлесообразными. Благодаря описанному порядку, составъ комитетовъ, исполняющихъ столь важную функцію государственнаго управленія, какъ составленіе бюджета, не подвергается нежелательнымъ случайностямъ и различнымъ стѣсненіямъ. Какъ показываетъ опытъ, принятый на континентѣ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ способъ назначенія парламентскихъ комиссій для обсужденія росписи (жребіемъ, избраніемъ палаты, выборомъ по усмотрѣнію президента палаты) далеко не обеспечиваетъ должной критики бюджета. Правда, эти комиссіи, составленныя обычно изъ строго опредѣленнаго числа членовъ и носящія характеръ закрытыхъ засѣданій, имѣютъ принципиально цѣлью облегчить обсужденіе бюджета въ общемъ собраніи палаты*). Тѣмъ не менѣе система, принятая на континентѣ, приводитъ обыкновенно къ перевершенію всей росписи, къ внесенію въ нее многочисленныхъ новыхъ ставокъ и кредитовъ. Тѣмъ самымъ сильно колеблется равновѣсіе между приходомъ и расходомъ, и нерѣдко открывается необходимость испрашивать безчисленныя дополнительныя ассигновки**). Къ тому же, внося большія измѣненія въ министерскій проектъ, парламентъ ослабляетъ отвѣтственность министровъ, которые не могутъ, очевидно, отвѣчать за мѣры, ими вовсе не предлагавшіяся и постоянно вызывающія вполнѣ въ послѣдствіи, какъ извѣстно изъ опыта, необходимость въ сверхсмѣтныхъ ассигнованіяхъ. Поэтому раздаются многочисленные голоса въ пользу ограниченія инициативы палаты въ финансовыхъ вопросахъ***). Не входя въ обсужденіе того, насколько дѣйствительно желательно подобное ограниченіе, мы отмѣтимъ, что въ Англіи исторически выработалась вполнѣ удовлетворительная система, удачно приспособленная къ особенностямъ британской парламентской жизни и, можетъ быть, непримѣнимая въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

*) Ср. *Stourm*, ук. соч., 252.

***) *Татаринцевъ*: „Госуд. отчетность во Франціи“, 2 изд. (И. И. Кауфмана), стр. 30.

***) Ср. *Thion de la Chaume, R.*: „L'accroissement des budgets d'État au XIX siècle“. Paris, 1900, стр. 147—159. *Roche Jules*: „Les budgets du XIX siècle etc.“, Paris, стр. 52, сл. и мног. др.

Если назрѣваетъ какая-либо потребность измѣненія въ финансовой организаціи, то депутаты палаты общинъ обыкновенно указываютъ на это не при выработкѣ новаго бюджета, а при изложеніи министерствомъ своей программы. Ежегодно министръ финансовъ произноситъ въ палатѣ такъ-наз. *budget speech*, гдѣ онъ излагаетъ результаты истекшаго года, соображенія относительно ожидаемыхъ доходовъ и предстоящихъ расходовъ въ наступающемъ году, предположенія объ увеличеніи или уменьшеніи налоговъ и о прочихъ финансовыхъ мѣрахъ *). Въ отвѣтъ на эту рѣчь депутаты высказываютъ свои замѣчанія, служащія министру руководствомъ при выработкѣ бюджета въ будущемъ году. Въ Англіи представляется, повидимому, болѣе цѣлесообразнымъ предоставлять направление всей политики министерству, пользующемуся довѣріемъ большинства палаты, чѣмъ уменьшать отвѣтственность министровъ въ важнѣйшемъ административномъ актѣ, какимъ является бюджетъ... **).

Выше мы остановились на томъ, какимъ образомъ комитетъ снабженія разсматриваетъ государственныя смѣты расходовъ. По обсужденіи смѣтъ предсѣдатель предлагаетъ ассигновать требуемыя суммы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «такая-то сумма не свыше столькихъ-то фунт. стерл. ассигнуется его величеству на такой-то предметъ, обозначенный въ такой-то статьѣ напечатанныхъ смѣтъ». Комитетъ не можетъ ни измѣнить назначеніе статьи, ни увеличить требуемую правительствомъ сумму ***); онъ можетъ только исключить одно изъ подраздѣленій болѣе значительной главы или сократить эту главу на соотвѣтствующую сумму. Выше указывалось также, что рѣшенія комитета снабженія докладываются палатѣ общинъ (подъ предсѣдательствомъ спикера), которая либо утверждаетъ предположенія комитета, либо уменьшаетъ ассигновки послѣдняго; однако, увеличивать ассигновки, безъ вторичнаго разсмотрѣнія спорнаго пункта въ комитетѣ снабженія, палата *не* можетъ.

Послѣ того какъ палата утвердила ассигнованія комитета снабженія, правительство все еще не считается уполномоченнымъ на

---

*) Надо замѣтить, что бюджетъ вотируется обычно въ теченіе того года, когда онъ долженъ функционировать.

**) По замѣчанію Франквилля, „всякій депутатъ имѣетъ право поднять вопросъ о вотированіи кабинету недовѣрія или о возбужденіи преслѣдованія противъ министровъ, или предложить любой проектъ; онъ можетъ требовать пониженія кредита или даже настаивать на отклоненіи всего бюджета, но онъ не имѣетъ права предлагать увеличеніе суммы, испрашиваемой министромъ, хотя бы на одинъ пенсъ“. (*Franqueville*, III, 516).

***) *Dreyfus*, ук. соч., 156 сл.

позаимствование государственных доходов для исполнения вотированных расходов. Для этого необходима санкція комитета путей и средствъ, который открываетъ теперь свои занятія. Обычно въ это время министръ финансовъ произноситъ упомянутый *budget speech* *). Сравненіе состоянія финансовъ въ истекшемъ и наступающемъ году даетъ депутатамъ надлежащія свѣдѣнія для сужденія о томъ, какія средства дѣйствительно необходимы для покрытія вотированныхъ палатой расходовъ: если выясняется значительный излишекъ доходовъ, то можетъ быть потребовано сокращеніе налоговъ; если же ожидается дефицитъ, то комитету предстоитъ рассмотретьъ представленіе канцлера о способахъ покрытія дефицита и, въ случаѣ признанія ихъ цѣлесообразными, утвердить проектъ; по общему же правилу комитетъ не можетъ отъ себя предлагать новыхъ налоговъ или увеличеніе старыхъ, такъ какъ это является прерогативой короны (т.-е. возможно лишь по инициативѣ канцлера казначейства), развѣ только допускается предложеніе замѣны одного налога другимъ, дающимъ тотъ же доходъ, какой испрашивается правительствомъ **).

Разсмотрѣвъ представленія канцлера казначейства объ установленіи налоговъ въ предстоящемъ году (напримѣръ, о взиманіи подоходнаго налога въ томъ или иномъ размѣрѣ, таможенной пошлины на чай или какихъ-либо новыхъ податей), комитетъ путей либо утверждаетъ проектъ канцлера, либо отклоняетъ, и доводитъ о томъ до свѣдѣнія палаты. Если послѣдняя дастъ свое согласіе, то правительство, руководствуясь постановленіемъ комитета путей, можетъ приступить ко взиманію разрѣшенныхъ въ принципѣ налоговъ, такъ какъ предполагается, что билль въ заключеніе сдѣлается закономъ страны. Но если бы при дальнѣйшемъ обсужденіи законопроекта (такъ-наз. *tax bill*) былъ отклоненъ, то всѣ собранныя въ силу его суммы должны быть возвращены уплатившимъ ихъ. Затѣмъ, какъ вскользь упомянуто выше, на комитетѣ путей лежитъ еще другая обязанность—разрѣшать правительству позаимствование государственныхъ суммъ на покрытіе утвержденныхъ уже комитетомъ снабженія расходовъ; въ данномъ случаѣ комитетъ путей выработываетъ билль (такъ-наз. *bill of supply*), разрѣшающій предварительный отпускъ соотвѣствующихъ суммъ изъ консолидированнаго фонда. Такіе билли проходятъ черезъ обѣ палаты и санкціонируются королемъ. Принимая во вниманіе, что обычно засѣданія обоихъ комитетовъ продолжаются до августа мѣсяца, а бюджетный

*) См. *Dreyfus*, ук. соч., 146 сл.

**) Тамъ же, 159 сл.

годъ начинается уже съ перваго апрѣля, нельзя удивляться, что такіе предварительные отпуска достигаютъ нерѣдко третьей части всего бюджета; если бы средства консолидированнаго фонда оказались недостаточными, то государственное казначейство уполномочено выпускать краткосрочные казначейскіе билеты (особые долговые документы, срокомъ на 3, 6 или 12 мѣсяцевъ и приносящіе не свыше 5% дохода). Наконецъ, третьей задачей комитета путей и средствъ является разрѣшеніе вопроса объ авансахъ (votes on account) въ томъ случаѣ, если бы до утвержденія смѣтъ понадобились извѣстныя суммы; такіе авансы допускаются только по вѣдомству гражданскаго управленія, ибо смѣты послѣдняго, по причинѣ ихъ обширности и разнообразія, не всегда могутъ своевременно быть рассмотрѣны и утверждены *). По словамъ Г. П. Каменскаго, эти авансовые кредиты достигаютъ обыкновенно довольно значительныхъ суммъ, часто около 6 мил. фунт. стерл. въ годъ, то-есть приблизительно 6½% бюджета.

Если, однако, въ теченіе того времени, когда комитеты разсматриваютъ государственную роспись, открылась потребность въ какихъ-либо дополнительныхъ ассигнованіяхъ, ранѣе не предусмотрѣнныхъ, то министерство представляетъ въ палату общинъ дополнительную смѣту (supplementary estimates), приобщаемую къ прежней росписи. Порядокъ обсуждения и вотированія остается тотъ же, что и для первоначальныхъ смѣтъ. Впрочемъ, въ нормальныя времена supplementary estimates достигаютъ, въ общемъ, ничтожной суммы; къ тому же, бюджетъ составляется, какъ мы видѣли, очень близко ко времени начала функціонированія его, а потому смѣты исчисляются весьма точно **).

Послѣ того, какъ оба комитета закончили свои занятія ***) и бюджетъ оказался окончательно выработаннымъ, что обычно имѣетъ

*) Что же касается военнаго и морскаго вѣдомствъ, то для нихъ въ этомъ вопросѣ спеціальнаго уполномочія вообще не требуется, ибо законъ, считающійся съ особыми условіями англійской военной организаціи, разсыпанной по всему свѣту, даетъ правительству право дѣлать, съ разрѣшенія комиссаровъ казначейства, временныя позанѣмствованія въ суммѣ, разрѣшенной по одной главѣ смѣты, на потребности того же вѣдомства—по прочимъ главамъ, т.-е. допускать извѣстныя отступленія отъ принципа „спеціализаціи“ (ср. *Gneist*: „Verwaltungsrecht“, стр. 730).

**) См. *Stourm*, ук. соч., стр. 348—354. Надо замѣтить, что англійская публика крайне неодобрительно относится къ дополнительнымъ смѣтамъ, почему точное исчисленіе росписи составляетъ особую гордость министра финансовъ (ср. *Todd*: „Ueber die parlamentarische Regierung in England“, перев. 1869 г., I, стр. 409 сл.).

***) Упомянемъ, что на рассмотрѣніе комитетовъ иногда передаются палатой, кромѣ смѣтъ, и другіе вопросы, особенно если дѣло идетъ о какихъ-либо финансовыхъ мѣропріятіяхъ.

мѣсто къ концу сессіи (въ августѣ мѣсяцѣ), палата общинъ даетъ приказъ изготovitъ такъ-паз. билль усвоенія (appropriation bill), резюмирующій въ одномъ актѣ всѣ воспослѣдовавшія ранѣ частичныя разрѣшенія парламента. Въ этомъ биллѣ перечисляются всѣ смѣтные расходы и ассигнованія, назначенныя въ комитетѣ снабженія, съ показаніемъ суммъ, въ немъ вотированныхъ. «Мы, Вашего Величества почтительнѣйшіе и преданнѣйшіе подданные,—говорится въ этомъ актѣ,—Общины Соединеннаго королевства... собранныя въ парламентъ для изысканія средствъ на расходы, которые мы съ полной готовностью предоставили Вашему Величеству въ этой сессіи парламента, рѣшили предоставить Вашему Величеству нижеозначенную сумму и потому покорнѣйше просимъ Ваше Величество, чтобы это было постановлено закономъ и чтобы было узаконено Высочайшей волей Вашего Величества съ вѣдома и согласія Лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ и Общинъ, собранныхъ въ настоящій парламентъ, въ силу его полномочій, а именно: 1) Комиссары казначейства Его Величества въ установленное время могутъ выдать изъ консолидированнаго фонда... и употребить для выполненія расходовъ, представленныхъ Его Величеству на потребность года, оканчивающагося 31 марта 1888 года, сумму въ 32.242.209 фунт. стерл.» *). Далѣе комиссарамъ казначейства дается полномочіе въ случаѣ временной недостачи консолидированнаго фонда занимать отъ времени до времени подъ кредитъ предоставленной Его Величеству суммы (въ актѣ 1887 г. 34.242.209 ф.), не свыше этой суммы и на срокъ не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, съ уплатой не свыше 5% въ годъ. Въ-третьихъ, указывается, что всѣ суммы, вотированныя уже раньше на нужды текущаго года (то-есть временными актами путемъ bills of supply), а равно и назначенныя по сему заключительному акту, считаются «усвоенными»,—другими словами, окончательнo утвержденными; при этомъ дѣлается упоминаніе, что всѣ разрѣшенныя средства и ассигнованія не должны быть выданы или употреблены на какой-либо иной предметъ, кромѣ указанныхъ въ утвержденныхъ подробныхъ смѣтахъ. Въ-четвертыхъ, слѣдуетъ оговорка, что если возникнетъ какая-либо потребность въ расходѣ военномъ или морскомъ, на который не была усвоена сумма по настоящему акту, и отсрочка такового расхода, впредь до вотированія его парламентомъ въ установленномъ порядкѣ, могла бы оказаться пагубной, то военное или морское, по принадлежности, вѣдомство обязано поспѣшить сношеніемъ съ комиссарами казначейства для полученія

*) Мы цитируемъ по тексту акта 1887 г., приложенному въ переводѣ къ сочиненію *Бунте*, стр. 72 сл. См. также у *Каменскаго*, стр. 339.

уполномочія покрыть указанный расходъ изъ какихъ-либо остатковъ или сбереженій по прочимъ кредитамъ даннаго вѣдомства, лишь бы только не была превзойдена вся совокупность кредитовъ, открытыхъ сему вѣдомству *).

Билль усвоенія изготавляется подъ непосредственнымъ наблюдениемъ спикера нижней палаты **). Послѣдній обязанъ удостовѣриться, что всѣ ассигнованія, перечисленныя въ биллѣ усвоенія, точно соотвѣтствуютъ суммамъ, вотированнымъ въ комитетѣ снабженія, и провѣряетъ итогъ суммъ, предоставленныхъ къ отпуску изъ консолидированнаго фонда въ распоряженіе государственнаго казначейства по постановленіямъ комитета путей и средствъ. Спикеръ выводитъ балансъ между вотированными расходами и доходами и ограничиваетъ окончательный отпускъ средствъ этимъ балансомъ. Когда билль усвоенія пройдетъ послѣ троекратнаго чтенія черезъ обѣ палаты парламента ***) , онъ препровождается обратно въ палату общинъ и сохраняется тамъ до дня закрытія сессіи, т.-е. обычно до конца августа. Тогда спикеръ приноситъ билль къ рѣшеткѣ палаты лордовъ, куда ему переступать не дозволяется. Здѣсь клеркъ (секретарь) парламента принимаетъ законопроектъ и объявляетъ на него королевское согласіе, прежде всѣхъ другихъ биллей, слѣдующей, вѣками установившейся формулой на франко-норманскомъ нарѣчій: «Le Roy remercie ses loyals Subjects (или bons sujets), accepte leur bénévolence et ainsi le veult» ****).

Утвержденіемъ билля усвоенія заканчивается процедура составленія государственной росписи. На этомъ актѣ держится вся система государственнаго хозяйства и основывается контроль исполненія бюджета: всякое отступленіе отъ акта усвоенія вызываетъ для министерства строгую отвѣтственность. Если бы впослѣдствіи оказалась необходимость въ новыхъ ассигнованіяхъ (обычно, вслѣдствіе политическихъ осложненій или войнъ), то правительство обращается къ парламенту, собирающемуся вновь въ осеннюю сессію, съ просьбой открыть дополнительные кредиты. Тутъ подлежащія министерства представляютъ смѣты (supplementary estimates) на

*) Благодаря этому правилу, парламентъ ежегодно утверждаетъ post factum такіе неотложные расходы, санкціонуя подобные virements (переносы) въ appropriation bill'ъ на слѣдующій годъ.

**) *Gneist*: „Verwaltungsrecht“, 728 сл.

***) Между прочимъ, при третьемъ чтеніи билля усвоенія въ палатѣ общинъ канцлеръ казначейства обычно (съ 1863 г.) представляетъ смѣту расходовъ и доходовъ на смѣтный годъ въ исправленномъ видѣ, то-есть со внесеніемъ въ нее всѣхъ воспослѣдовавшихъ дополнительныхъ кредитовъ и разрѣшенныхъ источниковъ дохода. (*Heckel*, 98).

****) См. *Franqueville*, III, 478.

новые, ранѣе не предвидѣвшіеся расходы, а парламентъ обычнымъ порядкомъ назначаетъ комитеты снабженія и путей и средствъ и ассигнуетъ, по изложеннымъ выше правиламъ, необходимыя суммы*). Такія дополнительныя ассигнованія зачисляются въ счетъ того года, въ которомъ они вотированы.

Есть, однако, расходы, которые англійское правительство дѣлаетъ безъ предварительнаго разрѣшенія парламента. Дѣло въ томъ, что въ жизни государства встрѣчаются такіе случаи, когда необходимы немедленно крупныя ресурсы. Для такихъ случаевъ крайней необходимости учреждены два фонда: 1) казначейскій фондъ (treasury fund или treasury chest) и 2) фондъ на непредвидѣнныя потребности по гражданскому вѣдомству (Civil contingencies fund). Первый ограниченъ суммой въ 1.300.000 фунт. ст.; изъ него дѣлаются авансы и переводы по различнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства, причемъ ставится непремѣнное условіе: взятая сумма должна быть пополнена за счетъ ассигнуемыхъ впослѣдствіи парламентомъ на эти статьи средствъ, когда будутъ выяснены чрезвычайныя обстоятельства, вынудившія правительство коснуться названнаго фонда. Второй ограниченъ суммой въ 120.000 ф. ст.; казначейство можетъ брать изъ него отъ времени до времени необходимыя суммы для покрытія непредвидѣнныхъ расходовъ по гражданскому вѣдомству, не вошедшихъ въ смѣту, или дефицитовъ по вотированнымъ уже статьямъ. Всѣ позаймствованія изъ указаннаго фонда должны быть ему возвращены изъ ассигнованій, дѣлаемыхъ парламентомъ на гражданское вѣдомство въ слѣдующемъ году. Наконецъ, въ рукахъ правительства имѣется еще особый секретный фондъ (fund for secret services), заключающій въ себѣ около 50.000 фунт. ст. (изъ нихъ 10.000 ф. с. отнесены на консолидированный фондъ). Министры, пользующіеся этимъ фондомъ, обязаны подъ присягой употреблять взятая ими суммы только для цѣлей и въ интересахъ подлежащихъ вѣдомствъ. Имена лицъ, получающихъ деньги изъ этого фонда, вносятся въ особую книгу, съ обозначеніемъ выданныхъ платежей, и парламентъ можетъ потребовать эту книгу для просмотра; но на практикѣ парламентъ этимъ правомъ не пользуется, тѣмъ болѣе, что вообще не принято возбуждать вопросовъ о позаймствованіяхъ изъ секретнаго фонда **).

*) Иногда,—а эта практика нынѣ встрѣчаетъ все меньшее сочувствіе,—открывается правительству такъ-наз. vote of credit, дающій право болѣе свободно распоряжаться ассигнованными суммами; обычно эта система употребляется тогда, когда оказывается невозможнымъ варяжѣе точно опредѣлить каждую статью расхода. Подробности у *Stourm'a*, стр. 349 сл.

***) *Каменискій*, стр. 50 сл.

Итакъ, прослѣдивъ формальный порядокъ вотированія бюджета въ Англіи, мы отмѣтимъ слѣдующую замѣчательную особенность англійской системы: исполненіе государственной росписи постоянно чрезвычайно близко подходитъ къ тѣмъ предположеніямъ, которыя были сдѣланы въ началѣ года,—другими словами, между дѣйствительнымъ исполненіемъ бюджета и проектированной на данный годъ росписью несоотвѣтствіе обычно совершенно ничтожное. На самомъ дѣлѣ,—возьмемъ данныя за четырехлѣтіе $1890\frac{1}{4}$ — $1893\frac{3}{4}$ гг. (а въ скобкахъ за четырехлѣтіе $1894\frac{1}{5}$ — $1897\frac{7}{8}$ гг.). Всего предполагалось доходовъ 360.133.000 ф. ст. (393.861.000 ф. ст.), а поступило 362.012.685 ф. ст. (407.221.480 ф. ст.), т.-е. разница равна всего 1.879.685 ф. ст. (13.360.480), или ежегодно въ среднемъ—469.921 ф. ст., или $1\frac{1}{2}\%$ (3.340.120 ф. ст., или $3,2\%$); по расходу предполагалось 362.561.607 ф. ст. (397.902.102 ф. ст.), а израсходовано въ дѣйствительности 359.338.838 ф. ст. (396.095.441 ф. ст.), то-есть разница равна 3.222.768 ф. ст. (1.806.661 ф. ст.), или ежегодно въ среднемъ +805.692 ф. ст., или $0,9\%$ (451.665 ф. ст., или $0,45\%$). Наоборотъ, на континентѣ крупное несоотвѣтствіе между проектированной росписью и дѣйствительнымъ исполненіемъ ея составляетъ почти повсемѣстно заурядное явленіе. Возьмемъ Францію.

По официальнымъ даннымъ Bulletin de statistique et de législation comparée (за 1901 г., томъ 50, стр. 400), общая сумма доходовъ Франціи за 12 лѣтъ, съ 1888 по 1899 гг., исчислялась по росписи 39.310.083.872 франк., а поступило въ дѣйствительности 40.661.224.382 фр., то-есть разница равна 1.351.140.510 фр., или ежегодно въ среднемъ 112.595.042 фр., или $3,3\%$; по расходу предполагалось 39.289.083.457 фр., а израсходовано въ дѣйствительности 40.374.507.784 фр., т.-е. разница равна 1.085.424.327 фр., или ежегодно 90.452.027 фр. или $2,68\%$ *). За тѣ же 12 лѣтъ въ Англіи ($1887\frac{7}{8}$ — $1898\frac{8}{9}$ гг.) предполагался доходъ въ 1.122.216.000 фунт. ст., а поступило 1.145.149.740 ф. ст., разница—22.933.740 ф. ст., или ежегодно—1.911.145 ф. ст. или 2% ; по расходу: предполагалось 1.133.414.133 ф. ст., а израсходовано 1.124.775.305, разница — 8.638.828 ф. ст., или ежегодно 719.902 ф. ст., или $0,76\%$ **).

*) За тѣ 12 лѣтъ во Франціи наибольшее уклоненіе отъ сметы было: по доходу +198.717.051 фр. (1891 г.), по расходу +209.157.934 фр. (1897 г.); наименьшее уклоненіе: по доходу —8.057.233 фр. (1895 г.), по расходу —10.012.441 фр. (1895 г.).

**) За тѣ 12 лѣтъ въ Англіи наибольшее уклоненіе отъ сметы было: по доходу +5.811.829 ф. ст. (1895/6 г.), по расходу —1.956.906 ф. ст. (1897/8); наи-

Между тѣмъ точное вычисленіе росписи имѣть серьезное значеніе. Если расходы будутъ исчислены въ преувеличенномъ видѣ, то должно произойти переобремененіе населенія податями: придется въ виду предполагаемыхъ усиленныхъ расходовъ, съ одной стороны, увеличить податное бремя страны, а съ другой — ненормальнымъ образомъ сократить расходы; если же расходы исчислены ниже дѣйствительно необходимаго, то обнаруживаются аномаліи въ веденіи государственнаго хозяйства, открывается потребность въ новыхъ кредитахъ и т. д. Отмѣченное нами несоотвѣтствіе росписей и дѣйствительнаго исполненія на континентѣ объясняются, главнымъ образомъ, слѣдующими тремя причинами: 1) составленіе бюджета происходитъ обычно задолго до начала бюджетнаго года, напримѣръ, во Франціи за 15 мѣсяцевъ, такъ что исчисления, естественно, бываютъ довольно гадательны; къ тому же, заключеніе счетовъ бюджетнаго года (объ этомъ ниже) происходитъ обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ спустя по окончаніи смѣтнаго года, а потому у составителей бюджета нѣтъ подъ руками послѣднихъ данныхъ о движеніи государственныхъ суммъ; 2) какъ указано выше,

меньшее уклоненіе: по доходу + 57.623 ф. ст. (1892/3 г.), по расходу + 612.614 ф. ст. (1897/8 г.). (Подсчеты вездѣ наши; плюсы и минусы показываютъ, сколько слѣдовало бы добавить или уменьшить въ смѣтѣ, чтобы получить цифры дѣйствительнаго исполненія.)

Для ясности прилагаемъ статистику бюджетовъ Великобританіи за 1887/8 — 1898/9 гг. по Statistical Abstract for the United Kingdom 1885—1899, № 47, London, 1900 (фунты стерлинговъ.)

Годы.	Доходы.		Расходы.		Превышеніе дѣйствит. доходовъ (+) или расх. (-).
	Предполагалось по смѣтѣ.	Поступило въ дѣйствительности.	Предполагалось по смѣтѣ.	Израсходовано въ дѣйствительн.	
1887/8 . .	88.135.000	89.802.254	88.036 259	87.423.645	+2.378.609
1888/9 . .	86.827.000	88.472.812	87.024.061	87.683.830	+ 788.982
1889/90 . .	86.150 000	89.304.316	86.7 3.168	86.08 , 314	+3.221.002
1890 1 . .	87.610.000	89.489.112	83.511.943	87.732.855	+1 756.257
1891/2 . .	90.430.000	90.994.786	90.924.036	89.927.773	+1.067.013
1892/3 . .	90.453.000	90.395.377	91.069.560	90.375.365	+ 20 012
1893/4 . .	91.640.000	91.133.410	92.056.068	91.302.846	+ 169.436
1894/5 . .	94.175.000	94.683.762	94.537.685	93.918.421	+ 765.341
1895/6 . .	96.162.000	101.973.829	98.498.496	97.764.357	+4.209.472
1896/7 . .	100.480.000	103.949.885	102.324.921	101.476.669	+2.473.216
1897/8 . .	103.044.000	106.614.004	104.892.900	102.935.994	+3.678.010
1898/9 . .	107.110.000	108.336.193	108.815.036	108.150.236	+ 185.057
Итого за 12 лѣтъ . . .	1.122.216.000	1.145.149.740	1.133.414.133	1.124.775.305	+20.374.435

на континентѣ считается безспорнымъ право депутатовъ вносить поправки въ правительственный проектъ росписи; это значительно колеблетъ равновѣсіе между приходомъ и расходомъ и дѣлаетъ шаткими смѣтные вычисления *). Наконецъ, 3) иногда допускается умышленно преувеличеніе въ исчисленіи расходовъ и преуменьшеніе въ доходахъ; правительство желаетъ обезпечить себѣ возможно большую свободу дѣйствій, имѣя въ своемъ распоряженіи преувеличенные кредиты **). Конечно, такой образъ дѣйствій возможенъ лишь при неустойчивости или неразвитости конституціоннаго строя; на примѣръ, около середины истекшаго столѣтія баварское правительство нарочно строило государственный бюджетъ такъ, чтобы имѣть побольше свободныхъ остатковъ, коими оно распоряжалось независимо отъ желаній народныхъ представителей ***); то же самое наблюдалось въ Вюртембергѣ, гдѣ правительство систематически преувеличивало смѣту расходовъ и преуменьшало смѣту доходовъ, дабы приучить буржуазно-народную партію къ уступкамъ по отношенію къ коронѣ ****). Перечисленные три причины, какъ намъ ясно, не имѣютъ мѣста по отношенію къ Англіи.

Разсмотримъ теперь *порядокъ исполненія англійскаго бюджета*. Главная масса налоговъ и пошлинъ поступаетъ въ два учрежденія, предназначенныя для сбора ихъ: департаментъ внутреннихъ доходовъ и департаментъ таможенный. Отсюда весь національный доходъ немедленно переводится въ англійскій банкъ (частное акціонерное учрежденіе) и помѣщается тамъ въ качествѣ вклада «на счетъ казначейства его величества» *****). Это совершается слѣдующимъ образомъ: ежедневно въ департаментѣ внутреннихъ доходовъ получаютъ большія суммы; два джентльмена пріѣзжаютъ туда изъ банка каждый день послѣ полудня; они тщательно провѣряютъ счета за

*) На примѣръ, во Франціи за 7 лѣтъ (1895—1901) вслѣдствіе новыхъ законовъ увеличеніе расходовъ, изъ которыхъ болѣе половины обязано парламентской инициативѣ, равнялось ежегодно въ среднемъ 259 мил. фр. Бывшій министръ Жюль Рошъ замѣчаетъ по этому поводу, что, благодаря парламентской инициативѣ, расходъ на 1901 г. увеличился на 180 мил. фр., то-есть что это равносильно уплатѣ процентовъ по займу въ 6.000.000.000 франковъ. (Изъ статьи въ *Revue de deux mondes*, извлеченіе въ „Вѣстникъ Финансовъ“, № 6, стр. 315, за 1901 г.)

***) Правда, до нѣкоторой степени такая политика объясняется иногда отсутствіемъ эластичныхъ податныхъ источниковъ (на примѣръ, подоходнаго налога), что заставляетъ осторожно исчислять доходы; иначе при недоборахъ неизбеженъ дефицитъ, который за отсутствіемъ эластичныхъ источниковъ заставитъ обратиться къ новымъ налогамъ.

****) *Лебедевъ*: „Фин. право“, I, 677.

*****) „Um insbesondere die kleinbürgerliche Volkspartei weniger bewilligungsspröde zu machen“, по выраженію Rocher'a (*Heckel*, ук. соч., стр. 88 и 125).

*****) Доходы, поступающіе въ Ирландіи, отсылаются въ ирландскій банкъ.

этотъ день при помощи назначенныхъ для того чиновниковъ; потомъ они берутъ полученныя въ тотъ день деньги и отвозятъ ихъ въ англійскій банкъ *). Послѣдній принимаетъ государственныя суммы, какъ всякіе другіе частныя вклады, то-есть имѣетъ полное право пользоваться казенными средствами для своихъ операций, отвѣчая лишь за то, чтобы всякое истребованіе казенныхъ вкладовъ обратно удовлетворялось немедленно. Вкладъ казначейства въ банкъ носитъ названіе «счета казначейства» (Exchequer account) или чаще «консолидированнаго фонда Соединеннаго Королевства» (Consolidated fund).

Прямыхъ владѣльцемъ всѣхъ правительственныхъ вкладовъ въ англійскомъ банкѣ считается государственное казначейство, которому вообще поручена главнымъ образомъ вся область государственныхъ доходовъ и контроль за ихъ поступленіемъ. Казначейство является высшей инстанціей по вопросамъ обложенія и наблюдаетъ за правильнымъ сборомъ національнаго дохода. Оно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ учрежденія, получающія государственные доходы, немедленно переводили ихъ въ англійскій банкъ, какъ то предписывается закономъ 28 іюня 1866 года. Съ этой цѣлью ежедневно отдѣльныя правительственныя учрежденія, завѣдующія доходами, сообщаютъ въ казначейство перечень суммъ, внесенныхъ ими въ «консолидированный фондъ» въ англійскомъ банкѣ **), а равно и о состояніи ихъ счетовъ. Съ своей стороны, и банкъ ежедневно пересылаетъ казначейству подробную вѣдомость о движеніи суммъ на текущемъ счету казначейства въ банкѣ ***). Простое сличеніе вѣдомостей правительственныхъ учреждений и банка даетъ возможность контролировать дѣйствія податныхъ инстанцій. Независимо отъ сего казначейство непосредственно ревизуетъ учрежденія по сбору государственныхъ доходовъ; кромѣ того, если въ поступленіяхъ отъ какого-либо налога замѣчаются задержки или недоборъ, то казначейство тотчасъ же спеціально паводитъ справки о причи-

*) Дайси: „Основы государственнаго права Англіи“, пер. подъ ред. П. Г. Виноградова. Спб., 1891 г., стр. 235.

**) Департаментъ внутреннихъ доходовъ доставляетъ, кромѣ того, еженедѣльно подробную вѣдомость о всѣхъ его поступленияхъ по статьямъ. Такую же вѣдомость ежемѣсячно доставляетъ таможенное управленіе. Четыре раза въ годъ вѣдомства внутреннихъ доходовъ, таможенное и почтовое доставляютъ спеціальныя 3-хмѣсячныя вѣдомости (balance sheet) поступленій, произведенныхъ мѣстныхъ платежей и суммъ, переведенныхъ въ банкъ (*Philippovich*, 179 сл., и *Лебедевъ*, I, 416).

***) Сверхъ того еженедѣльно банкъ присылаетъ казначейству выписи о состояніи всѣхъ казенныхъ счетовъ, что даетъ возможность провѣрить вѣдомости каждаго изъ собирающихъ учреждений.

нахъ этого явленія *). Упомянемъ еще, что передача всѣхъ казенныхъ суммъ въ англійскій банкъ имѣеть (не говоря уже о существенной важности изъятія изъ рукъ правительства громаднхъ казенныхъ суммъ) весьма серьезное народно-хозяйственное значеніе: по вычисленіямъ Филипповича **), банкъ Англии постоянно располагаетъ для питанія торгово-промышленнаго кредита въ среднемъ около 4½ мил. фунт. стерл. за счетъ казенныхъ средствъ; прибыли банка отъ пользованія средствами государства съ 1806 по 1879 гг. вычисляются въ 9½ мил. фунт. стерл., считая, что свободный резервъ казенныхъ суммъ приноситъ банку 3% дохода ***); эти суммы были бы совершенно непроизводительно потеряны для народнаго хозяйства, если бы государственные доходы не стекались въ банкъ, утилизирующій ихъ, а оставались бы лежать въ казначействѣ.

Итакъ, если казначейство и является прямымъ владѣльцемъ правительственныхъ вкладовъ въ банкѣ, то для полученія ихъ для надобностей государства правительство обязано выполнять рядъ болѣе или менѣе сложныхъ, но обезпечивающихъ тщательный контроль формальностей, къ описанію которыхъ мы и приступаемъ. Дѣло въ томъ, что въ парламентскомъ актѣ 1689 года, положенномъ въ основаніе англійскаго банка, постановлено, что банку запрещается давать ссуды королю или его наслѣдникамъ безъ согласія парламента и за нарушеніе этого пункта управляющій и самый банкъ подвергаются усиленному денежному штрафу, втрое болѣе ссужаемой суммы. Поэтому выдачи казеннаго вклада изъ банка могутъ происходить только въ соотвѣтствіи съ разрѣшеніями парламента, и всѣ формальности по выдачѣ изъ банка правительству государственныхъ суммъ сводятся къ контролю за тѣмъ, что требуемая выдача утверждена парламентомъ (посредствомъ ли ежегодныхъ разрѣшеній, напимѣръ, въ «актѣ усвоенія», или постояннымъ парламентскимъ актомъ).

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого контроля является «генеральный контролеръ-счетчикъ» (Comptroller & Auditor General). Этотъ сановникъ совершенно не зависитъ отъ министерства и не можетъ принимать никакого участія въ политическихъ дѣлахъ: онъ вообще не можетъ быть ни членомъ палаты общинъ, ни пэромъ. Должности генеральнаго контролера (а равно и его помощника) обез-

*) *Sarrette, H.*: „Etude sur le contrôle du budget de l'état en France, en Angleterre et en Italie“. Paris, 1902, стр. 96 сл.

**) *Phili, povich*: „Die Bank von England“, 193.

***) Банкъ взаи́мъ этихъ выгодъ на процентахъ, достигающихъ ежегодно 120.000 фунт. ст., безвозмездно ведетъ счетоводство по казеннымъ счетамъ.

печена полная независимость: жалованье ему полагается из консолидированного фонда, назначается онъ пожизненно патентомъ за государственной печатью, остается въ должности, пока хорошо исполняетъ свои обязанности, и можетъ быть смѣненъ только по требованію обѣихъ палатъ парламента *). Порядокъ выдачи казенныхъ суммъ изъ англійскаго банка слѣдующій. Такъ какъ принципиально всѣ вотированныя парламентомъ средства считаются предоставленными коронѣ, то для получения этихъ суммъ изъ банка необходимъ приказъ короля, собственноручно имъ подписанный и скрѣпленный подписями двухъ лордовъ казначейства, гдѣ государственному казначейству повелѣвается уполномочить банкъ время отъ времени производить, изъ текущаго счета казначейства, платежи соотвѣтственно ассигновкамъ, утвержденнымъ парламентомъ **). Между тѣмъ самыя требованія государственнаго казначейства нуждаются въ контрассигновкѣ генераль-контролера, который долженъ удостовѣриться, что требованія соотвѣтствуютъ королевскому приказу, закону и парламентскому разрѣшенію; если генераль-контролеръ, сомнѣваясь въ правильности требованія, откажется подписать ассигновку, то казначейству нужно обратиться для разрѣшенія спорнаго вопроса въ высшій судъ Англій (судъ королевской скамьи путемъ процесса — writ of mandamus).

Всѣ платежи, причитающіеся изъ казны, производятся черезъ посредство особаго чиновника, такъ наз. генераль-плательщика (paymaster general) ***), который въ англійскомъ банкѣ имѣетъ самостоятельный текущій счетъ. Различныя вѣдомства ежедневно направляютъ генераль-плательщику требованія, подписанныя двумя чиновниками-казначейми соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, и ежедневно генераль-плательщикъ, убѣдившись въ правильности присланныхъ заявленій ****), сообщаетъ объ этихъ требованіяхъ государственному казначейству. Последнее тогда немедленно отсылаетъ въ англійскій банкъ приказъ, подписанный однимъ изъ секретарей казначейства и скрѣпленный генераль-контролеромъ, предписывающій перевести на текущій

*) Дэйси, 237.

***) Подробнѣе у *Gneist'a*: „Verwaltungsrecht“, 703, а образецъ такого приказа у *Каменскаго*, стр. 363.

****) Исторія возникновенія этой должности у *Gneist'a*, 693 сл., подробное изложеніе дѣятельности генераль-плательщика у *Philippovich*: „Die Bank von England“, 164—171.

*****) Книги генераль-плательщика ведутся такъ, что провѣрка правильности требованій не представляетъ затрудненій: каждому разрѣшенному парламентомъ (ежегоднымъ или постояннымъ актомъ) кредиту открывается въ книгахъ особый счетъ, такъ что генераль-плательщикъ лишь удостовѣряется, не исчерпанъ ли разрѣшенный кредитъ.

счетъ генераль-плательщика затребованную сумму; вмѣстѣ съ тѣмъ банку вручается списокъ всѣхъ этихъ требованій отдѣльныхъ вѣдомствъ. Суммы, переведенныя со счета казначейства на счетъ генераль-плательщика, разсматриваются какъ произведенные расходы, и, на самомъ дѣлѣ, разница между переведенными описаннымъ путемъ суммами и дѣйствительно произведенными расходами обычно достигаетъ сравнительно ничтожной суммы (0,3%). Хотя, слѣдовательно, счетъ казначейства оказывается не вполнѣ точно отражающимъ дѣйствительные расходы казны, но зато отмѣченный порядокъ имѣетъ значительныя выгоды: правильный отчетъ о положеніи финансовъ можетъ быть изготовленъ, какъ показываетъ опытъ, въ концѣ любого дня черезъ часъ или два по разнесеніи счетовъ по книгамъ *).

По общему правилу, сами вѣдомства не производятъ платежей: они просто выдаютъ своимъ кредиторамъ ассигновки, которыя оплачиваются генераль-плательщикомъ. Однако, различныя мелкіе платежи на мѣстахъ, главнымъ образомъ, по военному и морскому министерствамъ (напримѣръ, уплата жалованья въ войскахъ и т. д.), совершаются черезъ посредство мѣстныхъ казначеевъ, для которыхъ подлежащія вѣдомства требуютъ отъ генераль-плательщика соответствующія суммы; расходование этихъ средствъ подлежитъ, конечно, строгой отчетности. Платежи производятся генераль-плательщикомъ слѣдующими тремя способами. 1) Если учрежденіе, которому слѣдуетъ получить извѣстную сумму денегъ, имѣетъ свой самостоятельный текущій счетъ въ Англійскомъ банкѣ, то генераль-плательщикъ просто переводитъ по книгамъ банка надлежащую сумму на текущій счетъ этого учрежденія; точно такъ же постунаютъ и въ томъ случаѣ, если платежа требуетъ частный кредиторъ казны, имѣющій въ банкѣ англійскомъ или даже въ какомъ-либо другомъ, связанномъ съ послѣднимъ, текущій счетъ; взаимныя же расчеты между различными вѣдомствами производятся простыми трансфертами («transfers») по книгамъ генераль-плательщика. 2) Для заграничныхъ платежей расчеты производятся путемъ заграничныхъ траттъ (переводныхъ векселей), впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и внутренніе платежи осуществляются посредствомъ векселей. 3) Наибольше употребительный способъ расплаты—чеками. Если причитающаяся изъ казны сумма свыше 50 фунт. стерл., то она обязательно выплачивается только путемъ чека на англійскій (или ирландскій) банкъ, подписываемаго двумя чиновниками генераль-плательщика; суммы отъ 5 до 50 фунт. стерл. уплачиваются, по желанію по-

*) *Буме*, стр. 35 сл. (прилож. отчетъ Welby).

лучателя, либо наличными деньгами, либо чекомъ, наконецъ, суммы ниже 5 фунт. стерл. выплачиваются всегда наличными деньгами, для чего ежедневно англійскій банкъ пересылаетъ въ бюро генераль-плательщика извѣстную сумму наличныхъ денегъ, смотря по надобности *).

Можетъ показаться страннымъ, какимъ путемъ одно единственное учрежденіе генераль-плательщика можетъ обслуживать цѣлое королевство; казалось бы, отъ такого порядка вещей должны сильно страдать кредиторы казны, такъ какъ казенные платежи производятся только въ Лондонѣ, въ бюро генераль-плательщика. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду поразительно развитое въ Англійи банковое дѣло, гдѣ громадное большинство всѣхъ денежныхъ расчетовъ производится черезъ посредство банкировъ. Ведущаяся въ столь обширныхъ размѣрахъ чековая операція, конечно, имѣетъ выдающееся народно-хозяйственное значеніе, сокращая потребность въ денежныхъ знакахъ. Для иллюстраціи этихъ казенныхъ операцій дадимъ описаніе Филипповича **). Сборщики получаютъ государственные доходы больше въ чекахъ, вносятъ ихъ въ банки и получаютъ за нихъ векселя, которые и пересылаютъ въ главное управленіе въ Лондонѣ. Здѣсь они сдаются въ англійскій банкъ для реализаціи, которая, однако, не для всѣхъ векселей нужна, такъ какъ значительная часть ихъ ликвидируется въ Clearinghouse'ѣ (расчетной палатѣ). Суммы, слѣдующія за векселя, банкъ записываетъ въ счетъ государственнаго казначейства, откуда переводитъ суммы въ счетъ генераль-плательщика, — и все это совершается, не требуя ни копейки наличныхъ денегъ. Начинаются платежи: векселя государственнаго управленія предъявляются банку; заплатитъ ли онъ наличными деньгами, или переведетъ по своимъ счетамъ (или на счетъ другого банка, гдѣ предъявитель векселя имѣетъ текущій счетъ), — это казначейства не касается; большей частью и тутъ дѣло ограничивается простыми трансфертами. Въ другихъ случаяхъ генераль-плательщикъ выдаетъ чеки; получатели предъявляютъ ихъ своимъ банкирамъ, которые и записываютъ ихъ на текущій счетъ предъявителей; можетъ быть, между тѣмъ наступитъ опять срокъ уплаты какого-либо налога, и лица эти въ свою очередь пишутъ чеки и т. д... Словомъ, можно безъ преувеличеній утверждать, что большая часть доходовъ и расходовъ государства производится безъ того, чтобы на длинномъ пути отъ уплаты налоговъ до израсходованія казенныхъ суммъ пошли въ дѣло наличныя деньги.

*) *Philippovich*, 175—178.

**) Приведено и у проф. *Лебедева*: „Финансовое право“, I, стр. 417 сл.

Мы видимъ однако, что дѣятельность генераль-плательщика въ значительной степени чисто-механическая: онъ служитъ лишь посредникомъ между государственнымъ казначействомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи всѣ доходы страны, и отдѣльными вѣдомствами, завѣдующими расходами государства *). Поэтому, по словамъ Г. П. Каменскаго, должность генераль - плательщика имѣется въ виду упразднить, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время обязанности эти исполняются его помощникомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всю механическую работу бюро генераль-плательщика имѣется въ виду передать въ англійскій банкъ **).

Зато тѣмъ болѣе важна дѣятельность генераль - контролера. Какъ мы видѣли въ историческомъ очеркѣ, англійскій парламентъ уже съ XIV вѣка дѣлаетъ попытки осуществить контроль за способомъ расходования даруемыхъ субсидій. Тѣмъ не менѣе въ болѣе раннія эпохи парламентъ больше заботится о томъ, какъ предупредить установленіе неразрѣшенныхъ имъ налоговъ, чѣмъ за способами расходования субсидій. Только со временъ Карла II пробуютъ строить контроль такъ, чтобы платежи казначейства провѣрялись предварительно, то-есть прежде ихъ производства. Если такая система представляла собой значительный шагъ впередъ, то при неразвитости строя государственнаго управленія контроль все-таки далеко не достигалъ цѣли. Примѣромъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ царствованіе Анны казначей лордъ Ranelagh «затерялъ» сумму въ 21 милліонъ фунт. стерл., способъ израсходования которыхъ никакъ нельзя было выяснитъ, ибо реестры оказались совершенно запутанными ***).

Вполнѣ естественно, если въ XVIII вѣкѣ парламентъ начинаетъ прекрасно сознавать необходимость тщательнаго контроля; на это указываютъ многочисленныя парламентскія комиссіи, назначавшіяся для изслѣдованія вопроса о правильности расходования государственныхъ суммъ, а равно и неоднократныя преслѣдованія министровъ ****). Въ то время контроль сосредоточивался въ рукахъ двухъ высшихъ чиновниковъ короны (Auditor и Clerk of the Pells съ 4 счетчиками), должность которыхъ была наслѣдственна; наслѣдственность этихъ должностей имѣла ту выгоду, что государственный контроль не

*) Надо, впрочемъ, обратить вниманіе, что бюро генераль-плательщика является центральнымъ пунктомъ расчетнаго механизма казны: всѣ казенныя средства идутъ къ своему назначенію черезъ бюро генераль-плательщика и имъ же распределяются по цѣлямъ расходования.

**) *Каменскій*, 33 сл.

***) *Froquieville*, III, 479.

****) *Philippovich*, 142.

подпадалъ въ такой степени подъ вліяніе узкой партійности, столь рѣзко проявлявшейся въ теченіе XVIII столѣтія. Тѣмъ не менѣе только послѣ великаго билля о реформѣ 1832 г. дѣйствительно насталъ моментъ кореннаго преобразованія государственнаго контроля. Тогда вполнѣ опредѣленно выяснилась потребность сосредоточить контроль въ рукахъ того учрежденія, которому принадлежать вся финансовая власть государства, то-есть въ рукахъ парламента.

Потому въ 1834 году учреждена должность несмѣняемаго генераль-контролера, отвѣтственнаго только передъ обѣими палатами парламента. Какое важное значеніе имѣетъ это обстоятельство, характеризуется отзывомъ одного свѣдущаго лица, показывавшаго передъ специальной парламентской комиссіей, разслѣдовавшей въ 1857 году вопросъ о наиболѣе рациональной постановкѣ государственнаго контроля: «Генераль-контролеръ является чиновникомъ короны, но въ то же время онъ весьма мудро сдѣланъ отвѣтственнымъ передъ обѣими палатами парламента; самое существованіе нашего государственнаго строя зависитъ отъ сохраненія этого принципа» *). Необходимость усилить значеніе контроля была тѣмъ болѣе настоятельна, что одновременно были слиты въ видахъ упрощенія и экономизаціи счетоводства многочисленныя кассы мѣстныхъ плательщиковъ въ одно бюро генераль-плательщика. До этой реформы принципъ спеціализаціи бюджета естественно проводился въ значительной степени самъ собой, ибо мѣстные плательщики могли оперировать въ сферѣ только даннаго учрежденія; теперь же открылась опасность нарушенія принципа спеціализаціи, ибо генераль-плательщикъ производитъ платежи всякаго рода и по всѣмъ вѣдомствамъ **). Дѣйствительно, на ряду съ улучшеніемъ

*) „The Comptroller General of the Exchequer is an officer of the Crown, but he is also, most wisely, made responsible to both Houses of Parliament. On the maintenance of this principle, the very existence of our constitution depends“ (*Philippovich*, 143, прим.).

**) *Philippovich*, 139 сл., 143. Замѣтимъ, что въ настоящее время дѣйствія генераль-плательщика подлежатъ, кромѣ того, постоянному надзору со стороны казначейства. Это достигается особой системой счетоводства. Такъ какъ генераль-плательщикъ ежедневно представляетъ казначейству требованія о переводѣ на его текущій счетъ необходимыхъ суммъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ въ краткой выписи состояніе счетовъ каждаго вѣдомства, то сличеніе выписи одного дня съ выписью слѣдующаго дня обнаруживаетъ произведенныя за тотъ день движенія суммъ. Въ свою очередь въ ежедневной вѣдомости банка, о которой упоминалось выше, показываются суммы, переведенныя со счета государственнаго казначейства на счетъ генераль-плательщика; эти суммы должны соответствовать требованіямъ, представленнымъ день передъ тѣмъ генераль-плательщикомъ и отмѣченнымъ въ его выписи, чѣмъ пробвряется правильность требованій генераль-плательщика. Независимо отъ этого ежедневно

счетоводства постоянно совершенствовалось контрольное дѣло. Первоначально генераль-контролеръ имѣлъ главной задачей повѣрку правильности ассигновокъ, то-есть предварительный контроль; но законъ 1866 года придавъ должности генераль-контролера то значеніе, какое она имѣетъ въ настоящее время, именно широкій и независимый какъ предварительный, такъ и послѣдующій контроль. Ежедневно генераль-контролеръ получаетъ свѣдѣнія о всѣхъ поступившихъ въ англійскій (и ирландскій) банкъ государственныхъ доходахъ: съ одной стороны, это отдѣльныя вѣдомства обязательно ежедневно увѣдомляютъ генераль-контролера о внесенныхъ ими въ банкъ суммахъ, а съ другой — самъ банкъ ежедневно представляетъ ему списокъ всѣхъ поступившихъ казенныхъ денегъ. Кромѣ того, генераль-контролеру каждый день доставляются банкомъ выписи о всѣхъ произведенныхъ платежахъ по разрѣшеннымъ контролемъ ассигновкамъ. Такимъ образомъ, генераль-контролеръ постоянно имѣетъ точныя свѣдѣнія о движеніи государственныхъ суммъ.

Каждые три мѣсяца генераль-контролеръ получаетъ изъ казначейства вѣдомость о состояніи государственной казны за истекшую четверть года *). Въ этой вѣдомости указывается свободная наличность къ началу отчетнаго періода и подробно перечисляются всѣ полученные за послѣдніе три мѣсяца доходы и произведенные расходы, которые генераль-контролеръ легко можетъ провѣрить, сличивъ ихъ съ имѣющимися у него свѣдѣніями (о нихъ говорено выше); затѣмъ казначейство отмѣчаетъ въ своей вѣдомости тѣ платежи, срокъ которыхъ наступаетъ въ продолженіе слѣдующей четверти года. Если изъ представленнаго такимъ образомъ баланса обнаружится кассовый дефицитъ, то-есть окажется, что въ наступающей четверти года кассовая наличность казны въ англійскомъ банкѣ недостаточна для покрытія предстоящихъ платежей, то генераль-контролеръ, согласно извѣщенію казначейства, обращается къ банку за ссудой, а именно: какъ упоминалось выше, законъ разрѣшаетъ при временной недостаткѣ консолидированнаго фонда въ банкѣ заключать краткосрочные займы; въ виду этого генераль-контролеръ

банкъ посылаетъ казначейству, какъ говорилось выше, выписи о состояніи всѣхъ казенныхъ счетовъ, въ томъ числѣ и счета генераль-плательщика; этотъ счетъ долженъ соответствовать послѣдней ежедневной краткой выписи о состояніи счетовъ каждаго вѣдомства, присылаемой казначейству генераль-плательщикомъ; послѣдній составляетъ для казначейства кромѣ того и подробныя ежемѣсячныя выписи о состояніи счетовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. (Подробности у *Philippovich*, 180 слѣд.)

*) Мы упустили упомянуть, что казначейство ведетъ всю систему государственной бухгалтеріи. Необходимыя для этого данныя оно имѣетъ въ указанныхъ выше выписяхъ банка и всѣхъ собирающихъ и расходующихъ вѣдомствъ.

требуетъ отъ банка такъ называемые дефицитные авансы (*deficiency advances*), уплачиваемые по прошествіи трехъ мѣсяцевъ наличными деньгами или особаго рода краткосрочными билетами, именуемыми билетами путей и средствъ, по которымъ платежи производятся также каждые три мѣсяца *). По этимъ авансамъ и билетамъ казначейство платитъ банку проценты обыкновенно ниже существующаго дисконта.

Въ результатѣ казначейству открывается въ банкѣ кредитъ на сумму того дефицита, какой установленъ генераль-контролеромъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдомости слѣдующей четверти года казначейство относитъ въ расходъ оказанный ему дефицитный авансъ, а генераль-контролеръ вычитаетъ соотвѣтствующую сумму изъ кредитовъ, отпущенныхъ парламентомъ на данный годъ; этимъ путемъ балансируется приходъ и расходъ изъ одной четверти года въ другую **).

До сихъ поръ мы говорили о предварительномъ контролѣ, порученномъ генераль-контролеру. Однако, ему предоставленъ закономъ 1866 года и широкій послѣдующій контроль, то-есть повѣрка законченныхъ уже счетовъ.

До 1785 года послѣдующій контроль производился самимъ казначействомъ, но запаздывалъ при этомъ необычайно; къ тому же онъ не производилъ никакой повѣрки въ смыслѣ соотвѣтствія расходовъ парламентскимъ разрѣшеніямъ, такъ какъ эту работу (впрочемъ, лишь на выдержку, а не въ полномъ объемѣ) производили спеціальныя комиссіи, время отъ времени назначавшіяся палатой общинъ. Только въ 1785 году былъ организованъ постоянный послѣдующій контроль въ лицѣ особаго коллегіальнаго учрежденія—*Audit office* (счетнаго департамента), вѣдѣнію котораго былъ предоставленъ контроль за опредѣленными отраслями государственнаго управленія. Позднѣе счетный департаментъ получалъ все болѣе широкую область контроля, пока въ 1866 году не было признано рациональнымъ передать всѣ функціи *Audit office*'а генераль-контролеру, такъ какъ цѣли обѣихъ инстанцій однѣ и тѣ же. Отсюда и образовалась должность генераль-контролера-счетчика (*Comptroller & Auditor General*), имѣющая цѣлью слѣдить за точнымъ выполне-

*) Нынѣ билеты путей и средствъ болѣе не выпускаются, такъ какъ они замѣняются билетами казначейства (*treasury bills*), являющимися въ настоящее время единственной формой текучаго государственнаго долга. *Treasury bills* представляютъ собой векселя казны, по которымъ обѣщается уплатить по прошествіи трехъ, шести или двѣнадцати мѣсяцевъ столько-то фунтовъ стерл.; для реализаціи билетовъ казна попросту дисконтируетъ ихъ.

**) *Sarrette*, 103 сл.

ніемъ со стороны правительственныхъ органовъ принципа специализаціи бюджета.

Каждый мѣсяцъ (или въ нѣкоторыхъ случаяхъ каждые три мѣсяца, смотря по инструкціи государственнаго казначейства) казначеи (accounting officers) отдѣльныхъ вѣдомствъ обязаны представлять генераль-контролеру выписи изъ книгъ ихъ учрежденій о движеніи всѣхъ казенныхъ суммъ. Въ этой выписи означаются открытыя учрежденію, согласно разрѣшенію парламента, кредиты и произведенные генераль-плательщикомъ (или мѣстнымъ казначеемъ) расходы. По полученіи выписи генераль-контролеръ даетъ распоряженіе немедленно повѣрить присланный отчетъ. Повѣрка производится весьма тщательная, и оправдательные документы разсматриваются до мельчайшихъ подробностей. Если въ мѣсячномъ отчетѣ встрѣчаются неясности, то требуютъ дополнительныхъ разъясненій; даже болѣе, генераль-контролеръ можетъ, по закону, откомандировать чиновника въ самое учрежденіе для наведенія всѣхъ необходимыхъ справокъ *). Кромѣ того, въ продолженіе не болѣе 8 мѣсяцевъ (а по военному вѣдомству—9 мѣсяцевъ) по истеченіи смѣтнаго года упомянутые казначеи обязаны доставить генераль-контролеру общій годовой отчетъ, имѣющій цѣлью представить парламенту указанія о способахъ израсходованія вотированныхъ имъ кредитовъ. Потому въ годовомъ отчетѣ подробно перечисляются статьи кредитовъ, какъ онѣ фигурируютъ въ биллѣ усвоенія, и противъ нихъ указываются произведенные расходы; затѣмъ выводится балансъ, причемъ въ случаѣ дефицита даются объясненія его, а въ случаѣ излишка—размѣръ послѣдняго, причемъ свободные излишки поступаютъ, по истеченіи смѣтнаго года, обратно въ распоряженіе казначейства. Годовые отчеты повѣряются въ бюро генераль-контролера, но эта работа не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ какъ здѣсь лишь воспроизводятся ежемѣсячные отчеты. Въ данномъ случаѣ генераль-контролеръ удостовѣряется, главнымъ образомъ, въ томъ, возвращены ли, дѣйствительно, оказавшіеся за смѣтный годъ излишки и соотвѣтствуютъ ли записи годового отчета ежемѣсячнымъ выписямъ; затѣмъ генераль-контролеръ утверждаетъ отчетъ и въ случаѣ надобности надписываетъ свои замѣчанія. По военному и морскому вѣдомствамъ генераль-

---

*) По дѣламъ военнаго и морского вѣдомствъ повѣрка всегда производится въ самыхъ учрежденіяхъ, въ виду сложности и многочисленности ихъ операций; кромѣ того, генераль-контролеръ можетъ дѣлать нѣкоторыя отступленія при контролѣ этихъ вѣдомствъ, именно удовольствоваться повѣркой, произведенной начальствомъ даннаго вѣдомства.

контролеръ можетъ, по соглашенію съ казначействомъ, производить повѣрку годового отчета на выдержку («test audit»), именно изслѣдуя ежегодно самымъ подробнымъ образомъ лишь нѣкоторыя статьи кредитовъ, обнимающія въ сложности приблизительно $\frac{1}{6}$ часть расходовъ *).

Затѣмъ, на основаніи провѣренныхъ годовыхъ отчетовъ, генераль-контролеръ изготавляетъ для парламента сводный отчетъ, гдѣ отмѣчаются всѣ усмотрѣнныя неправильности, превышенія кредитовъ и пробѣлы въ оправдательныхъ документахъ. Все относящееся сюда дѣлопроизводство пересылается не позднѣе конца января (то есть не позднѣе десяти мѣсяцевъ по истеченіи смѣтнаго года) въ казначейство, а послѣднее обязано передать въ теченіе двухъ недѣль означенные документы въ парламентъ.

Независимо отъ описаннаго контроля, производимаго генераль-контролеромъ, въ Англіи практикуются еще два вида контроля, именно: 1) контроль департаментскій и 2) контроль административный. Мы коснемся этого вопроса лишь вкратцѣ. Первый видъ контроля производится въ каждомъ вѣдомствѣ, которое обязано слѣдить за производствомъ своихъ расходовъ и повѣрять счета черезъ своихъ специальныхъ чиновниковъ. Второй же видъ контроля производится казначействомъ и преслѣдуетъ административныя цѣли; казначейство дѣлаетъ простую повѣрку счетовъ (сюда входятъ всѣ—постоянные и ежегодно вотируемые—расходы и всѣ доходы) и слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ вѣдомствъ сообразовывались съ общими и частными его инструкціями. Обычно оно поручаетъ производство административнаго контроля генераль-контролеру, который въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ казначейства; послѣднее поэтому и рѣшаетъ вполне самостоятельно, какъ оно намѣрено поступить съ уклоненіями, констатированными при административномъ контролѣ. Если генераль-контролеръ убѣдился въ правильности счетоводства ревизуемыхъ учреждений, то онъ выдаетъ свидѣтельство, въ которомъ обозначается провѣренный балансъ и которое служить для подотчетнаго лица оправдательнымъ документомъ. Если же обнаруживаются неправильности, то генераль-контролеръ докладываетъ о томъ казначейству, которое, рассмотрѣвъ замѣченные недочеты, вноситъ, если нужно, соответствующія исправленія и возвращаетъ для подписанія генераль-контролеру. Результаты произведенной ревизіи печатаются и составляютъ предметъ доклада парламенту со стороны генераль-контролера. Что же касается взысканій за обнаруженныя неправильности, то на

*) *Sarrette*, 114—118.

виновныхъ налагается казначействомъ начеть въ размѣрѣ не свыше 5% за не сданную или несвоевременно сданную сумму *).

Говоря о финансовой отчетности Англии, мы должны указать, что въ счетъ даннаго года входятъ только дѣйствительно произведенные расходы и дѣйствительно полученные въ теченіе его доходы. Другими словами, никакихъ льготныхъ сроковъ, обычныхъ на континентѣ, въ Англии нѣтъ; поэтому, напримѣръ, если жалованье, слѣдовавшее служащему до 31 марта (послѣдній день бюджетнаго года), выдано 1 апрѣля или послѣ 1 апрѣля, то этотъ платежъ, хотя и относящійся къ прошлому году, будетъ внесенъ въ расходъ новаго года. Такимъ образомъ, англійскій государственный отчетъ показываетъ строго кассовый счетъ: сколько поступило въ казну и сколько выдано изъ казны въ теченіе года съ 1-го апрѣля по 31 марта. Такой порядокъ отчетности въ связи съ послѣдовательно проведенной централизаціей всѣхъ расчетныхъ операцій государства даетъ возможность изготovitъ точный отчетъ объ исполненіи росписи на другой же день по окончаніи смѣтнаго года **). Всѣ невыполненные по росписи расходы подлежатъ возвращенію, и кредиты съ истеченіемъ 31 марта закрываются.

Мы рассмотрѣли ревизіонный порядокъ финансоваго хозяйства Англии. Главное достоинство этой системы — быстрота контроля, чтó вполне соответствуетъ требованіямъ англійской публики. Затѣмъ контроль происходитъ непрерывно вслѣдъ за совершаемыми операціями, благодаря чему легко предупреждаются злоупотребленія. Наконецъ, точность и тщательность контроля, по общимъ отзывамъ, — весьма выдающаяся, ибо это обеспечивается строгимъ проведеніемъ контроля предварительнаго и послѣдующаго. Съ другой стороны, нельзя, конечно, упускать изъ виду, что совершенство англійской государственной отчетности неразрывно связано съ высокимъ развитіемъ политическаго строя этой страны, обеспечивающаго полную публичность и полную точность веденія государственнаго хозяйства.

Будучи провѣрены въ ревизіонномъ порядкѣ, всѣ счета вмѣстѣ съ замѣчаніями генераль-контролера поступаютъ на рассмотрѣніе палаты общинъ. Согласно регламенту, палата назначаетъ для этой цѣли особую комиссію (the Committee on public accounts) изъ один-

*) *Sarrette*, 110—113.

**) Перваго апрѣля англійскій министръ финансовъ уже знаетъ результаты года, истекшаго день передъ тѣмъ. Эти ежегодные отчеты публикуются подъ заглавіемъ: „Finance-accounts of the United Kingdom of Great Britain & Ireland for the year ended 31 March...“

надцати членовъ, ежегодно избираемыхъ изъ среды коммонеровъ; председателемъ этой комиссіи всегда состоитъ одинъ изъ членовъ оппозиціи для обезпеченія болѣе тщательной критики дѣйствій правительства *). Комиссія останавливаетъ главное свое вниманіе на тѣхъ фактахъ, которые отмѣчены генераль-контролеромъ. Чтобы выяснитъ различные спорные вопросы, комиссія пользуется правомъ призывать чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ. Если объясненія ответственныхъ лицъ удовлетворяютъ комиссію, то она доноситъ палатѣ общинъ, что дѣйствія этихъ лицъ признаны правильными, и когда дѣло идетъ о допущенномъ ими превышеніи кредита, предлагаетъ комитету снабженія вотировать дополнительный кредитъ на соответствующую сумму. Если же комиссія признаетъ объясненія подотчетныхъ лицъ не заслуживающими удовлетворенія, то она просто отвергаетъ незаконный расходъ; вслѣдствіе этого перерасходъ долженъ быть немедленно возмѣщенъ государственному казначейству, а въ случаѣ обнаруженія злого умысла со стороны виновнаго, дѣло передается на разсмотрѣніе суда для возбужденія судебного преслѣдованія. Протоколы и отчетъ счетной комиссіи публикуется во всеобщее свѣдѣніе (reports from the committee on public accounts) и представляются въ бюро нижней палаты, послѣ чего исполненіе росписи на данный годъ считается формально утвержденнымъ. Обычно все дѣлопроизводство заканчивается приблизительно черезъ годъ по истеченіи смѣтнаго періода. Самъ парламентъ не обсуждаетъ и не санкціонируетъ заключеннаго бюджета, какъ это обычно дѣлается на континентѣ; впрочемъ, депутаты иногда пользуются случаемъ высказаться, на основаніи отчета счетной комиссіи, по поводу общей политики кабинета министровъ и подвергнуть ее строгой критикѣ. И, несмотря на то, что на практикѣ счетная комиссія лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ возбуждаетъ какія то ни было преслѣдованія, ея значеніе велико. Одно уже то, что все дѣлопроизводство комиссіи подлежитъ широкой гласности, въ значительной степени гарантируетъ соблюденіе бюджетныхъ предписаній парламента. Далѣе, если комиссія и не возбуждаетъ преслѣдованій, то она все же подвергаетъ неправильныя дѣйствія тщательной критикѣ, съ которой приходится считаться. Въ-третьихъ, ежегодно государственное казначейство обращается ко всѣмъ министерствамъ съ циркулярнымъ предложеніемъ обратить особое вниманіе на устраненіе тѣхъ недочетовъ или неправильностей, на которые указала счетная комиссія при послѣдней ревизіи. Наконецъ, нерѣдко отчеты комиссіи даютъ

*) См. *Stourm*, 592, прим. 1.

поводъ къ проведенію тѣхъ или иныхъ реформъ въ области законодательства о финансахъ *).

Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли систему англійскаго бюджетнаго права. Выросши на почвѣ историческихъ традицій, оно обнаруживаетъ многочисленныя вполнѣ своеобразныя черты, сохраняетъ различныя, на первый взглядъ даже странныя, постановленія (напримѣръ, что депутаты не имѣютъ права отъ себя увеличивать кредиты) и не освободилось еще отъ нѣкоторыхъ устарѣлостей или пережитковъ. Фактически, какъ мы видѣли, британскій парламентъ принимаетъ лишь весьма слабое активное участіе въ вершеніи судебъ бюджетнаго законодательства. Однако, это участіе слабо, вѣроятно, потому, что парламентъ обладаетъ слишкомъ сильной властью **). Нельзя, конечно, оцѣнивать значеніе палаты общинъ въ этомъ вопросѣ, основываясь только на томъ, что она вноситъ обычно лишь незначительныя исправленія въ правительственный проектъ росписи. Въ данномъ случаѣ гораздо естественнѣе объяснить тщательную выработку проекта бюджета тѣмъ внимательнымъ отношеніемъ, какое питаетъ правительство къ палатѣ общинъ: оно чрезвычайно предусмотрительно взвѣшиваетъ отношеніе парламента къ тѣмъ или инымъ затратамъ государства и къ тѣмъ или инымъ жертвамъ, какія возлагаются на населеніе. При выработкѣ своего проекта кабинетъ считается съ тѣми пожеланіями, какія высказывались по поводу прошлогодней росписи или въ теченіе сессіи, или при обсужденіи исполненія послѣдней росписи.

Парламентъ самъ строго проводитъ идею министерской ответственности, никогда не колебля ея собственнымъ вмѣшательствомъ въ порядокъ веденія государственнаго хозяйства. Правда, тѣ преграды, какія ставятся министерству въ дѣлѣ расходованія казенныхъ средствъ, даютъ довольно значительный просторъ усмотрѣнію правительства, такъ какъ вотируемыя парламентомъ статьи нерѣдко включаютъ очень крупныя суммы, въ предѣлахъ которыхъ распоряжаются министры. Однако, парламентъ послѣдовательно не стѣс-

*) По установившейся практикѣ, въ счетной комиссіи всегда состоятъ однимъ изъ членовъ секретарь казначейства, который въ каждую сессію официально докладываетъ о мѣрахъ, принятыхъ въ истекшемъ году согласно предложеніямъ счетной комиссіи. Если какая-либо изъ предложенныхъ комиссіей мѣръ оказалась непрактичною или неудобопримѣнимою, то секретарь даетъ соответствующія объясненія. Кроме того, казначейство составляетъ меморандумъ по поводу всѣхъ предложеній счетной комиссіи или проситъ ее пересмотрѣть тѣ или нынѣ предложенія (*Todd*, франц. изд., 1900 г., II, 421).

***) Ср. *Franqueville*, III, 521.

няеть дѣятельности правительства, являющагося довѣреннымъ лицомъ самой палаты, и не считаетъ цѣлесообразнымъ руководить внутренней политикой путемъ тѣхъ или иныхъ мелочныхъ ограниченій, налагаемыхъ бюджетными ставками. Если при этомъ просторъ дѣйствій злоупотребленія бываютъ рѣдкимъ исключеніемъ и никогда не достигаютъ серьезныхъ размѣровъ, то это, думается намъ, коренится въ условіяхъ высоко развитого политическаго строя, имѣющаго подъ собой вѣковую опытъ и вѣковую прочность. При той широкой гласности, при той свободѣ критики дѣйствій министровъ, при томъ прочномъ довѣрїи со стороны всѣхъ классовъ населенія къ великой роли парламентскаго режима и, наконецъ, при той легкости создать отпоръ ненормальному проявленію правительственной дѣятельности, какія мы видимъ въ Англіи, нѣтъ нужды въ мелочныхъ стѣсненіяхъ и гарантіяхъ бюджетнаго права. Если сравнить бюджетное право Англіи съ бюджетнымъ правомъ Франціи, Италїи, Бельгїи и другихъ странъ континента, проникающимъ до мельчайшихъ подробностей и строго регламентирующимъ всю систему бюджетнаго законодательства *), то нельзя не удивляться простотѣ или, скорѣе, отсутствію широкихъ *формальныхъ* гарантій исполненія англійскаго государственнаго бюджета. Эти гарантіи всецѣло коренятся въ высоко развитомъ конституціонномъ строѣ Англіи, гдѣ бюджетный механизмъ служитъ и опорой, и источникомъ правъ народа или его представителя—парламента...

П. Гензель.

*) Ср. *Stourm*, 603 сл.

Хроника науки, искусства и литературы.

Новое открытіе въ области радиоактивныхъ явленій. Открытая недавно способность радиоактивныхъ веществъ непрерывно выдѣлять энергію и газообразную матерію, названную Rutherford'омъ эманацией*), создала положеніе, напоминающее ту отдаленную и обильную послѣдствіями эпоху, когда съ величайшимъ трудомъ научная мысль сдвигала нашу землю съ той неподвижной точки, которую она занимала во вселенной по господствовавшимъ ученіямъ того времени. И теперь господствующія ученія разсматриваютъ химическіе элементы какъ „основные камни мірозданія“, непревращаемые, неподверженные эволюціи и недѣлимые. Современные открытія радиоактивныхъ свойствъ вещества, повидимому, понижаютъ эту догму до степени предрасудка. Приверженцы догмата могутъ требовать отъ своихъ противниковъ троякаго рода доказательствъ. Во-первыхъ, продукты превращеній радиоактивныхъ веществъ должны быть представлены въ вѣсомыхъ количествахъ. Это требованіе не можетъ быть исполнено, потому что превращенія совершаются настолько медленно, что самая долгая человѣческая жизнь оказывается слишкомъ короткимъ промежуткомъ времени, чтобы получить такое количество требуемыхъ продуктовъ, которое ощущалось бы наиболѣе чувствительными вѣсами. Второе требованіе состоитъ въ томъ, что если масса продуктовъ превращенія неизмѣрима, то она должна быть, по крайней мѣрѣ, такого порядка малости, чтобы ея новыя свойства, ея отличіе отъ массы-матери могли быть обнаружены спектральнымъ анализомъ, самой чувствительной изъ всѣхъ извѣстныхъ научныхъ методовъ для обнаруженія присутствія минимальныхъ количествъ новаго вещества. Но и это не было достигнуто. Въ-третьихъ, можно требовать доказательства тождественности получаемыхъ продуктовъ превращенія съ однимъ изъ извѣстныхъ уже устойчивыхъ химическихъ элементовъ.

Итакъ, кратковременность человѣческой жизни является, какъ будто, вполне надежнымъ союзникомъ тѣхъ, которые хотѣли бы отстаивать догму недѣлимости атомовъ.

Но то, что не можетъ совершиться въ періодъ человѣческой жизни, должно было произойти въ неизмѣримо долгія времена, пережитыя нашей планетой. Естественно, что ученые, положившіе своими трудами начало новой эпохѣ въ наукѣ, и во главѣ ихъ Rutherford, обратились за поисками продуктовъ превращеній радиоактивныхъ веществъ, выработанныхъ

*) „Научн. Сл.“ кн. II, стр. 122.

въ теченіе очень продолжительнаго времени, къ естественнымъ минераламъ, содержащимъ радій. Хотя самые продукты превращеній и газообразны, но, образуясь внутри твердаго вещества, они могутъ въ немъ накопляться. Въ такихъ минералахъ тотъ элементъ, который представлялъ бы собой потерявшій способность радиоактивности конечный продуктъ превращенія радія, долженъ быть тождественъ съ тѣмъ, который является неизмѣннымъ спутникомъ радія. Такой неизмѣнный спутникъ радія дѣйствительно оказывается въ минералахъ, содержащихъ радій. Это—гелій, тотъ элементъ, блестящая желтая линия котораго, для него характерная, постоянно наблюдается въ спектрѣ солнечной хромосферы. Гелій есть конечный продуктъ превращенія радія; такъ думалъ Rutherford. Это предположеніе блестяще оправдали Ramsay и Soddy въ июлѣ текущаго года. Они подвергли изслѣдованію газы, полученные изъ образчиковъ твердаго бромистаго радія, приготовленныхъ 3 и 5 мѣсяцевъ ранѣе. Растворяя въ водѣ старый препаратъ твердаго бромистаго радія, получаемъ бурное выдѣленіе содержащихся въ немъ газовъ; ничего подобнаго не замѣчается при раствореніи свѣжеприготовленнаго образчика. Удаляя изъ газообразной смѣси, полученной при раствореніи стараго препарата, послѣдовательно—водородъ, кислородъ, а затѣмъ и угольную кислоту (вымораживаніемъ), измѣненный такимъ способомъ газъ далъ спектръ, въ которомъ явственно была видна желтая линия гелія (10 июля нов. ст.) Такимъ образомъ, послѣдовательнымъ исключеніемъ, отъ газовъ, отдѣляемыхъ старыми твердыми соединеніями радія, можно получить такой остатокъ, который дастъ спектръ гелія. Повтореніе опыта съ другимъ образчикомъ подтвердило это предположеніе, причемъ, кромѣ спектра гелія, были обнаружены еще не принадлежащія ему двѣ новыя линіи.

у.

Двѣ диссертациі. *Charles Nordmann*. Essai sur le rôle des ondes Hertiennes en Astronomie physique et sur diverses questions qui s'y rattachent. *M-me Sclodowska-Curie*. Recherches sur les substances radioactives.

Въ июнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года на физико-математическомъ факультетѣ парижскаго университета защищались двѣ докторскія диссертациі, которыя заинтересовали всѣхъ французскихъ физиковъ.

Обѣ диссертациі посвящены животрепещущимъ новымъ отдѣламъ физики, выросшимъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ.

Работы Герца въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія открыли новые горизонты въ физическихъ явленіяхъ природы. Всѣмъ извѣстны его классическіе опыты съ электромагнитными волнами, непосредственнымъ практическимъ результатомъ которыхъ является беспроволочный телеграфъ. Въ то же время рядъ физиковъ, главнымъ образомъ Гольдштейнъ и Круксъ, работали надъ явленіями электрическаго тока въ разрѣженныхъ газахъ. Ихъ опыты привели къ знаменитому открытію рентгеновскихъ лучей, а эти послѣдніе повели къ открытію Беккерелемъ радиоактивности урана и, наконецъ, къ открытію г-жей Curie радія и другихъ радиоактивныхъ тѣлъ. Между всѣми этими явленіями существуетъ несомнѣнная и самая тѣсная зависимость, еще не вполне выясненная, но которая все болѣе и болѣе опредѣляется, благодаря усиліямъ боль-

шого количества физиковъ, посвятившихъ свои силы на разработку этихъ вопросовъ. Исслѣдованія всѣхъ этихъ ученыхъ показали, что всѣ тѣла нашей планеты болѣе или менѣе радиоактивны, что подѣ вліяніемъ всевозможныхъ лучей, пересекающихъ во всѣхъ направленіяхъ нашу атмосферу, мы живемъ среди непрерывнаго ряда явленій, какъ испусканіе катодическихъ лучей, образованіе электрическихъ токовъ и разрядовъ, и др. электрическихъ и электро-оптическихъ явленій.

Такое значеніе электромагнитныхъ явленій въ жизни нашей планеты неизбѣжно отразилось и на современныхъ работахъ астрономовъ. Физическая астрономія воспользовалась новыми данными физики для объясненія многихъ явленій звѣзднаго пространства. Теорія Максвелла и катодическіе лучи играютъ большую роль въ новыхъ гипотезахъ астрофизиковъ. Арреніусъ, Биркенландъ, Деландръ и др. пытаются объяснить звѣздныя туманности, полярныя сіянія и др. свѣтотыя явленія небеснаго пространства дѣйствіемъ катодическихъ лучей, испускаемыхъ звѣздами и солнцемъ; этимъ же вопросамъ посвящена диссертация Г. Нордманна.

Г. Нордманнъ, астрономъ ницской обсерваторіи, разбираетъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ явленій, объединяя ихъ въ одной общей гипотезѣ дѣйствія электромагнитныхъ волнъ на разрѣженные газы. Вся диссертация Г. Нордманна построена на слѣдующемъ основномъ положеніи: изученіе солнечныхъ пятенъ показало, что въ солнечной фотосферѣ происходятъ постоянныя и чрезвычайно бурныя движенія, изверженія и разрывы поверхностныхъ слоевъ. Эти солнечныя катаклизмы должны сопровождаться энергичнымъ образованіемъ электромагнитныхъ волнъ, которыя со скоростью свѣта разбѣгаются отъ солнца во всѣ стороны въ пространство, вызывая свѣченіе въ разрѣженныхъ газахъ, попадающихъ имъ на пути. То же самое, но въ меньшихъ размѣрахъ, происходитъ на землѣ при изверженіи вулкановъ. Извѣстно, что при сильныхъ изверженіяхъ надъ кратеромъ образуются густыя облака, въ которыхъ сверкаютъ молніи, и всѣ магнитные приборы по сосѣдству обнаруживаютъ очень рѣзкія магнитныя колебанія.

Допустивъ это основное положеніе, Г. Нордманнъ полагаетъ, что солнечныя электромагнитныя волны, достигнувъ земли, должны оказать извѣстное вліяніе на среднюю температуру, на магнитныя явленія на поверхности земли и на образованіе полярныхъ сіяній. Проанализировавъ таблицы наблюденій цѣлаго ряда метеорологическихъ станцій Старого и Нового свѣта, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ періоды наибольшаго количества солнечныхъ пятенъ средняя температура тропической полосы нѣсколько понижена; 2) максимальныя колебанія магнитныхъ явленій на землѣ совпадаютъ съ максимумами солнечныхъ пятенъ; 3) такая же зависимость наблюдается и въ образованіи полярныхъ сіяній. Исходя изъ фотосферы солнца, электромагнитныя волны проходятъ сначала черезъ его атмосферу, возбуждая въ ней свѣтотыя явленія. Такъ объясняетъ Г. Нордманнъ свѣченіе хромосферы солнца, — свѣченіе, максимумы и минимумы котораго совпадаютъ съ соотвѣтственными колебаніями солнечныхъ лучей.

Аналогичныя электромагнитныя волны должны исходить и изъ звѣздъ и, пересекая въ разныхъ направленіяхъ звѣздное пространство, вызываютъ свѣтотыя явленія въ туманностяхъ, которыя, какъ думаютъ, представляютъ скопленія газовъ. Такъ объясняетъ авторъ свѣтъ туманностей

кольцевидныхъ и спиральныхъ и останавливается въ частности на интересномъ явленіи, замѣченномъ въ созвѣздіи Персея въ 1901 году. Въ созвѣздіи Персея въ 1901 году появилась внезапно новая звѣзда *Nova* съ чрезвычайнымъ блескомъ. Діаметръ ея черезъ нѣкоторое время уменьшился, но звѣзда продолжала существовать. Въ началѣ 1902 года астрономъ *Max Wolf* въ Гейдельбергѣ замѣтилъ, что *Nova* окружена кольцомъ свѣтящейся туманности. Наблюденія другихъ астрономовъ подтвердили открытіе Вольфа. Мало того, рядъ фотографическихъ снимковъ этой туманности, сдѣланныхъ на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, показалъ, что кольцо это двойное и что, увеличиваясь въ діаметрѣ, оно убѣгаетъ отъ своей звѣзды съ громадной быстротой, подобно тому, какъ круговая волна на поверхности воды расширяясь убѣгаетъ отъ своего центра. Г. Нордманнъ объясняетъ это явленіе слѣдующимъ образомъ. По его мнѣнію, въ моментъ образованія звѣзды *Nova*, т.-е. въ моментъ катастрофы, давшей ей начало, изъ очага катаклизмы, какъ изъ центра, должна была выйти сферическая электромагнитная волна чрезвычайной напряженности. Эта волна, разбѣгаясь во всѣ стороны со скоростью свѣта, должна вызывать свѣченіе газовъ, окружающихъ звѣзду. Такимъ образомъ, кажущееся движеніе туманности, обнаруженное астрономами, есть не что иное, какъ свѣтлый слѣдъ электромагнитной волны, проходящей сквозь темную туманность. Вычисления показываютъ, что дѣйствительно, принимая быстроту этого движенія равной скорости свѣта, свѣтлое кольцо звѣзды *Nova* должно было образоваться въ самый моментъ катастрофы. Благодаря этому обстоятельству, астрономамъ удалось непосредственно увидѣть то, о чемъ физики не могли и мечтать,—увидѣть самый бѣгъ электромагнитной волны. Они его не только увидѣли, но даже сфотографировали.

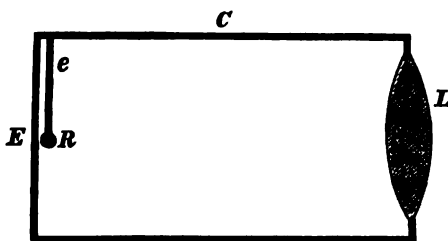
Диссертация г-жи *Curie* представляетъ интересъ для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ явленіями радиоактивности. Въ ней, помимо описанія собственныхъ работъ, авторъ собралъ весь матеріалъ по этому новому и вмѣстѣ съ тѣмъ обширному вопросу. Конечно, года черезъ 2—3 книга уже устарѣетъ: такъ много работаютъ надъ радіемъ во всѣхъ странахъ, но она никогда не утратитъ своего интереса, потому что авторъ описываетъ, какъ онъ упорнымъ и кропотливымъ трудомъ четырехъ лѣтъ дошелъ до своего замѣчательнаго открытія. Описаніе методовъ и приѣмовъ этой четырехлѣтней работы составляетъ большую часть диссертации г-жи *Scłodowska-Curie*. Съ результатами читателя „Научнаго Слова“ уже достаточно знакомы; поэтому мы приведемъ только заключительныя слова книги, съ которыми нельзя не согласиться: „Наши изслѣдованія новыхъ радиоактивныхъ тѣлъ вызвали большое движеніе въ наукѣ и явились исходной точкой для многихъ изысканій новыхъ радиоактивныхъ веществъ и для изслѣдованія лучеиспусканія уже извѣстныхъ элементовъ“. Г-жа *Curie* (полька по происхожденію, замужемъ за извѣстнымъ французскимъ физикомъ *P. Curie*)—первая женщина, получившая степень доктора физическихъ наукъ во Франціи. Нужно отдать справедливость скромности г-жи *Curie*, скромности, благодаря которой диспутъ ея прошелъ незамѣченнымъ въ мірѣ парижскихъ феминистовъ и феминистокъ, несмотря на то, что имя ея пользуется уже большою извѣстностью въ средѣ ученыхъ всѣхъ странъ свѣта.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о маленькомъ приборѣ,

изобрѣтенномъ недавно Круксомъ и которому онъ далъ названіе *спинтарископъ*. Круксъ построилъ этотъ приборъ, чтобы показать наглядно, что флуоресценція, вызываемая въ нѣкоторыхъ тѣлахъ лучами радія, объяснена *атомическому бомбардированію*. По мнѣнію Крукса, радій и другія радиоактивныя тѣла испускаютъ изъ себя потокъ атомовъ чрезвычайно тонкой матеріи. Эти атомы, вылетая изъ радія съ чрезвычайно большой быстротой, близкой къ скорости свѣта, составляютъ темные лучи, которые вызываютъ свѣченіе или нагрѣваніе тѣлъ, встрѣчаемыхъ на ихъ пути.

Приборъ Крукса чрезвычайно простъ. Онъ состоитъ изъ маленькаго металлическаго цилиндра *C*, изображеннаго на прилагаемомъ чертежѣ въ натуральную величину. Съ одного конца цилиндръ закрытъ темнымъ экраномъ *E*, смазаннымъ съ внутренней стороны свѣрнистымъ цинкомъ.

Въ другой конецъ цилиндра вдѣлана лупа *L*, фокусное разстояніе которой равно какъ разъ длинѣ цилиндра. На разстояніи полумиллиметра отъ экрана *E*, внутри прибора, находится иголочка *e*, съ маленькимъ зернышкомъ *R* соли радія. Потокъ атомовъ, исходящій изъ *R*, падаетъ на экранъ *E*. Каждый атомъ, стукая въ

экранъ, долженъ вызывать въ частичкѣ свѣрнстаго цинка родъ вспышки, которая должна быть видима въ лупу. Дѣйствительно, глядя въ лупу, видишь эти вспышки,—на темномъ фонѣ, который кажется темно-синимъ, быстро вспыхиваетъ и потухаетъ безчисленное множество маленькихъ искорокъ, напоминающихъ звѣзды своимъ блескомъ. Получается картина звѣзднаго неба въ темную безлунную ночь, постоянно перестѣкаемаго множествомъ падающихъ звѣздъ, проносящихся съ неимоверной быстротой. Мы видѣли людей, которые брали *спинтарископъ* въ руки съ невольнымъ скептицизмомъ, ожидая увидѣть что-нибудь вроде дѣтскаго микроскопа, въ которомъ копошатся сырные червячки. Но то, что представляется глазамъ, поражаетъ; чувствуется, что эта маленькая игрушка вводитъ васъ въ таинственный, совсѣмъ еще неизвѣстный намъ міръ, въ который проломилъ брешь работы физиковъ послѣднихъ лѣтъ.

Юлій Семеновъ.

Радій, какъ источникъ гелія. Слѣдя за современными работами по физикѣ, постоянно приходится возвращаться къ одному и тому же отдѣлу—къ отдѣлу новыхъ лучей, съ которыми связаны наиболее таинственныя задачи естествовѣдѣнія. Темные лучи привлекаютъ не только своею чарующей загадочностью, но также и тѣмъ, что изслѣдованіе ихъ даетъ все болѣе и болѣе поразительные результаты. За открытіемъ слѣдуетъ открытіе, одно неожиданнѣе другого. Не такъ давно весь міръ былъ пораженъ лучами проф. Рентгена; едва стали къ нимъ привыкать, какъ *H. Becquerel* открылъ, что металлъ *ураній* испускаетъ постоянно такіе же лучи, ничего при этомъ, повидимому, не теряя. Вслѣдъ за нимъ во Франціи, въ Англіи и въ Германіи почти въ одно время, то же свойство было подмѣчено у *тория*, и циклъ этихъ изслѣдованій закон-

чился открытіемъ ряда новыхъ элементовъ съ *радіемъ* во главѣ. Лучистая энергія этого послѣдняго оказалась настолькоъ значительной и всѣ свойства ея такъ необычны, что рядомъ съ нею лучи Рентгена поблекли, какъ свѣтъ лучинки предъ вольтовой дугой. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: дальнѣйшія изслѣдованія показали, что радиоактивность, такъ сказать, прилипчива, что она передается другимъ тѣламъ при посредствѣ какого-то таинственнаго вещества—*эманации*, какъ назвалъ ее проф. *Rutherford*, которая исходитъ изъ радія, не измѣняя его вѣса, и затѣмъ исчезаетъ безслѣдно, какъ нѣчто нематеріальное. Между тѣмъ многія физическія свойства *эманации* заставляли предполагать, что вещество это такъ же матеріально, какъ и всякій другой газъ, но лишено какой бы то ни было химической активности. Не успѣла еще *эманация* занять прочнаго мѣста въ ряду другихъ явленій природы, какъ наука обогатилась новымъ удивительнымъ пріобрѣтеніемъ. Проф. *William Ramsay* сообщилъ 28-го іюля въ Лондонскомъ Королевскомъ обществѣ, что *эманация* радія постепенно и сама по себѣ превращается въ *гелій*.

Всѣ темные лучи обладаютъ однимъ общимъ свойствомъ уничтожать изолирующую способность газовъ; они, какъ выражаются физики, *ионизируютъ* газы. Такіе ионизированные газы, помимо того, что становятся проводниками электричества, обнаруживаютъ еще нѣкоторую радиоактивность. При этомъ опытами многихъ ученыхъ установлено, что газы земной атмосферы всегда слабо ионизированы и нѣсколько радиоактивны. Эта радиоактивность при опредѣленныхъ условіяхъ исчезаетъ. Проф. *W. Ramsay*, который вмѣстѣ съ лордомъ *Rayleigh* открылъ въ 1894 г. въ атмосферѣ новые газы—*аргонъ*, *криптонъ*, *неонъ* и *ксенонъ*,—предположилъ, что, можетъ быть, эти моноатомные газы вмѣстѣ съ геліемъ являются причиной радиоактивности атмосферы. Будучи моноатомными, они, по его мнѣнію, могутъ быть элементами ионизаціи воздуха. Но опытъ показалъ, что предположеніе это ошибочно. Электроскопъ, заряженный электричествомъ и въ которомъ послѣдовательно чистый и сухой воздухъ замѣщался названными газами, неизмѣнно сохранялъ свой зарядъ. Слѣдовательно, моноатомность не тождественна съ ионизированнымъ состояніемъ газовъ. Отрицательный результатъ не остановилъ однако искуснаго экспериментатора. Для разрѣшенія заданной себѣ задачи онъ обратился къ изслѣдованію *эманации* радія; при этомъ было сдѣлано открытіе, о которомъ говорится въ замѣткѣ г. У., напечатанной выше; на немъ мы остановимся подробнѣе. Повторивъ опыты Рутерфорда съ поглощеніемъ *эманации* жидкимъ воздухомъ, онъ подвергъ ее всевозможнымъ физическимъ и химическимъ операціямъ, чтобы провѣрить ея матеріальность и химическую инертность. Прокаливая ее въ теченіе долгихъ часовъ съ наиболѣе энергичными химическими агентами, онъ не могъ уничтожить, ни даже ослабить ея лучистой энергіи. Несомнѣнно поэтому, что *эманация* не способна вступать ни въ какія химическія соединенія. Разводя ее въ большомъ количествѣ кислорода, онъ пропускалъ смѣсь сквозъ жидкій воздухъ. Прошедшій чрезъ эту операцію кислородъ терялъ всякую радиоактивность,—*эманация* сгущалась въ холодной жидкости, сохранявъ свои свойства; она, какъ говорить *W. Ramsay*, была „отмыта“ отъ кислорода. Такое „мытье“ *эманации* позволяетъ ее очистить отъ всѣхъ моноатомныхъ газовъ атмо-

-сферы, которые не сгущаются въ жидкомъ воздухѣ. Тѣмъ не менѣ гелій какъ будто не отмывался. Всегда, по наблюденіямъ проф. Рутерфорда, въ наиболѣе тщательно промытой эманации спектральный анализъ обнаруживалъ присутствіе этого газа. Нужно сказать, что въ распоряженіи физиковъ всѣхъ странъ свѣта находится не болѣе нѣсколькихъ долей одного грамма чистой соли радія; поэтому количество эманации, которую можетъ извлечь каждый въ отдѣльности, такъ незначительно, что приходится для опытовъ надъ нею разводить ее въ большемъ сравнительно количествѣ какого-нибудь другого газа. Рутерфордъ изслѣдовалъ ее въ углекисломъ газѣ и всякій разъ при спектральномъ анализѣ наблюдалъ, помимо спектра CO_2 , еще и спектръ гелія. *W. Ramsay* и *F. Soddy*, провѣривъ опыты проф. Рутерфорда, промыли въ жидкомъ воздухѣ свѣжизвлеченную эманацию изъ 50 миллиграммовъ бромистаго радія и, разведя ее въ чистомъ и сухомъ кислородѣ, снова промыли. Послѣ такого тщательнаго мытья, смѣшавъ эманацию съ небольшимъ количествомъ чистаго кислорода, они изслѣдовали спектръ смѣси и не замѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ гелія. Повидимому, имъ удалось окончательно отмыть этотъ упорный газъ. Въ теченіе четырехъ дней, отъ 17-го по 21-е іюля, спектръ смѣси не мѣнялся, но 21-го іюля появилось нѣсколько линий, характерныхъ для спектра гелія, 22-го іюля еще нѣсколько другихъ линий того же спектра и т. д., пока, наконецъ, не образовался полный спектръ гелія и даже съ тремя лишними линиями, которыхъ раньше не замѣчали. Послѣ этого не обнаружилось никакихъ измѣненій. Нѣсколько другихъ порцій эманации соли радія, изслѣдованныхъ въ то же время, дали одинаковые результаты: полное отсутствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ гелія въ теченіе первыхъ четырехъ дней и затѣмъ постепенное появленіе его спектра. Было очевидно, что эманация, четыре дня спустя послѣ извлеченія ея изъ радія, постепенно превращается въ гелій. Интересно сопоставить этотъ фактъ съ тѣмъ, что, по наблюденіямъ *P. Curie*, наведенная радиоактивность воздуха, вызванная радіемъ, пропадаетъ черезъ четыре дня послѣ удаленія этого металла. Такимъ образомъ становится понятнымъ таинственное исчезновеніе эманации радія, матеріальность которой была уже внѣ сомнѣнія. Опытами *W. Ramsay* и *F. Soddy* наносится первый серьезный ударъ нашимъ представленіямъ о неразрушаемости матеріи. Гелій — такой же химическій элементъ, какъ и всѣ другія простые тѣла. Какъ водородъ, кислородъ, золото и серебро, гелій есть неразлагающееся химически тѣло, занимающее опредѣленное мѣсто въ періодической системѣ элементовъ. Простыя тѣла или элементы, будучи химически недѣлимы, обладаютъ опредѣленными и неизмѣнными свойствами. Между отличительными признаками простыхъ тѣлъ ихъ спектрамъ придается въ настоящее время наибольшее значеніе. При помощи спектроскопа можно обнаружить малѣйшее количество всякаго простого тѣла, что не всегда бываетъ доступно химическому анализу при помощи реактивовъ.

Гелій, открытый первоначально спектральнымъ анализомъ въ атмосферѣ солнца, былъ найденъ затѣмъ В. Ремсеемъ въ ураніевомъ минералѣ *клевситъ*. Присутствіе его было обнаружено потомъ и въ другихъ ураніевыхъ минералахъ и даже въ водахъ нѣкоторыхъ рѣкъ. Самый легкій послѣ водорода газъ (его атомный вѣсъ = 2), гелій обладаетъ такимъ же строго опредѣленнымъ спектромъ, какъ и всѣ другіе

элементы, — словомъ, это такой же несомнѣнный элементъ, какъ и всякое другое простое неразлагающееся тѣло. Послѣ того какъ его спектръ былъ изученъ, оказалось, что гелій входитъ въ составъ газовъ высшихъ слоевъ атмосферы, въ которыхъ наблюдается сѣверное сіяніе.

„Вещества, которыя не могутъ быть ни составлены изъ чего-либо, ни разложены на какія-либо другія, называются *простыми тѣлами*“, такъ опредѣляетъ Д. И. Менделѣевъ химическій элементъ (Основы химіи). Послѣднее открытіе Ремсея и Содди разрушаетъ это опредѣленіе, бывшее основнымъ въ нашихъ представленіяхъ о матеріи. Все, что имѣетъ начало, имѣетъ и конецъ; все, что можетъ быть создано, можетъ быть разрушено. Разъ гелій создается, его слѣдовательно можно разложить. Въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія считать неразложимыми и остальные химическіе элементы. *М-me Sclodowska-Curie*, работая четыре года надъ извлеченіемъ нѣсколькихъ крупинокъ хлористаго радія изъ сотенъ пудовъ минерала, не думала, конечно, о философскомъ камнѣ. Тѣмъ не менѣе ея работа повела къ открытію *эманации*, этого вещества, которое обладаетъ нѣкоторыми физическими свойствами вѣсомой матеріи, но не имѣетъ собственного спектра и которое, теряя свою лучистую энергію, превращается постепенно и само по себѣ въ опредѣленный химическій элементъ — *гелій*. Предъ научною мыслью открываются новые горизонты.

Юліи Семеновъ.

Невидимые микробы. Линейные размѣры громаднаго большинства микробовъ и въ частности болѣзнетворныхъ колеблутся въ среднемъ отъ нѣсколькихъ десятыхъ долей микрона *) до 5—10 микроновъ. Такіе микробы всѣ безъ исключенія ясно видны подъ микроскопомъ, хотя они и принадлежатъ къ мельчайшимъ живымъ существамъ.

За послѣднее время, однако, было открыто нѣсколько микробовъ (всѣ они патогенные), обладающихъ еще несравненно меньшими размѣрами. Микробы эти, частью едва различимые подъ микроскопомъ, частью лежащіе вообще за предѣлами микроскопическаго видѣнія**), по справедливости заслуживаютъ названіе *невидимыхъ*. Существованіе ихъ было открыто въ 1898 г. независимо другъ отъ друга Лэффлеромъ въ Германіи, Ру и Нокаромъ во Франціи. Впрочемъ, еще Пастеръ въ 1881 году высказалъ предположеніе, что именно такимъ мельчайшимъ микроорганизмамъ слѣдуетъ приписать роль возбудителей бѣшенства***).

Ящуръ, перипнеймонія рогатаго скота, чума птицъ, особая болѣзнь, поражающая лошадей въ южной Африкѣ и извѣстная подъ именемъ *horse sickness*, *мозаичная болѣзнь табачныхъ листьевъ*, — вотъ нѣкоторыя изъ числа инфекцій, причину которыхъ слѣдуетъ приписать этимъ ультрамикроскопическимъ организмамъ.

Всѣ только-что названныя болѣзни****) являются безусловно заразны-

*) Микронъ равняется одной тысячной части миллиметра.

**) При помощи самыхъ лучшихъ микроскоповъ нельзя видѣть предметовъ, линейные размѣры которыхъ меньше 0,1 микрона.

***) Микробъ бѣшенства до сихъ поръ еще не найденъ.

****) На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій становится весьма вѣроятнымъ, что „невидимые микробы“ являются возбудителями еще двухъ чрезвычайно важныхъ болѣзней, желтой лихорадки и чумы рогатаго скота. Первая является настоящимъ

ми, но неоднократныя попытки открыть агентовъ инфекціи при помощи обычныхъ приѣмовъ бактериологіи не привели къ желаннымъ результатамъ.

Измельченные органы, жидкости и другіе продукты, взятые отъ животныхъ или растений, пораженныхъ болъзною, и привитые организмамъ здоровымъ, неизмѣнно вызывали новую инфекцію. Тѣмъ не менѣе микроскопическое изслѣдованіе такихъ продуктовъ не обнаруживало ничего похожего на микроорганизмы. Точно такъ же и посѣвы на различныя питательныя среды не давали никакихъ видимыхъ признаковъ размноженія.

Только въ одномъ случаѣ при перипневмоніи рогатаго скота Ру и Нокару удалось получить культуру при помощи особаго приѣма (въ коллодонныхъ мѣшечкахъ, помѣщенныхъ въ брюшную полость кролика). Микроскопическое изслѣдованіе такой культуры обнаружило существованіе микробовъ, но размѣры ихъ были такъ малы, что не представлялось никакой возможности разсмотрѣть ихъ очертанія. Величина ихъ, очевидно, лежитъ на самой границѣ микроскопическаго видѣнія. Въ другихъ случаяхъ не удалось достигнуть и этого, такъ что микробы цѣлаго ряда болъзней до сихъ поръ остаются въ подлинномъ смыслѣ слова невидимыми.

Существованіе ихъ тѣмъ не менѣе является весьма вѣроятнымъ, и именно исходя изъ слѣдующихъ соображеній:

1) Какъ уже было сказано, жидкости и другіе продукты, исходящіе отъ больного организма, даже въ минимальныхъ количествахъ, вызываютъ новое зараженіе организмовъ здоровыхъ.

Въ свою очередь патогенными продуктами, взятыми отъ каждаго изъ этихъ послѣднихъ, можно заразить громадное множество новыхъ организмовъ и т. д.

Такимъ образомъ, заразное начало неистощимо. Оно, очевидно, обладаетъ способностью размноженія.

Но до сихъ поръ мы знали эту способность только за живыми организмами. Различныя химическіе продукты органическаго происхожденія: токсины, ферменты и пр. совершенно лишены этого свойства и скорѣе, наоборотъ, мало-по-малу теряютъ свою специфическую силу.

2) Въ бактериологіи употребляются особые фильтры изъ пористыхъ матеріаловъ: слабо обожженной глины (каолина), спрессованной инфузорной земли и пр., которые обладаютъ способностью задерживать въ своихъ порахъ обыкновенныхъ бактерій. На этомъ принципѣ основанъ даже особый способъ „холодной“ стерилизаціи: жидкость, содержащая микробовъ, пропускается черезъ фарфоровый фильтръ и этимъ путемъ освобождается отъ нихъ, дѣлается стерильной.

Вотъ эти-то фильтры и могутъ служить какъ бы реактивомъ на присутствіе и на размѣры микробовъ. Оказалось, что „невидимые“ микробы, вообще говоря, проскальзываютъ черезъ поры такихъ фильтровъ: эти поры для нихъ еще слишкомъ крупны. Профильтрованные жидкости еще способны вызвать зараженіе. И что особенно интересно въ этомъ отношеніи, различныя невидимые микробы ведутъ себя далеко

бичомъ тропическихъ странъ, отличается тяжелымъ теченіемъ и большой смертностью. Вторая безопасна для человѣка, но зато наноситъ громадный ущербъ сельскому хозяйству. Всѣмъ памятенъ еще недавній эпизоотин этой болъзни на югѣ Россіи.

не одинаково. Фильтръ, пропускающій одинъ видъ микробовъ, является непроницаемымъ для другого. За немногими исключениями, для всякаго микроба удалось подобрать фильтры, настолько плотные (мелко пористые), что проникновеніе черезъ нихъ дѣлается невозможнымъ. Наличие этихъ отношеній не только является аргументомъ въ пользу существованія невидимыхъ микробовъ, но и дѣлаетъ возможнымъ заключить о неодинаковыхъ размѣрахъ этихъ загадочныхъ живыхъ существъ.

Въ настоящее время существованіе микробовъ, лежащихъ за предѣлами микроскопическаго видѣнія, не отрицается почти никѣмъ. Въ этомъ отношеніи особнякомъ стоитъ только взглядъ, высказанный извѣстнымъ нидерландскимъ бактериологомъ Бейеринкомъ по поводу упомянутой уже нами мозаичной болѣзни табака.

Не найдя при этой болѣзни никакихъ микробовъ и убѣдившись въ томъ, что сокъ больныхъ табачныхъ листьевъ продолжаетъ вызывать зараженіе, если его пропустить черезъ фарфоровый фильтръ Шамберлана или подчергнуть нагрѣванію до 70° С, Бейеринкъ заключалъ отсюда, что такой сокъ не можетъ содержать въ себѣ микроорганизмовъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова *).

По мнѣнію этого ученаго, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ совершенно особымъ явленіемъ, не имѣющимъ до сихъ поръ никакихъ аналогій. Жидкость, въ которой находится заразный принципъ, представляется ему чѣмъ-то вродѣ живого раствора. Это какъ бы жизнь, растворенная въ водѣ, живая протоплазма, равномерно распределенная въ жидкости и лишенная морфологическихъ границъ.

Въ виду того, однако, что было сказано выше о невидимыхъ микробахъ, едва ли теорія Бейеринка будетъ имѣть послѣдователей. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ дѣлать столь рискованное предположеніе, надлежало бы испытать, не можетъ ли быть задержано фильтрами извѣстной степени плотности и заразное начало табачной болѣзни, а затѣмъ попытаться, нельзя ли въ этомъ *contagium vivum fluidum* различить какіе-нибудь признаки организмовъ съ помощью улучшенныхъ оптическихъ средствъ. Быть можетъ, такія средства и будутъ найдены въ фотографіи ультрафіолетовыми лучами или въ новоизобрѣтенномъ приемѣ Зигмонди и Зидентофа.

Начало въ этомъ послѣднемъ направленіи уже сдѣлано въ только что появившейся работѣ Cotton'a и Mouton'a (*Comptes Rendus de l'Académie des sciences* 29 Juin 1903). Этимъ изслѣдователямъ при помощи нѣсколько видоизмѣненнаго способа іенскихъ физиковъ удалось ясно видѣть микробовъ перипнеймоніи въ видѣ свѣтлыхъ точекъ, обладающихъ, по всей вѣроятности, пассивнымъ (Броуновскимъ) движеніемъ.

Очевидно, детальная разработка этого въ высокой степени интереснаго вопроса будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ расширенія оптическихъ методовъ изслѣдованія.

Л. Чугаевъ.

*) Русскій ученый Ивановскій описалъ особыхъ микробовъ обыкновеннаго типа (сравнительно крупныхъ), которымъ онъ приписываетъ роль возбудителей табачной болѣзни. Этотъ результатъ находится въ противорѣчій съ наблюденіями Бейеринка. Весьма возможно однако, что обычными приемами бактериологій микробы, изолированные Ивановскимъ, не могли быть отдѣлены отъ микробовъ ультрамикроскопическихъ, а потому, не будучи по существу носителями болѣзни, они могли казаться таковыми вслѣдствіе постоянной и неизбѣжной примѣси этихъ послѣднихъ.

Новости Пушкинской литературы. Послѣ слишкомъ обильнаго, стремительнаго, кое-гдѣ даже мутнаго потока Пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 гг., выбросившаго на книжный рынокъ миллионы экземпляровъ сочиненій великаго поэта и десятки тысячъ его характеристикъ, биографическихъ очерковъ и пр., можно было ожидать многолѣтняго затишья: могли пріѣсться, вызвать оскомину шаблонныя цитаты, повторенія банальныхъ мыслей; можно было ожидать скуки при одномъ упоминаніи.

Но Пушкинъ выдержалъ и это испытаніе. Онъ сдѣлался необходимой частью нашей души—лучшей ей части, которой не опасны никакое затрепываніе и профанирующая, слишкомъ публичная „реабилитація“, смѣшившая не менѣе публичное „развѣчиваніе“.

Современная душа, тревожная и мятущаяся, болѣющая „настроенія-ми“ и тоскующая отъ своей раздвоенности, отдыхаетъ подъ ясными, кристально-чистыми лучами солнца Пушкинской поэзіи,—испытываетъ къ нему влеченіе въ силу контраста.

Самое количество посвященныхъ Пушкину за послѣднее время книгъ, статей и замѣтокъ указываетъ на окрѣпшій общественный интересъ къ нему, на то мѣсто, которое онъ занялъ въ нашемъ сознаніи. Посмотрите, какъ подхватывается печатью всякая относящаяся къ нему мысль, какъ страстно трактуется теперь, на примѣръ, вопросъ о „Гавриладѣ“, какой спросъ на его сочиненія!

Одновременно появляется нѣсколько изданій его сочиненій, не дешевыхъ, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и всѣ они находятъ себѣ въ пестромъ мірѣ нашихъ читателей радушный приемъ.

Почти закончено уже изданіе Суворина подъ редакціей П. А. Ефремова: вышло уже 7 томовъ, не хватаетъ только послѣдняго, восьмого—примѣчаній *).

П. А. Ефремову русское общество обязано многимъ въ дѣлѣ собранія и установленія Пушкинскаго текста. Подъ его редакціей вышло нѣсколько изданій сочиненій великаго поэта, которыя для своего времени были образцовыми и вносили всегда много новаго въ текстъ и его пониманіе. Уже много лѣтъ почтенный редакторъ упорно и настойчиво работаетъ надъ улучшеніемъ своего труда. Онъ—лучшій у насъ знатокъ печатныхъ Пушкинскихъ матеріаловъ, использовавшій ихъ съ внимательной, осторожной и остроумной критикой. Онъ тщательно вырвалъ много плевелъ—поддѣлокъ, заброшенныхъ въ собранія Пушкинскихъ произведеній, очистилъ текстъ отъ окаменѣвшихъ многолѣтнихъ ошибокъ и недоразумѣній, любовно собралъ все, что только было напечатано о Пушкинѣ въ періодической печати и отдѣльныхъ изданіяхъ, что можно было извлечь изъ доступныхъ рукописей.

Пушкинскій текстъ, въ результатъ ряда исправленныхъ и дополненныхъ изданій, явился у него въ небывало-полномъ и исправномъ видѣ.

Въ послѣднемъ изданіи слѣды все той же вздумчивой, настойчивой, внимательной работы: редакторъ отступилъ отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ приемовъ, внесъ новое; онъ далъ рядъ хронологическихъ и текстуальныхъ поправокъ, перестановокъ—результатъ новой свѣрки текста съ первыми изданіями и рукописями, новаго углубленія въ излюблен-

*) По подпискѣ за все изданіе 12 р.

ный вопрос истории Пушкинского творчества, при изумительных библиографических познаниях и колоссальной памяти.

Имъ возстановлены теперь болѣе характерныя особенности Пушкинской ореографіи. Въ хронологическомъ порядкѣ подобраны не только цѣльныя стихотворенія, но и черновые наброски и стихотворенія, попадающіяся въ письмахъ и прозаическихъ произведеніяхъ.

Жаль, что П. А. Ефремовъ отступилъ отъ своего прежняго исключительно-хронологическаго распредѣленія матеріала и раздѣлилъ стихотворенія Пушкина по формальному признаку на лирику, поэму и драмы *).

Съ виѣшной стороны изданіе прекрасно. Къ нему приложены изящныя гравюры Рундальцева и воспроизведенія заглавныхъ листовъ нѣкоторыхъ изданій самого Пушкина.

Въ I томѣ вошли лирическія стихотворенія 1812 — 1824 гг., II—1825 — 1836 гг. и поэмы 1820—1822 гг. **), III—поэмы, драматическія произведенія и сказки 1823 — 1834 гг., IV—„Евгеній Онѣгинъ“ (1822—1831 гг.), романы и повѣсти 1827—1833 гг., V—повѣсти, сцены, анекдоты 1834 — 1835 гг., отрывки повѣстей (1819 — 1835 гг.), „Арзрумъ“ (1829 — 1835 гг.), „Радищевъ“ (1833 — 1836 гг.), записки, историческія и критическія замѣтки 1815—1835 гг. (въ томѣ числѣ совершенно новыя отрывки дневника), VI — статьи изъ „Современника“ (1836—1837 гг.), „Исторія Пугачевского бунта“ (1833—1834 гг.), „Камчатка“, „Петръ Великій“ (1832—1837 гг.), VII—письма (1815—1837 гг.).

Такой авторитетный знатокъ Пушкина, какъ В. Е. Якушкинъ, пришелъ относительно этого изданія къ слѣдующему выводу ***): „оно вполне отвѣчаетъ современному положенію дѣлъ, отвѣчаетъ давно сознанной потребности въ такомъ изданіи Пушкина, которое свело бы достигнутыя результаты, дало бы всѣ обнародованные матеріалы, представило бы намъ Пушкина въ томъ видѣ, какимъ мы можемъ знать его теперь. Но правильно поставленное по своей задачѣ собрать все появившееся до сихъ поръ въ печати съ именемъ Пушкина и достовѣрно ему принадлежащее, новое изданіе еще болѣе выигрываетъ въ существенныхъ частностяхъ отъ примѣненныхъ къ нему пріемовъ редакторской работы, отъ постояннаго и зоркаго веденія дѣла такимъ опытнымъ и заслуженнымъ специалистомъ. Общее впечатлѣніе отъ новаго изданія: свѣжесть матеріала и внимательная редакторская работа. Изданіе несомнѣнно потребовало значительнаго и напряженнаго труда, который чувствуется читателемъ и который будетъ оцененъ другими, теперь уже многочисленными специалистами, работающими надъ изученіемъ и установленіемъ текста Пушкина“.

*) Не всѣмъ, конечно, понравится и то, что онъ включилъ (нѣсколько отодвинулъ ихъ вправо) въ „Евгенія Онѣгина“ строфы, выброшенныя по разнымъ соображеніямъ самимъ Пушкинымъ: это наглядно возстановляетъ исторію творческой работы надъ этимъ произведеніемъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія.

**) П. А. Ефремову удалось провести больше, чѣмъ всѣмъ его предшественникамъ, отрывковъ „Гавриліады“.

***) „Литературный Вѣстникъ“ 1903 г., I, 23.

Второе изданіе полного собранія сочиненій Пушкина предпринято (подъ редакціей П. О. Морозова) товариществомъ „Просвѣщеніе“ *).

Пока вышелъ первый томикъ, заключающій въ себѣ мелкія стихотворенія 1812—1824 гг. Все изданіе будетъ состоять изъ 8 маленькихъ томовъ въ изящномъ англійскомъ переплетѣ, съ приложеніемъ портретовъ Пушкина, его факсимиле и пр.

Г. Морозовъ редактировалъ раньше изданіе литературнаго фонда, для котораго внимательно поработалъ надъ Пушкинскими рукописями и въ которое онъ включилъ много новыхъ набросковъ и отрывковъ.

Теперь оно появляется въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ.

Своеобразную и очень цѣнную особенность новаго изданія составляютъ богато и разнообразно составленныя объяснительныя примѣчанія къ стихотвореніямъ, занимающія половину тома и заключающія въ себѣ громадное количество данныхъ, уясняющихъ Пушкинскій текстъ — библиографическихъ, историческихъ, историко-литературныхъ. Краткій біографическій очеркъ и общая характеристика стихотвореній перваго періода готовятъ читателя къ болѣе сознательному воспріятію Пушкинской лирики.

Ожидаются затѣмъ изданія поды редакціей г. П. Краснова, петербургскихъ библиофиловъ, академическое. Смерть Л. Н. Майкова затормозила послѣднее, отодвинула появленіе дальнѣйшихъ (послѣ перваго, вышедшаго двумя изданіями) томовъ на неопредѣленное время. Оно будетъ выходить поды редакціей особой комиссіи при 2-мъ отдѣленіи Академіи Наукъ, при ближайшемъ участіи В. Е. Якушкина и В. И. Саитова.

То, что было собрано покойнымъ Майковымъ для продолженія его труда, издано недавно поды названіемъ: „Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собрано Л. Н. Майковымъ“. Книга нѣсколько случайнаго состава, съ значительными пробѣлами, но она даетъ рядъ новыхъ текстовъ, библиографическихъ свѣдѣній, вариантовъ и, какъ сырой матеріалъ, очень пригодится будущимъ издателямъ сочиненій Пушкина.

Большой интересъ представляетъ прекрасно изданная книга г. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ (Спб., 1903 г., 3 руб.). Г. Шляпкину посчастливилось купить большое количество Пушкинскихъ бумагъ, когда то находившихся у Анненкова и имъ не использованныхъ. Тутъ и Пушкинскіе автографы, и копіи съ его произведеній, и рядъ писемъ къ нему, представляющихъ большой біографическій интересъ, и нѣсколько рисунковъ великаго поэта (къ изданію приложено нѣсколько снимковъ—портретъ Пушкина, его рисунки, факсимиле).

Среди новыхъ матеріаловъ попадаются шедевры, напримѣръ, хотя бы такое удивительное по своей силѣ стихотвореніе:

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепеть ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,

*) 8 томовъ въ переплетѣ—9 р.

И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточеннаго страданья.

Очень цѣнна черновая редакція:

На холмы Грузіи ночная тѣнь легла,
Шумить Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла,
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... мечтанья моего
Ничто не мучить, не тревожить,
И сердце живо вновь и любить отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

Мѣстами она лучше печатнаго текста.

Извѣстные четыре стиха:

Два чувства дивно близки намъ;
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ,

оказывается, въ рукописи оканчиваются:

На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога Самого
Самостоянье человека,—
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва;
Безъ нихъ нашъ мертвый міръ—пустыня,
Душа—алтарь безъ божества.

Книга г. Шляпкина даетъ вообще много настоящихъ откровеній относительно Пушкинскаго творчества, и въ ней почерпнетъ рядъ неизвѣданныхъ наслажденій всякій искренній поклонникъ великаго поэта. Пусть въ ней попадаются ошибки, недоразумѣнія, неправильныя чтенія—за исключеніемъ ихъ книга даетъ слишкомя много свѣжаго, новаго, высоко интереснаго, чтобы не занять виднаго мѣста въ богатой вообще Пушкинской литературѣ.

Бѣднѣе содержаніемъ, но лучше по обработкѣ „Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранныя книгоиздательствомъ „Скорпионъ“. Редакція и примѣчанія В. Брюсова“ (М., 1903 г., 1 р. 50 к.). Письма эти вообще важны въ біографическомъ отношеніи (въ особенности къ гр. Бенкендорфу, изданные, впрочемъ, теперь по подлинникамъ П. А. Ефремовымъ), но среди нихъ нѣтъ ни одного рѣзко выдающагося. Отрывки изъ „Русалки“, программа „Дубровскаго“ и примѣчанія къ „Евгенію Онѣгину“ представляютъ интересъ для исторіи Пушкинскаго творчества.

Всѣ матеріалы сопровождаются объяснительными примѣчаніями В. Я. Брюсова, показывающими въ немъ прекраснаго и тонкаго знатока Пушкинской литературы.

То же книгоиздательство выпустило работу г. Лернера: „А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя“. (М., 1903 г., 1 рубль). Это—довольно подробная хронологическая, біографическая канва, необходимая справочное пособие для всякаго пушкинианца. Оно значительно полнѣе извѣстной работы Я. К. Грота.

Моя книжка: „Puschkiniana“, вып. I (Кіевъ), включаетъ въ себѣ характеристику всѣхъ библиографическихъ трудовъ о Пушкинѣ (это — одинъ изъ обзоровъ Пушкинской литературы за XIX в., составленный для Пушкинской комиссіи Общ. Люб. Рос. Словесности) и рядъ стихотвореній о Пушкинѣ (1817—1849 гг.), не вошедшихъ въ мой сборникъ: „Русскіе поэты о Пушкинѣ“.

Уже отпечатанный второй выпускъ, въ ближайшемъ будущемъ выходящій въ свѣтъ, включаетъ въ себѣ нѣсколько статей („Литературные отголоски дуэли и смерти Пушкина“, „объ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина“, „о приписываемомъ Пушкину стихотворномъ переложеніи молитвы „Отче нашъ“, „Поэтическая оцѣнка Пушкина современниками (1815—1837 гг.)“) и рядъ вновь разысканныхъ стихотвореній о Пушкинѣ (1817—1899 гг.).

Мы говорили только объ отдѣльныхъ изданіяхъ. Если принять во вниманіе многочисленныя журнальныя и газетныя статьи, то „возрожденіе Пушкина“ въ нашемъ сознаніи сдѣлается еще болѣе нагляднымъ и осязательнымъ.

Вл. Каллашъ.

Природа и государство. 1 января 1900 г. за подписью трехъ извѣстныхъ ученыхъ—Э. Геккеля (Иена), I. Конрада (Галле) и Э. Фрааса (Штутгартъ) опубликованы были условія конкурса для сочиненій на тему: какіе результаты даютъ принципы ученія о происхожденіи видовъ въ примѣненіи ихъ къ внутреннему развитію и законодательству государства? Къ назначенному сроку—1 декабря 1902 года—на конкурсъ было представлено 60 работъ. Работы эти разсмотрѣны были судьями—проф. Конрадомъ, Шеферомъ и Циглеромъ—и на основаніи сопоставленія ихъ отзывы присуждены были преміи. Премировано было восемь работъ. Изъ нихъ одна—„Politische Anthropologie“ д-ра Вольтмана—издана была авторомъ особо. Остальныя же семь предназначены конкурсной комиссіей для напечатанія ихъ общей серіей, въ составъ которой включены еще три работы, не получившія премій, но тѣмъ не менѣе признанныя заслуживающими вниманія. Въ настоящее время вся эта серія, подъ общимъ заглавіемъ „Natur und Staat“, печатается (изд. фирма G. Fischer, Iena) и передъ нами лежитъ только-что вышедшій первый ея томъ. Кромѣ вступительной статьи, написанной проф. Циглеромъ, этотъ томъ содержитъ въ себѣ довольно обширное изслѣдованіе Heinrich Matzat, озаглавленное „Philosophie der Anpassung mit besonderer Berücksichtigung des Rechtes und des Staates“. Имя автора не ново въ литературѣ: сперва гимназическій преподаватель исторіи и географіи, затѣмъ директоръ сельско-хозяйственной школы въ Вейльбургѣ на Ланѣ, онъ съ давнихъ поръ занимается вопросами исторіи и обществовѣдѣнія; важнѣйшая изъ его прежнихъ работъ — двухтомная „Römische Chronologie“ (1883—1884 г.).

Въ своей „Философіи приспособленія“, посвященной извѣстному историку Otto Seeck'у, Matzat пытается построить все ученіе о правѣ, нравственности и государствѣ на основаніи главныхъ принциповъ эволюціонной теоріи, т.-е. принципа приспособленія, отбора и наслѣдственности. Начинаетъ онъ при этомъ съ построенія системы этики на основаніи этихъ принциповъ, а затѣмъ уже переходитъ къ разсмотрѣнію самыхъ принциповъ, имѣя въ виду доказать, что они лежатъ въ основѣ вообще

всякой эволюціи, въ томъ числѣ и соціальной. Въ нашемъ краткомъ рефератѣ удобнѣе будетъ слѣдовать обратному порядку.

При построеніи своей эволюціонной теоріи Matzat исходитъ изъ основного закона механики, который въ формулировкѣ, данной ему знаменитымъ физикомъ Герцомъ, гласитъ: „всякая свободная система пребываетъ въ состояніи покоя или въ однообразномъ движеніи по наиболѣе прямому направленію“. Съ помощью этого механическаго закона авторъ находитъ возможнымъ построить все учене о приспособленіи, удаливъ изъ него всякій мистическій элементъ, всякую волю къ приспособленію или къ жизни (стр. 84 слл.). Самое приспособленіе опредѣляется какъ такое измѣненіе, при помощи котораго нѣчто совершается кратчайшимъ путемъ, въ болѣе короткое время, съ меньшей затратой энергіи и съ меньшимъ принужденіемъ, нежели безъ этого измѣненія. Приспособленіе является основнымъ принципомъ всякаго развитія, всякой эволюціи. Всѣ остальные принципы эволюціонной теоріи составляютъ лишь болѣе или менѣе спеціальныя выводы изъ этого основного принципа. Такъ, принципъ отбора сводится къ тому, что къ продолжительному существованію способны лишь результаты измѣненій, состоящихъ въ приспособленіи, и притомъ въ тѣмъ болѣе степени, чѣмъ болѣе самое приспособленіе. Приспособленіе постоянно увеличивается, а потому и устойчивость достигнутыхъ результатовъ постоянно повышается. Въ примѣненіи къ живымъ существамъ большую роль играетъ принципъ наслѣдственности, которой состоитъ въ томъ, что достаточно глубоко идущія приспособленія могутъ сохраняться и по смерти этихъ существъ. Наконецъ, для существъ, надѣленныхъ сознаниемъ, возможны не только случайныя приспособленія, но и сознательныя, намѣренныя. Сознаніе является наиболѣе совершеннымъ изъ существующихъ средствъ приспособленія. При помощи его организмъ находитъ все лучше пути къ приспособленію; организмъ ставитъ себѣ цѣли и изыскиваетъ средства для ихъ достиженія; цѣль есть мыслимое и желаемое приспособленіе; цѣлесообразно все, что служитъ для осуществленія задуманнаго приспособленія.

Такимъ образомъ Matzat, въ отличіе отъ многихъ представителей такъ называемаго идеалистическаго направленія, не кладетъ цѣль въ основу своей философіи развитія; цѣль у него является на послѣднемъ мѣстѣ, какъ принципъ, опредѣляющій дѣятельность только тѣхъ существъ, которыя надѣлены сознаниемъ.

На основаніи этихъ принциповъ авторъ строитъ свою систему этики. При этомъ онъ исходитъ изъ понятія цѣнности (Wert). Онъ утверждаетъ, что цѣнность есть нѣчто объективное. Цѣнность опредѣляется не тѣми представленіями, которыя имѣетъ субъектъ о какомъ-либо объектѣ, а тѣмъ воздѣйствіемъ, которое объектъ въ дѣйствительности оказываетъ на существованіе субъекта. Положительную цѣнность объектъ имѣетъ тогда, когда онъ полезенъ для существованія субъекта; отрицательную — тогда, когда онъ вреденъ субъекту. При этомъ чувства удовольствія или неудовольствія не имѣютъ рѣшающаго значенія, ибо они показываютъ только значеніе объекта для субъекта въ извѣстный данный преходящій моментъ; коночный результатъ можетъ не соотвѣтствовать показаніямъ первоначальнаго ощущенія; только съ помощью знанія, а не съ помощью простаго чувства можно опредѣлить истинную цѣнность объекта.

Но если есть объективные цѣнности, то должна существовать и общая сумма цѣнностей — Wertsumme; эта сумма составляется изъ суммы всѣхъ существующихъ на свѣтѣ положительныхъ цѣнностей за вычетомъ всѣхъ цѣнностей отрицательныхъ. Такая сумма цѣнностей есть вообще самое цѣнное изъ всего, что только существуетъ, ибо нѣтъ ничего болѣе цѣннаго, чѣмъ общая сумма цѣнностей. Въ этикъ сумма цѣнностей играетъ большое значеніе: съ ея помощью опредѣляется нравственное достоинство каждаго человѣка. Хорошимъ человѣкомъ является тотъ, кто хочетъ сохраненія и увеличенія суммы цѣнностей; дурнымъ человѣкомъ долженъ почитаться тотъ, кто стремится къ уменьшенію суммы цѣнностей. При этомъ изъ всѣхъ свойствъ человѣка наибольшее значеніе имѣетъ его воля, ибо при наличности злой воли отрицательный характеръ приобретаютъ и всѣ остальные свойства лица.

Такъ какъ наша цѣнность опредѣляется тѣмъ, хотимъ ли мы увеличенія общей суммы цѣнностей, или нѣтъ, то отъ этого зависитъ и вообще правомѣрность нашего существованія на свѣтѣ; всѣ хорошіе люди должны отъ насъ требовать, чтобы мы хотѣли увеличенія, а не уменьшенія суммы цѣнностей; въ противномъ случаѣ они должны желать нашего полнаго уничтоженія. Такъ конструируется понятіе нравственнаго долга: нашъ долгъ — хотѣть хорошаго, а не дурного.

Впрочемъ, для добрыхъ дѣйствій недостаточно одной доброй воли: необходимо еще и знаніе того, что увеличиваетъ сумму цѣнностей и что ее уменьшаетъ, иначе послѣдствія нашихъ дѣйствій могутъ не соответствовать нашимъ намѣреніямъ. Критеріемъ для того, чтобы опредѣлять, какое именно дѣйствіе хорошо, т.-е. увеличиваетъ сумму цѣнностей, долженъ служить знаменитый категорическій императивъ Канта: „дѣйствуй такъ, какъ будто правило твоего дѣйствованія по твоей волѣ должно стать общимъ закономъ природы“, или: „я никогда не долженъ поступать иначе какъ такъ, чтобы я могъ хотѣть сдѣлать общимъ закономъ правило моего поведенія“. Дѣйствительно, общимъ закономъ можетъ быть только обязанность къ совершенію такихъ дѣйствій, которыя увеличиваютъ сумму цѣнностей, ибо только такія дѣйствія могутъ быть между собой согласны; всѣ же дѣйствія, уменьшающія сумму цѣнностей, несогласны между собой и взаимно уничтожаютъ другъ друга. Такимъ образомъ, Кантовскій категорическій императивъ имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, а какъ средство познать, какія дѣйствія увеличиваютъ сумму цѣнностей, а потому хороши съ нравственной точки зрѣнія. „Категорическій императивъ, который заставляетъ насъ представлять себѣ обобщеннымъ каждое дѣйствіе, какое мы хотимъ предпринять, является какъ бы моральнымъ увеличительнымъ стекломъ или микроскопомъ“ (стр. 24).

Но составляющее нашъ нравственный долгъ стремленіе увеличивать сумму цѣнностей можетъ имѣть практической смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если вообще добро сильнѣе зла, дѣйствующаго въ мірѣ. Можемъ ли мы это утверждать, т.-е., другими словами, можемъ ли мы доказать наличность нравственнаго порядка въ мірозданіи, при которомъ сумма добра постоянно увеличивается? Авторъ даетъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ и подтверждаетъ его эмпирическими и теоретическими соображеніями. Послѣднія сводятся къ слѣдующему. Все хорошее само съ собой согласно, а все дурное само себѣ противорѣчить.

Поэтому въ борьбѣ за существованіе каждый хорошій элементъ паходитъ себѣ поддержку въ каждомъ хорошемъ же, а все дурное должно вступать въ борьбу не только со всѣми хорошими, но и со всѣми остальными дурными. Въ результатъ добро всегда оказывается сильнѣе зла, хотя бы отдѣльные элементы зла были многочисленнѣе элементовъ добра. Основную мысль этого построенія авторъ опять-таки заимствуетъ у Канта (стр. 40 сл.).

Послѣднимъ вопросомъ въ этической системѣ является вопросъ о высшемъ благѣ. По мнѣнію автора, такимъ благомъ является самое стремленіе къ увеличенію суммы цѣнностей. Счастье состоитъ въ наслажденіи всѣмъ, что имѣетъ цѣнность; сохраненіе и увеличеніе суммы цѣнностей есть не только наша обязанность, но и наше единственное блаженство (стр. 43). Нравственно свободный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро изъ чистой любви къ добру. Поэтому мы не должны искать счастья: когда мы ищемъ добра, то счастье находится само собой (стр. 44). Нравственное развитіе каждаго индивида совершается въ направленіи все болѣе свободнаго и добровольнаго выполненія имъ своего нравственнаго долга. Совершенно тѣмъ же путемъ идетъ и нравственное развитіе цѣлыхъ народовъ.

Таковы общія положенія этическаго ученія. Всѣ эти положенія являются выводами изъ принципа приспособленія. Цѣнности суть отношенія приспособленія: положительная цѣнность есть приспособленное воздѣйствіе объекта на субъекта, а отрицательная— неприспособленное, а потому вредное (стр. 14). Добродѣтель есть приспособленіе воли къ суммѣ цѣнностей. Обязанность есть взаимное приспособленіе всѣхъ дѣйствій. Нравственный міропорядокъ покоится на взаимодѣйствіи приспособленія и отбора. Счастіе человѣка покоится на приспособленіи его чувствъ къ суммѣ цѣнностей. Нравственное развитіе индивида происходитъ согласно основному биогенетическому закону наслѣдственности.

Посмотримъ теперь, какъ прилагаетъ авторъ основной принципъ приспособленія къ ученію о правѣ и государствѣ. Въ этой области, по мнѣнію автора, послѣдовательное примѣненіе даннаго принципа является единственнымъ средствомъ, чтобы устранить послѣдніе слѣды „Naturrecht'a“ и ученія о прирожденныхъ правахъ и поставить обществовъдніе на строго научныя основанія. Съ точки зрѣнія Matzat'a, принципъ приспособленія въ примѣненіи къ общему ученію о правѣ даетъ слѣдующіе результаты.

Право въ объективномъ смыслѣ, или объективный правопорядокъ есть совокупность правоотношеній. Притомъ право слѣдуетъ отличать отъ нравственности и отъ нравовъ. Право беретъ на себя нормированіе внѣшняго поведенія, а нравственность нормируетъ внутреннее настроеніе. Право состоитъ въ приспособленіи внѣшняго поведенія къ чужой волѣ (an fremdes Wollen). Нравы сводятся къ приспособленію внѣшняго поведенія къ чужимъ воззрѣніямъ (an fremdes Denken). Наконецъ, существенно различіе права и произвола; оно состоитъ въ томъ, что произвольныя велѣнія суть тѣ, которыя связываютъ только подчиненнаго, а не повелѣвающаго, тогда какъ при правовыхъ велѣніяхъ повелѣвающій связываетъ и самого себя своимъ велѣніемъ; произвольныя велѣнія порождаютъ лишь одностороннее приспособленіе (на подчиненной сторонѣ),

а. правовыя покоятся на взаимномъ приспособленіи между повелѣвающимъ и подчиненнымъ, хотя бы и въ неравной степени съ обѣихъ сторонъ. Изъ юридическаго велѣнія возникаютъ для каждой стороны права и обязанности, хотя иногда и въ неравномъ количествѣ.

Такимъ образомъ, правоотношеніе есть отношеніе взаимнаго приспособленія двухъ или нѣсколькихъ людей, въ которомъ часть внѣшняго поведения одной стороны опредѣляется по волѣ другой и часть внѣшняго поведения другой стороны опредѣляется по волѣ первой. То, что составляетъ право (въ субъективномъ смыслѣ) для одной стороны, то является обязанностью для другой, и наоборотъ. Каждое юридическое отношеніе поддерживается приспособленіемъ, т.-е. тѣмъ фактомъ, что каждая сторона, состоя въ этомъ правоотношеніи, достигаетъ своихъ цѣлей кратчайшимъ путемъ, въ болѣе краткое время, съ меньшей затратой энергіи и при меньшемъ принужденіи, чѣмъ внѣ этого правоотношенія.

Прочность каждаго правоотношенія зависитъ отъ степени его справедливости. Правоотношенія различны и по объему обязанностей, которыя въ нихъ содержатся, и по образу, какимъ распредѣлены обязанности между обѣими сторонами. Справедливымъ является только то правоотношеніе, въ которомъ обязанности равномерно распредѣлены между обѣими сторонами. Чѣмъ правоотношеніе справедливѣе и чѣмъ оно сложнѣе, тѣмъ болѣею прочностью оно отличается. Если одна изъ обѣихъ сторонъ можетъ надѣяться, что она внѣ правоотношенія будетъ достигать своихъ цѣлей кратчайшимъ путемъ, въ болѣе краткое время, съ меньшей затратой энергіи и при меньшемъ принужденіи, чѣмъ состоя въ этомъ правоотношеніи, то она будетъ склонна къ расторженію и нарушенію правоотношенія. Степень этой склонности зависитъ отъ болѣе или менѣе справедливости и сложности правоотношенія. Поэтому правоотношеніе тѣмъ менѣе прочно, чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣлены въ немъ обязанности между обѣими сторонами и чѣмъ менѣе онѣ обширны, т.-е. чѣмъ меньшая степень приспособленія въ немъ заключается. Сторона, имѣющая наименѣе выгоды въ правоотношеніи, поспѣшитъ расторгнуть его при первой возможности. Напротивъ, правоотношеніе тѣмъ прочнѣе, чѣмъ равномернѣе распредѣлены въ немъ обязанности между сторонами и чѣмъ оно сложнѣе, т.-е. чѣмъ болѣею степень приспособленія въ немъ заключается.

На основаніи всего изложеннаго, между правоотношеніями происходитъ непрерывный отборъ, уровень котораго постоянно повышается. Такъ какъ правоотношенія погибаютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ они неравномѣрнѣе и менѣе содержательны, то остаются въ силѣ только все болѣе равномерныя и болѣе содержательныя правоотношенія. Такимъ образомъ, міровой законъ увеличивающагося приспособленія выражается въ области права закономъ увеличивающейся справедливости, какъ результатомъ все увеличивающагося уравненія и усиленія права.

Что касается государства, то и оно есть продуктъ приспособленія. Государство есть конкретное понятіе: это — коллективное существо (Gesamtwesen), состоящее изъ отдѣльныхъ людей, существо организованное и надѣленное своею волей. Волей государства является воля того изъ его членовъ, который поставленъ въ качествѣ центрального органа въ государствѣ. Если центральный органъ коллегіаленъ, то для образованія его воли должно быть налицо согласіе между членами правящей

коллегіи. Чтобы быть государствомъ, союзъ долженъ быть самостоятельнымъ, т.-е. онъ долженъ быть такъ поставленъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, часть его правоотношеній не могла быть измѣнена помимо его воли. Въ этомъ состоитъ отличіе низшаго вида государствъ—зависимаго государства—отъ общины, которая уже не является государствомъ. Наконецъ, по мнѣнію нашего автора, только такой самостоятельный союзъ можетъ быть признанъ государствомъ, который обеспечиваетъ внутренній миръ своимъ сочленамъ, т.-е. въ которомъ приспособленіе подвинулось столь далеко, что для каждого сочлена юридически исключена возможность насилія противъ остальныхъ сочленовъ и только за центральнымъ органомъ сохранена возможность прибѣгать къ насилію. Поэтому ни древнегерманскія племена, ни франкская монархія, ни средневѣковая германская имперія не были еще государствами, думаетъ нашъ авторъ. Начало государства въ Германіи слѣдуетъ искать въ образованіи свободныхъ городовъ и городского мира, а затѣмъ въ появленіи внутренне-организованныхъ княжествъ.

Такимъ образомъ получается слѣдующее общее опредѣленіе государства. Государство есть совокупность людей, находящихся въ правоотношеніяхъ, которыя не могутъ быть измѣнены, по крайней мѣрѣ, отчасти, чужой волей и при помощи которыхъ такая часть внѣшняго поведения всѣхъ сочленовъ опредѣляется по волѣ одного сочлена—центрального органа—и такая часть внѣшняго поведения центрального органа опредѣляется по волѣ другихъ сочленовъ, что ни одинъ сочленъ не управомоченъ употреблять силу противъ кого-либо вопреки волѣ центрального органа.

Но если государство всецѣло покоится на правоотношеніяхъ, т.-е. если то, что соединяетъ людей въ государство, суть правоотношенія и только правоотношенія, то отсюда слѣдуетъ, что внутреннее развитіе государствъ, т.-е. именно развитіе ихъ внутреннихъ правоотношеній, должно происходить согласно тѣмъ самымъ законамъ приспособленія и отбора, согласно которымъ, какъ показано выше, совершается развитіе всѣхъ вообще правоотношеній.

Однако, рядомъ съ принципами приспособленія и отбора въ развитіи государствъ имѣетъ значеніе и принципъ наследственности, но значеніе отрицательное. Наследственность правъ есть боевое средство, которое создали для себя семьи въ своей взаимной борьбѣ, наполнявшей догосударственное время. Въ государствѣ этотъ принципъ служитъ препятствіемъ для приспособленія (въ особенности для уравниванія правъ) и для отбора наилучшихъ элементовъ, а потому его значеніе и сила должны ослабвѣть по мѣрѣ увеличенія приспособленія; если же наследственность правъ не уменьшается, то государство отстаетъ отъ другихъ и дѣлается жертвой отбора. Только для наследственности верховной власти дѣлается авторъ исключеніе: она, по его мнѣнію, не только не вредитъ, но при теперешнихъ условіяхъ способствуетъ развитію государства (стр. 261 сл.).

Для развитія государства имѣетъ значеніе прежде всего правоотношеніе между центральнымъ органомъ и остальными членами государства. Это правоотношеніе можетъ быть болѣе или менѣе богато содержаніемъ; оно можетъ быть болѣе или менѣе справедливымъ. Чѣмъ оно богаче содержаніемъ и чѣмъ справедливѣе, тѣмъ и устойчивѣе.

Основными функціями государства, которыя вытекаютъ прямо изъ

его структуры (отказъ отдѣльныхъ членовъ отъ произвольнаго употребленія насилія), является обезпеченіе виѣшней защиты и внутренняго правопорядка. Рядомъ съ этимъ государство можетъ, какъ и всякій одаренный сознаниемъ организмъ, брать на себя выполнение и другихъ задачъ, ставить себѣ иныя цѣли. При этомъ, съ точки зрѣнія принципа приспособленія, государственная дѣятельность должна уменьшаться, поскольку дѣло идетъ объ опредѣленіи человѣческой воли и воззрѣній; но она должна увеличиваться, поскольку дѣло идетъ объ опредѣленіи виѣшняго поведенія людей. Каждая новая вѣтвь государственной дѣятельности сперва является централизованной, но по мѣрѣ большаго приспособленія стремится къ децентрализаціи.

Мы изложили основныя положенія новой „Философіи приспособленія“, причемъ, по возможности, старались выражаться словами самого автора, который значительно облегчаетъ эту задачу, суммируя самъ въ концѣ каждаго отдѣла свои выводы. Самъ авторъ въ заключеніи своего труда дѣлаетъ оговорку, что въ виду новизны дѣла онъ не можетъ разсчитывать на полную непогрѣшимость своихъ выводовъ. Нужно добавить къ этому, что и самыя принципы эволюціонной теоріи еще не вполне твердо установились и не всѣми принимаются въ томъ видѣ, въ какомъ излагаетъ ихъ Matzat. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія серьезной критики эта попытка построить всю философію права на строгомъ основаніи эволюціонной теоріи, тѣмъ болѣе, что авторъ отличается самымъ рѣшительнымъ оптимизмомъ въ своихъ воззрѣніяхъ на общій ходъ соціальнаго развитія.

В. Хвостовъ.

Библиографія.

В. Ө. Икономовъ. Наканунъ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. („Библіотена для самообразованія“). Изд. тов. И. Д. Сытина. М., 1903 г. XXIII+304 стр. Цѣна 1 р. 25 в.

Книга г. Икономова, входящая въ серію изданій „Библіотеки для самообразованія“, представляет собой краткій очеркъ быта Московскаго государства въ XVII столѣтіи, которое авторъ считаетъ переходнымъ временемъ и рассматриваетъ какъ грань между старой и новой Россіей. Въ девяти главахъ, изъ которыхъ состоитъ книга, дается характеристика природы страны, соціальнаго строя Московскаго государства въ XVII вѣкѣ, администраціи, суда и законодательства, государственнаго и народнаго хозяйства, устройства народной обороны, отношеній къ иностранцамъ, религіозныхъ взглядовъ, образованности, домашняго быта и нравовъ русскаго общества. Такой полнотой отличается содержаніе книги, несмотря на ея небольшой объемъ. Въ основу очерковъ положены надежныя руководства: XIII-й томъ Исторіи Россіи Соловьева, курсъ лекцій и „Боярская дума“ проф. В. О. Ключевскаго, „Очерки по исторіи русской культуры“ П. Н. Милюкова, „Домашній бытъ русскихъ царей“ г. Забѣлина. Изъ первоисточниковъ авторъ самостоятельно пользуется сочиненіемъ Котошихина. Рассказъ отличается живостью и общедоступностью, иногда даже элементарностью, и поэтому книгу г. Икономова можно признать очень пригодной для чтенія на урокахъ русской исторіи въ среднихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ качествѣ первоначальнаго пособия для самообразованія. Укажемъ нѣсколько замѣченныхъ нами неточностей, не вредящихъ, впрочемъ, достоинствамъ книги и легко исправимыхъ. Переписныя книги, по которымъ прикрѣплялись крестьяне при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, были составлены не въ 1626, а въ 1646 г. (стр. 92, примѣч.). Неточно опредѣлено значеніе таможенныхъ пошлинъ въ XVII в., какъ сборовъ „за перевозъ товаровъ и переѣздъ черезъ всякаго рода заставы и мосты, устроенныя какъ на границѣ съ иноземными государствами, такъ и внутри самаго Московскаго государства“ (стр. 179). Это были пошлины, взимавшіяся съ цѣны товаровъ при куплѣ-продажѣ. Описи тяглыхъ земельныхъ участковъ производились и писцовыя книги составлялись и до XVI вѣка, къ которому авторъ относитъ начало тѣхъ и другихъ (стр. 181). Грановитая палата—остатокъ древняго дворца московскихъ государей—входитъ теперь въ составъ Большаго Кремлевскаго, а не Николаевскаго дворца (286 и 292; послѣдній находится рядомъ съ Чудовымъ монастыремъ). Но повторяемъ, всѣ подобныя мелочи не могутъ умалить достоинствъ книги. Совершенно излишнимъ мы считаемъ относительно обширное введеніе (60 страницъ), въ которомъ, однако, слишкомъ конспективно и бѣгло, въ большей части по курсу лекцій проф. Ключевскаго, излагается исторія Россіи отъ разселенія восточныхъ славянъ до восшествія на престолъ Михаила Феодоровича. Разъ что темой была избрана характеристика Московскаго государства XVII в., едва ли была необходимостью начинать рассказъ съ столь давнихъ временъ. Внѣшность изданія, какъ вообще всѣхъ изданій „Библіотеки для самообразованія“, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

М. Боголюбовскій.

К. Байэ. Исторія искусствъ. Переводъ подъ редакціей и съ добавленіями профессора университета св. Владиміра Г. Г. Павлуцкаго и съ прибавленіемъ главы о древне-рускомъ искусствѣ В. Т. Георгіевскаго. Съ 350 рисунками въ текствѣ, 28 фототипическими таблицами и 2-мя таблицами въ краскахъ. Изд. С. Кульженко. Кіевъ.

Въ Парижѣ фирмою Quantin издается цѣлая серія монографій, написанныхъ специалистами по отдѣльнымъ отраслямъ искусства. Все изданіе носитъ названіе „Bibliothèque de l'enseignement des Beaux-Arts“. — „Précis d'Histoire de l'Art“ С. Вауэтъ представляетъ краткій обзоръ всей исторіи искусства. Литература по вопросу искусства очень не богата въ Россіи, въ противоположность Франціи, Англіи, Германіи, гдѣ въ этой области пишутся научныя изслѣдованія и монографіи, издаются журналы и газеты. Нельзя не привѣтствовать поэтому перевода книги С. Вауэтъ, тѣмъ болѣе, что она является въ настоящее время единственнымъ краткимъ пособіемъ по исторіи искусства на русскомъ языкѣ. Переводъ сдѣланъ подъ редакціей проф. Павлуцкаго, который прибавилъ къ книгѣ Байэ двѣ главы объ искусствѣ XIX в. на Западѣ и въ Россіи и главу о древне-рускомъ искусствѣ, написанную В. Т. Георгіевскимъ. Въ самомъ текстѣ перевода сдѣланы сокращенія и добавленія, прибавлены ссылки на литературу, такъ что, собственно говоря, эта книга представляетъ скорѣе переработку, чѣмъ переводъ книги К. Байэ. Кромѣ того, вся книга совершенно заново иллюстрирована.

Въ своемъ предисловіи проф. Павлуцкій указываетъ на то, что переводомъ этимъ онъ хотѣлъ дать не ученый трудъ, а популярный очеркъ для знакомства съ исторіей искусства, по преимуществу для юношества и для самообразованія. Но въдъ и это задача нелегкая. Какое значеніе, какой научный интересъ можетъ имѣть изученіе исторіи искусства? Байэ очень опредѣленно говоритъ объ этомъ въ своемъ введеніи: „Это—общезвѣстная истина, что между искусствомъ и общею культурною жизнью существуютъ самыя тѣсныя взаимоотношенія. Въ каждомъ памятникѣ, статуѣ, картинѣ мы можемъ найти слѣды идей, вѣрованій и обычаевъ той эпохи. Не надо забывать, что исторія искусства имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ можетъ указывать названіе его; если искусство особенно привлекательно въ смыслѣ утонченности, если оно представляетъ громадное наслажденіе для глазъ, то оно также изображаетъ и внутреннія чувства народа сквозь вѣка, его движеніе впередъ, его вкусы, его нравы, его стремленія. Обычай, міровоззрѣніе и искусство сливаются въ нѣчто столь общее, что знаніе исторической эпохи включаетъ уже и знакомство съ его искусствомъ“. (Введеніе, стр. 4.)

Такая широкая постановка вопроса должна, конечно, очень привлечь читателя; но вскорѣ наступитъ нѣкоторое разочарованіе. При чтеніи книги Байэ предъ вами развернутся картина за картиной зданія и храмы, статуи, мозаики, фрески и станковая живопись различныхъ странъ и народовъ: Востока, античныхъ народовъ, христіанскаго и византійскаго періода, романскаго и готическаго, эпохи возрожденія и новаго времени. Все это изложено очень стройно и послѣдовательно, въ строго выдержанномъ порядкѣ: очень краткая, въ нѣсколькихъ словахъ характеристика эпохи, затѣмъ—архитектура, скульптура, живопись и художественно-промышленныя искусства. Но если вы захотите найти широкія обобщенія, связь не только хронологическую, но и внутреннюю между отдѣльными эпохами и художниками; если вы поназдѣтесъ на слова автора и пожелаете представить себѣ на основаніи искусства общій ходъ культурнаго развитія народовъ, захотите познакомиться съ ихъ духовною жизнью, выразившеюся въ художественномъ творствѣ, — то книга Байэ не удовлетворитъ васъ. Въ широкой мѣрѣ это и невозможно при естественной краткости общаго обзора; однако главы объ искусствѣ XIX в. на Западѣ и въ Россіи, составленная проф. Павлуцкимъ, даютъ въ этомъ отношеніи больше. Правда, изложеніе и распредѣленіе матеріала въ нихъ не такое стройное и систематическое, но гораздо шире изображено общекультурное развитіе, такъ какъ произведенія искусства въ нихъ связаны съ литературными и даже научными теченіями, съ общимъ ходомъ исторической жизни, несомнѣнно отражающимся на искусствѣ всякой страны. Глава о древне-рускомъ искусствѣ В. Т. Георгіевскаго, по словамъ автора, представляетъ только конспективное обзорѣніе важнѣйшихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древне-русскаго искусства, такъ какъ рѣшеніе научныхъ вопросовъ въ этой области составляетъ предметъ изслѣдованія въ ближайшемъ будущемъ.

Обращаясь снова къ книгѣ, вышедшей изъ подъ пера Байэ, придется упре-

кнутъ автора въ излишнемъ патриотизмѣ и, можно сказать, даже въ національной исключительности. Искусству во Фландріи и Германіи въ XV и XVI вв. отведена одна глава, а французское искусство соотвѣтствующаго періода изложено въ специальной IV главѣ. Въ книгѣ IV-ой, озаглавленной „Новыя времена“, въ I-й главѣ искусство во Фландріи, Голландіи, Англіи, Италіи и Испаніи XVII и XVIII вв. скопьяно на двадцати страницахъ, и притомъ въ этой главѣ собраны Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ, Рембрандтъ, Мурильо, Веласкесъ и др. крупныя художники, составившіе цѣлыя эпохи въ искусствѣ! А слѣдующая, 2-ая глава, посвящена французскому искусству XVII вѣка, 3-я глава—французскому искусству XVIII вѣка... Само собою разумѣется, что такая второстепенная отрасль искусства, какъ художественная промышленность, находитъ себѣ мѣсто у Байѣ только на страницахъ, посвященныхъ Франціи. Впрочемъ объ этомъ особенно жалѣть, конечно, нечего. Но, кажется, лучше было бы остановиться подробнѣе на творчествѣ Рубенса, Рембрандта, Веласкеза, чѣмъ тщетно перечислять всѣхъ французскихъ рисовальщиковъ эстамповъ и иллюстрацій, какъ Лоранъ, Карсъ, Леба, Леписіе, Флинаръ, Левассеръ, де-Сентъ-Обентъ, Кошанъ, Гравело, Эйзенъ и др. (стр. 274).

Итальянскимъ художникамъ эпохи расцвѣта посчастливилось болѣе, чѣмъ голландскимъ и испанскимъ: самыя подробныя страницы посвящены Леонардо-да-Винчи, Микель Анджело, Рафаэлю; да и было бы странно ограничиться краткими замѣчаніями относительно мировыхъ гениевъ, создавшихъ произведенія, равныхъ которымъ, можетъ быть, никогда не было создано. Впрочемъ, здѣсь значительная заслуга принадлежитъ переводчику, такъ какъ многое добавлено для выясненія ихъ художественнаго развитія и общей связи ихъ произведеній съ эпохой.

Переводъ книги сдѣланъ въ общемъ очень недурно, хотя и встрѣчаются погрѣшности въ стилѣ, иногда даже въ передачѣ мнѣній Байѣ. Вредитъ иногда и слишкомъ большое стремленіе къ дословному переводу, напр.: „Такъ понимаемая исторія искусства есть пріятна и полезна“. (Введ. стр. 7, въ подлинникѣ 14.) Иллюстрирована книга очень недурно, иллюстрацій въ текстѣ очень много, нѣкоторыя же снимки (фототипіи) съ картинъ и статуй очень хороши, особенно имѣя въ виду сравнительно недорогую цѣну книги (4 р.). Несмотря на нѣкоторую поверхностность и указанные недостатки, книга Байѣ прочтется съ интересомъ, особенно тѣмъ, кто приступаетъ къ изученію исторіи искусства впервые и, не задаваясь широкими задачами, захочетъ составить себѣ нѣкоторое представление объ общемъ развитіи и важнѣйшихъ памятникахъ произведеній искусства.

О. Рудченко.

„Горе отъ ума“ въ грузинскомъ переводѣ. Тифлисъ, 1903. г.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ грузинскаго журнала *Моамбэ* (Вѣстникъ) за 1902 г. и въ первой книгѣ его за 1903 г. напечатанъ полный переводъ ком. А. С. Грибоѣдова „Горе отъ ума“, принадлежащій перу современной грузинской повтессы Гандегели (псевдонимъ). Первый опытъ перевода нѣсколькихъ сценъ изъ этой комедіи принадлежитъ кн. Г. Д. Эрстову († 1864), за нимъ послѣдовалъ въ 1853 г. полный переводъ Гр. Цинамдзгварова, нѣсколько разъ поставленный на грузинской сценѣ. Теперь мы имѣемъ новый переводъ безсмертнаго творенія, исполненный бѣлыми, частью рижованными стихами. Переводъ мѣстами сохранилъ неотразимую прелесть сжатости и мѣткости оригинала, но есть строки расплывчатая и невѣрно понятыя. Въ самомъ началѣ перевода пятистопный ямбъ оригинала замѣненъ семистопнымъ растянутымъ ямбическимъ стихомъ, появились вставочныя выраженія и слова для заполнения двухъ лишнихъ противъ оригинала ямбовъ. Нерѣдко одинъ стихъ Грибоѣдова переведенъ въ двухъ стихахъ, претерпѣвъ ущербъ въ силѣ и выразительности лаковизма; такъ, слова Фамусова, обращенныя къ Молчалину: „И будь не я—копѣль бы ты въ Твери“, переведены въ слѣдующемъ смыслѣ: „За душу мою молись, а то понинѣ тамъ влчачиса бы ты, въ твоёмъ городѣ Твери“. Точно такъ же не вполне точно, съ нѣкоторыми дополненіями передано четырехстишіе „Я только несъ ихъ для доклада“ и проч. въ шести стихахъ въ переводѣ Гандегели, которая въ передачѣ отвѣта Фамусова: „Боюсь, сударь, я одного смертельно слова: дай волю вамъ—оно бы и за сѣю“, передѣланы въ совершенно неточную фразу: „все меня отъ подобныхъ (бумагъ?) не избавитъ, если каждую минуту не слѣдить за вами“. Растянуто вышло также извѣстное мѣсто: „А главное—поди-ка, послужи“, превратившееся

по-грузински въ двустипіе: „а главное—нигдѣ не служишь, пожалуйста послужить“. Не понята реплика Скалозуба: „Однако, *за полкомъ* два года поводили“, и сообщенъ ей превратный смыслъ: „нужно и то сказать, что два года *въ полку* водили“. Утратили свою ядовитость слова Скалозуба: „Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ“, съ пропускомъ имени Фернейскаго мудреца и сообщеніемъ его словамъ иного толкованія: „Я пришлю вамъ одного своего фельдфебеля и онъ поставитъ на должный путь васъ и вашего князя“. Внѣшняя характеристика Молчалина: „Въ лицѣ румянецъ есть“ въ переводѣ вылилась въ фразу „И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ красивъ“.

Не мало мѣстъ вполнѣ характерно переданныхъ по-грузински, напримѣръ: „Тотъ скажи любви конецъ, кто на три года вдаль уѣдетъ“ „Зачѣмъ ума искать такъ далеко“. Съ жаромъ и весьма близко къ оригиналу удалось воспроизвести всю тираду изъ отвѣта Чацкаго Фамусову: „И точно началъ свѣтъ глупѣть“. Пламенная рѣчь героя комедіи: „А судьи кто? За древностію лѣтъ къ свободной жизни ихъ вражда непримирима“, почти безукоризненно передана съ легкой замѣной глагола несовершеннаго вида „дѣтей возили на поклонъ“ совершеннымъ видомъ. Послѣдній монологъ Чацкаго сохранилъ всю неотразимую прелесть огненной желчи и бичующаго негодованія. Общее впечатлѣніе отъ грузинскаго перевода таково, что г-жа Гандегели все болѣе проникалась духомъ оригинала и, приближаясь къ концу, устраняла тѣ легкія перефразировки, которыя могли бы быть переданы безъ нарушенія требованій грузинскаго стихосложенія, основаннаго на количествѣ слоговъ въ связи съ удареніемъ. Такъ, слова Скалозуба: „жениться? я ничуть не прочь“, нѣтъ нужды передѣлывать въ фразу: „жениться—я согласенъ!“ Легко и вполнѣ согласно съ духомъ грузинской рѣчи можно исправить не вполнѣ точно переданныя слѣдующія мѣста: „И въ чтеніи прокъ-то не великъ“, въ обращеніи Чацкаго къ Софьи: „И падалъ сколько разъ“, и его же слова къ Молчалину: „И положенный часъ приливамъ и отливамъ“. Не останавливаясь на другихъ отступленіяхъ въ переводѣ, о которыхъ я поговорю подробно въ грузинской прессѣ, скажу только, что почти постоянныя прибавленія нѣсколькихъ стиховъ въ грузинскомъ переложеніи не только не сообщаютъ большей ясности въ пониманіи текста, но ослабляютъ впечатлѣніе повтореніемъ одной и той же мысли въ двухъ тождественныхъ выраженіяхъ и нагроможденіемъ словъ, лишнихъ для осмысленія русскихъ лагонизмовъ. Нельзя также одобрить внесенія грузинизмовъ, гдѣ они совершенно неумѣстны. Ласкательная форма „Софьюшка“ передается, то въ формѣ Сонички, то въ формѣ Софики. Наконецъ, нѣкоторые пропуски желательно возстановить. Конецъ раздраженной реплики Хлестовой о Чацкомъ: „Я за уши его дюрала,—*только мало*“, по-грузински вышель усѣченнымъ. Эти погрѣшности, отмѣченныя нами, иногда, быть можетъ, покажутся слишкомъ детальными; однако, классическое произведеніе русской литературы обязываетъ насъ быть требовательнымъ къ грузинскому переводу, который, благодаря легкости и звучности стиха, займетъ выдающееся мѣсто въ грузинской словесности.

А. Хахановъ.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Перев. съ нѣмецкаго С. Штейнберга. Спб., 1904 г. Стр. 196. Ц. 80 к.

„Введеніе“ Риль составилось изъ восьми публичныхъ лекцій, прочитанныхъ на слѣдующія болѣе или менѣе самостоятельныя темы: идея научнаго знанія, сжившійся въ изреченіяхъ древнихъ философовъ; зарожденіе новой науки и ея отношеніе къ новой философіи; психологическія основы познанія въ „Опытѣ“ Локка; биологическая теорія причинности Юма; рѣшеніе его сомнѣній Кантомъ; открытіе закона сохраненія энергіи; естественнаучный и философскій монизмъ; этика Сократа и Канта, Шопенгауэра и Ницше. Это нѣсколько пестрое содержаніе объединяется опредѣленно высказанной и строго выдержанной точкой зрѣнія. Современная философія, пониманію которой способствуетъ книга Риль, есть научная философія, т.-е. то теченіе германской мысли, которое стоитъ близко къ неокантианству и однимъ изъ крупныхъ представителей котораго считается самъ авторъ. Философія не должна чуждаться науки, должна перестать быть метафизической. Современное міросозерцаніе слѣдуетъ искать не въ трудахъ спеціалистовъ-философовъ, а въ работахъ естествоиспытателей: Роберта Майера, Гельмгольца, Генриха Герца. Преобладаніе синтетическихъ интересовъ, стремленіе къ первоначальному единству, исканіе единой философіи, имманентной науки, характерно для состоянія современнаго естествознанія. Въ этомъ смыслѣ эпоха,

нами переживаемая, философская по преимуществу. И возвращение къ Канту, которое стало лозунгомъ современной философіи, общааетъ укрѣпленіе связи между наукой и философіей, такъ какъ „творецъ“ Критики чистаго разума былъ также авторомъ „Естественной исторіи неба“, а въ посмертныхъ бумагахъ Канта былъ найденъ набросокъ, въ которомъ онъ дѣлаетъ переходъ отъ метафизики къ физикѣ и даетъ гипотезу, напоминающую современное энергетическое толкованіе природы. Нѣмецкій идеализмъ, порвавшій къ обоюдному вреду эту связь, знаменуетъ „съ чисто-научной точки зрѣнія не прогрессъ, а скорѣе остановку въ развитіи“. Въ способѣ своего изложенія авторъ, имѣющій въ виду серьезнаго читателя, совмѣщаетъ настоящую научность съ благороднымъ краснорѣчіемъ.

Переводъ г. Штейнберга сдѣланъ литературно и тщательно, хотя и не безъ нѣкоторыхъ промаховъ. „Учитель идеала“ вмѣсто „идеаль учителя“ (Lehrer im Ideal); „философія—это эпоха, созданная мыслью“ вмѣсто „философія есть современность, схваченная и выраженная въ мысли“ (Philosophie ist ihre Zeit in Gedanken erfasst); „гипотеза, которая содержитъ болѣе того, что дается опытомъ“ вмѣсто „гипотеза, имѣющая своимъ предметомъ содержаніе, а не форму опыта“ (über den Inhalt d. Erfahrungsaussagen soll). См. также стр. 9, 29, 40, 54.

Давидъ Викторовъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научное Слово“.

- 1) **Гр. Л. Н. Толстой.** Великій писатель земли русекой въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Изданіе *Товарищества М. О. Вольфа*.
- 2) **П. Коганъ.** Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Изданіе *С. Скирмунта*. М. 1903.
- 3) **Полное собраніе сочиненій Генрика Ибсена.** Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Томъ пятый. Изданіе *С. Скирмунта*. М. 1903.
- 4) **В. И. Масальскій.** О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельско-хозяйственной промышленности. Императорское Русское Техническое Общество. Московское отдѣленіе. Музей содѣйствія труду.
- 5) **П. К. Штернбергъ.** Широта московской обсерваторіи въ связи съ движеніемъ полюсовъ. М. 1903.
- 6) **Methode Toussaint-Langenscheidt.** Brieflicher Sprach-und Sprech-Unterricht für das Selbststudium der russischen Sprache von Adolph Garbel, L. v. Marnitz und P. Perwow. Briefe 30, 31, 32.
- 7) **Гёккель.** Введеніе въ науку. Переводъ *Д. Каижарова*, подъ ред. прив.-доцента Московск. университета *Н. К. Кольцова*. Изданіе Научно-образовательной бібліотеки. Серія начальныхъ курсовъ. М. 1903.
- 8) **Альб. Герш. Постъ.** Зачатки государствен. и правовыхъ отношеній. Очерки по всеобщей сравнительной исторіи государства и права. Пер. *Н. В. Тетлова*, съ предислов. проф. *М. И. Ковалевскаго*. Изданіе Научно-образовательной бібліотеки. М. 1901.
- 9) **Роско. Химія.** Съ 31 рис. Перев. подъ ред. приватъ-доцента Московскаго университета *С. Г. Крапчинна*. Изданіе Научно-образовательной бібліотеки. М. 1903.
- 10) **Каталогъ изданій С. Дороватовскаго и А. Чарушикова.** Спб. 1903.
- 11) **Д-ръ Э. Бернадскій.** Медицина, врачи и публика. Переводъ съ польскаго *д-ра С. К. Лешкевича*. М. 1903.

Издатель прив.-доц. **Г. Н. Рахмановъ.** Редакторъ проф. **Н. А. Умовъ.**

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

RENEWALS ONLY -	Tel. No. 642-3405
~~JUN 10 1968~~	
AUG 9 '68 - 2 PM	
LOAN DEPT.	
PHOTOCOPY JUN 30 '87	
SENT ON ILL	
DEC n 7 1993	
U. C. BERKELEY	

LD 21A-10m-1 '68
(H7452s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

